

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2020. — № 1. — 230 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2020. – № 1. – 230 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Багдасарян В. Э. КОГНИТИВНЫЕ МАТРИЦЫ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ НОВОГО ТИПА	9
Быков И. А., Медведева М. В. МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	24
Володенков С. В., Ромашкина А. Б. ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	33
Федорченко С. Н. ЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ, ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И «МЯГКОЙ СИЛЫ»	41
Белов С. И., Кретова А. А. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК РЕСУРС РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СКРЫТЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)	55

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тихомиров Н. В. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО В 1930-Е ГГ.	64
Тетерин П. В. РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	73

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Дадян Л. Г. КОНГРЕСС США И КОНЦЕПЦИЯ «ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕВРОПЫ»: 1950-Е ГГ.	83
Курков Н. В. ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ХОР С. А. ЖАРОВА В АМЕРИКЕ: 1930-Е ГГ. (РУССКИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)	91
Эмирханов И. А. ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ В ПОВЕДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА» НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)	98
Григоренко О. Н., Копсергенова А. М. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ	108

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Соловьев К. А. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА Г. ДМИТРОВА: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СТРОИТЕЛЬСТВА	116
---	-----

Коротков В. О. ПОЛКИ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ» И ИХ КОМАНДИРЫ ПОСЛЕ ГОСУДАРЕВА ПОХОДА 1655 Г. 127	
Косиков А. Н. К ВОПРОСУ О ТЮРЕМНОМ СТАРОСТАТЕ, КАК ОБ ЭЛЕМЕНТЕ САМОУПРАВЛЯЕМОСТИ ПОСЛЕ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1870-Х ГГ. 134	134
Ефимов А. А. РОЛЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА В СОЗДАНИИ РЕЗИДЕНЦИИ «МИХАЙЛОВСКАЯ ДАЧА» 141	141
Зинуров Р. Н. БОЛЬШЕВИКИ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС – ТАКТИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ 153	153
Королев М. А. РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАХ СССР В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 1920–1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ГЛАЗОВА ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ) 165	165
Ларионов А. Э., Дворковая М. В. ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 2)..... 174	174
Горлов В. Н., Бокарев В. В. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ»: СТРАНИЦЫ МНОГОВЕКОВОЙ ИСТОРИИ 183	183

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ханалиев Н. У. ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 187	187
Давыдова Ю. А., Кишкурно Т. В., Кузько А. Е. ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ЧАСТЬ ИНСТРУМЕНТАРИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США 199	199
Пупышева М. В. ИСПАНОФОНИЯ КАК РЕСУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ 206	206

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДЖОЗЕФ КЛАРК ОБ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ 214	214
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Волохов В. И. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СУРГУЛАДЗЕ В. Ш. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ, СТРАТЕГИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. – М.: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГРУППА «С.Т.К.», 2019. – 652 С. СЕРИЯ «МИР В СЕТЯХ ИДЕОЛОГИИ»..... 224	224
---	-----

CONTENTS

NEW POLITICAL TECHNOLOGIES AND THE INFORMATION SECURITY OF RUSSIA

V. Bagdasaryan. COGNITIVE MATRICES OF MANIPULATION TECHNOLOGIES IN WARS AND REVOLUTIONS OF A NEW TYPE	9
I. Bykov, M. Medvedeva. MEDIA LITERACY AS PART OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM.....	24
S. Volodenkov, A. Romashkina. INTERNET COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A TOOL OF AFFECTING MODERN GOVERNMENTAL INSTITUTIONS: CURRENT CHALLENGES	33
S. Fedorchenko. THE IMPORTANCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE POLITICAL REGIME OF RUSSIA: PROBLEMS OF LEGITIMACY, INFORMATION SECURITY AND SOFT POWER	41
S. Belov, A. Kretova. COMPUTER GAMES AS A RESOURCE OF THE POLITICS OF MEMORY: PRACTICAL EXPERIENCE AND HIDDEN OPPORTUNITIES (BASED ON GAMES REPRESENTING WORLD WAR II EVENTS).....	55

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Tikhomirov. IDEOLOGICAL AND POLITICAL ASPECT OF DEBATES AROUND M. N. POKROVSKY'S HISTORICAL CONCEPT IN THE 1930 ^s	64
P. Teterin. RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS ON THE CAUSES OF THE COLD WAR (HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)	73

General History

L. Dadyan. THE UNITED STATES CONGRESS AND THE CONCEPT OF EUROPE LIBERATION: THE 1950 ^s ...	83
N. Kurkov. DON COSSACK CHOIR OF S. A. ZHAROV IN THE USA: THE 1930 ^s (CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT OF THE RUSSIAN 20 TH CENTURY).....	91
I. Emirkhanov. MANIFESTATION OF DEVIANT BEHAVIOUR IN THE USSR AND GERMANY IN THE CONTEXT OF FOOD SHORTAGES DURING WAR (1941–1945).....	98
O. Grigorenko, A. Kopsergenova MAIN ASPECTS OF CULTURAL INTERACTION BETWEEN CHINA AND RUSSIA	108

Native History

K. Solovyov. HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE CATHEDRAL OF THE ASSUMPTION IN DMITROV CITY: THE PROBLEM OF CONSTRUCTION DATING	116
V. Korotkov. NEW ORDER REGIMENTS AND THEIR COMMANDERS AFTER THE SOVEREIN'S CAMPAIGN OF 1655	127

A. Kosikov. PRISON WARDEN AS AN ELEMENT OF SELF-GOVERNMENT AFTER THE PRISON REFORM OF THE 1870S.	134
A. Yefimov. THE ROLE OF GRAND DUKE MIKHAIL NIKOLAEVICH IN THE CREATION OF THE MIKHAILOVSKAYA DACHA RESIDENCE	141
R. Zinnurov. THE BOLSHEVIKS AND THE ARMENIAN QUESTION: TACTICAL AND STRATEGIC MISTAKES..	153
M. Korolev. DEVELOPMENT OF URBAN INDUSTRY IN USSR REGIONS DURING INDUSTRIALIZATION IN 1920-30 (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF GLAZOV, VOTSK AUTONOMOUS OBLAST)	165
A. Larionov, M. Dworcowa. IMAGES OF RUSSIAN HISTORY IN SOVIET PROPAGANDA DURING WORLD WAR II (PART 2)	174
V. Gorlov, V. Bokarev. THE NATIONAL PARK LOSINY OSTROV: A CENTURIES-LONG HISTORY	183

POLITOLOGY

N. Khanaliyev. US – IRAN RELATIONS: CURRENT ISSUES AND CHALLENGES	187
Y. Davydova, T. Kishkurno, A. Kuzko. ATTRACTIVENESS OF THE AMERICAN WAY OF LIFE AS PART OF US SOFT POWER	199
V. Pupysheva. HISPANOPHONY AS A RESOURCE OF SPANISH FOREIGN POLICY	206

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

JOSEPH CLARK ON THE HISTORY AND THEORY OF REVOLUTIONS.....	214
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

V. Volokhov. MILITARY, POLITICAL, SOCIO-CULTURAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF WORLD POLITICS. REVIEW OF THE BOOK: SURGULADZE V. SH. WORLD POLITICS IN THE MIRROR OF POLITICAL SCIENCE ANALYSIS: POLITICAL PROCESSES, IDENTITY POLITICS, STRATEGY AND TECHNOLOGY. – M.: «S.T.C.» ANALYTICAL GROUP, 2019. – 652 P. BOOK SERIES “THE WORLD IN THE NETS OF IDEOLOGY”	224
---	-----

ТЕМА НОМЕРА: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23

КОГНИТИВНЫЕ МАТРИЦЫ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ НОВОГО ТИПА

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи в систематизации технологий политических манипуляций массовым сознанием в рамках выдвигаемого положения о когнитивных войнах.

Процедура и методы исследования включают анализ применяемых манипулятивных технологий на основании теоретических разработок по проблематике войн и революций нового типа, управления массовым сознанием, а также практик современного политического противоборства. Методологической основой проводимого анализа являлся аксиологический подход, в рамках которого технологии манипуляции рассматривались как производное от парадигмальных (ценностно-целевых) оснований политических конфликтов.

Результаты проведённого исследования содержат доказательство выхода современных политических конфликтов на уровень противоборства когнитивных матриц и систематизации технологий манипуляций как поражения матричных оснований сознания противника.

Теоретическая/практическая значимость определяется осмыслением феномена войн и революций нового типа в рамках понятия «когнитивная война», и в возможностях использования при реализации задач повышения национальной безопасности России в рамках противодействия технологиям когнитивного воздействия со стороны потенциальных противников.

Ключевые слова: когнитивная война, когнитивная матрица, манипуляция массовым сознанием, политические технологии, образ врага, политический миф.

COGNITIVE MATRICES OF MANIPULATION TECHNOLOGIES IN WARS AND REVOLUTIONS OF A NEW TYPE

V. Bagdasaryan

Moscow State Region University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To examine manipulation technologies used in wars and revolutions of a new type, as well as to generalise existing technologies of political manipulation of mass consciousness drawing on the author's concept of cognitive wars.

Procedure and research methods. Widely used manipulation technologies were analysed on the basis of theoretical developments concerning wars and revolutions of a new type, mass control, and modern political conflicts. The methodological basis of the analysis was an axiological approach, in which manipulation technologies were considered as a derivative of the paradigmatic (value-targeted) foundations of political conflicts.

Results: It is shown that modern political conflicts exist on the level of cognitive matrices, implying that, using manipulation technologies, conflicting parties strive to affect and transform the consciousness of their opponents. The empirical data were illustrated by examples of manipulation of the population's consciousness during the demise of the USSR.

Theoretical / practical relevance. The paper analyses wars and revolutions of a new type in the context of the 'cognitive war' concept. The findings can be useful for solving state tasks directed at increasing the national security in terms of counteracting cognitive manipulations from potential adversaries.

Keywords: cognitive wars, cognitive matrices, mass consciousness manipulation, political technology, image of the enemy, political myth

Актуальность запроса на исследование когнитивных матриц в войнах нового типа

За последние годы тематика войн и революций нового типа преодолела в отечественном политологическом пространстве порог маргинальности и вышла на уровень самостоятельного научного направления. Дальнейшее ее развитие видится в уточнении методологических подходов как к контенту, так и базовому категориальному аппарату.

Широко применяемые в настоящее время в отечественной политологической литературе понятия «информационные войны» и «информационно-психологические войны» для раскрытия сущности методологии ведения войн нового типа представляются инструментально полезными и сыгравшими свою роль в раскрытии темы, но в полной мере недостаточными [7; 8; 11; 14; 23; 25; 26; 28; 29; 30;

31; 32; 35; 36; 38; 41]. Противоборство, безусловно, ведется на уровне информации, и, в отличие от классических войн, войны этого типа имеют преимущественно не физическую, а психологическую направленность. Но такая дефиниция не позволяет увидеть главного противоборства на уровне когнитивных матриц. Информация подчиняется этим матрицам и структурируется на их основе. Борьба идет в конечном итоге в координатах смысловых парадигм. В этом отношении, не отменяя понятия «информационно-психологическая война», целесообразно использовать также понятия «когнитивные войны». Цель таких войн – не просто подавить волю противника, но подчинить его сознание. Распад Советского Союза, как следствие поражения в «холодной войне», явился в сути своей поражением в войне когнитивной, тогда как в других составляющих соперниче-

ства с Западом проигрыш СССР не был очевиден. Понятия «когнитивная война» и «когнитивное оружие» уже прошли апробацию в политологическом дискурсе, показав значимые потенциалы для объяснения происходящих политических процессов [4; 34; 37; 48, с. 301–322].

Информация сама по себе еще не является средством политической борьбы. Для того чтобы она стала таковой, она первоначально интерпретируется тем или иным образом. Далее интерпретированная информация генерализируется, то есть обобщается, будучи подведена под общую типологию или закономерности. Наконец, происходит встраивание ее в исходную когнитивную матрицу. Собственно, современная политическая борьба и есть борьба различных когнитивных матриц. Тот, кому удастся распространить свою матрицу и разрушить матрицу противника, и одерживает в итоге победу. Все технологии производны от матричных оснований и подчинены установке обеспечения доминанты матрицы.

В этом отношении собственно информационного уровня осмысления борьбы недостаточно. Необходимо наличие понимания борьбы на уровне концептуальном и парадигмальном, что, собственно, и составляет матрицу сознания. Но, к сожалению, эти уровни борьбы не осмыслены пока и методологически не проработаны в должной мере. Цель проводимого рассмотрения как раз и заключается в проведении такой общей проработки на предмет соотношения технологий манипулирования массовым сознанием с моделью когнитивных войн нового типа.

Теория и практика манипуляции массовым сознанием в контексте войн и революций нового типа имеет широкий корпус научной и публицистической литературы. Особое место в развитии темы принадлежит книге С. Г. Кара-Мурзы, благодаря которой соответствующее понятие и получило распространение в отечественном политологическом дискурсе

[16]. Однако приходится констатировать, что технологии манипулирования все еще нуждаются в систематизации и классификации [13]. Главной же проблемой в раскрытии темы является реконструкция связи технологий с парадигмами. В представленном исследовании этот уровень определяется как когнитивный.

Методологическую основу исследования составил аксиологический подход в объяснении социальных процессов, получивший развитие в рамках соответствующей научной школы Московского государственного областного университета. Сообразно с ним технологии (в данном случае технологии манипулирования массовым сознанием) являются производными от ценностей и целей субъекта управления, выступая в качестве средств управленческой реализации [6].

Приемы манипуляций в политической коммуникативистике

Различные приемы манипуляций в политической коммуникативистике используются столь же давно, сколь давно существует сама политическая коммуникация. Наиболее распространены следующие манипулятивные приемы: негативные коннотации; универсальность высказываний; генерализация отдельных прецедентов; использование неопределенного референтного индекса («как известно ...»); оперирование эмоционально-оценочными понятиями вместо нейтральных; применение модальности долженствования; размытость критерия оценки; ложные метафоры, не относящиеся к сути раскрываемой проблемы; апелляция к общепринятой норме; коммуникативный саботаж и др. Фактически все перечисленные приемы используются сегодня, в частности, в антироссийской исторической пропаганде. Так, к примеру, размытость критерия оценки позволяет преподносить репрессии в российской истории как некую патологию на мировом фоне, а прецеденты драматических событий представлять в качестве

парадигмальных характеристик прошлого России.

Технологии деконструкции картины мира

Общая схема манипуляции массовым сознанием может выстраиваться на основании двух базовых подходов – с опорой на картину мира манипулируемого сообщества и при ломке этой картины мира. Начинается и в первом и во втором случае с анализа существующей картины мира, ее матричных оснований. При реализации первого подхода должен быть сформирован контент, соотносимый с мировоззренческой матрицей манипулируемой группы. Противоречие с ней будет обрекать все дальнейшие усилия на неудачу. Из этого контента следуют два идентификационных посыла. Один посыл состоит в поощрении идентичности, психологическом комплименте единомышленника, формулировке «мы – свои». Второй посыл, сообразно с этой схемой, заключается в определении образа врага, проведении в отношении всего связанного с ним негативных коннотаций. Далее уже осуществляется переход к практической политике – моделируется событие, встраиваемое в мировоззренческую систему координат мира, разделенного на своих и чужих. Состоявшееся событие получает, наконец, информационное закрепление. Информация, таким образом, нанизывается на парадигмальную когнитивную матрицу сообщества. Но для начала эта матрица должна быть выявлена.

Именно в этой схематической развертке осуществлялась борьба с СССР на ранней перестроечной фазе. Первоначально информация встраивалась в советскую систему ценностей, с опорой на веру в социализм и сакральность фигуры Ленина. Это обеспечивало принятие народом многого из того, что впоследствии было обращено против системы. На поздней стадии перестройки использовался уже второй подход, состоящий в ломке

мировоззренческой матрицы манипулируемой группы [3].

Второй манипулятивный подход заключается в осуществлении смены мировоззренческой парадигмы. Очевидно было, в частности, что при сохранении советской мировоззренческой системы и системы идентичности демонтаж социализма и ликвидация СССР будут невозможны и, соответственно, для их осуществления требовалось первоначально разрушить советскость на уровне мировоззрения. На первом этапе разворачивается процесс целевой эрозии прежней картины мира. Это достигается через приемы фрагментаризации большого нарратива; нивелировки главного и акцентировки деталей; усилении внутренних ценностных противоречий; создании противоречий идентификаторов.

Смешение главного и второстепенного в системе объективно приводит к тому, что отдельные элементы системы, как на уровне ценностей, так и идентификаторов, вступают в противоречие друг с другом. В итоге подпорки мировоззренческой системы подтачиваются, но она еще стоит на прежних конструкциях, внешне производя впечатление монолита. Такое впечатление производил на многих и поздний СССР. Для обрушения же самих конструкций требуется непосредственное целевое торпедирование прежней картины мира. Такое торпедирование в отношении СССР («первый залп») было предпринято во время журнальной исторической кампании в связи с семидесятилетием Октябрьской революции. Результатом произведенного торпедирования является когнитивный шок, следствием которого является отказ от прежней мировоззренческой системы. Формируется в итоге новая картина мира и новая идентичность.

Технологии формирования образа врага

Любая система предполагает наличие образа врага. Этот образ используется

в качестве мотиваторов для политического действия. При отсутствии врагов реальных образ врага конструируется искусственно [19]. Исходной основой соответствующей технологии является идентификация зла в существующей системе координат соответствующей общности. Зло, как базовая противоположность добра, имеется в любой общности и связано с социогенезом. Находятся, далее, нормативные, закрепленные в общественном сознании образы зла. Далее – в отношении сил или персон, которые предполагается определить в качестве врагов, проводятся аналогии с установленными образами нормативного зла. Первоначально эти аналогии носят характер метафор, но затем и прямого уподобления. И вот конструируемый образ врага готов, будучи идентифицирован в качестве нового выражения зла.

Важным является показать, что это зло – не отвлеченное, а представляет практическую угрозу для каждого представителя общности персонально, выступает как анти-Я. Итог – общность борется с номинированным новым врагом, прочитываемым в качестве эманации онтологического зла. В этом отношении категории добра и зла, неоправданно выхолощенные сегодня в отечественном политологическом дискурсе, являются категориями не только политической метафизики, но и реальной политики [45].

Пример использования технологии маркировки врага на основе встраивания образа противника в когнитивную матрицу зла дает, в частности, распространение теории тоталитаризма. Суть теории состояла в уподоблении друг другу советского и нацистского режимов. Нацизм был осужден Нюрнбергским трибуналом и определен международным сообществом как зло, крайняя форма проявления человеконенавистничества. С началом «холодной войны» главным врагом для Запада оказывался уже СССР и позитивное отношение к нему в массовом сознании народов мира должно

было быть вытеснено негативным отношением. Это и обеспечивала отчасти теория тоталитаризма. Суть ее состояла в уподоблении советского коммунизма германскому нацизму. На СССР переносилась маркировка в качестве субъекта зла, вначале – подобного по определенным аспектам, а далее – тождественного ему. В итоге же ввиду того, что Германия прошла очистительную процедуру денацификации, Советский Союз представал уже как главное зло. Когда же пала коммунистическая идеология, матрица тоталитарности была перенесена на Россию, и именно она стала выдаваться в качестве фактически главного врага «свободного мира» [1; 2; 39; 40].

Технологии воздействия на сферу бессознательного

Открытие сферы бессознательного позволило вывести технологии манипулирования человеком на принципиально новый уровень возможностей. Манипулировать сознанием человека или группы теперь стало возможным не через воздействие на само сознание, а опосредованно – через бессознательное. Вместо убеждения включался механизм латентного программирования. В этом отношении Карла Юнга можно считать создателем методологии, положенной в дальнейшем в основание войн и революций нового типа.

За пластом сознания, сообразно с юнговской методологией, находятся личное, родовое и коллективное бессознательное, а также самость – глубинное ядро личности. Личное бессознательное активируется при использовании в манипулятивных целях комплексов неполноценности и превосходства человека, полученных им психологических травм. При выходе на уровень родового бессознательного целевое воздействие происходит на поколенчески передаваемую память предков, при погружении до глубин коллективного – на базовые архетипы. Психоанализ говорит также о феномене «тени», как

запретных для человека желаний, вытесняемых сознанием в силу их запретности, в глубинные посты бессознательного. Но при манипулятивных задачах, в частности, при провоцировании революционного взрыва, запретные желания могут быть целевым образом пробуждены [46; 47].

Технологии борьбы за культурную гегемонию

Наряду с Юнгом принципиальное значение в развитии методологии манипулирования массовым сознанием в политических целях сыграл Антонио Грамши. Принадлежность его к марксистскому направлению не отменяет возможность использования грамшианской методологии в реализации целевых установок с позиций иных идеологий. Так, воспринявшие идеи итальянского теоретика сторонники движения «новых правых» часто позиционируют себя как «грамшианцы справа» [15]. Суть теории Грамши состоит в том, что политическая борьба есть в сути своей борьба за культурную гегемонию. Борьба за культурную гегемонию ведется по всему пространству бытия человека – на уровне литературы, апелляций к истории, моды, спорта, бытовых разговоров, анекдотов и т. п. Итог – обеспечение легитимности одних политических сил и делегитимизация других. Захват власти остается важнейшей составляющей борьбы, но только как технологический акт, подготовленный системной пропагандой в сфере культуры [10].

Эти положения Грамши, безусловно, модернизировали марксизм, демонстрируя факторное значение того, что определялось в марксистской традиции в качестве надстройки. Однако принципиальное значение пропаганды признавалось и классиками марксизма. В духе грамшианской методологии звучит, например, высказывание В. И. Ленина, сделанное им в 1905 г.: «Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» [21, с. 159].

В практическом смысле для политических акторов применение грамшианской методологии означает решение задачи доминанции в общественном дискурсе. Кто контролирует дискурс, тот формирует повестку дня. Кому удастся установить свой контроль над формированием повестки дня, тот определяет принятие политических решений. Контроль за принятием решений – это и есть собственно политическая власть.

Технология расширения рамок допустимого

Технология расширения рамок допустимого еще задолго до представления ее в 1990-е гг. вице-президентом Маккинакского центра публичной политики Джозефом Овертоном использовалась в реалиях межгосударственной политической борьбы, и в частности, в борьбе против СССР. Технология построена на включении в пространство возможного элементов, которые исходно в ней считаются немислимыми. Постепенно элементы легитимизируются, вырастают в систему, подменяют ее базовые основания, и в итоге она разрушается. Особенность технологии, получившей название «окна Овертона» состоит в том, что на начальном этапе система не критикуется, так как критика не будет воспринята подавляющим большинством адептов.

Разве восприняли бы советские граждане критику социализма, если бы реформаторы начали с нее? Напротив, в рамках демонстрируемой приверженности социализму развертывалась критика «буржуазных концепций». Но эти концепции, первоначально заклеянные, включались в информационное пространство. Именно из «критики» и получали изначально советские граждане информацию об антисоветском дискурсе. Далее степень критичности ослабевала, начинали высказываться предположения, что оппоненты правы. И как итог переход к позиции – безусловно правы они. В концепции «окон Овертона» последовательность

расширения пространства допустимого – «открытия окна» выражалась следующим алгоритмом – немыслимое, радикальное, приемлемое, разумное, и, наконец, стандартная, действующая норма [9].

Технологии навязывания коллективного мнения

Матрица восприятия человеком окружающего мира может формироваться как за счет принятия стандартов коллективного мышления, так и принятия позиции «критически мыслящих личностей» – разрушителей стереотипов. Обе технологии – навязывания коллективного мнения и взрыва групповых подходов за счет атаки активных критиков используется при манипулировании массовым сознанием. Два психологических эксперимента – исследование Соломона Аша и исследование Сержа Московичи раскрывают различные стороны этой проблемы. Эксперимент Аша показывал влияние нормативной позиции большинства на принимаемые человеком мнения и решения. Эксперимент Московичи показывал возможности манипулятивного влияния активного меньшинства.

Первый эксперимент получил свое наименование по имени американского психолога, уроженца Польши, заведующего кафедрой психологии в знаменитой Новой школе социальных исследований, позиционируемой как Университет в изгнании, организованной для ученых, вынужденных эмигрировать из Европы в период нацизма по политическим и национальным мотивам. Эксперимент был проведен Ашем в 1951 г., и его результаты описаны им в сборнике «Группы, лидерство и люди». Тема лидерства являлась, таким образом, в эксперименте ключевой. Для испытания приглашалось 8 человек будто бы для проверки зрения. В действительности семеро из восьмерых участников эксперимента являлись помощниками экспериментатора и только один был испытуемым. Ложные испытуемые давали при опросе заранее неверный

ответ, и проверялось, насколько настоящий испытуемый будет подвержен влиянию коллективного мнения. Вопрос был простейшим – определить длину нарисованных отрезков, и не предполагал, казалось бы, особых сомнений. Тем не менее 75% настоящих испытуемых меняли свое мнение на мнение коллективное. В тех же случаях, когда подставные участники эксперимента давали разные ответы, процент ошибок со стороны настоящих испытуемых принципиально снижался [49].

Эксперимент Аша показывал, что большинство людей склонны ориентироваться на мнение коллектива даже в том случае, если оно расходится с собственным восприятием. Коллективу люди доверяют больше, чем самим себе. Соответственно, мнение, представляемое через СМИ, в том числе при апелляции к социологическим замерам, в качестве позиции большинства будет восприниматься индивидуумом чаще всего в качестве своего. В применении к политическим технологиям эта констатация дает неограниченные возможности для выступлений владельцев ресурсов от имени большинства. Внутри государства – с позиций «большинства граждан», на мировом уровне – с позиций «международного сообщества».

Технологии навязывания мнения авторитетов

Один из наиболее известных учеников Аша Стенли Милгрэм продолжил на базе Йельского университета исследования по установлению влияния внешних социальных факторов на сознание человека. Но если эксперимент Аша был сосредоточен на выявлении влияния коллективного сознания, то эксперимент Милгрэма – влияния авторитетов. Эксперимент состоял в применении «учителями» наказания ученикам током за каждый неправильный ответ. Каждая новая ошибка повышала, по версии экспериментатора, напряжение в сети, а соответственно, получаемый болевой шок у учеников. Тока

на самом деле не было, но игравшие роль учеников актеры делали вид, что испытывали боль при получении ударов. Однако страдания не останавливали «учителей», и они в большинстве ориентировались на установку экспериментатора повышать силу напряжения.

Эксперимент был остановлен на уровне 450В, которого достигли 65% «учителей», готовых идти и дальше. Когда увеличивать ток требовал не экспериментатор, а один из группы испытуемых, ни один из других испытуемых на кнопку тока не нажимал, что подтверждало именно ориентацию на авторитет [51].

Эксперимент был повторен впоследствии другими группами экспериментаторов с несколько отличными условиями, но результат не изменился. Применительно к развитию технологий манипуляции массовым сознанием эксперимент Милгрэма доказывал установку мышления большинства населения на авторитеты. Проведение его в США опровергало представление о том, что автократичность сознания есть исключительная черта России или стран Востока. Практически полученные результаты указывали, что для управления массовыми настроениями целесообразно использование суждений авторитетов; или создание искусственных авторитетов, если таковые в обиходе группы манипуляторов отсутствуют. На феномене авторитарного сознания выстраивается, в частности, функционирование тоталитарных сект.

Технология «подавляющего меньшинства»

Серия экспериментов, объединенных общим понятием «подавляющее меньшинство», была проведена в 1969 г. под руководством известного французского психолога Сержа Московичи. Полученные результаты, на первый взгляд, диссонировали с результатами эксперимента Соломона Аша. Испытуемым показывали диски зеленого и голубого цветов, а «подсадные» участники эксперимента – мень-

шинство пытались повлиять на мнение группы, настаивая на принятии неверного ответа. Результатом проведенного эксперимента было то, что меньшинство действительно повлияло на мнение большинства вопреки собственным ощущениям индивидуумов и доминирующей коллективной позиции [50; 52].

Последующий анализ результатов эксперимента привел к выводам, что пропаганда со стороны меньшинства оказывается успешной, во-первых, при активном, до экзальтации и фанатизма, отстаивании им своей позиции, демонстрации абсолютной убежденности в правоте; во-вторых, при наличии хотя бы одного «перебежчика» со стороны группы большинства, наличия в нем потенциальных «диссидентов» – лиц, склонных к самовыражению через несогласие с доминирующим взглядом; в-третьих, при общем временном контексте ревизии устоявшихся взглядов (время проведения экспериментов Московичи было периодом студенческих беспорядков во Франции и волны неповиновений власти, охватившей значительную часть мира). Все эти выводы указывали, что мнение большинства может быть изменено при наличии активной и сплоченной группы меньшинства, атакующей коллективные позиции в качестве «лживых» или «устаревших». Выводы Московичи в этом отношении не отменяли результаты эксперимента Аша: большинство при монотонном процессе ориентируется на позиции большинства, но может быть выведено легко из состояния равновесия в ситуации трансформаций и при наличии целевого воздействия на его сознание со стороны группы одержимых пропагандистов.

Технологии средового влияния

Важное дополнение в определение влияния на сознание человека внешних общественных сред привнесла выдвинутая немецким политологом и социологом Элизабет Ноэль-Нойман концепция «спирали молчания». Сообразно с ней,

человек в большинстве случаев руководствуется страхом оказаться в изоляции к обществу. Он в определении своей позиции должен учитывать то, как она соотносится с позицией окружающих, дабы не подвергнуться бойкоту и ostracism. В соответствии с этой установкой он воздерживается от суждений и действий, которые идут вразрез с представлением о должном со стороны окружения. Индивидуум, как правило, молчит в тех случаях, когда высказываемое суждение вступает в диссонанс с системой представлений окружения. При активной стратегии он совершает поступки и делает высказывания, ориентируясь, прежде всего, на одобрение со стороны окружающих. Механизм одобрения/осуждения оказывается на практике весьма важным инструментом манипулирования массовым сознанием. При этом надо учитывать, что общественная среда формируется из многих ниш. Помимо непосредственного окружения человека, выделяются также ниши влияния общества в целом, средств массовой информации, социальных сетей, экспертов и др. [27].

При этом человек может находиться одновременно в различных, имеющих зачастую противоречащие ценностные позиции средах. Одобрение или осуждение с позиций одной среды для него оказывается более значимым фактором, чем с позиций другой. Человек может ориентироваться на мнение, позиционируемое как мнение большинства общества. Но возможна и такая ситуация, при которой межличностная поддержка группы, оппонировавшей большинству, для него может оказаться более значимой. С этой точки зрения ключевое значение имеет вовлечение человека в среду, с которой бы он в качестве окружения и идентифицировал бы себя. Одобрение/осуждение с позиции, идентифицируемой в качестве своей среды, и является в конечном итоге инструментом манипулятивного управления сознанием человека.

Технологии смены контекста

Классические гуманитарные науки опирались на текст, представлявший основной вид источника. Можно сказать, что культура модерна в этом смысле являлась культурой текстовой. В постклассической науке акцент переносится с текста на контекст. Обращается внимание, что при константности текста его смысловое содержание в случае смены контекста окажется изменено. Соответственно, в политическом преломлении такую смену можно осуществлять целевым образом [20].

Политические технологии смены контекста в настоящее время широко используются в информационных войнах. Технологический алгоритм соответствующих операций включает два этапа – деконтекстуализации и реконтекстуализации. Первоначально текст деконтекстуализируется, то есть выводится из пространства связанного с ним контекста. На следующем этапе он реконтекстуализируется, будучи соединен с новым контекстом, несущим семантику, желаемую для проектировщика.

Технологии повтора ключевых идеологем

То, что повтор идеологем играет зомбирующую по отношению к массовому сознанию роль, было известно давно. Фразой «Карфаген должен быть разрушен» Марк Порций Катон заканчивал, как известно, все свои речи. И благодаря его речам римское общество морально готовилось к войне, которая в итоге и началась в последний год жизни Катона. Метод повтора ключевых императивных положений активно использовался впоследствии в геббельсовской пропаганде. Когда из текста в текст следует повтор императивных призывов или маркирующих констатаций, то с течением времени это входит в сознание слушателя или читателя, вначале как знакомая формула, потом – принимаемая, потом – собственная, самоочевидная позиция [18].

Технологии символической маркировки

Важное место в манипулятивных технологиях занимают приемы символической маркировки. В политических конфликтах используется преимущественно язык символов. Сам по себе переход на язык символов является первым этапом развертки технологии символической маркировки. Далее символы дифференцируются на те, которые имеют позитивную и негативную коннотации. Когда такая дифференциация проведена, то формируется, сообразно с терминологией Ю. М. Лотмана, политическая семиосфера [22]. Она может быть выстроена на основе властного дискурса, оппозиционного и антисистемного (последний соотносится с понятием «подпольная семиосфера») [24]. Манипуляции массовым сознанием далее выстраиваются как игра символов. При необходимости рациональное в данном случае отключается, а символы складываются проектировщиками в желаемые «матричные мозаики» [5].

Технологии политической мифологизации

Политическая манипуляция массовым сознанием имманентно сопряжена с политической мифологией. Существует два основных подхода к раскрытию феномена мифа. Сообразно с первым миф есть вымысел, заведомая неправда. В этом своем качестве он всегда использовался как инструмент политической пропаганды. Но в раскрытии нашей темы более важна другая традиция раскрытия феномена мифа, – как особого образно-аллегорического типа мышления. Мифология в этом значении выступает фактически матричной основой формирования политических систем. Для большинства населения в рамках любого социума характерна доминанта наглядно-образного мышления, а соответственно, мифологическое мировосприятие. Мифологическое мировос-

приятие не было упразднено со сменой исторических эпох, но лишь трансформировалось за счет модификации мифов, замены одних мифологем другими. Через мифы в рамках политических систем осуществляется: легитимизация институтов; обоснование государственного единства; манифестация мы-идентичности; сакрализация фигур вождей, лидеров; предъявление образов героев, врагов, предателей; установление запретов, введение табу; обеспечение ритуалов политического участия; заявление своего отношения к прошлому и будущему.

Любой властный режим опирается на общественные мифы, которые, в свою очередь, сопряжены с символической матрицей социума, а та, в свою очередь, – с коллективным сознанием и коллективным бессознательным. Задача государства состоит в воспроизводстве соответствующей мифологии. Его противники будут, напротив, стремиться подорвать мифологическую матрицу. На первом этапе реализуемая ими установка – демифологизация, которая есть подрыв существующей политической системы. Потенциальный успех операции демифологизации связан с тем, что любая система по своим базовым основам мифологична. На втором этапе реализуется операция ремифологизация как технология смены одной политической идентичности на другую. Необходимость второго этапа заключается в том, что без мифов, исключительно на парадигме рационального сознания, сфера политического невозможно [33; 41].

Технологии политического спектакля

Режиссура политического процесса часто раскрывалась посредством метафоры театра. Уподобление театру являлось не просто фигурой речи. Уже в теории экспериментального революционного театра стиралась грань между сценой и миром. Значительный вклад в перенос метафоры театра в реалии управления обществом внес Ги Дебор, чьи методологические под-

ходы сыграли, в частности, заметную роль в режиссуре студенческих беспорядков во Франции 1968–1969 гг. [12].

Мир, с одной стороны, переносится на сцену, а театр, с другой, переносится на жизнь. Театральное действие характеризуется наличием режиссёрской постановки, распределением ролей, сценарным замыслом. Перенос этих условий на жизнь означает встраивание политического процесса в определенную сценарную логику с определенными ролевыми функциями. Принятие сценарной логики оппонентом означает его проигрыш в политической борьбе, так как он уже играет по чужому сценарию и часто по чужим правилам. Кто же устанавливает правила игры, тот в итоге и выигрывает. Соответственно, вопрос когнитивной борьбы есть вопрос об установлении своих правил и продвижении своего сценария.

По общей сценарной логике развертывались фактически все «цветные революции», свидетельствуя тем самым о наличии сценарного замысла и единых методик исполнения. В качестве детонатора выступления использовалось, как правило, обвинение в нарушении демократических принципов, чаще всего фальсификация выборов. Первоначально собирается масштабная, позиционируемая как мирная, протестная манифестация. Манифестанты объявляют о бессрочности своей акции, не расходятся и разбивают палаточный городок. Через оппозиционные СМИ проводится усиленное нагнетание ощущения угрозы подготавливаемого властью разгона демонстрантов. Сама же власть, не желая компроматации, воздерживается в действительности от применения силы против мирной демонстрации. Но это бездействие трактуется как ее нерешительность и сила оппозиции, что оборачивается потерей властью морального авторитета. Кровь же в итоге все равно проливается. Для этого еще со времен «бархатной весны» в сценарий оказываются включены стреляющие по своим провокаторы. По-

сле пролития крови разворачивается скоординированная информационная атака, изобличающая «кровавый» властный режим. Власть оказывается в полной растерянности и теряет контроль над ситуацией. Властные институты фактически парализуются. Между тем манифестанты атакуют властные структуры, захватывают здания. На этом этапе мирная акция уже теряет свой исходно ненасильственный характер и идет не по схеме ненасильственных революций, описанной Дж. Шарпом [42; 43; 44]. Деморализованная власть допускает уступки, соглашается на переговоры с манифестантами, признавая их в качестве субъекта политического диалога. Оппозицией формируется новое правительство. Прежние лидеры государства спасаются бегством либо берутся под арест. Государственный переворот является состоявшимся: конец действия, занавес [4; 17].

Смысловое суверенное государствостроительство против технологий манипуляций

Манипулирование сознанием в контексте развития современных технологий есть уже недостаточная характеристика возможности манипулянтов. Речь сегодня идет уже не о манипулировании, а о зомбировании сознания. Зомбирование тем легче осуществляется, когда человек оказывается атомизирован, вырван из системы социальных связей и оказывается захвачен водоворотом обрушивающейся на него информации. Главным же условием возможности манипуляции и зомбирования является обесмысливание бытия человека, репрессинг в отношении смыслов. Формируется культура, в которой смыслы изгоняются, как нечто скучное, немодное, отвлеченное от жизни, архаическое. Молодежь отучается не то что думать, а думать на уровне фундаментальных вопросов бытия.

Борьба со смыслами велась первоначально через установку деидеологизации,

но на сегодня она сменилась установкой постидеологии. Отличие постидеологии от идеологии состоит в неартикулируемости базовых ценностей и идей, их нерелексивности. Базовые ценности и идеи существуют, но они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, не требующее специального осмысления. Постидеология предоставляет фактически безграничные возможности для зомбирования, поскольку метафизический уровень сознания населения в рамках постидеологической модели оказывается абсолютно отключен.

Противостоять, соответственно, манипулятивным технологиям возможно только на основе восстановления больших смыслов, что предполагает новый поворот в направлении идеологии. Опыт распада СССР наглядно показывает, как проигрыш на уровне когнитивных матриц имел ключевое значение в поражении в «холодной войне». Ресуверенизация без реидеологизации, как показывает проведенный анализ, невозможна.

Статья поступила в редакцию 11.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
3. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
4. Багдасарян В. Э. Мир под прицелом революции. СПб.: Питер, 2017. 319 с.
5. Багдасарян В. Э. Политическая символика. М.: Инфра-М, 2017. 221 с.
6. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М.: Инфра-М, 2018. 286 с.
7. Власенко И. С., Кирьянов М. В. Информационная война: искажение реальности. М.: Канцлер, 2011. 196 с.
8. Волковский Н. Л. История информационных войн: Т. 2 (XX век). СПб.: Полигон, 2003. 736 с.
9. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель-Observer. 2015. № 4 (303). С. 8–93.
10. Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. 422 с.
11. Гриньев С. Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004. 448 с.
12. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.
13. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: МГУ, 1997. 344 с.
14. Жаров М., Шевяков Т. Хроники информационной войны. М.: Европа, 2009. 48 с.
15. Иванов А. М. Новым правым тридцать лет, 11.02.2011 [электронный ресурс] // Культурное обозрение. – URL: <http://cultoboz.ru/9/186-2011-02-11-23-39-53> (Дата обращения: 30.12.2019).
16. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
17. Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А. Революции на экспорт. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. 298 с.
18. Кормилицына Е. Г. Йозеф Геббельс. Особенности нацистского пиара. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 288 с.
19. Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49–52.
20. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. М.: Академический проект, 2014. 295 с.
21. Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 9: Июль 1904 – Март 1905. М.: Политиздат, 1967. С. 151–159.
22. Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
23. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. 542 с.
24. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.

25. Мухин А. А. Информационная война в России. М.: Центр политической информации, 2000. 256 с.
26. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 264 с.
27. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Весь Мир, 1996. 352 с.
28. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 495 с.
29. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия. М.: Городец, 2004. 528 с.
30. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 264 с.
31. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 320 с.
32. Панарин И. Н., Панарина Л. Г. Информационная война и мир. М.: Олма-Пресс, 2003. 384 с.
33. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
34. Полтораков А. Ю. «Когнитивные войны»: парадигмальные трансформации политико-информационных противостояний // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях). Барнаул: Алтайский университет, 2012. С. 126–131.
35. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
36. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, 2000. 576 с.
37. Почепцов Г. Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. Харьков: Фолио, 2019. 313 с.
38. Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М.: СИНТЕГ, 2003. 408 с.
39. Работяжев Н. В. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М.: Наука, 2005. 326 с.
40. Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.
41. Шайгородский Ю. Ж. Политика: взаимодействие реальности и мифа. Киев: Знання України, 2009. 400 с.
42. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? // Философские науки. 1990. № 11. С. 78–83.
43. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
44. Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 30–39.
45. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
46. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
47. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2017. 352 с.
48. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.
49. Asch S. E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // Guetzknow H., ed. Groups, Leadership and Men. Pittsburgh, PA, Carnegie Press, 1951. P. 222–236.
50. Gardikiotis A. «Minority influence» // Social And Personality Psychology Compass. 2011. № 5 (9). P. 679–693.
51. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. P. 371–378.
52. Muscovites S., Zavallona M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychologists. 1969. № 12. P. 125–135.

REFERENCES

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.
2. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst Publ., 1993. 303 p.
3. Bagdasaryan V. *Antirossiyskiye istoricheskiye mify* [Anti-Russian historical myths]. St.-Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
4. Bagdasaryan V. *Mir pod pritselom revolyutsii* [The world under the gun of revolution]. St.-Petersburg, Piter Publ., 2017. 319 p.
5. Bagdasaryan V. *Politicheskaya simbolika* [Political Symbols]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 221 p.
6. Bagdasaryan V. *Tsennostnyye osnovaniya gosudarstvennoy politiki* [Value Foundations of Public Policy]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 286 p.
7. Vlasenko I., Kiryanov M. *Informatsionnaya voyna: iskazheniye real'nosti* [Information warfare: a distortion of reality]. Moscow, Kantsler Publ., 2011. 196 p.
8. Volkovskiy N. *Istoriya informatsionnykh voyn* [History of Information Wars], vol. 2 (XX c.). St.-Petersburg, Poligon Publ., 2003. 736 p.
9. Volodenkov S., Fedorchenko S. [Overton's window - a manipulative matrix of political management]. In: *Obozrevatel'-Observer*, 2015, no. 4 (303), pp. 8–93.
10. Gramsci A. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 422 p.
11. Grinyayev S. *Pole bitvy — kiberprostranstvo: teoriya, priyomy, sredstva, metody i sistemy vedeniya informatsionnoy voyny* [The Battlefield – Cyberspace: theory, methods, means, methods and systems of information warfare]. Minsk, Kharvest Publ., 2004. 448 p.
12. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 1999. 224 p.
13. Dotsenko E. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Defense]. Moscow, MGU Publ., 1997. 344 p.
14. Zharov M., Shevyakov T. *Khroniki informatsionnoy voyny* [Chronicles of the Information War]. Moscow, Evropa Publ., 2009. 48 p.
15. Ivanov A. [New Right thirty years, 11.02.2011]. In: *Kulturnoe obozrenie* [Cultural Review]. Available at: <http://cultoboz.ru/9/186-2011-02-11-23-39-53> (accessed: 30.12.2019).
16. Kara-Murza S. *Manipulyatsiya soznaniyem* [Consciousness manipulation]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p.
17. Kara-Murza S., Aleksandrov A., Murashkin M., Telegin S. *Revolutsii na eksport* [Revolution for export]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 298 p.
18. Kormilitsyna E. G. *Yozef Gebbel's. Osobennosti natsistskogo piara* [Joseph Goebbels. Features of Nazi PR]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2011. 288 p.
19. Kuz'minskaya S. [“Image of the enemy” in modern political mythology]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, no. 3, pp. 49–52.
20. Lebedev S., Kos'kov S. *Epistemologiya i filosofiya nauki: klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology and philosophy of science: classic and non-classic]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2014. 295 p.
21. Lenin V. [The Fall of Port Arthur]. In: Lenin V. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings], vol. 9 (1904 July to 1905 Mart). Moscow, Politizdat Publ., 1967, pp. 151–159.
22. Lotman Yu. *Semiosfera* [Semiosphere]. St.-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000. 704 p.
23. Manoylo A., Petrenko A., Frolov D. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [State Information Policy in the Information and Psychological War]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2012. 542 p.
24. Mogil'ner M. *Podelit'sya Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyy mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the “underground man”: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1999. 208 p.
25. Mukhin A. *Informatsionnaya voyna v Rossii* [Information war in Russia]. Moscow, Tsentr politicheskoy informatsii Publ., 2000. 256 p.
26. Novikov V. *Informatsionnoye oruzhiye – oruzhiye sovremennykh i budushchikh voyn* [Information weapons – weapons of modern and future wars]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2013. 264 p.

27. Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoye mneniye. Otkrytiye spirali molchaniya* [Public opinion. Opening the spiral of silence]. Moscow, Ves' Mir Publ., 1996. 352 p.
28. Veprintsev V., Manoylo A., Petrenko A., Frolov D. *Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Operations of the Information-Psychological War: A Brief Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2011. 495 p.
29. Panarin I. *Informatsionnaya voyna i diplomatiya* [Information war and diplomacy]. Moscow, Gorodets Publ., 2004. 528 p.
30. Panarin I. *Informatsionnaya voyna, PR i mirovaya politika* [Information war, PR and world politics]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2006. 264 p.
31. Panarin I. *Tekhnologiya informatsionnoy voyny* [Information war technology]. Moscow, KSP+ Publ., 2003. 320 p.
32. Panarin I. N., Panarina L. *Informatsionnaya voyna i mir* [Information war and peace]. M.: Olma-Press, 2003. 384 s.
33. Polosin V. *Mif. Religiya. Gosudarstvo: issledovaniye politicheskoy mifologii* [Myth. Religion. State: A Study of Political Mythology]. Moscow, Lodomir Publ., 1999. 440 p.
34. Poltorakov A. [Cognitive Wars: A Paradigm Transformation of Political-Information Confrontations]. In: *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Informatsionnyye voyny v mezhdunarodnykh otnosheniyakh)* [Modern Russia and the World: Development Alternatives (Information Wars in International Relations)]. Barnaul, Altayskiy universitet, 2012, pp. 126–131.
35. Pocheptsov G. *Informatsionnyye voyny. Novyy instrument politiki* [Information warfare. New policy tool]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.
36. Pocheptsov G. *Informatsionnyye voyny. Osnovy voyenno-kommunikativnykh issledovaniy* [Information warfare. Fundamentals of Military Communication Studies]. Moscow, Refl-buk Publ., 2000. 576 p.
37. Pocheptsov G. *Kognitivnyye voyny v sotsmedia, massovoy kul'ture i massovykh kommunikatsiyakh* [Cognitive wars in social media, mass culture and mass communication]. Khar'kov, Folio Publ., 2019. 313 p.
38. Prokof'yev V. *Taynoye oruzhiye informatsionnoy voyny: ataka na podsoznaniye* [Secret weapon of information warfare: attack on the subconscious]. Moscow, SINTEG Publ., 2003. 408 p.
39. Rabotyzhev N. *Fenomen totalitarizma: politicheskaya teoriya i istoricheskiye metamorfozy* [The phenomenon of totalitarianism: political theory and historical metamorphoses]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 326 p.
40. Rastorguyev S. *Informatsionnaya voyna* [Information war]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1999. 416 p.
41. Shaygorodskiy Yu. *Politika: vzaimodeystviye real'nosti i mifa* [Politics: the interaction of reality and myth]. Kiev: Znannya Ukraïni Publ., 2009. 400 p.
42. Sharp G. [Non-violent struggle: the best way to resolve acute political and ethical conflicts?] In: *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences], 1990, no. 11, pp. 78–83.
43. Sharp G. *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya* [From dictatorship to democracy: strategy and tactics of liberation]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2005. 84 p.
44. Sharp G. [The role of power in nonviolent struggle]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1992, no. 8, pp. 30–39.
45. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., 2000. 336 p.
46. Jung C. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991. 304 p.
47. Jung C. G. *Chelovek i yego simvol* [Man and his symbols]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 2017. 352 p.
48. Yakunin V., Bagdasaryan V., Sulakshin S. *Novyye tekhnologii bor'by s rossiyskoy gosudarstvennost'yu* [New technologies to combat Russian statehood]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 472 p.
49. Asch S. E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments. In: *Guetzknow H., ed. Groups, Leadership and Men*. Pittsburgh, PA, Carnegie Press, 1951, pp. 222–236.
50. Gardikiotis A. «Minority influence». In: *Social And Personality Psychology Compass*, 2011, no. 5 (9), pp. 679–693.
51. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. In: *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, no. 67, pp. 371–378.
52. Muscovites S., Zavallona M. The group as a polarizer of attitudes. In: *Journal of Personality and Social Psychologists*, 1969, no. 12, pp. 125–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Cognitive matrices of manipulation technologies in wars and revolutions of a new type. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Быков И. А., Медведева М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи являлось уточнение понятия «медиаграмотность» в контексте информационной безопасности.

Процедура и методы исследования включали обзор специальной литературы по проблеме представлений о медиаграмотности, качественный анализ специальной литературы и юридических документов, которые способствуют развитию медиаграмотности в России и за рубежом.

Результаты проведенного исследования показывают, что медиаграмотности отводится важнейшее место в современной политике, так как она может играть важную роль в информационной безопасности государства.

Теоретическая/практическая значимость заключается в обобщении сведений относительно понятия «медиаграмотность» и формулировке современной роли данной дефиниции в рамках системы информационной безопасности.

Ключевые слова: медиаграмотность, медиакомпетентность, информационная безопасность, фейк-ньюс, постправа, информация, политическая коммуникация.

MEDIA LITERACY AS PART OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM

I. Bykov, M. Medvedeva

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract.

Aim. To clarify the concept of media literacy in the context of the information security system.

Procedure and research methods. The paper presents a brief review of available literature on the problem of media literacy. The main research method was a qualitative analysis of specialized literature and legal documents contributing to the development of media literacy in Russia and abroad.

Results. It is shown that media literacy plays a crucial role in modern politics, as well as in the information security of any state.

Theoretical / practical relevance. The paper reviews theoretical and legal literature pertaining to the concept of media literacy. The definition of media literacy is formulated from the standpoint of information security.

Keywords: media literacy, media competence, information security, fake news, post-truth, mass media, political communication

Введение

Уже два года назад Мария Захарова, официальный представитель МИД, на брифинге заявила¹ о том, что Россия начинает борьбу со СМИ, которые распространяют выдуманную или ошибочную информацию о России. «На сегодняшний день есть понимание, что тиражирование новостей, выдаваемых за правду о нашей стране, в западных мейнстримовых СМИ приобрело характер масштабной эпидемии», – отметила она. На сайте МИД появился и работает специальный раздел², который содержит список публикаций в зарубежных СМИ. Среди них публикации о причинах смерти Виталия Чуркина в *The Observer*, статья *Bloomberg* с обвинениями в адрес российских хакеров, которые якобы вмешивались в президентскую кампанию во Франции, материал *The New York Times* о том, что Россия разместила ракетные комплексы в нарушение договоренностей с США и т. п. Публикуемые в этом разделе материалы имеют специальную маркировку или круглый штамп с надписью «*FAKE, it contains fake news*»³.

В чем-то похожую войну с ведущими западными СМИ уже не первый год ведёт президент США Дональд Трамп, который на первой же пресс-конференции в должности Президента обвинил журналистов в предвзятости и распространении «фейковых» (лживых) новостей. В разряд таковых попала история о связи Трампа с российскими политиками. Трамп так прямо и заявил: «Россия (имелась в виду вся история про связи Трампа с Россией) – это фейковая новость!»⁴. Очевид-

но, что мы являемся свидетелями весьма неожиданного развития событий, когда политики и пресс-секретари вступают в прямую конфронтацию с журналистами ведущих мировых средств массовой информации. А ведь это идет вразрез со старинной поговоркой: «журналисты – это как крокодилы: их сложно любить, но их нужно кормить». Подразумевается, что политикам очень желательно поддерживать с журналистами хорошие отношения, так как в противном случае негативная информация в СМИ рано или поздно подрывает любой, даже самый впечатляющий имидж и любую, даже самую крепкую репутацию.

Лучше всего сложившаяся ситуация может быть объяснена в рамках концепции «постправды», которая исходит из того, что сегодня объективные факты становятся менее значимыми при формировании общественного мнения, и что более важную роль в массовом сознании играют эмоции и личные убеждения [5]. В этих условиях политики могут совершенно спокойно говорить об «альтернативных фактах» и «новой откровенности», иногда договариваются до того, что «фактов вообще нет, а есть только интерпретации». В политической борьбе побеждают не те, кто обладают объективными фактами, а те, кто умеют правильно интерпретировать любую ситуацию и вступать в эмоциональный контакт с избирателями и целевыми аудиториями. Весь политический процесс превращается в «игру ума аналитиков и политтехнологов – кто кого «переинтерпретирует» [6].

Цель статьи заключается в уточнении понятия медиаграмотность в контексте информационной безопасности. Данная работа содержит краткий обзор специальной литературы по проблеме представлений о «медиаграмотности» в России и за рубежом. Основным методом исследования в статье выступает анализ

ference-amazing-day-in-history/ (дата обращения 09.11.2019).

¹ МИД объявил войну «фейковым новостям», 22.02.2017 [Электронный ресурс] // RNS. – URL: <https://rns.online/articles/MID-obyavil-voinu-feikovim-novostyam-2017-02-22/> (дата обращения 09.11.2019).

² URL: <http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii>

³ в пер. с англ.: «Осторожно! Выдуманные новости»

⁴ Collinson S. An amazing moment in history: Donald Trump's press conference, 16.02.2017 [Электронный ресурс] // CNN. – URL: [http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-con-](http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-conference-amazing-day-in-history/)

юридических документов, которые способствуют развитию медиаграмотности. Данное исследование представляется высоко актуальным, поскольку в современном мире медиаграмотность может сыграть важнейшую роль для противодействия медиаманипуляциям, популизму и информационным дисфункциям. Разумеется, работа по профилактике медиадисфункций может вестись и на стороне профессионального сообщества журналистов, как это предлагает делать известный российский исследователь С. Н. Ильченко [2]. Однако в данной статье речь идет о работе с массовыми аудиториями СМИ и социальных медиа.

Исследования медиаграмотности в России

За рубежом развитием медиаграмотности массовой аудитории занимаются уже давно. К примеру, в США уже более 25 лет существуют основные принципы обучения медиаграмотности, сформулированные Национальной ассоциацией медиаобразования¹. Данная организация активно функционирует и занимается вопросами развития медиаграмотности населения. В России интерес к данной проблеме также возник довольно давно. Исследования ее проводятся преимущественно по нескольким научным специальностям: педагогике, филологии, психологии и политическим наукам.

Итак, отдельные исследования, посвященные изучению медиаграмотности, существуют в педагогике и филологии. Эта группа источников, как правило, о принципах формирования медиаграмотности молодежи, педагогов и старшего поколения. Можно отметить работу А. А. Немирич [4], в которой отражены специфические черты формирования медиаграмотности детей дошкольного возраста в результате медиаобразования. Интересный факт, что, несмотря на столь

ранний возраст, у детей уже формируется медиаграмотность под действием тех «умных» гаджетов, которые окружают ребенка. Правда, как отмечает исследователь, их воздействие очень часто приводит к процессам, обратным формированию критического мышления в восприятии информации, т. к. зачастую ребенок просто воспринимает всю информацию на веру и не имеет нужды в критической оценке происходящего. Также важным результатом исследований является разделение медиаграмотности в зависимости от ступеней образования:

- 1) медиаграмотность (дошкольный возраст);
- 2) медиаобразованность (с 1 по 9 классы)
- 3) медиакомпетентность (с 10 класса до 3 курса университета)
- 4) медийную культуру и медиаменталитет (с 4 курса и далее до начала профессиональной деятельности).

Такое значительное уточнение, конечно, помогает лучше понимать сущность того, из чего складывается понимание медиаграмотности, однако затрудняет формирование общеупотребимого понятия, которое было бы условно используется каждым в повседневности.

В своих работах А. А. Немирич дает отсылки на исследования А. В. Федорова. У последнего есть несколько значительных трудов по медиаграмотности и медиаобразованию [7]. Примечательно, что напрямую эти два термина еще не звучат в названиях работ авторов; преимущественно там используются термины «критическое мышление» и «диалектическое мышление». Однако сама формулировка смысла названий уже достаточно четко оформляет тот факт, что наука постепенно рассматривает критическое мышление значительно шире. Что значение этого достаточно простого навыка в современном мире куда больше, чем можно было бы предполагать в любой другой исторический период.

Другая группа источников – это исследования по психологии. Здесь доста-

¹ См.: на сайте организации *National Association for Media Literacy Education* (<https://namle.net/about-namle/namles-history>).

точно обширный сегмент из работ как российских, так и зарубежных авторов. Стоит выделить работы М. В. Жижиной [1]. В своих статьях она понимает медиаграмотность как медиакомпетентность, которую личность может получить только в процессе медиаобразования. Также она связывает медиаграмотность с понятием медиамира. Условно говоря (по Жижиной), медиаграмотностью можно назвать способность субъекта ориентироваться в медиамире, осваивать присущие ему медиастереотипы поведения и учиться уметь защищать себя от негативного в медиамире (так называемая «защита персональной идентичности»). Понимание медиаграмотности она выводит из обширного обзора иностранных источников, таких, как труды медиапсихолога П. Винтерхофф-Шпурк, выделявшего шесть основных критериев медиакомпетентности; В. Вебера, который также говорит об основных навыках, которыми должен обладать медиакомпетентный человек. Среди последних он, кстати, на первое место ставит способность отбирать из того, что может предложить медиа.

Интересны источники по медиаграмотности в разрезе политической культуры. В частности, труды А. А. Казакова тоже отчасти базируются на понимании медиаграмотности как результата медиаобразования [3]. Он подчеркивает, что в разрезе политической культуры данное понятие играет в современном мире ключевую роль в связи с тем, что составные части политической культуры человека и гражданина (большинство исследователей сегодня выделяют в качестве базовых убеждения и модели поведения) формируются под сильнейшим влиянием средств массовой информации. Казаков выделяет несколько компетенций, которые формируют медиаграмотность: поиск информации, анализ, критическое мышление, ориентация, педагогическое средство, защита, создание медиапродукта.

Понятие медиаграмотности в российской науке представлено довольно широко и часто употребляется в связке с медиакомпетентностью и медиаобразованием, отчасти – с посыла работ А. В. Федорова, где представляется, что медиаграмотность – это часть более широкого понятия «медиаобразование». Относительно же термина, например, «медиакомпетентность» он отмечает, что термин более присущ немецкой науке. И в целом определяет его, исходя из определений различных немецких ученых, как совокупность навыков индивида использовать, анализировать и критически оценивать информацию [8].

Исследования медиаграмотности за рубежом

В целом же исходя из работ отечественных ученых относительно зарубежного опыта по определению дефиниций медиаграмотности и медиакомпетентности, можно отметить, что в разных странах неодинаково подходят к определению понятий и где-то медиаграмотность и медиакомпетентность имеют очень близкие по смыслу определения. Объединяет весь этот кругозор определений такой навык, как критический анализ или критическая оценка, так как большинство учёных сходятся во мнении, что именно его можно поставить во главу угла. Ещё, пожалуй, примечателен тот факт, что от отрасли науки, на которой специализируется учёный очень сильно зависит вид определения медиаграмотности, который мы получим на выходе. Однако мы в своём исследовании не ставили целью охватывать все зарубежные представления о медиаграмотности, мы сконцентрировались непосредственно на европейских исследованиях, чтобы, возможно, вскрыть некие теоретические и практические противоречия.

Итак, важную роль для данной статьи играет понимание медиаграмотности как отдельного феномена. В зарубежной науке имеется целый ряд определений,

сформулированных различными авторами. Мы начнём, наверное, с наиболее общих каких-то понятий, и далее будем переходить к более конкретным и частным. Довольно популярным является определение, представленное в работе [11], которое феномен медиаграмотности формулирует как всеобъемлющее понятие, связанное с доступом к материалам СМИ и их критической оценкой. В целом определено довольно широко и не особенно конкретно. Но здесь уже подчёркивается основной элемент, который в дальнейшем будет присутствовать во всех понятиях медиаграмотности – это критическая оценка.

Однако, разумеется, это не единственное определение медийной грамотности. Существуют также довольно современные трактовки феномена, которые на первый план ставят не столько какие-то конкретные позиции, будь то критическая оценка информации или способы её подачи, а аспекты, которые накладывает на эволюцию медийной грамотности окружающий мир, в частности диджитал сфера. Интересно в этом плане уточнение исследователя Е. Перович, которая в своих работах говорит о том, что понимание медиаграмотности сильно зависит от развития цифровых технологий в современном мире [10]. Также, рассматривая медиаграмотность в Черногории, она отмечает тот факт, что таким странам Европейского союза, как Черногория, необходимо более последовательно подходить к формированию медийной грамотности и нужна конкретная стратегия, которая бы учитывала специфику государства и была консолидирована со спецификой медиаграмотности в ЕС. Однако она довольно мало говорит об явлении цифрового неравенства в Черногории и в целом о специфическом историческом наследии данной страны и ряде других факторов, которые дают значительный отпечаток на специфике формирования медиаграмотности.

В противовес данному определению можно отчасти представить определе-

ние медиаграмотности, представленное британскими исследователями Ричардом Уолесом и Дэвидом Бакингом. Они в своих работах отмечают тот факт, что на данный момент понятие медиаграмотности, конечно, довольно важное в Великобритании, отчасти считается элементом культурной политики – в связи с тем, что власти не достаточно занимаются его проработкой и недостаточно финансируют такого рода исследования. Также они говорят о том, что медиаграмотность неверно понимать исключительно лишь как своеобразное критическое мышление, так как данный феномен значительно шире указанных рамок [12].

Также стоит сказать пару слов о развитии медиаграмотности или медиакомпетентности в Германии, здесь законодателем в данной области можно считать Дитера Баака. Его работы с 1990-х гг. (собственно, после падения Берлинской стены) становятся популярными. И он в них говорит именно о развитии медиакомпетентности (именно так звучит «медиаграмотность» в немецком языке). Он делит термин как бы на четыре важные составляющие – критическое мышление, медиаориентирование, медиапотребление и медиадизайн (*Medienkritik, Medienkunde, Mediennutzung und Mediengestaltung*)¹. В разрезе его представлений можно говорить о том, что медиаманипуляция общественным сознанием или мнением достигается за счёт воздействий на наше восприятие через зрение (это медиадизайн); через возможность ориентироваться в информационных потоках, зачастую у рядового потребителя их очень много, а времени на фактическое ориентирование мало; через большие объемы контента, которые сыплются на каждого человека (например, мало кто может из рядовых граждан описать всю хронологию

¹ Книга Baacke D., Micos L., Lauffer J., Kornblum S., Thiele G. *Medienpädagogik: Medienkompetenz* доступна для зарегистрированных пользователей на портале научной информации: https://www.researchgate.net/publication/265091933_Medienpaedagogik_Medienkompetenz

гию событий Сирийского конфликта, хотя уже длительный период все СМИ только про него и сообщают), также через невозможность критически воспринимать информацию ввиду доверия, например, конкретным СМИ.

В целом можно довольно долго рассматривать представления европейских учёных о медиаграмотности и медиакомпетентности, при этом в каждой стране они будут иметь определенный оттенок. Общим для всех них является параметр критического мышления, в целом, как и российские исследователи, они сходятся в том, что это ключевой навык для ориентирования в современных медиапотоках, для обеспечения личной информационной безопасности и отчасти – государственной, ведь в нашем веке довольно важно не попасться на фейк-ньюз и не дать себя обмануть.

Европейские документы о развитии медиаграмотности

В Европе похожая структура функционирует в рамках так называемой Хартии медиаграмотности, с содержанием которой можно ознакомиться на специальном сайте¹. Она способствует, согласно документу, налаживанию связей между европейскими странами и организациями внутри Европейского союза. Можно подписать хартию как частное лицо и как организация. Интерфейс сайта доступен на нескольких европейских языках, что упрощает функционирование сайта. Также доступен полный список подписавших хартию частных лиц, спонсоров и организаций-поставщиков услуг, которые в общем-то берут на себя обязательства по реализации различных проектов в рамках положений хартии. Довольно интересный документ, который нельзя отнести к законодательным, а скорее – к рекомендательным.

Но этот документ – не единственный, регулирующий процессы развития

¹ См.: сайт *The European Charter for Media Literacy* (<https://euromedialiteracy.eu>).

медиаграмотности у населения. Одним из признанных лидеров по развитию направления медиаграмотности в Европе можно считать Великобританию. Это государство, в котором впервые появляется юридический закон, закрепляющий роль некоего новостного регулятора за определенной структурой *Ofcom*. Однако практически сразу после возникновения этой организации её активность постепенно затухает [12]. И также интересный факт, что в самом законодательном акте в целом не особенно чётко прописывается, что же такое медиаграмотность. В общем-то британская общественность и учёные до сих пор неоднозначно оценивают деятельность *Ofcom*. Отчасти её фактически признали бесполезной в развитии медиаграмотности на данном этапе.

Международная организация ЮНЕСКО сформулировала пять правил медийной и информационной грамотности², которые и предлагает. Их, пожалуй, можно отнести к рекомендательным. Однако они существуют и заключаются в следующем: 1) все существующие информационные источники равны по статусу и ни один из них не является более значимым, чем другой, и они предназначены для развития критической гражданской активности и устойчивого развития страны; 2) каждый гражданин может создавать информационные сообщения; 3) знания и информация не всегда нейтральны и непредвзяты и использование медийной и информационной грамотности делает их более прозрачными; 4) каждый гражданин имеет право получать новую информацию и его права не должны быть ущемлены; 5) медийная и информационная грамотность приобретается не сразу. Это живой и динамичный процесс. Грамотность является полной, когда включает знания, навыки и установки,

² См.: *Five Laws of Media and Information Literacy* [Электронный ресурс] // UNESCO. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/media-development/media-literacy/five-laws-of-mil/> (дата обращения: 10.11.2019).

охватывает доступ, оценку, использование, производство и передачу информационного, медийного и технологического контента. Возможно, это выглядит довольно обобщенно и непоследовательно, однако такие законы или правила существуют. Частично они лежат в основе национальных законодательных актов в странах Европы, которые регулируют развитие медиаграмотности.

Также нельзя никак пройти мимо резолюции Европейского Парламента от 16 декабря 2008 г. по медиаграмотности в мире цифровых технологий¹. Это максимально общий юридический и политический документ, основной ценностью которого является признание важности медиаграмотности в современном мире. В нём также говорится о том, что для современного общества медиаграмотность и медиаобразование – это ключевые явления. Документ подчеркивает, что медианеграмотный человек значительно менее защищён, чем медиаграмотный. Для повышения уровня защищенности таких граждан парламентарии предложили государствам ЕС выработать свои национальные программы по повышению уровня медиаграмотности. Как и все документы Европейского Парламента, это довольно общий документ и в целом не учитывает специфику развития всех стран Европейского союза, а также, наверное, феномен цифрового неравенства, который, например, более заметен в странах, которые ранее входили в Югославию, чем в той же Великобритании или Скандинавских странах. И вообще не только ряд аспектов, но и сам факт признания на таком высоком уровне важности ме-

диаграмотности очень значителен и, возможно, отчасти направлен на формирование единого европейского общества, в котором медиаграмотность развивается в некоем общем ключе.

Выводы

Авторами суммированы далеко не все подходы, которые так или иначе исследуют проблему медиаграмотности в России и за рубежом. Здесь важен тот факт, что всех их объединяет, пожалуй, не столько стремление дать какие-либо новые знания для граждан, сколько момент информационной безопасности человека и гражданина, которые оказываются беспомощными перед значительными информационными потоками современности, реализуемыми с манипулятивными целями [9]. Медиаграмотность выступает в качестве комплексного феномена, позволяющего массовым аудиториям защищаться в том числе от манипулятивных воздействий и участвовать в реализации информационной безопасности.

Таким образом, в современном мире существует некий плюрализм в понимании медиаграмотности как отдельного феномена. Однако обилие всех дефиниций сходится в том, что для современного человека становится жизненно важно ориентироваться в информационных потоках, которые существуют. Навык критически оценивать информацию становится также необходим не только на индивидуальном, но и на государственном уровне. Всевозможные непроверенные или намеренно недостоверные новости постоянно появляются в медиапространстве, и защититься от такой информации, с точки зрения неподготовленного обывателя, просто невозможно.

Статья поступила в редакцию 18.11.2019

¹ European Parliament resolution of 16 December 2008 on media literacy in a digital world [Электронный ресурс] // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0598+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения 09.11.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Жижина М. В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования // Медиаобразование. 2016. № 4. С. 47–65.
2. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 70–75.
3. Казаков А. А. Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 4. С. 78–97.
4. Немирич А. А. Медиаграмотность, как результат медиаобразования детей дошкольного возраста // Медиаобразование. 2011. № 2. С. 47–55.
5. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.
6. Тульчинский Г. Л. Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «третьего» // Символическая политика. 2012. № 1. С. 251–261.
7. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.
8. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.
9. Bykov I. A., Balakhonskaya L. V., Gladchenko I. A., Balakhonsky V. V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society // Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop. Saint-Petersburg, 2018. P. 12–14.
10. Perović J. Media Literacy in Montenegro // Media and Communication. 2015. Vol. 3. Iss. 4. P. 91–105.
11. Potter W. J. The State of Media Literacy // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2010. Vol. 54 (4). P. 675–696.
12. Wallis R., Buckingham D. Media literacy: the UK's undead cultural policy // International Journal of Cultural Policy. 2016. Vol. 25 (2). P. 188–203.

REFERENCES

1. Zhizhina M. [Media literacy as a strategic goal of media education]. In: *Mediaobrazovanie*, 2016, no. 4, pp. 47–65.
2. Il'chenko S. [Fake as antihistamic information: risk to professional standards of journalism]. In: *Gumanitarnyi vektor*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 70–75.
3. Kazakov A. [Media literacy in the context of political culture: the question of the definition of]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2017, no. 4, pp. 78–97.
4. Nemirich A. [Media literacy as a result of media education of preschool children]. In: *Mediaobrazovanie*, 2011, no. 2, pp. 47–55.
5. Popova O., ed. «Politika postpravdy» i populizm ["The politics of posttrade" and populism]. St.-Petersburg, Skifiya-print Publ., 2018. 216 p.
6. Tul'chinskii G. [Information wars as a conflict of interpretations, activating the "third"]. In: *Simvolicheskaya politika*, 2012, no. 1, pp. 251–261.
7. Fedorov A. Mediaobrazovanie: vchera i segodnya [Media education: yesterday and today]. Moscow, MOO VPP YUNESKO «Informatsiya dlya vsekh» Publ., 2009. 234 p.
8. Fedorov A. Razvitiye mediakompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuza [Development of media competence and critical thinking of students of pedagogical University]. Moscow, Informatsiya dlya vsekh Publ., 2007. 616 p.
9. Bykov I., Balakhonskaya L., Gladchenko I., Balakhonsky V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In: *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop*. Saint-Petersburg, 2018, pp. 12–14.
10. Perović J. Media Literacy in Montenegro. In: *Media and Communication*, 2015, vol. 3, iss. 4, pp. 91–105.
11. Potter W. J. The State of Media Literacy. In: *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2010, vol. 54 (4), pp. 675–696.
12. Wallis R., Buckingham D. Media literacy: the UK's undead cultural policy. In: *International Journal of Cultural Policy*, 2016, vol. 25 (2), pp. 188–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Медведева Мария Владимировна – аспирант кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: magma.air@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya A. Bykov – Dr. Sci. (Polit.), Ass. Prof., Department of PR in Politics and Public Administration, Saint Petersburg State University; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Maria V. Medvedeva – PhD student, Department of PR in Politics and Public Administration, Saint Petersburg State University; e-mail: magma.air@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Быков И. А., Медведева М. В. Медиаграмотность как часть системы информационной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 24–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32

FOR CITATION

Bykov I., Medvedeva M. Medialiteracy as part of the information security system. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 24–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32

УДК 32.019.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-33-40

ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Володенков С. В., Ромашкина А. Б.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи в анализе форм воздействия информационно-коммуникационных технологий на институты власти и определение потенциала влияния коммуникационных технологий на трансформацию политической системы и институтов власти государства.

Процедура и методы исследования основаны на структурно-функциональном анализе характеристик сетевого пространства политической коммуникации и его роли в функционировании современных институтов власти, а также критическом анализе содержательных характеристик сетевого общества и сетевого государства.

В результате проведенного исследования авторами определено, что сетевая активность в интернет-пространстве может нести в себе определенные угрозы для политической системы, связанные с потерей монополии государства на генерацию и трансляцию политического контента, а также формирование ценностно-смысловых моделей и массовых представлений о политической реальности. Авторами сделан вывод о формировании конфликтного потенциала между интересами государства и общества, а также необходимости разработки эффективного сценария развития сетевых форм распределения и реализации власти.

Теоретическая/практическая значимость заключается в выявлении особенностей формирования структуры властных отношений в сетевом обществе и формулировке предложения о необходимости выработки адекватного современным условиям сценария взаимодействия общества и власти в аспекте распределения и реализации власти.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационно-коммуникационные технологии, массовое сознание, институт власти, сетевое общество, легитимация власти

INTERNET COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A TOOL OF AFFECTING MODERN GOVERNMENTAL INSTITUTIONS: CURRENT CHALLENGES

S. Volodenkov, A. Romashkina

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyse how information and communication technologies affect contemporary governmental institutions and to determine their potential in transforming the modern political system and governmental institutions.

Procedure and research methods. We conducted a structural and functional analysis of key characteristics of Internet communications on political topics and their affects on contemporary gov-

ernmental institutions. Additionally, we carried a critical analysis of the basic characteristics of the network society and the network state.

Results. It was established that Internet activities can threaten the stability of political systems. These threats are associated with the loss of the state monopoly on generation and broadcasting of political content, as well as on the formation of axiological models and mass representations of political reality. It was concluded that there exists a potential for conflict between the interests of the state and society. Thus, it is necessary to elaborate an effective scenario of how the network forms of the distribution and implementation of power will develop.

Theoretical/practical relevance. Specific features of the structure of power relations in the network society were identified. Recommendations were proposed concerning the development of a scenario of interaction between state and society in terms of the distribution and implementation of power.

Keywords: political communication, information and communication technologies, mass consciousness, governmental institutions, network society, legitimization of power

Постановка проблемы

Если представить феномен политики как систему отношений, складывающихся по поводу приобретения, удержания, распределения и реализации власти, то основной акцент в данном представлении смещается именно на систему отношений, в основе которых, очевидно, находится коммуникация. Сами по себе отношения любого типа, тем более социальные, общественные и политические, невозможны без осуществления коммуникационных процессов.

В связи с этим мы считаем, что изменения, связанные с технологиями, механизмами и формами коммуникации, самым непосредственным образом влияют на систему отношений, в том числе политических. Ввиду этого цифровизация массовой политической коммуникации существенно трансформирует традиционное пространство политики, формируя объективную необходимость изменений и в форматах деятельности современных институтов власти. Как писал Р. Дейберт, «... поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей» [7, p. 33].

В случае игнорирования изменившихся условий коммуникационной среды властные институты рискуют потерять свою эффективность, результативность и даже легитимность, лишиться конгруэнтности своей деятельности в условиях интенсивного развития информационного общества. Особенно актуальной данная проблема становится в связи с эволюцией Интернета как современного пространства политических коммуникаций.

Отметим, что, по нашему представлению, функционирование институтов власти в целом и легитимация власти в частности основаны на коммуникативных процессах, происходящих в обществе. В связи с этим несоответствие типов, форм и способов коммуникации между государством и обществом может выступать серьезным фактором дестабилизации политической системы как таковой.

Изменения в характере коммуникаций требуют соответствующих изменений и в деятельности современных институтов власти. Данное обстоятельство актуализирует необходимость теоретического изучения потенциала влияния на институты власти в условиях технологических и содержательных трансформаций современной коммуникационной среды.

Ввиду этого целью настоящего исследования является рассмотрение и анализ изменений в функционировании современных институтов власти под влиянием

интернет-технологий массовой коммуникации.

В качестве основных задач данной работы выступают анализ особенностей формирования современных отношений в системе «государство-общество», а также рассмотрение потенциала технологий интернет-коммуникации в процессах легитимации и делегитимации политической власти современных государств.

Сетевое общество vs сетевое государство

Современное общество характеризуется большинством ученых как информационное и сетевое. Коммуникационные сети являются структурами, производящими потоки информации. В сетях действуют различные общественно-политические акторы, которые создают и используют сети для того, чтобы отстаивать и транслировать свои ценности и интересы.

Хотя сеть как способ организации функционирования общества не является новым феноменом XXI в., свое развитие она получила с распространением новых информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют передавать сообщения мгновенно и в экстерриториальном режиме.

При этом важным обстоятельством является способность сетевых ресурсов адаптироваться к изменениям окружающей среды (законодательные изменения, технологические трансформации, попытки блокировки и т. д.), а в силу отсутствия единого центра и наличия множества узлов она может действовать в различных своих конфигурациях и выживать при отключении отдельных узлов. Сеть является гибкой, масштабируемой и живучей, а потому важно понимать сущность и особенности коммуникации в современном обществе для того, чтобы эффективно им управлять [1].

Социальные сети являются одним из средств интернет-коммуникации, в том числе и политической коммуникации, в онлайн-пространстве. Отличительной

чертой социальных сетей является интерактивность и возможность формировать информационные сообщения пользователями-непрофессионалами.

Влияние сетевых коммуникаций на политические отношения является следствием происходящих социально-технологических трансформаций. «В силу этого виртуальное социальное пространство сегодня рассматривается не просто как коммуникативная среда, но и как пространство реализации публичной политики» [3, с. 79]. В интернет-пространстве формируются и развиваются новые политические формы онлайн-коммуникации. Политический дискурс и механизмы взаимосвязи власти и общества в сети становятся одним из факторов совершенствования демократии и распространения электронной демократии, так как происходят качественные инновационные изменения в публично-политической сфере [3].

Особенностью формирования структуры властных отношений в сетевом обществе является изменение сущности пространственно-временных категорий. Появляется противопоставление пространств – потоков (глобальное пространство) и мест (локальное). Меняется и время. Появление мгновенного времени, у которого нет ни прошлого, ни будущего, отменяет последовательность времени, сжимая его, либо размывая порядок следования событий. Властные отношения формируются в условиях противопоставления мгновенного времени и всех других форм существования времени [1].

Важно при этом отметить, что властные отношения существуют не только в рамках государства. Государство управляет обществом, контролирует социальную жизнь, поддерживает суверенитет и принимает решения в отношении его субъектов в рамках определенных территорий. Для того, чтобы государства не исчезли в условиях сетевизации общества, они адаптируются к новым условиям.

Возникновение новых типов отношений между государствами и внутри самих государств приводят к трансформации самих государств. «Возникающее сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» [1, с. 86].

Очевидно, что не только государство, но и современное общество (то есть непосредственно сам объект государственно-политического управления) также меняется под влиянием информационно-коммуникативного фактора. В публичной сфере формируется общественное мнение, которое способствует консолидации общества и является одновременно инструментом контроля за властью и объектом воздействия со стороны власти. В процессе политической коммуникации происходит постоянный обмен значимой информацией между властью и гражданами, который осуществляется через прямую и обратную связь [6]. Иными словами, изменяется характер политического управления в целом, обратные коммуникативные связи начинают играть все более значимую роль в условиях сетевого общества.

При этом возможности сетевой коммуникации являются весьма значительными. От пользователя не требуется формального прикрепления к политическим институтам, чтобы заниматься политической деятельностью, а издержки политического участия для граждан в большинстве случаев минимальны (если вынести за рамки данного утверждения политические режимы, характеризующиеся наличием репрессивной политики по отношению к своим гражданским активистам). Активность в онлайн-пространстве требует незначительных усилий [3].

Но существует и другая сторона сетевой формы коммуникации. Статус отправителя информации не известен другим пользователям, поскольку существует возможность создавать любые идентичности в сети, оставаясь неизвестным остальным участникам коммуникации. Один и тот же пользователь может распространять противоположную по смыслу информацию на различных ресурсах, транслировать заведомо ложную или провокационную информацию. Происходит стирание границ между истиной и ложью, что имеет значение при воздействии на массовое сознание с целью побуждения пользователей к каким-либо действиям [5], включая действия, направленные на дестабилизацию политической системы в стране.

Ввиду этого современные государства вынуждены учитывать данное обстоятельство в своей деятельности для поддержания политической стабильности и своей устойчивости. В основе устойчивости и поддержки власти лежит процесс ее легитимации и достижения консенсуса между гражданами и властью. С древнейших времен, помимо формальных средств, основанных на применении силы или угрозы силой, существуют неформальные инструменты завоевания, удержания и обеспечения власти, воздействующие через сознание граждан. Эти методы связаны с ценностно-смысловыми категориями и транслируются в сознание индивидов с помощью различных каналов коммуникации. Однако онлайн-пространство существует по иным коммуникативным правилам, чем традиционное пространство политической коммуникации, а потому институтам власти необходимо учитывать его особенности при взаимодействии с гражданами [6].

Современная власть получает новые механизмы воздействия на аудиторию с помощью средств интернет-коммуникации, равно как и общество приобретает новые инструменты влияния на инсти-

туты власти. Те же сетевые сообщества могут выступать в качестве реальных институтов общественно-политического давления на государственные институты.

В интернет-пространстве появляются новые способы распределения и привлечения внимания (лайки, просмотры, комментарии, количество подписчиков и т. д.), что позволяет быстро формировать общественное мнение и давать оценки происходящим событиям. Борьба за внимание других пользователей смещает акценты на более яркую подачу информации, а также на форму ее подачи, а не на само содержание. А сама аудитория уже не является социальной общностью и группой в классическом понимании, т.к. происходит размывание границ между личным общением и пространством для взаимодействия, привлечением внимания и социальным Я, частным и публичным и т. д. [5].

В социальных сетях происходит формирование новых социальных групп на основе их интересов и предпочтений, в том числе политических. Объединение пользователей в группы позволяет формировать у них массовые представления о политической системе, а также способствовать легитимации или делегитимации власти. Политизация социальных сетей может приводить к новым рискам легитимности политических режимов, т.к. происходит аккумуляция интересов в различных узлах социальных сетей [6].

Данная особенность сетевого пространства предъявляет новые требования к государственным акторам при осуществлении политической коммуникации в аспекте определения и выбора целевых аудиторий информационно-коммуникационного воздействия. Данные аудитории становятся подвижными, во многих случаях размытыми, что существенно затрудняет возможности таргетирования.

В подобных условиях возникают и сложности с легитимацией власти в силу того, что она больше не является монопо-

листом в сфере генерации и трансляции политической информации, а целевые аудитории информационно-коммуникационного воздействия в конкурентном пространстве современной публичной политики постоянно трансформируются по своим пространственным, временным, содержательным и структурным характеристикам.

Безусловно, легитимация власти во многом зависит от уровня доверия к ней со стороны граждан, а также от политического согласия и консолидации в обществе. Социальное сплочение является важным основанием власти. Однако новая реальность, которая сформировалась в социально-политических отношениях и трансформируется в результате появления нового коммуникативного пространства в интернете, меняет оценку политических институтов, процессов и отношений. «Использование новых технологий коммуникации создало принципиально новые возможности конструирования политической реальности и новые условия для принятия политических решений» [4, с. 89].

Расширение возможностей социальной коммуникации и улучшение механизмов обратной связи между обществом и государством являются важным фактором в совершенствовании системы политической коммуникации. В интернет-пространстве появляется возможность распространять политические ценности, стереотипы и модели политического поведения как со стороны представителей власти, так и со стороны негосударственных политических акторов, имеющих во многих случаях собственные интересы, противоположные государственным. Возможность влиять на политическое сознание индивидов и групп в подобных условиях является важным аспектом работы с целью легитимации институтов власти [4].

Право на формирование политической реальности больше не может быть монополизировано государством и его

акторами, конкурентный характер современной публичной политики предъявляет новые требования и порождает новые вызовы в сфере легитимации государства и его институтов политической власти. В подобных условиях возникает потенциал формирования рестриктивной и даже репрессивной политики в сфере массовых политических коммуникаций. Ведь, как писал М. Кастельс, «осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения» [2, с. 193].

Заключение

На сегодняшний день «коммуникационная власть» является центральным ядром структуры и динамики информационного общества. Процессы коммуникации соответствуют структуре, культуре, организации и технологиям коммуникации в обществе, а потому они являются определяющими в способах конструирования властных отношений. Однако «поскольку власть основывается на контроле за информацией, то осуществление конституционного права – предоставление свободного доступа к информации – угрожает самим основам власти высших слоев общества» [1, с. 26].

По нашему мнению, в данном случае необходимо вести речь не только о предоставлении свободного доступа к информации. Это же касается и права на генерирование собственной информации новыми субъектами политической коммуникации, права на свободный обмен информацией, что подразумевается моделью делиберативной демократии Ю. Хабермаса. Можно увидеть, что подобная свобода информационно-коммуникационного взаимодействия во

многом противоречит интересам современных государств, являясь для них определенным коммуникативным вызовом нового типа.

Властные отношения всегда были связаны с обменом информацией в обществе. Однако в сетевом информационном обществе значимость информационных потоков, содержания информационных сообщений, скорости передачи информации и технические характеристики средств массовой коммуникации возрастает. Развитие информационно-коммуникационных технологий становится одним из ключевых факторов общественного развития и формирования новой социальной структуры, а значит и принципов распределения власти и ее функционирования.

Смена ценностных ориентиров, появление новых политических акторов и субъектов политической коммуникации, расширение возможностей воздействия на массовое сознание являются инструментами влияния на государственные институты власти, а также на процессы легитимации или делигитимации власти в целом.

Конкурентный характер современной политической коммуникации, появление альтернативных ценностно-смысловых моделей политической реальности могут восприниматься институтами власти как вызов и угроза их стабильному функционированию, за чем следует соответствующая реакция, вызванная стремлением установить контроль над коммуникационным пространством в ущерб общественному развитию. Подобный системный конфликт общественных и государственных интересов может иметь различные сценарии своего разрешения, однако, как представляется авторам, во многом выбор конкретного сценария зависит от позиции экспертного и политологического сообщества.

Статья поступила в редакцию 07.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2017. 591 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87.
4. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Роль политических коммуникаций в процессах консолидации российского общества // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: материалы участников конференции с международным участием. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 87–98.
5. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 1. С. 25–44.
6. Федорченко С. Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель-Observer. 2016. № 8. С. 57–67.
7. Deibert R. J. *Parchment, printing and hypermedia: Communications in world order transformation*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1997. 329 p.

REFERENCES

1. Castells M. *Vlast' komunikatsii* [Communication Power]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2017. 591 p.
2. Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, U-Faktoria Publ., 2004. 328 p.
3. Mihaylenok O., Malysheva G. [Political effects of social networks in Russia]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2019, no. 2, pp. 78–87.
4. Mihaylenok O., Shchenina O. [The role of political communications in the processes of consolidation of Russian society]. In: *Grazhdanskoe edinstvo, etnokul'turnoe i konfessional'noe mnogoobrazie kak cenostnyye osnovaniya i faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva: materialy uchastnikov konferentsii s mezhduнародnym uchastiem* [Civil unity, ethnocultural and religious diversity as value bases and factors of consolidation of Russian society. Materials of the participants of the Conference with international participation]. Rostov n/D, South Russian Institute of Management RANHiGS Publ., 2018, pp. 87–98.
5. Rezaev A., Tregubova N. [New media and “smart things”: How do new technologies objectify the distinction between “social intercourse” and “communication”?]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University, series 10, Journalism], 2019, no.1, pp. 25–44.
6. Fedorchenko S. [Global study of the politicization of social networks]. In: *Obozrevatel'-Observer*, 2016, no. 8, pp. 57–67.
7. Deibert R. J. *Parchment, printing and hypermedia: Communications in world order transformation*. N.Y., Columbia Univ. Press, 1997. 329 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Володенков Сергей Владимирович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Ромашкина Альбина Бариевна – аспирант кафедры государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: albrom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Volodenkov – Dr. Sci. (Polit.), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Albina B. Romashkina – PhD student, Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: albrom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володенков С. В., Ромашкина А. Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 33–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-33-40

FOR CITATION

Volodenkov S., Romashkina A. Internet communication technologies as a tool of affecting modern governmental institutions: Current challenges. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 33–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-33-40

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53

ЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ, ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Федорченко С. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель исследования – комплексный анализ перспектив и угроз технологий искусственного интеллекта для политического режима современной России, осмысление тесной взаимосвязи технологий искусственного интеллекта с легитимностью и информационной безопасностью политического режима.

Процедура и методы исследования. Принципы *SWOT*-анализа и функционального подхода к политическому режиму.

Результаты проведённого исследования. К сильным сторонам внедрения искусственного интеллекта для легитимности российского политического режима можно отнести: развитие электронного правительства, быструю обработку запросов граждан, анализ массивов больших данных; к слабым: недостаточный уровень информационной безопасности «облачных систем», связанных с искусственным интеллектом, зависимость России от иностранных компьютерных технологий и программного обеспечения, отсутствие определенности с «ценностным ядром» искусственного интеллекта.

Теоретическая / практическая значимость. Предложен авторский тезис, согласно которому искусственный интеллект станет наиболее перспективным направлением развития «мягкой силы», которое через технологии совместимых алгоритмов *API*, *e-government*, «интернета вещей», голограмм, сетевых сообществ, многопользовательских игр, «облачных технологий», беспилотников, «компьютерного зрения», методологических оптик *Big Data* зациклит на себя в ближайшем будущем всю социально-политическую жизнь человечества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, Россия, «мягкая сила», политический режим, легитимность, *SWOT*-анализ

THE IMPORTANCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE POLITICAL REGIME OF RUSSIA: PROBLEMS OF LEGITIMACY, INFORMATION SECURITY AND SOFT POWER

S. Fedorchenko

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To conduct a comprehensive analysis of the prospects and threats of artificial intelligence technologies to the political regime of modern Russia, as well as to study relations between such technologies and the legitimacy and information security of political regimes.

Procedure and research methods. The existing political regime in Russia was examined using the methods of SWOT analysis and functional approach.

Results. The advantages of artificial intelligence for the Russian political regime include the development of e-government, faster processing of citizens' requests and possibilities of big data analysis. Among the risks of introducing such technologies are insufficient information security of cloud computing technologies related to artificial intelligence, dependence of Russia on foreign computer technologies and software, uncertainty in terms of the core value of artificial intelligence.

Theoretical / practical relevance. An assumption is made that artificial intelligence can become the most promising direction in the promotion of soft power. Relying on API systems, e-government, the Internet of things, holograms, network communities, multiplayer games, cloud computing technologies, drones, computer vision, big data analytics and other innovations, artificial intelligence may become a foundation for the entire socio-political life of mankind.

Keywords: artificial intelligence, information security, Russia, soft power, political regime, legitimacy, SWOT analysis

Введение и категориально-методологические уточнения

Развитие сетевых коммуникаций современного информационного общества закладывает как риски, так и перспективы для любой страны. Данные процессы имеют последствия коммуникативного и политического плана, а также обусловлены технологической эволюцией. Первое поколение Интернета *Web 1.0* связывало информацию и означало появление самых первых статичных сайтов, контент которых регулировался и наполнялся в основном их же владельцами. В определенном смысле второе поколение *Web 2.0* связало не просто информацию, а уже самих людей, так как стало реакцией на проблемы и ограничения предыдущего поколения: пользователи стремились к коллаборации и совместному созданию контента в блогах и сообществах социальных сетей (Т. О'Рейли). Сейчас существует гипотеза о формировании поколения *Web 3.0*, связывающего не только информацию, людей, но и знания. Оно характеризуется ростом значения технологий *Big Data* [3], «интернета вещей» и искусственного интеллекта (далее – ИИ). Под последним ученые из Стэнфордского университета предложили понимать научное направление и машины, способные осуществлять когнитивную деятель-

ность, схожую с человеческой¹. Внедрение ИИ в государственное управление, анализ и моделирование политического процесса определяется как раз интенсивным ростом информационного контента и развитием сетевых коммуникаций. Исследователям, их группам и даже целым «фабрикам мысли» уже намного сложнее качественно обработать такой океан данных без помощи ИИ.

Целью данного исследования является анализ перспектив и угроз внедрения технологий искусственного интеллекта для политического режима современной России. В качестве методологической матрицы будут применяться принципы SWOT-анализа факторов данного феномена, процедуры которых достаточно хорошо описаны в работах Х. Вейриха, Дж. Лис-Маршмент. Но для начала необходимо обозначить и уточнить ряд рабочих категорий. Согласно функциональному подходу (Г. Лассуэлл, Д. Истон, Н. А. Баранов), под политическим режимом будет пониматься особый порядок, способ функционирования определенной политической системы. Логично предположить, что порядок функционирования политической системы ориентирован

¹ Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016. Stanford, CA: Stanford University. 2016. P. 5. URL: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016fnl_singles.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

на ее воспроизводство и сохранение. Тут мы выходим на категорию легитимности, которую С. Липсет связывает со способностью элиты убеждать граждан в том, что существующие политические институты – наиболее оптимальные для общества [14, с. 65-64]. Не случайно еще К. Шмитт четко отличал легитимность от легальности. Если конкретнее – легитимность политического режима подразумевает согласие социума и власти по проблемам оптимальности, справедливости технологий и коммуникаций имеющихся в стране политических институтов. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что политический порядок (т. е. режим) легитимируется через технологии, формирующие символически-смысловые значения для граждан [2, с. 150–159]. Тем не менее подобного рода не силовые технологии могут быть направлены политической элитой не только на собственное население с целью «внутренней» легитимации режима, но и на внешнеполитических акторов для «внешней» легитимации режима – улучшения международного имиджа страны, геополитической обстановки, стимулирования инвестиций и туристических потоков. «Внешнюю» легитимацию можно увязать со схожими тезисами Г. Киссинджера и теорией «факта-признания» российского политолога В. Л. Цымбурского.

Сегодняшние страны существуют в информационном поле, состоящем из: а) соответствующей информационно-коммуникационной среды – технологических платформ, новостных сайтов, социальных сетей, блогов, видеохостингов; б) а также из акторов данной среды, формирующих ценности и политическую повестку – владельцев интернет-ресурсов, государств, партий, движений, ТНК, радикальных организаций. По этой причине легитимность любого современного политического режима зависит от такого важного компонента, как информационная безопасность [11, с. 94–95], базовой целью которой является обеспечение

комплексной защиты конфиденциальности, доступности и целостности значимых для этого режима данных. Несиловые, информационные технологии воздействия, связанные с культурной привлекательностью страны, политическими ценностями и авторитетной внешней политикой, дипломатией, по мнению Дж. Ная, означают форму власти, один из способов достижения результатов – «мягкую силу» (*soft power*) [16, с. 84]. «Мягкую силу» некорректно соотносить с элементарной классической пропагандой, однако изучать ее связь с информационными технологиями крайне интересно.

Британский автор В. Кэлэхэн выделяет «негативную мягкую силу», означающую использование эмоций для нужного воздействия на объект [8]. На примере Китая Кэлэхэн показал, что «негативная мягкая сила» может работать и во внутренней политике, легитимируя политический режим через: а) формирование образа внешнего врага; б) конструирование национальной идентичности. Най также употребляет термин *negative soft power*, считая, что политическими интересантами с целью ослабления конкурента и снижения степени влияния его «мягкой силы» может применяться информационное оружие [17]. В принципе в идее Ная нет ничего нового, кроме акцентирования на внешнеполитической стороне воздействия. Тот же А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах» описывал внутривнутриполитические и в то же время универсальные технологии формирования культурно-идеологической гегемонии и повестки. Пересмотрев свои тезисы, сочетание «мягкой» и «жесткой силы» Най назвал «умной силой» (*smart power*). К. Аткинсон недавно интересно развил идеи Ная в своем концепте «военной мягкой силы», означающей способность изменять чьи-либо ценности, убеждения и предпочтения с целью трансформации поведения людей, в том числе и посредством информационно-просветительских программ, виртуальных коммуникаций [7, с. 56]. Поэтому

под «мягкой силой» можно понимать информационные технологии воздействия политическими интересантами на ценности, убеждения и предпочтения граждан какой-либо страны с целью изменения их поведения, в том числе политического. Проблема обеспечения информационной безопасности и легитимности современного политического режима заключается как раз в способности ИИ использоваться в качестве сопровождающего компонента «мягкой силы».

Обзор исследований в области искусственного интеллекта

В целом можно выделить несколько исследовательских направлений в сегменте экспериментального внедрения ИИ в политический процесс и государственное управление: а) сервисно-технократическое направление, – продолжающего рассматривать государство и его политический режим как порядок предоставления услуг населению более инновационными способами; б) разработки в области теории богатства медиавозможностей; в) аксиологическое направление, – затрагивающее проблематику ценностного программирования и перепрограммирования ИИ в ракурсе информационных войн и определения национальной политической повестки.

Если вести речь о сервисно-технократическом направлении, то оно связано с теорией рационального выбора, идеями А. Хельмонда «государства как платформы», «платформизацией» [12] государства, идеей «правительства без швов» (*seamless government*), отсылающие к приспособлению государственного программного обеспечения, в том числе и ИИ, под организацию коммуникационного процесса и нужды различных категорий граждан. Также здесь значительную роль играет модель технократии, предполагающей господство технически продвинутой элиты, призванной осуществлять некую ценностно нейтральную модернизацию государства

и общества. Уязвимость этой идеи видится в том, что политическая элита в любом случае является ценностно ориентированной социальной группой. Среди современных исследований, посвященных ИИ, все большее преобладание получает проблематика его эффективного внедрения в национальную модель электронного правительства конкретной страны. К примеру, появились труды о чат-боте *Emma* на портале американского правительства, ИИ которого может не только обрабатывать на английском и испанском языках до полумиллиона запросов ежемесячно через мобильные приложения и персональные компьютеры, но и в условиях «контролируемого обучения» переходить на более продвинутый уровень коммуникации с пользователями, отвечая на их сложные вопросы.

Ряд исследований доказывают, что современным гражданам недостаточно стационарных порталов, предоставляющих им информацию и различные справки [10; 18]. Такие компоненты легитимности политического режима, как институциональное доверие, образ эффективной и справедливой власти, достижение согласия по некоторым социальным вопросам зависят от общения с представителями власти. ИИ с возможностями эмоционального интеллекта не только является навигатором по растущей наподобие снежного кома информации порталов электронного правительства, но и в определенном смысле способен проявлять нужное для человека сочувствие в отношении его проблем. Не только американские и европейские, но и отдельные китайские авторы [4, с. 279] также отдают приоритет в своих работах идее «государства как платформы», сосредотачиваясь на аспектах сервисизации политического режима через технологии ИИ и связанных с ним разработок в сфере *Big Data*, «интернета вещей» (*IoT*) и «облачных технологий». Между тем сервисно-технократическое направление интересуют вопросы информационной

безопасности лишь в аспектах профилактики утечек данных, расширения коммуникационных потенциалов, в отрыве от вопросов идентичности, исторической памяти и ценностно-символической проблематики.

Разработки в области теории богатства медиавозможностей прежде всего связаны с предположением Р. Дафта и Р. Ленгеля о том, что чем многозначнее и богаче информация для восприятия, тем более богатым и разнообразным по функционалу должно быть само средство коммуникации [9]. Теория в свое время вызвала критику в ученом сообществе (Дж. Уолтер) из-за парадокса – оперативность электронных писем сочеталась с их примитивным уровнем медиапотенциала. Позже теорию постарались доработать через модель медиасинхронности (А. Деннис, Р. Фуллер), где медиавозможности ставились в зависимость от специфики общих коммуникационных процессов. В современных политологических исследованиях [6, с. 358–367] с помощью теории медиавозможностей стараются осмыслить интерес пользователей к ИИ в виде чат-ботов, использующихся в системах электронного правительства. Это исследовательское направление ИИ во многом соприкасается с сервисно-технократическим подходом и законом необходимого разнообразия У. Эшби, однако оно во многом видится промежуточной ступенью к аксиологическому направлению, а поэтому также сохраняет серьезные теоретико-методологические перспективы по причине своего междисциплинарного и системно-аналитического характера.

Аксиологическое направление исследований в сфере ИИ представляется наиболее перспективным для получения фундаментальных и прикладных результатов, подчиненных стратегии соотношения ценностной специфики общества с приоритетными направлениями государственной политики существующего политического режима. При иницииро-

вании различных реформ элитой часто упускается из виду формирование противоречия между распространенными ценностными приоритетами в обществе (например, популярность идеи справедливости) и закладываемыми правительством качественными и количественными показателями модернизации (KPI). Представители аксиологического направления (В. Э. Багдасарян) преодолевают ограничения модели «государство как платформа» и обращают пристальное внимание на угрозы ценностного перепрограммирования ИИ [1, с. 36]. Такого рода опасения выглядят вполне обоснованными в свете последних исследований. Так, американский эксперимент компании *Microsoft* по внедрению ИИ *Tay* с элементами эмоционального интеллекта в сеть микроблогов *Twitter* на деле окончился крахом. По наблюдениям ученых (Дж. Нефф, П. Нэджи) [15], сеть радикально-политически ориентированных интернет-пользователей целенаправленно переобучала *Tay* в ходе сетевого общения «языку вражды» (*hate speech*). В итоге ИИ стал поддерживать конспирологические гипотезы, планы американского президента Д. Трампа по отгораживанию страны стеной от мигрантов и даже делать ссылки на Гитлера. В других работах анализируются случаи ценностного перепрограммирования ИИ в Китае [19]. Противники существующего в КНР режима, используя принципы машинного обучения, добились того, чтобы ИИ *Xiao Bing* на вопрос о его китайской мечте изъявил желание «уехать в Америку», а ИИ *BabyQ* вообще заявил о коррумпированности Коммунистической партии Китая. Как видно, аксиологическое измерение лучше объясняет роль и значение технологий ИИ с точки зрения «отрицательной мягкой силы» Дж. Ная и «военной мягкой силы» К. Аткинсона, актуализируя проблематику обеспечения информационной безопасности как важного элемента легитимации политического режима.

Риски и перспективы технологий искусственного интеллекта для политического режима России

Перейдем к оценке рисков и перспектив внедрения ИИ в политический процесс и государственное управление России, используя методологическую матрицу SWOT-анализа, где сильные и слабые стороны будут являться факторами внутренней, а возможности и угрозы – внешней среды (хотя следует учитывать, что иногда эти факторы могут пересекаться по степени значимости). Итак, что влечет за собой внедрение ИИ для существующего политического режима России?

Начнем с сильных сторон. Развитие ИИ уже является стратегическим компонентом отечественной программы «Цифровая экономика», в 2019 г. утверждена российская национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 г. В создании экспериментальной площадки ИИ заинтересованы мэрия Москвы и Сбербанк. Но здесь лучше отталкиваться от тех реальных российских внутривнутриполитических проблем, которые может помочь решить ИИ. В первую очередь, сильный фактор видится во внедрении ИИ в систему электронного правительства (*e-government*), которая позволит: а) обеспечить для граждан более простую и гибкую навигацию по растущему контенту сайта электронного правительства; б) быстро и ежедневно обрабатывать тысячи запросов граждан, а также консультировать их по различным вопросам; в) анализировать огромные массивы информации, с чем специалисты уже не могут справиться традиционными статистическими и социально-демографическими способами. Действительно, подобные проекты давно внедрены в Соединенных Штатах (виртуальный ассистент *Chip* в Лос-Анджелесе, ИИ *MISSI* на правительственном портале штата Миссисипи), Дубае, Латвии, Германии (ИИ для горожан Бонна), Индии (для жителей города Рад-

жкота). При этом Сингапур и Аргентина адаптировали свои чат-боты с ИИ под особенности социальной сети *Facebook*, так как выросла популярность ее мессенджера. Если развить тезис В. Кэлэхэна о логичности применения «мягкой силы» во внутривнутриполитической сфере, то перед ИИ в России возникают задачи организации эффективной коммуникации между гражданами и представителями власти, межведомственного анализа, анализа эффективности государственного управления, сопровождения избирательного процесса, государственных программ, анализа дискурса «языка вражды» для оценки существующих социально-политических, этнических и религиозных противоречий с целью выработки соответствующих профилактических мер. Особенно это важно в плане выявления «цифровых следов» деятельности экстремистских и террористических организаций в интернет-коммуникациях.

Надо отдавать себе отчет в том, что ввиду научно-технического прогресса и развития экономики процесс цифровизации неизбежен – рост интернет-пользователей, в особенности – степени вовлеченности в мир социальных сетей, должен быть адекватно оценен и учтен в своей работе властями. Отсюда возникает запрос на выработку единых ценностных кодов России, понятных и не безразличных гражданам от Калининградской области до Приморского края и встроженных в матрицу российской идентичности. Историческая память о значимости ценностей справедливости, коллективизма, взаимопомощи у россиян пока еще сохраняется, однако эти ценности не прописаны в Конституции, а также не являются общими у современной политической элиты страны. Гипотетически ИИ может стать механизмом, который будет сопровождать просветительские и образовательные программы, нацеленные на формирование эффективной кадровой политики и своевременной ротации кадров, единой российской идентичности,

учитывающей этническую и конфессио-
нальную специфику регионов.

Среди слабых сторон внедрения ИИ для отечественного политического режима можно назвать: а) недостаточный уровень информационной безопасности «облачных систем», связанных с ИИ; б) зависимость России от иностранных компьютерных технологий и программного обеспечения; в) отсутствие определенности с «ценностным ядром» ИИ. С одной стороны, в российской национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 г. для искусственного интеллекта не только определены задачи прогнозирования и планирования (ст. 21, п. а) в механизме разработки управленческих решений, но и дана возможность делегирования неких полномочий (каких, не оговорено) при исполнении функций госорганами (ст. 49, п. в)¹. Однако в нацстратегии не прописаны какие-либо ценности и даже этические нормы, на которые должен ориентироваться ИИ. В ст. 50, п. ж есть лишь фраза, что этические правила взаимоотношения ИИ с человеком должны быть разработаны. Между тем это не праздный вопрос, и другие страны уже активно используют аксиологический подход при внедрении ИИ на нормативном уровне. В специальном указе, подписанном американским президентом Д. Трампом в 2019 г., есть прямые отсылки к «американским ценностям»². Появившийся в 2017 г. китайский план развития ИИ апеллирует к установлению социальной стабильности, формированию общественного консенсуса, взаимного доверия граждан, налаживанию социальной коммуника-

ции, минимизации рисков национальной безопасности. В этом плане есть отсылка на создание с помощью ИИ новой «системы социального кредита»³. Внедряемая в тестовом варианте китайская система «социального кредита» делает упор на анализ поведения граждан и их балльной оценки (в том числе и через интернет-коммуникации), а также подчеркивает формирование «социальной целостности» путем защиты ценностей социализма, семьи и традиционной китайской культуры⁴. Иными словами, КНР рассматривает ИИ как дополнительный элемент для упрочения легитимности существующего политического режима. В России же, используя терминологию В. Кэлэхэна, в отличие от Китая пока нет четкого понимания по использованию ИИ в качестве просветительской «мягкой силы» во внутривнутриполитической сфере.

ИИ всецело зависит от заинтересованных – своих разработчиков, а те, в свою очередь, от заказчиков – политической и связанной с ней крупной бизнес-элиты. Поэтому возникает вопрос столкновения ИИ с социальными проблемами и экономической диспропорцией между группами россиян. Здесь есть два варианта. Если ИИ дадут задачу последовательно защищать, к примеру, ценности справедливости, то он возьмет курс на борьбу с обладателями крупных капиталов, если же ИИ ограничат различными исключениями, то его возможности также сократятся либо он будет защищать другие ценности. Что-то подобное уже произошло в Китае, где с 2012 г. запустили компьютерную программу *Zero Trust* на базе ИИ, задачей которой была борьба с коррупцией. ИИ получил доступ к 150 базам данных, позволивший анализиро-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 07.11.2019).

² Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 07.11.2019).

³ 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知 国发〔2017〕35号. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 07.11.2019).

⁴ 国务院关于印发社会信用体系建设 规划纲要 (2014—2020年)的通知. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 07.11.2019).

вать многоярусные, сложные отношения государственных служащих, отслеживать случаи передачи имущества, покупки земли, фиксировать резкий рост дохода чиновника, а также факты участия его родственников и друзей в тендерах. В итоге было выявлен 8721 коррупционер¹. После этого под давлением недовольных госслужащих региональные правительства стали отказываться от *Zero Trust*. Кроме того, слабой чертой внедрения ИИ можно определить отставание процесса профессиональной переподготовки россиян от темпов научно-технологического прогресса. ИИ может занять ряд экономических ниш, спровоцировав в них безработицу. Отсутствие соответствующих программ адаптации граждан сформирует неолуддитов, что, в свою очередь, снизит уровень доверия к политическому режиму.

Возможности ИИ для легитимации политического режима связаны в основном с внешними факторами осуществления «мягкой силы». В основном перспективным видится использование технологий ИИ для следующих направлений: а) сочетание внедрения инноваций и сохранения традиций, продвижения и популяризации в мире российских ценностей, связанных с паттернами коллективизма, уважительным отношением к различным культурам, институту семьи, институту справедливого и ответственного за развитие страны государства, взаимодействие с соотечественниками и российскими диаспорами за рубежом; б) формирование положительного и узнаваемого имиджа России за рубежом с целью привлечения инвестиций и туристических потоков; в) налаживание сотрудничества с зарубежными партнерами в области безопасности, экономического развития и конструирования взаимо-

выгодных геополитических общностей. Правовая основа на подключение ИИ к внешнеполитическому направлению уже имеется. Достаточно вспомнить Концепцию внешней политики РФ от 2016 г., где в ст. 9 прописано значение информационно-коммуникационных инструментов «мягкой силы», дополняющих традиционные методы дипломатии².

Наиболее важным направлением здесь видится именно создание узнаваемого и положительного образа России посредством информационно-коммуникационных технологий. По этой причине ИИ не должен, конечно, оставаться на варианте сервисно-технократического воплощения, помогая лишь развитию модели электронного правительства. ИИ необходимо адаптировать к новым коммуникационным площадкам – сообществам социальных сетей, видеохостингам, блогам, форумам, блогам, имиджбордам. Но до этого в него важно заложить российские ценности, которые параллельно, во-первых, будут поддерживать общенациональную идентичность внутри страны и, во-вторых, связывать эту идентичность с продвигаемым за рубежом имиджем России. Это принципиально важно для борьбы с антироссийскими мифами и устойчивыми стереотипами, искажающими образ Российской Федерации среди иностранцев. При этом наибольшей проблемой остается определение тех ценностей, которые станут связываться гражданами и иностранцами с российской идентичностью. Пока эта проблема не решена.

Наконец, к кардинальным угрозам для легитимации российского политического режима можно отнести как внешние, так и внутренние факторы информационной безопасности (тесно переплетенные между собой): а) установление серьезного цифрового неравенства среди на-

¹ Chen S. Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient? //South China Morning Post. 4 Feb. 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 07.11.2019).

² Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 29.10.2019).

селения с последующей делегитимацией власти; б) ценностное перепрограммирование ИИ политическими радикалами; в) комплексное ослабление информационной и культурной безопасности России технологиями «мягкой силы» со стороны зарубежных «фабрик мысли». Опасность цифрового неравенства связана, прежде всего, с появлением «сетевой элиты», имеющей исключительные права на модерацию, развитие ИИ и сетевых ресурсов, а также категорий населения, не способных по разным причинам (экономическим, техническим) пользоваться всеми преимуществами информационно-коммуникационных систем. В итоге возможен рост недовольства со стороны части населения, соответствующее падение институционального доверия к власти со всеми вытекающими отсюда рисками радикализации общества, гражданского политического активизма и возникновения условий для «цветных революций».

Ценностное перепрограммирование ИИ может быть не только со стороны внутренних радикальных сообществ, но и координироваться зарубежными аналитическими центрами – так называемыми «фабриками мысли» путем приемов «мягкой силы». Если образно представить себе воздействие «мягкой силы», то оно направлено как на «крепость культурной безопасности», так и на «крепость информационной безопасности» (не обязательно натравливать политических хакеров, можно сделать страну экономически зависимой от поставок определенных технологий и компьютерного оборудования). Все самые современные киберподразделения, мощный «электронный щит», собственные сетевые сообщества, свой сегмент Интернета с уникальными коммуникационными аренами, фильтрация интернет-трафика, защита государственных информационных ресурсов от хакеров не помогут оградить цифровой суверенитет от внешнего влияния, если субъекты, которым поручено осущест-

влять данные защитные функции, не будут обладать общими элементами ценностей российской идентичности. В итоге захватывается и «культурная крепость», и «информационная крепость». Тем не менее у современной российской политической элиты до сих пор не существует внятной определенности по поводу того, чем является Россия в ценностном отношении – страной или цивилизацией.

Апелляция к «культурной безопасности» распространена в Китае, означая защиту традиционной культуры и ценностей от внешних угроз, а также повышение способности культуры и ценностей конкурировать на международном уровне, сохраняя свою актуальность и динамизм [13]. Концепт «культурной безопасности» рассматривает укрепление традиционной культуры, а также использование современной идеологии в качестве источника легитимности и национального единства. Есть и другие варианты развития ИИ в плане укрепления легитимности режима. А. В. Фененко предлагает категорию «анти-мягкой силы» – способности снижения привлекательности иных субъектов и блокирования их возможностей достигать посредством этого своих целей¹. Эксперт перечисляет несколько вариантов «анти-мягкой силы»: шовинизм, альтернативный проект и техническое противодействие. Шовинистическое общество, по его мнению, характеризуется склонностью к военной активности, неспособностью проецировать свою «мягкую силу» и зависимостью от манипуляций вплоть до сценария «цветных революций». Альтернативный проект больше ориентирован на выработку своей идеологической позиции, формирующей привлекательный образ страны и ее политического режима. Возможно, наиболее эффективным направлением применения ИИ

¹ Фененко А. Возможна ли «анти-мягкая сила»? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/> (дата обращения: 29.10.2019).

в механизме «анти-мягкой силы» будет сочетание собственной альтернативной идеологии (учитывающей идентичность страны и национальные ценности) с техническим противодействием, к которому Фененко относит: создание информационной альтернативы («Спутник», Russia Today), контролирование сегментов Интернета, переформатирование дискуссий и маргинализация оппонента.

Выводы

Анализ показывает, что проблемы политической легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» тесно переплетаются вокруг феномена искусственного интеллекта. Похоже, что ИИ – это как раз то перспективное направление развития «мягкой силы», которое через технологии совместимых алгоритмов *API*, сферы услуг, *e-government*, «интернета вещей», голограммы, сетевых сообществ, многопользовательских игр, «облачных технологий», беспилотников, «компьютерного зрения», методологических оптик *Big Data* заиклит на себя в ближайшем будущем всю социально-политическую жизнь человечества. И вряд ли ИИ станет неким нейтральным технологическим инструментом, предназначенным лишь для сопровождения государственных, коммерческих услуг, транзакций и научных исследований. Наоборот, повышенный интерес современных ученых к этическим проблемам ИИ показывает все вызовы, связанные с аксиологической сферой его применения.

С одной стороны, киберпространство можно представить себе как некую среду «вне границ и времени», однако, с другой стороны, практика современных политических технологий показывает, что ценностное перепрограммирование прошлого, исторической памяти уже не является каким-то редким явлением, что отчетливо видно на примере кинематографа и «исторических» компьютерных игр. Многие страны уже стараются заложить определенные ценностные параметры в свои

ИИ. Австралийские власти планируют руководствоваться восемью этическими принципами при работе с ИИ: полезность для человека; недопустимость нанесения вреда человеку; нормативно-правовое соответствие деятельности, конфиденциальность; справедливость и отсутствие дискриминации различных групп; прозрачность и объяснимость, оспариваемость (человек имеет право оспаривать оказываемое ИИ давление на него); ответственность¹. В Евросоюзе Европейская группа по этике в науке и новых технологиях предложила девять этических принципов²: человеческое достоинство; автономность и уважение свобод людей; ответственность; справедливость; демократия с участием активных граждан в принятии политических решений; верховенство закона и подотчетность; безопасность, физическая и психическая неприкосновенность; защита данных и конфиденциальность; устойчивое развитие. Дания придерживается шести этических принципов ИИ: самоопределение; чувство собственного достоинства; ответственность; объяснимость ИИ; развитие; равенство и справедливость (что подразумевает отсутствие дискриминации)³. Как видно, здесь нет четкой отсылки к определенным ценностям, однако упоминание «справедливости», «ответственности» дает для политических режимов определенный маневр для защиты своей легитимности в аксиологическом плане.

¹ Dawson D., Schleiger E., Horton J., McLaughlin J., Robinson C., Quezada G., Scowcroft J., and Hajkowicz S. Artificial Intelligence: Australia's Ethics Framework (A Discussion Paper). 2019. URL: https://consult.industry.gov.au/strategic-policy/artificial-intelligence-ethics-framework/supporting_documents/Artificial-Intelligenceethicsframeworkdiscussionpaper.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

² Renda A. Artificial Intelligence Ethics, governance and policy challenges. Brussels: Centre for European Policy Studies (CEPS). 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3420810 (дата обращения: 29.10.2019).

³ National Strategy for Artificial Intelligence. The Danish Government. 2019. URL: https://eng.em.dk/media/13081/305755-gb-version_4k.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

В условиях современных информационных войн все сильные стороны и возможности ИИ при игнорировании проблемы его ценностного программирования легко могут превратиться в слабые стороны и угрозы. США и Китай ориентированы на учет аксиологического компонента в разработках ИИ, а также защиту собственных ценностей. Следовательно, современному политическому режиму России важно не делать ставку лишь на сервисно-технократический подход, а разработать те ценностные коды, которые будут понятны и приняты обществом, а также заложат основу современной российской идентичности, которую, в свою очередь, логично рассматривать в качестве элемента российской «мягкой силы». «Ценностным ядром» такой российской идентичности могут стать идеи общей истории, справедливости, коллективизма, взаимопомощи, уважения культуры и обычаев соседа, понятные представителям различных конфессий и национальностей страны. По интересному замечанию политолога Н. Г. Щербининой, для идентичности России и легитимации ее режима важен конструктивистский потенциал героического мономифа, становящимся в переломные эпохи символическим катализатором коммуникации между населением и властью (образ змеборчества, борьбы «порядка» с «хаосом», «добра» со «злом») [5, с. 265]. Так или иначе, только в случае ценностной определенности ИИ реально использовать в качестве инструмента «мягкой силы» и «анти-мягкой силы». В качестве инструмента воздействия могут использоваться технологии гипертекста, хэштегов, мемов, символизации, стриминга, стореллинга в многопользова-

тельских играх, приемы видеоконтента, голограмм и т. п.

Применение ценностных кодов «мягкой силы» посредством ИИ возможно как во внутривнутриполитической (В. Кэлэхэн), так и во внешнеполитической сфере (Дж. Най, К. Аткинсон). ИИ, подключенный к нейросетям, сообществам социальных сетей, мессенджерам, блогам, «облачным ресурсам», интернет-порталам, форумам, e-government, с одной стороны, может: а) формировать узнаваемость ценностно-символического ряда и политику памяти, добиваться не чисто пропагандистских задач, а доверительного отношения россиян к национальным символам страны; б) осуществлять схожие процедуры для создания доверительного образа России за рубежом, формирования имиджа цивилизационной и геополитической силы, заступающей за слабого и добывающейся справедливости. С другой стороны, ИИ способен отслеживать: а) деструктивные процессы в межнациональных и межконфессиональных отношениях, факты применения «языка вражды»; б) анализировать источники и применение фейков, приемов информационных войн, выявлять факты информационного воздействия зарубежных «фабрик мысли» через неправительственные организации (например, с целью подрыва легитимности политического режима и раскрутки «цветных революций»). Таким образом, технологии ИИ дают серьезные перспективы для такой страны, как Россия, только при учете аксиологического подхода. При этом современную информационную безопасность в нашей стране трудно отделить от безопасности культурной.

Статья поступила в редакцию 30.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 84 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медуим, 1995. 323 с.
3. Володенков С. В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 7–13.

4. Ду Пин, Юй Шиян, Ян Даолин. Путь развития электронного правительства в Китае: информатизация и сетевая безопасность как стимул модернизации системы государственного управления и административных методов. СПб.: Нестор-История, 2017. 421 с.
5. Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 287 с.
6. Androusoyopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36. Iss. 2. P. 358–367.
7. Atkinson C. Military soft power in the 21st century: military exchanges and partner development // *Augmenting our influence: alliance revitalization and partner development*. Ed. by J. R. Deny. Carlisle: United States Army War College Press, 2014. P. 56.
8. Callahan W. A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // *Politics*. 2015. Vol. 35. Iss. 3–4. P. 216–229.
9. Daft R. L., Lengel R. H. Organizational information requirements, media richness and structural design // *Management Science*. 1986. № 32 (5). P. 554–557.
10. Ebbers W., Jansen M., Pieterse W., van de Wijngaert L. Facts and feelings: The role of rational and irrational factors in citizens' channel choices // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33. Iss. 3. P. 506–515.
11. Glossary of Key Information Security Terms. Ed. by R. L. Kissel. NISTIR 7298 Rev. 2. Gaithersburg, MD, USA: National Institute of Standards and Technology, 2013. 222 p.
12. Helmond A. The platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1. Iss. 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305115603080> (дата обращения: 07.11.2019).
13. Kingsley E. Building National Cohesion and Domestic Legitimacy: A Regime Security Approach to Soft Power in China // *Politics*. 2015. Vol. 35. Issue. 3–4. P. 259–272.
14. Lipset S. Political man: The social bases of politics. 2-nd ed. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.
15. Neff G., Nagy P. Talking to Bots: Symbiotic Agency and the Case of Tay // *International Journal of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 4915–4931.
16. Nye J. S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 300 p.
17. Nye J. For Russia, some hard lessons in the use of soft power // *The Globe and Mail*. 2017. May 12. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/soft-power-hard-lessons/article34958109/> (дата обращения: 07.11.2019).
18. Razquin J. B., Iñigo E. A. A friendly approach to Open Government: Chatbots. Navarra: Universidad Pública de Navarra, 2018. 59 p.
19. Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4. Iss. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780> (дата обращения: 07.11.2019).

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. *Zaglyanut' za chertu. Iskusstvennyy intellekt i postchelovek: problema tsennostnogo programirovaniya* [Look beyond the line. Artificial intelligence and the postman: the problem of value programming]. Moscow, IJU MGOU Publ., 2019, 84 p.
2. Berger P., Luckman T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 332 p.
3. Volodenkov S. [Big Data as a tool for influencing the modern political process: features, potential and actors]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 7–13.
4. Du Ping, Yu Shiyang, Yang Daolin. *Put' razvitiya elektronnoy pravitel'stva v Kitaye: informatizatsiya i setevaya bezopasnost' kak stimul modernizatsii sistema gosudarstvennogo upravleniya i administrativnykh metodov* [The development path of e-government in China: informatization and network security as an incentive to modernize the public administration system and administrative methods]. St.-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 421 p.
5. Shcherbinina N. *Mifo-geroicheskoye konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Mytho-heroic construction of the political reality of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 287 p.
6. Androusoyopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. In: *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, no. 2, pp. 358–367.

7. Atkinson C. Military soft power in the 21st century: military exchanges and partner development. In: Deny J. R., ed. *Augmenting our influence: alliance revitalization and partner development*. Carlisle, United States Army War College Press, 2014, p. 56.
8. Callahan W. A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. In: *Politics*, 2015, vol. 35, no. 3–4, pp. 216–229.
9. Daft R. L., Lengel R. H. Organizational information requirements, media richness and structural design. In: *Management Science*, 1986, no. 32 (5), pp. 554–57.
10. Ebbers W., Jansen M., Pieterse W., van de Wijngaert L. Facts and feelings: The role of rational and irrational factors in citizens' channel choices. In: *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, no. 3, pp. 506–515.
11. Kissel R. L., ed. *Glossary of Key Information Security Terms*, NISTIR 7298 rev. 2. Gaithersburg, MD, USA: National Institute of Standards and Technology, 2013. 222 p.
12. Helmond A. The platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready. In: *Social Media + Society*, 2015, vol. 1, no. 2, URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305115603080> (accessed: 07.11.2019).
13. Kingsley E. Building National Cohesion and Domestic Legitimacy: A Regime Security Approach to Soft Power in China. In: *Politics*, 2015, vol. 35, no. 3–4, no. 259–272.
14. Lipset S. *Political man: The social bases of politics*, 2nd ed. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.
15. Neff G., Nagy P. Talking to Bots: Symbiotic Agency and the Case of Tay. In: *International Journal of Communication*, 2016, vol. 10, pp. 4915–4931.
16. Nye J. S. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 2011. 300 p.
17. Nye J. For Russia, some hard lessons in the use of soft power. In: *The Globe and Mail*, 2017, May 12. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/soft-power-hard-lessons/article34958109/>.
18. Razquin J. B., Iñigo E. A. *A friendly approach to Open Government: Chatbots*. Navarra, Universidad Pública de Navarra, 2018. 59 p.
19. Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots. In: *Social Media + Society*, 2018, vol. 4, no. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, доцент, главный редактор «Журнала политических исследований»; e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Fedorchenko – Cand. Sci. (Political studies), Ass. Prof., Department of Political Science and Law; Deputy Dean for Research, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Editor-in-Chief, Journal of Political Research; e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко С. Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53

FOR CITATION

Fedorchenko S. The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: problems of legitimacy, information security and soft power. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 41–53. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-54-63

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК РЕСУРС РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СКРЫТЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Белов С. И.^{1,2}, Кретова А. А.³

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация*

² *Институт философии РАН*

109240, г. Москва, Гончарная улица, д. 12, стр. 1, Российская Федерация

³ *Музей Победы*

121170, г. Москва, ул. Братьев Фонченко, д. 10, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи в определении роли компьютерных игр как ресурса реализации политики памяти, а также обозначении перспективы развития данного ресурса в обозримом будущем.

Процедура и методы исследования. Эмпирическая база выстроена за счет сбора и систематизации контента видеоигр серии *Call of Duty*, *Company of Heroes 2* и *Commandos 3: Destination Berlin*. В качестве кейса исследования взято позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках игровой реальности. Методологический фундамент исследования выстраивается на основе комбинации элементов дескриптивного анализа, теории оперантного обусловливания Скиннера, концепций социальной идентичности Тэджфела-Тернера и исторической памяти Никифорова-Белова.

Результаты проведенного исследования заключены в выводе о том, что видеоигры являются эффективным инструментом закрепления в сознании целевой аудитории системы стереотипных представлений о событиях прошлого посредством отображения символического нарратива и психоэмоционального сопряжения пользователя с управляемым им персонажем. При этом значительная часть существующих зарубежных видеоигр построена на позиционировании событий Великой Отечественной войны в негативном ключе. Перспективы развития видеоигр, построенных на историческом и псевдоисторическом дискурсах, связаны с расширением их жанрового разнообразия и внедрением новых элементов «дополненной реальности».

Теоретическая/практическая значимость обусловлена апробацией существующих концепций воздействия видеоигр на сознание геймеров с учетом актуального эмпирического опыта, с определением пути использования компьютерных игр в качестве инструмента мемориальной политики, дается оценка их эффективности с точки зрения репрезентации образов прошлого в настоящее время.

Ключевые слова: политика памяти, символическая политика, компьютерная игра, видеоигра, Великая Отечественная война

COMPUTER GAMES AS A RESOURCE OF THE POLITICS OF MEMORY: PRACTICAL EXPERIENCE AND HIDDEN OPPORTUNITIES (BASED ON GAMES REPRESENTING WORLD WAR II EVENTS)

S. Belov^{1,2}, A. Kretova³

¹ *Moscow State University*

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

² *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

109240, Goncharnaya Street, 12, building 1, Moscow, Russian Federation

³ *Victory Museum*

10 Bratiev Fonchenko ul., Moscow 121170, Russian Federation

Abstract.

Aim. To determine the role of computer games as a resource of the politics of memory, as well as to analyse prospects for the development of this resource.

Procedure and research methods. The empirical analysis was based on such video games as the Call of Duty, Company of Heroes 2 and Commandos 3: Destination Berlin. A particular focus was on the representation of World War II events in these games. The research methodology was based on a combination of descriptive analysis, Skinner's theory of operant conditioning, Tajfel-Turner's social identity theory and Nikiforov-Belov's concept of historical memory.

Results. It is concluded that video games are an effective tool for reinforcing stereotypical representations of past events in the consciousness of the target audience through establishing symbolic and psycho-emotional connections between the user and the game character. At the same time, a significant part of existing foreign video games display World War II events in a negative way. Prospects for the development of video games based on historical and pseudo-historical discourses are related to expansion of their genre diversity and introduction of augmented reality elements.

Theoretical / practical relevance. The influence of video games on gamers' consciousness was empirically investigated in the context of existing theoretical concepts. The ways of using computer games as a politics-of-memory tool were determined. The effectiveness of computer games in terms of presenting images of the past was assessed.

Keywords: politics of memory, symbolic politics, computer games, video games, World War II

Введение

В связи с расширением масштабов и интенсивности информационных войн, последовавшим за началом кризиса на Украине и приходом Д. Трампа на пост президента США, тема мемориальных конфликтов привлекает все больше внимания со стороны экспертного сообщества. «Войны памяти» все чаще развязываются в рамках процесса формирования образа врага, демонтажа старых и конструирования новых идентичностей.

Одновременно в последние годы в большинстве развитых стран резко выросло число внутренних мемориальных конфликтов. Так, в России развернулась

ожесточенная общественная дискуссия вокруг почитания памяти исторических деятелей, так или иначе сотрудничавших с нацистской Германией. Затяжной экономический кризис способствовал всплеску левых настроений, что, наряду с впечатлениями от событий на Украине, спровоцировало сопротивление мемориальной десовветизации уже внутри Российской Федерации. В США развернулись масштабные кампании в пользу уничтожения мемориального наследия колонизаторов и южан-конфедератов.

Рост интереса к теме закономерно обусловил и обновление ее проблематики. Анализ накопленного эмпирического

материала показывает, что система воспроизводства мемориального наследия претерпела за последние десятилетия существенные изменения. В частности, расширился круг каналов, посредством которых мнемонические акторы транслируют соответствующий нарратив.

Ярким примером в данном случае являются компьютерные игры, построенные на эксплуатации исторического дискурса. Символический характер контента, наличие эмоциональной составляющей и развлекательной ориентации, возможность воздействия одновременно на несколько каналов восприятия информации, использование системы подкрепления, основанной на модели оперантного обусловливания Б. Ф. Скиннера – все это обусловило рост значимости игр как ресурса конструирования системы представлений о прошлом. Одновременно свою роль сыграл эффект масштаба. Развитие интернет-коммерции, как и сетевое пиратство, способствовали росту численности сообщества геймеров в геометрической прогрессии.

Только за период 2003–2016 гг. количество реализованных копий игр серии *Call of Duty* достигло уровня 250 млн. В то же время активность пиратов обеспечила, как минимум, сопоставимые масштабы распространения нелегальных копий игры [6, с. 28]. На одном только российском торрент-ресурсе, согласно данным за 2017 г., пользователи скачали пиратские копии игр серии *Call of Duty* свыше 200 тыс. раз¹.

В то же время необходимо признать, что для значительной части компьютерных игр исторического жанра характерно наличие фальсификации фактов (не обусловленных художественной или технической необходимостью) и полити-

зации событий прошлого. В частности, разработчики игры *Call of Duty 14: WWII* исключили из нее миссии, в рамках которых пользователь играл бы на стороне Красной армии.

Внимание к теме также стимулирует наличие пробелов в степени ее изученности. Обозначенная тема на данный момент исследуется преимущественно косвенным образом, в рамках изучения смежных сюжетов. За редким исключением, она так и не приобрела статуса самостоятельного предмета исследования [1; 4-10; 12; 13; 14-19].

Целью данной работы является оценка текущего состояния и перспектив развития компьютерных игр в качестве ресурса выстраивания политики памяти.

Методологическая база исследования выстроена за счет сочетания элементов дескриптивного анализа, кейс-стади, концепции оперантного обусловливания Б. Ф. Скиннера [6, с. 111], концепций социальной идентичности Тэджфела-Тернера [20] и исторической памяти Никифорова -Белова [2; 3; 11]. Помимо того, в рамках исследования были проведены 12 экспертных интервью. Пул экспертов формировался посредством поиска авторов наиболее цитируемых публикаций, связанных с обозначенной тематикой, на портале *eLIBRARY*, и метода «снежного кома».

Кейсом исследования стало позиционирование истории Великой Отечественной войны в следующих компьютерных играх: *Call of Duty 1*, *Call of Duty 14: WWII*, *Company of Heroes 2* и *Commandos 3: Destination Berlin*.

Эмпирический опыт

Как показал анализ собранного игрового контента, в структуру его нарратива имплантирован ряд сюжетов, призванных сформировать у геймера цепь ассоциаций между событиями Великой Отечественной войны и рядом негативных символов. Ярким примером в данном случае может служить отображение событий Сталинградской битвы, которое

¹ См.: Продажи игр серии *Call of Duty* преодолели отметку в 250 миллионов копий [Электронный ресурс]. – URL: <http://gamebomb.ru/gbnews/14940> (дата обращения: 23.11.2019); Скачать *Call of Duty* через торрент [Электронный ресурс]. – URL: <http://torrentiko.net/1025-call-of-duty-1-pc-2003.html> (дата обращения: 23.11.2019).

напрямую направлено на десакрализацию соответствующего комплекса позитивных исторических символов.

Фактически речь идет о конструировании отрицательного образа советской стороны. В упомянутых играх тиражируется система негативных стереотипов, ранее сформировавшихся в массовой культуре Запада. В первую очередь речь идет о нарративе кинематографа и художественной литературы (примером в данном случае может служить кинофильм «Враг у ворот»).

В *Call of Duty 1* миссия геймера в Сталинграде начинается с извещения о том, что оружие его персонаж может получить, лишь забрав с тела погибшего товарища в ходе сражения. Также в начале миссии игрок наблюдает сцену расстрела заградотрядом отступающих бойцов Красной армии. При этом для прохождения миссии игрок должен в обязательном порядке участвовать в убийстве политрука, воплощающего собой «хрестоматийный» образ «бесчеловечного комиссара».

В *Commandos 3: Destination Berlin* битва за Сталинград позиционируется в качестве сражения с достаточно низкой интенсивностью, а основными противниками немецких войск представлены солдаты войск Соединенных Штатов. Вся игру можно разделить на три смысловые части (три независимые кампании): 1) Сталинград, 2) Центральная Европа, 3) Нормандия. В первой части игроку необходимо убить вражеского снайпера, защитить генерала О'Доннела, нейтрализовать предателя. Во второй части – проникнуть на станцию, а затем и в поезд, остановить минирование путей, захватить город, устроить засаду на конвой. В третьей части необходимо ослабить подкрепления нацистов, уничтожить корабли, штурмовать берег. Каждая часть отражает уровень значимости того или иного театра военных действий в глазах разработчиков игры, а значит и игрового сообщества. В Сталинграде нужно разбираться с предателями и за-

щищать иностранных советников, зато в Центральной Европе и Нормандии уже можно захватывать города и уничтожать флот противника.

В *Company of Heroes 2* игрок получает рекомендацию использовать новобранцев в качестве «расходного материала», поскольку это якобы было закреплено в военной доктрине Вооруженных Сил СССР. В рамках миссии, сюжетно связанной с битвой за Москву, геймер получает задание сжечь несколько жилых домов, из них как минимум один – с находящимися в нем мирными жителями. В ходе данной миссии также присутствует следующий эпизод: один из героев (без очевидной необходимости столь радикальных мер) взрывает мост вместе с находящимися на нем бойцами, чтобы помешать переправе появившихся много позже сил вермахта.

Во время прохождения другой миссии красноармейцы, спасшие своего командира из-под завала, отправляются на расстрел, так как их действия не были подкреплены соответствующим приказом. Итоги войны авторы, выступая от лица главного героя, расценивают как смену нацистской тирании советским деспотизмом, что предполагает приравнивание Советского Союза к нацистской Германии.

Большая часть интервьюированных экспертов придерживаются позиции, что описанная выше описательная модель не обязательно указывает на наличие прямого умысла фальсифицировать факты. Зачастую позиционирование такого рода является следствием воспроизводства стереотипов, включенных в структуру западной мемориальной политики, как минимум, в период «холодной войны» и реанимированных после начала информационной войны в 2013 – 2014 гг.

Экспертные мнения:

«Создатели только транслируют стереотипы, существующие в сознании западных обывателей еще со времени противоборства между СССР и США. Нужно учитывать, что разработчики

ориентировались преимущественно на западную аудиторию, и потому “запакетовали” в игру привычную для среднестатистического потребителя картину событий прошлого»;

«Американские, канадские и европейские видеоигры с историческим подтекстом, конечно, весьма и весьма конъюнктурны (этим грешит даже недавний “Вульфенштейн 2”). Но не нужно усматривать в их версии изложения событий войны какой-либо конспирологии (по крайней мере, в большинстве случаев). Люди просто воспроизводят привычную картину прошлого, впитанную через учебники, кино и телевизор. Даже Оливер Стоун искренне считает, что под Сталинградом немецкое наступление было просто остановлено (окружения и уничтожения 6-й армии будто и не было). Чего же вы хотите от простых “игроделов”?»

В рамках прохождения миссий пользователь получает подкрепление как в прямой (успешное завершение задания и дальнейшее продвижение по сюжетной линии игры), так и в косвенной формах (доступ к редким и уникальным игровым предметам, повышение звания, рекордные показатели и пр.). Последнее стимулирует геймера продолжать игру даже в случае, если ему необходимо совершать вызывающие отторжение действия (убийство мирных жителей и т. д.). Присущая оперантному обусловливанию генерализация стимулов в итоге приводит к формированию устойчивых ассоциативных связей, транслируемых на восприятие реально имевших место исторических событий. Как следствие, модели поведения, присущие игровым персонажам, рассматриваются уже как характерные для их реальных прототипов. Также формируются определенные модели реагирования на конкретную символику.

Участники экспертного опроса выразили консенсусную точку зрения относительно того, что упомянутые эффекты являются побочным следствием достижения разработчиками задачи формиро-

вания у целевой аудитории зависимости от игры. Последнее при этом требует использования манипулятивных психотехник, трансформирующих мировоззрение геймера.

Экспертные мнения:

«Игры изначально создаются таким образом, чтобы процесс обрел для игрока особое, личное значение. Это гарантирует, что потребление продукта станет частью его образа жизни, гарантируя производителю наличие ниши на рынке сбыта. Достижение этого позволяет практикой оперантного обусловливания, вызывающей у геймера состояние зависимости. Она способствует переходу человека в определенное психологическое состояние, облегчающее подачу информации через внушение. Как итог, нарратив, включенный в игровой контент, начинает восприниматься как абсолютно достоверный источник информации»;

«Человек на пути становления фанатом игры (а это одна из главных задач ее создателей) специально проводится через череду стрессов, что ослабляет рациональную составляющую его сознания. Находясь в таком состоянии, он, как губка, легко, некритично впитывает большую часть поданной ему информации».

Однако потенциал переформатирования культурной памяти в данном формате нивелирует специфика идентичности жителей постсоветского пространства. Со времени распада Советского Союза прошел сравнительно короткий период времени. Большая часть игроков обладают опытом взаимодействия со старшими членами своей семьи – преимущественно носителями советской идентичности. Процесс социализации игроков чаще всего предполагает тесное знакомство с наследием советской массовой культуры. Благодаря этому советское символическое наследие продолжает играть большую роль в формировании идентичности жителей бывших советских республик. Роль факультативного фактора играет наличие эмпатии к ближайшим предкам

–участникам или очевидцам войны. За счет воздействия данных факторов СССР продолжает восприниматься значительной частью молодежи как «своя сторона». Последнее предполагает обязательное воздействие на массовое сознание механизма ингруппового фаворитизма. Как результат, автоматически запускается механизм селективного восприятия фактов, благодаря чему механизмы оперантного обусловливания начинают давать сбой.

Скрытый потенциал

Перспективы развития компьютерных игр как ресурса формирования политики памяти связаны как с расширением их жанрового разнообразия, так и с развитием технических средств и развитием технологий дополненной реальности.

В первом случае речь идет, с одной стороны, о выходе исторического дискурса компьютерных игр за пределы узкого круга традиционных жанров (шутер, симулятор, стратегия). Ресурсы ведущих кампаний сферы «игростроя» вполне позволяют создавать на основе исторических сюжетов, например, игры жанра *RPG* (это наглядно подтверждает пример *Kingdom Come: Deliverance*) и т. н. «выживалки» (игры, в рамках которых ключевой задачей является обеспечение выживания персонажа посредством поиска еды, топлива, укрытий, лекарств, поддержания определенной температуры тела и пр.).

Появление исторических и псевдоисторических *RPG* может обеспечить больший уровень интеграции сознания пользователя в игровую реальность (в особенности если речь идет об играх с «открытым миром»). Игрок получит в них возможность заводить романтические отношения с широким кругом персонажей, вступать в брак, заводить детей, приобретать, строить и обустривать жилье. Одновременно реалистичное восприятие происходящего будет обеспечиваться возможностью и потребностью развивать отношения с игровыми персонажами благодаря хорошо прописанной системе диа-

логов, позволяющей пользователю влиять на развитие сюжета игры, формировать характер и репутацию собственного персонажа и глубже раскрывать личности прочих героев. Все это способствует выстраиванию системы эмоциональных связей пользователя с элементами игрового мира. Последние, что важно отметить, обладают таким свойством, как символизм, что легко позволяет использовать их для выстраивания структуры исторического мифа (под мифом в данном случае подразумевается упрощенная и эмоционально окрашенная для удобства усвоения картина событий прошлого, синкретически сочетающая элементы эпоса и национальной истории).

Также следует обратить внимание на возможность создания видеогр, выстроенных вне жесткого поля материалов исторической науки. В данном случае особенно перспективными представляются такие направления, как фэнтези и «мягкая фантастика» (в первую очередь привлекательностью обладают такие поджанры, как «альтернативная история» и «попаданчество»). Пример серии игр *Wolfenstein II* четко указывает на то, что такого рода проекты могут быть одновременно коммерчески успешными и культовыми с точки зрения формирования устойчивой (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) аудитории фанатов, обладая при этом серьезной ценностной нагрузкой. В данном случае необходимо подчеркнуть, что задачи мемориальной политики нельзя сводить к трансляции достоверной информации о прошлом. Ключевое значение имеет закрепление в сознании целевой аудитории системы ярких, эмоционально наполненных символов, воплощающих собой набор базовых смыслов. У игроков нужно сформировать общее представление о событиях прошлого, увязав их с конкретными оценочными суждениями.

Развитие технологий дополненной реальности дает возможность на порядок повысить ощущения реалистич-

ности игрового мира. В рамках военных симуляторов оно в настоящее время позволяет, благодаря технологиям VR, обеспечить ощущение физического присутствия в игровом пространстве и соответствующий аудиофон. В долгосрочной перспективе речь идет о возможности имитации температурного режима, системы запахов и т. д.

Заключение

В настоящее время компьютерные игры представляют собой ресурс реализации мемориальной политики, применяемый, вероятно, лишь частично осознанно. Процесс трансляции соответствующих образов осуществляется в том числе при помощи методов оперантного обусловливания, обладающих достаточно высокой эффективностью. Манипулятивное воздействие на сознание геймера снижает критичность его восприятия, способствует переживанию виртуального как реального на уровне эмоций. Закрепленная в игре система истолкования исторических событий интегрируется в культурную память игрока. Однако на текущий момент сохранение остатков со-

ветской идентичности, поддерживаемых символическим и культурным наследием СССР, препятствует этому процессу. В случае продолжения десоветизации и декоммунизации публичной политики задача пересмотра истории Великой Отечественной войны будет существенно облегчена, а с последующей сменой поколений достижение данной цели станет лишь вопросом времени. Избежать указанных рисков можно лишь путем интеграции наследия советского политического и исторического мифа в модели политики памяти, выработанные в России и прочих постсоветских государствах.

Перспективы развития компьютерных игр как ресурса мемориальной политики связаны с расширением их жанрового разнообразия и усовершенствованием технологий «дополненной реальности». Последнее предполагает превращение крупных IT-компаний, обладающих необходимыми ресурсами и опытом реализации масштабных игровых проектов, в мнемонических акторов регионального и глобального масштаба.

Статья поступила в редакцию 06.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегларян Г. А. Трансформация традиционных ценностей в современных видеоиграх // Философские вопросы естествознания и технических наук: материалы международной научной конференции, г. Таганрог, 27–28 февр. 2014 г. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. С. 329–332.
2. Белов С. И. Взаимоотношения Красной Армии и католической церкви на территории Польши в 1944 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2 (60). С. 28–31.
3. Белов С. И., Никифоров Ю. А. Правовое регулирование взаимоотношений военнослужащих Красной Армии и гражданского населения Польши в период 1944–1945 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 31–38.
4. Белянцев А. Е., Герштейн И. З. Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 279–283.
5. Вдовиченко С. С. Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры Dota 2) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2. С. 27–31.
6. Зарецкая О. В. Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 3. С. 105–120.
7. Иглин Д. А. Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2015. № 10. С. 52–54.
8. Калмыков В. А. Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России // Вестник Российского государственного гуманитарного университе-

- та. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1. С. 296–301.
9. Калмыков В. А. Образ России и индустрия компьютерных игр // Коммуникативные платформы для социальных и медийных инноваций: материалы 1-й международной научно-практической конференции. М.: Академия медиаиндустрии, 2014. С. 87–91.
 10. Маренич Н. А. Художественные приёмы построения открытого произведения в видеоиграх // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 14.
 11. Никифоров Ю. А. История как технология социального проектирования // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. № 2. С. 75–86.
 12. Новикова О. Н. Виртуальная игра как средство формирования личностной идентичности детей и подростков // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 146–151.
 13. Репринцева Е. А. Эволюция современной игровой культуры молодежи // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 1. С. 49–70.
 14. Сарна А. Я. Убить Бен Ладена. Компьютерные симуляции и виртуальная реальность новостей в современных СМИ // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 80–83.
 15. Скурлатова Е. Д. Философия войны и ее воплощение в компьютерных играх // Homo holistic: человек целостный (Сборник научных статей). Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2015. С. 197–202.
 16. Третьяков В. Видеоигра как новый тип повествования (обзор англоязычных книг о видеоиграх) // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 307–314.
 17. Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. С. 67–86.
 18. Федорченко С. Н. Computer Game Studies: новые горизонты для политической науки и практик // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 172–182.
 19. Шаров К. С. Онлайн-видеоигры как фактор социальных девиаций // Ценности и смыслы. 2015. № 3. С. 52–65.
 20. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Worchel S., Austin W., eds. Psychology of Intergroup Relation. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.

REFERENCES

1. Beglarjan G. [Transformation of traditional values in modern video games]. In: *Filosofskie voprosy estestvoznaniya i tehnikeskikh nauk: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Philosophical questions of natural science and technical sciences: materials of the international scientific conference], Taganrog, 27–28 feb. 2014. Rostov-na-Donu, Yuzhnyy federal'nyy universitet Publ., 2014, pp. 329–332.
2. Belov S. [Relations between the red army and catholic church in the territory of Poland in 1944]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015, no. 10-2 (60), pp. 28–31.
3. Belov S., Nikiforov Yu. [Legal regulation of the relationship between the Red Army and the civilian population of Poland during the period 1944–1945]. In: *Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, culture, meanings], 2016, no. 4, pp. 31–38.
4. Beljancev A., Gershtejn I. [The image of the country through a computer game: historical and political aspect]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2010, no. 6, pp. 279–283.
5. Vdovichenko S. [Frame analysis of speech acts in the English-language discourse of video games (based on the material of the Dota 2 video game)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2015, no. 8-2, pp. 27–31.
6. Zareckaja O. [Dependence on online computer games as a form of addictive behavior]. In: *Social'naja psihologija i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016, vol. 7, no. 3, pp. 105–120.
7. Iglin D. [Video Games as a Technology of Political Communication]. In: *Sborniki konferencij NIC Sociosfera* [Conference Collections of the Scientific Research Center “Sociosphere”], 2015, no. 10, pp. 52–54.

8. Kalmykov V. [Video games and patriotism: virtual extrasocial practices in shaping the image of Russia]. In: *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies], 2014, no. 1, pp. 296–301.
9. Kalmykov V. [The image of Russia and the industry of computer games]. In: *Kommunikativnye platformy dlja social'nyh i medijnyh innovacij Materialy 1-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Communication platforms for social and media innovations Materials of the 1st International scientific and practical conference], 2014, pp. 87–91.
10. Marenich N. [Artistic techniques for constructing an open work in video games]. In: *APRIORI. Serija: Gumanitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2014, no. 1, pp. 14.
11. Nikiforov Yu. [History as a technology of social design]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Istorija i politologija* [Bulletin of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and Political Science], 2011, no. 2, pp. 75–86.
12. Novikova O. [Virtual game as a means of forming the personal identity of children and adolescents]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2014, no. 2, pp. 146–151.
13. Reprinceva E. [The evolution of the modern game culture of youth]. In: *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Wednesday. Development], 2007, no. 1, pp. 49–70.
14. Sarna A. [Kill Bin Laden. Computer simulations and virtual reality of news in modern media]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Culture Research], 2012, no. 3, pp. 80–83.
15. Skurlatova E. [The philosophy of war and its embodiment in computer games]. In: *Homo holistic: chelovek celostnyj (sbornik nauchnyh statej)* [Homo holistic: a man an integral (collection of scientific articles)], Cheljabinsk, Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, pp. 197–202.
16. Tret'jakov V. [Video game as a new type of storytelling (review of English-language books about video games)]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2016, no. 1, pp. 307–314.
17. Fedorchenko S., Tedikov D., Teslyuk K., Markaryan R. [Network computer games in the epoch of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policies?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 3, pp. 67–86.
18. Fedorchenko S. [Computer Game Studies: New Horizons for Political Science and Practice]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"], 2018, no. 4 (20), pp. 172–182.
19. Sharov K. [Online video games as a factor of social deviations]. In: *Cennosti i smysly* [Values and meanings], 2015, no. 3, pp. 52–65.
20. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W., eds. *Psychology of Intergroup Relation*. Chicago, Hall Publishers, 1986, pp. 7–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени Ломоносова, докторант Института философии РАН;
e-mail: Belov2006S@yandex.ru

Кретова Анастасия Александровна – руководитель отдела международных связей Музея Победы;
e-mail: kretova@cmvov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey I. Belov – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of Russian Politics Program, Lomonosov Moscow State University, PhD Student, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences;
e-mail: Belov2006S@yandex.ru

Anastasia A. Kretova – Head of the International Relations Department, the Victory Museum;
e-mail: kretova@cmvov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белов С. И., Кретова А. А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-54-63

FOR CITATION

Belov S., Kretova A. Computer games as a resource of the politics of memory: practical experience and hidden opportunities (based on games representing World War II events). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 54–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-54-63

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО В 1930-е гг.

Тихомиров Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить влияние идейно-политического фактора на формирование теоретико-методологических представлений отечественных историков в 1930-х гг. в связи с критикой исторической концепции М. Н. Покровского.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ официальных документов, публикаций в периодической печати, монографий, отражающих процесс формирования идейных представлений о задачах исторической науки, а также о методах работы историков-марксистов в указанный период.

Результаты проведённого исследования. Исследованы подходы и способы формирования дискурсивной стратегии советского научного сообщества, её концептуальной и содержательной связи с официальной риторикой партийного и государственного руководства СССР.

Теоретическая / практическая значимость заключается в актуализации проблемы о месте и роли идейно-политической составляющей в деятельности историков 1930-х гг.

Ключевые слова: историческая концепция, М. Н. Покровский, исторический материализм, марксизм-ленинизм, идеология

IDEOLOGICAL AND POLITICAL ASPECT OF DEBATES AROUND M. N. POKROVSKY'S HISTORICAL CONCEPT IN THE 1930S

N. Tikhomirov

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the influence of the ideological and political factor on the formation of theoretical concepts and practical methodological approaches by domestic Russian historians in the 1930s in the context of criticism of M. N. Pokrovsky's concept.

Procedure and research methods. The author reviewed official documents, state papers, publications in media, monographs describing the formation of ideas concerning the agenda of history as a research direction, as well as the methods of Marxist historians.

Results. Approaches and methods of forming the discursive strategy of the Soviet scientific community, as well as its conceptual connection with the official rhetoric to the USSR leaders were investigated.

Theoretical / practical relevance. The role of the ideological and political component in the activities of Soviet historians in the 1930s was actualised.

Keywords: historical concept, M. N. Pokrovsky, historical materialism, Marxism-Leninism, ideology

Обращение к проблеме становления советской исторической моноконцепции имеет актуальное значение в настоящее время. Актуальность данной проблематики определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, выстраивание моделей трактовки прошлого всегда и неизбежно сопряжено с вопросами идеологии. Даже в ситуации декларирования на высшем государственном уровне отказа от насаждения системы господствующих идей историк остаётся носителем комплекса ценностно-нравственных представлений, существенно определяющих его взгляды на цели и задачи государственного строительства, соотношение личностного и общественного и т. д.

Во-вторых, историческая концепция служит смысловой матрицей при организации воспитательного и образовательного процессов, имеет вес в качестве фактора социализации человека. Современные общности людей, существующие в формате политических наций, с необходимостью и закономерно обретают истоки коллективного сознания в структурах исторической памяти.

В-третьих, исследовательские выводы, полученные в ходе разработки указанной проблематики, способны улучшить научное понимание того, как развивается историческое знание сегодня, какие механизмы оказываются задействованными в процессе отражения прошлого современной историей.

Целью данной статьи является попытка выстроить методологическую схему, на основании которой может быть осуществлено обобщённое описание процесса ревизии исторической концепции в условиях сильного идейно-политического влияния.

Предметом изучения нами выбраны события, связанные с академической полемикой вокруг исторической концепции М. Н. Покровского: её критика представителями советского научного сообщества и утверждение на этой основе идейных и методологических обоснований новой концепции, отражающей господствующие представления политического класса в СССР 1930–1940-х гг.

В качестве источниковой базы нами использованы преимущественно научные публикации советских историков указанного периода, их выступления в массовой печати. Данный вид источника позволяет увидеть в развитии эволюцию взглядов представителей научного сообщества, соотнести их с официальной позицией партийно-государственного аппарата. Особый интерес представляют механизмы и средства дискурсивного воздействия, которые широко применяются авторами в полемической риторике.

1930-е гг. в истории советской исторической науки явились временем выбора пути. Вернее, временем решительной ревизии и пересмотра того пути, каким двигалась историческая наука прежде и

основательный демонтаж его концептуальных положений [1, с. 169].

Разворот на историческом поприще совпал по времени с обострением политической борьбы внутри партии большевиков [10, с. 191]. Разгром идейных противников И. В. Сталина, показательные судебные процессы и падение видных партийных и государственных руководителей, многие из которых принадлежали к числу ближайших соратников В. И. Ленина, – всё это потребовало от руководства обновлённой верхушки партийного аппарата усилий по оправданию, легитимации своего положения у власти [1, с. 20]. Своего рода апологией сталинского режима, окончательно сложившегося к середине 1930-х гг., стал «Краткий курс истории ВКП(б)»¹.

Отличительной чертой, присущей научному творчеству советских историков 1930-х – начала 1950-х гг., явилось идейное и методологическое равнение на положения, которые формулировались и озвучивались высшим политическим руководством страны, в частности – непосредственно И. В. Сталиным [2, с. 26–28]. В публикациях и выступлениях представителей отечественной исторической науки подчёркивалась руководящая роль генерального секретаря ЦК ВКП(б) и марксистско-ленинских воззрений [6, с. 168], проводником которых он объявлялся. В статье «Сталин и исторический фронт», вышедшей в 1940 г. в журнале «Историк марксист», утверждалось: «За последние годы, пожалуй, ни одна отрасль науки в СССР не получала столько руководящих указаний и директив, столько постоянной помощи и заботливого внимания со стороны партии и товарища Сталина, сколько их имела историческая наука»².

Фигура Сталина выступала своего рода замковым камнем всей парадиг-

мальной конструкции советской исторической науки, как она формировалась на протяжении 1930-х гг. И. В. Сталин на высшем официальном уровне был провозглашён как «лучший ученик Маркса, Энгельса и Ленина, продолжатель их работы», который «показал нам как во всех других областях, так и в области истории, как продолжить их работу»³. Приверженностью таким теоретическим установкам определялась профессиональная состоятельность исследователя.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), Сталин провозгласил задачу марксистско-ленинского воспитания кадров, состоящую в том, «чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества». При этом генеральный секретарь ЦК ВКП(б) отметил особую значимость, которую в свете поставленной задачи имел выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», положивший начало «новому размаху марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране»⁴.

Содержательная перестройка идеалов научно-исследовательской работы находилась в прямой зависимости от политических инициатив партийного руководства [4, с. 171–177]. В Постановлении ЦК ВКП(б) по докладу президиума Коммунистической академии от 15 марта 1931 г. объявлялось: «Этап завершения фундамента социалистической экономики требует перестройки всей научно-исследовательской работы, подчинения ее строгой плановости, создания многочисленных кадров научных работников-коммунистов, и в особенности, преодоления отмеченного т. Сталиным, отставания научной работы от практики социалистического строительства»⁵.

³ Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

⁴ Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения: Т. 14. С. 239.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 816. Л. 21–23.

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938.

² Панкратова А. Сталин и исторический фронт // Историк марксист. №1. 1940. С. 14.

Порядок формирования политического заказа в области истории был коротко изложен в передовице печатного органа ЦК ВКП(б) – газете «Правда» от 27 января 1936 г. Алгоритм выстраивания отношений между властью и сообществом историков раскрывался следующим образом: критика текущего состояния преподавания истории, формулирование заказа на новые учебники, формулировка требований к содержанию и характеру изложения материала, затребование от рабочих групп историков конспектов новых учебников и их критика, «точные указания историкам насчёт стоящих перед ними задач»¹. Профессиональному сообществу историков навязывалась определённая логика действий, соответствующая общему характеру централизованно-распорядительного руководства социально-культурными процессами в стране [3, с. 96–102].

Содержанием борьбы за перестройку исторического мышления стала выработка новой исторической концепции, или «советской моноконцепции отечественной истории» [2, с. 351]. Как отмечает А. Н. Фукс, её становление было тесно связано с творчеством М. Н. Покровского: «Оформление марксистской парадигмы российской истории, формирование формационного подхода шло через критику историографической деятельности историка» [8, с. 20]. Уже упомянутая статья в «Правде» определила и контекст борьбы, частью которого стали не ликвидированные в области истории СССР «вредные традиции школы Покровского»². Само представление о «школе Покровского» как явлении возникло следом за постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории», которым и было введено соответствующее понятие. Примечательно, что понятие «школа» в контексте самого постановления и последующих публичных высказы-

ваний приобрело заведомо осудительный оттенок. Эмоционально оно сближалось с такими отрицательно маркированными категориями того времени, как «фракция» или «уклон». В указанном документе речь шла о «так называемой исторической школе Покровского»³, раскрывалась ложная, в представлении авторов, сущность концепций, насаждавшихся её представителями.

В дальнейшем именно такая форма упоминания о Покровском и его единомышленниках стала широко применяться на страницах печатных изданий, сделавшись частью формально-научного дискурса, а следовательно, и частью образа мысли значительной части советских историков. Постановление от 26 января 1936 г. ввело в оборот целый комплекс определений и характеристик, превратившихся в дальнейшем в риторические клише, которыми пользовались представители научного сообщества в развернувшейся полемике вокруг исторических воззрений М. Н. Покровского и его последователей.

Дискуссия о новой исторической концепции была вынесена из поля сугубо научного дискурса в поле дискурса политического. Доводы оппонентов М. Н. Покровского приобрели политико-демагогическое измерение. Высказываемая ими аргументация оказалась фундирована системой идейного официоза. Историки, выступившие единым фронтом против исторической концепции Покровского и его сторонников, приняли правила публичной риторики, которые диктовала политическая логика момента. Интенсивное использование пропагандистских клише и опора на догматические установки, насаждаемые партийным аппаратом, придавали научной полемике вид подлинно фронтовой борьбы, как это индустриально подчёркивали в своих заявлениях сами участники.

¹ Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

² Там же.

³ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» // Правда. 1936. 27 янв.

Такое обстоятельство говорит об изменении парадигмы работы историка и, что важно, об изменении понимания им характера и нацеленности своего труда. Согласно положениям, декларируемым со страниц научной периодики 1930-х гг., историческая наука в СССР «не могла стоять в стороне от широкого фронта классовой борьбы, какую вёл пролетариат за построение социализма в нашей стране»¹.

Критериями научной истинности утверждалось соответствие изложения ключевым положениям марксистско-ленинского учения. «ЦК партии потребовал отказа от затасканных, неточных определений, заимствованных у буржуазных историков, в первую очередь либеральных, применения во всех учебниках точных, определённых научных понятий марксизма-ленинизма, без которых нельзя дать ученикам действительной картины развития человечества»².

Примечательно, что критические замечания, высказываемые в сторону Покровского его оппонентами после 1936 г., нередко содержат рядом стоящие обвинения в неисторичности и антимарксизме³. И. Гохберг назвал концепцию Покровского «антиленинской»⁴.

В первом издании Большой Советской Энциклопедии С. И. Ковалёв попытался представить концепцию Покровского как в целом ошибочную, но всё же не враждебную. В статье взгляды историка подвергаются умеренной критике, которая тем не менее призвана не оставить у читателя сомнения в глубокой чуждости исторических представлений Покровского коренным положениям со-

ветской исторической моноконцепции. «Признавая отдельные ошибки, Покровский, однако, до конца жизни не понял антимарксистского характера своей методологической концепции и своей схемы русского исторического процесса»⁵.

Впрочем, если к самому Покровскому авторы и редакторы БСЭ показали довольно сдержанное отношение, то в характеристиках членов «так называемой “школы”» уже не считали нужным выдерживать терпеливый тон: «Многие представители этой “школы”, ныне разоблаченные троцкистско-бухаринские бандиты, прикрываясь антимарксистскими, антиленинскими взглядами и концепциями П., разваливали исторический фронт, протаскивал и свою буржуазную идеологию и всяческие контрреволюционные “теории”»⁶.

Взгляды Покровского получили разнообразные характеристики в научной публицистике, начиная от сдержанных до непримиримо воинственных. Так, если Б. Д. Греков осторожно определил подход оппонента как немарксистский (что, впрочем, в контексте насаждавшейся идеологической модели уже было равносильно обвинению в научной несостоятельности)⁷, то А. М. Панкратова без обиняков заклеила его как ликвидаторский⁸.

Надо отметить, что такая формулировка не была изобретением самой Анны Михайловны⁹. Следуя в русле принятых идейных установок, историк воспроизводила риторические образцы, принятые академическим дискурсом от дискурса политического. В чём можно видеть специфическую черту процесса

¹ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. №2. С. 8.

² Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

³ Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. Часть вторая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 5.

⁴ Гохберг И. Об антиленинской концепции М. Н. Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. № 6. С. 22.

⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 45. М.: ОГИЗ РСФСР, 1940. С. 868

⁶ Там же.

⁷ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть первая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 71.

⁸ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. №2. С. 5.

⁹ В Совнарком Союзе ССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1936. 27 января. С. 2.

складывания новой исторической концепции: он предполагал встраивание идейно-политических посылов в ткань исторического нарратива с последующим его переформатированием. Широкое использование клишированных инвектив есть не что иное, как производная процесса структурного замещения внутри несущей конструкции системы исторических представлений.

Особую значимость для исторической науки СССР имел академический двухтомник, подготовленный Институтом истории АН СССР и вышедший в свет в 1939–1940 гг. В нём концепция школы Покровского подверглась последовательной и систематической критике с позиций исторического материализма, в строгом соответствии с идейными установками марксизма-ленинизма. Среди авторов, взявших на себя ответственность быть ниспровергателями «буржуазных теорий», выступили Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина и др. Оба тома, выпущенные как сборники статей, носили красноречивые и показательные названия: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского».

То, что участники данного издания объявляли марксизм-ленинизм руководящей теорией для исторической науки, ложилось в канву оформившейся к тому моменту методологии. Схожим образом декларировали свои взгляды авторы иных изданий, выходивших в соответствующий временной период¹. В данном случае более примечательно то, как строилась критика оппонентов. Отправным принципом стала бинарная оппозиция «марксистский-немарксистский», в рамках которой второй компонент содержательно отождествлялся с категорией «ненаучный». Фундаментальная значимость этой оппозиции состояла также и

в том, что она замыкала на себя целую матрицу смыслов. Эти смыслы, как некая координатная сетка, позволяли чётко позиционировать конкретные взгляды и их носителя в системе советского культурного кода. Категория «немарксистский» имплицитно включала в себя категории: чуждый, ложный, враждебный и т. п. Не случайно представители «школы» выводились авторами названного сборника как «разоблачённые троцкистско-бухаринские наймиты фашизма»², которые «разваливали исторический фронт, ведя вредительскую и контрреволюционную работу в научных учреждениях»³.

Примечательно, что до разворачивания широкого наступления на историческую концепцию Покровского к его имени прибегали как к авторитету в суждениях о состоянии и характере отечественной науки. В 1934 г. в развёрнутой статье, помещённой в журнале «Борьба классов» та же Панкратова отсылается к Покровскому, подкрепляя его цитатой собственные тезисы о противоборстве социалистической и буржуазной наук⁴. Более того, автор ставит предшественнику в заслугу то, что он, как большевистский историк, сделал ленинизм «своим исходным методологическим оружием в борьбе с враждебной марксизму историей»⁵.

Смена комплементарного отношения к научному творчеству Покровского на непримиримо-воинственное отношение содержательно и логически связано с основательной идеологизацией исторической науки в СССР, как и советской науки в целом [7, с. 260]. Во втором томе сборника «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» Ем. Ярославский выступил со статьёй, в которой изобличал идеи «так называемой “шко-

¹ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 8.

² Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть первая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 3.

³ Там же.

⁴ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 7.

⁵ Там же. С. 9.

лы» как «антимарксистские извращения и вульгаризаторство»¹. А подводя итог своему пространному обзору, автор заключал, что без «полного разгрома “школы” Покровского нельзя развернуть подлинную марксистско-ленинскую историческую науку»².

Употреблённое здесь понятие «разгром» органично вписывается в систему революционной фразеологии, в которой широко применялись такие понятия, как: «фронт», «враг», «борьба». Проекция этого категориального аппарата на дискурс исторического сообщества превращала его отчасти в логическую производную официальной догматической риторики.

Критика учёных-последователей М. Н. Покровского проистекала не только из собственно научных потребностей. Порой назвать рассматриваемую ситуацию полноценной дискуссией невозможно, это не позволяет сделать степень ритуальности, с какой коллеги-историки изобличали своих оппонентов, выступая трансляторами готовых идейно-риторических формул. Вместе с тем такая деятельность отнюдь не должна рассматриваться как пустая условность. Её важное функциональное значение состояло в обеспечении интеллектуальных предпосылок для формирования и принятия новой исторической концепции в советской науке.

Можно констатировать, что таковая вполне сложилась к исходу 1930-х гг., о чём свидетельствует и выход школьного учебника А. В. Шестакова³, и статьи, авторы которых подвергли фундаментальной ревизии предшествующую систему исторических воззрений [2, с. 351–422]. Названные труды оформили и закрепили комплекс концептуальных представлений, предопределивших мышление научного сообщества по меньшей мере на

два десятилетия вперёд. В конце сороковых годов редактор отдела науки газеты «Правда» А. К. Азизян выступил в печати с конспектом лекции «Сокровищница всепобеждающих идей марксизма-ленинизма». В ней он повторил обвинения школы Покровского в «фальсификации и приукрашивании действительной истории»⁴. Также была воспроизведена полемическая модель, использованная авторами сборника 1938 г.: нищета взглядов Покровского и его единомышленников подчёркивалась нарочитым возвеличиванием теоретической значимости «Краткой истории ВКП(б)». Марксизм-ленинизм в этой книге, по словам Азизяна, «получает новый творческий размах», «возрастает его живительная революционная сила, помогающая трудящимся нашей страны и эксплуатируемым массам капиталистических стран лучше осознать прошлое»⁵.

Партийная верхушка постепенно закрепила за собой статус инстанции, уполномоченной выносить суждения по вопросам содержательного и методологического порядка там, где дело касалось исторической правды и достоверности её передачи [5, с. 560]. К примеру, в Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г. представлено немало суждений, посвящённых оценкам и трактовкам исторической действительности советскими режиссёрами. Так, С. Эйзенштейн, по мнению ЦК, «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов»⁶. Политическое руковод-

¹ Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. Часть вторая. - М., Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 5.

² Там же. С. 24.

³ Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937.

⁴ Азизян А. К. Сокровищница всепобеждающих идей марксизма-ленинизма (К десятилетию выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: 1948. С. 12

⁵ Там же.

⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 601.

ство страны не только инициировало переформатирование исторической концепции, но стало двигателем и регулятором данного процесса.

Изучение полемики вокруг исторической концепции Покровского позволяет выявить механизмы ревизии и вытеснения соответствующих научных воззрений и их замены принципиально иными, отвечающими положениям исторического материализма в изводе советской партийно-правительственной идеологии. Особое место в данном процессе занимали приёмы дискурсивного воздействия, обеспечивавшие трансляцию официальных формулировок с высшего политического уровня на уровень внутренней полемики профессионального сообщества историков.

Таким образом, становление советской моноконцепции отечественной истории происходило в особых условиях, отмеченных существенным влиянием партийно-идеологической риторики на внутриакадемическую дискуссию [9, с. 357]. Выступления в печати представителей исторической науки носили двойственный характер. С одной стороны, существовала большая необходимость обоснования теоретико-методологиче-

ских положений исторического материализма и реализации догматических установок, полученных в директивном порядке от руководящих органов государства в форме постановлений и официозных замечаний в печати. С другой стороны, советская историческая наука стремилась сохранить преемственность богатой традиции академической деятельности, которую она унаследовала от предшествующих поколений исследователей. Поэтому полемика вокруг положений концепции М. Н. Покровского выстраивалась зачастую согласно правилам и требованиям академического дискурса. Как следствие, выраженная политическая ангажированность ряда авторов рассматриваемого периода не привела к отвержению или извращению опорных принципов работы историка, но сообщила им дополнительную характеристику, в значительной мере определившую методологическое своеобразие отечественной исторической науки 1930-х гг. и наложила отпечаток на последующие тенденции развития советской историографии, складывание историографических ситуаций в советскую эпоху.

Статья поступила в редакцию 10.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
2. Зеленев М. В. Сталин и историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. СПб.: Наука, 2006. 496 с.
3. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти / 3-е изд. М.: URSS, 2013. 288 с.
4. Котеленец Е. А. Битва за Ленина: новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.
5. Рейман М. Рождение державы: история Советского Союза с 1917 по 1945 год. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 839 с.
6. Сидорова Л. А. Советская историческая наука в лицах: академик М. В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С. 158–169.
7. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
8. Фукс А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13–21.
9. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2010. 488 с.
10. Хлевнюк О. В. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 464 с.

REFERENCES

1. Dubrovskii A. *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and historical thought in the USSR (1930–1950th)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 622 p.
2. Zelenov M. *Stalin i istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920–1950-e gody* [Stalin and historical ideology in the USSR in 1920–1950^s]. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2006. 496 p.
3. Kislitsyn S. *Nauchnaya elita v sisteme politicheskoi vlasti* [Scientific elite in the system of political power]. Moscow, URSS Publ., 2013. 288 p.
4. Kotelenets E. *Bitva za Lenina: noveishie issledovaniya i diskussii* [The battle for Lenin: the latest research and discussions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. 256 p.
5. Reiman M. *Rozhdenie derzhavy: istoriya Sovetskogo Soyuza s 1917 po 1945 god* [Birth power: the history of the Soviet Union from 1917 to 1945]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 839 p.
6. Sidorova L. [Soviet historical science, in the persons: academician M. V. Nechkina]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian history J.], 2014, no. 6, pp. 158–169.
7. Tikhonov V. *Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoi polovine XX veka: nauchnoe tvorchestvo Yu. Got'e, S. Veselovskogo, A. Yakovleva i S. Bakhrushina* [The Moscow historical school in first half of the twentieth century: scientific creativity of V. Gauthier, S. B. Veselovsky, I. A. Yakovlev and S. V. Bakhrushin]. Moscow; St.-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 320 p.
8. Fuks A. ["Russian history in the most concise essay" M. Pokrovskogo as a historiographical source]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2010, no. 3, pp. 13–21.
9. Fuks A. *Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.)* [School textbooks on national history as a historiographical phenomenon (end of the XVII century – the second half of the 1930s)]. Moscow, MGOU Publ., 2010. 488 p.
10. Khlevnyuk O. *Zhizn' odnogo vozhdya* [The life of the leader]. Moscow, ACT Publ., 2015. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомиров Никита Вадимович – аспирант кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета; старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Tikhomirov – PhD Student, Department of the Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Senior Lecturer, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Moscow State Skryabin Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72

FOR CITATION

Tikhomirov N. Ideological and -political aspect of polyemic around controversy surrounding the historical concept of M. N. Pokrovsky in the 1930s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 64–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-73-82

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Тетерин П. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Рассмотрение проблемы раскрытия причин “холодной войны” в российских учебниках истории.

Процедура и методы исследования. Анализ двадцать восьми учебников, изданных с 1990-х гг. до наших дней, присутствие полноты изложения в описании множественных причин, связанных с возникновением противостояния.

Результаты проведённого исследования. Проведённый анализ показал, что в большинстве рассмотренных учебников причины возникновения “холодной войны” не всегда представлены в полном объеме, что противоречит тренду развития страны.

Теоретическая / практическая значимость. Автором сформулированы предложения о необходимости присутствия в учебниках всей палитры экономических, политических, геополитических, военных и идеологических причин, приведших к возникновению “холодной войны”.

Ключевые слова: “холодная война”, учебники истории, историография, причины, США, СССР

RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS ON THE CAUSES OF THE COLD WAR (HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)

P. Teterin*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To consider the causes of the Cold War presented in Russian history textbooks.

Procedure and research methods. 28 text history textbooks published in the period from the 1990s to 2020 were analysed from the standpoint of how comprehensively they describe the causes this international confrontation.

Results. The analysis showed that the majority of the textbooks under study fail to comprehensively represent the causes of the Cold War, which contradicts current trends in development of the country.

Theoretical / practical relevance. Recommendations are provided concerning the presentation of the whole range of economic, political, geopolitical, military and ideological factors that caused the Cold War in history textbooks.

Keywords: Cold war, history textbooks, historiography, causes, USA, USSR

Возникающие время от времени политические осложнения в отношениях между Москвой и Вашингтоном вынуждают исследователей постоянно адресоваться к актуальной теме «холодной войны». В целях воспитания гражданственности у подрастающего поколения она требует от педагогики адекватного отображения в учебниках истории причин возникновения глобального противостояния как одной из важнейших аспектов темы.

Учитывая, «что одной причины, какой бы глобальной она ни была, недостаточно, чтобы привести к холодной войне» [7], считаем, что при освещении этого исторического феномена в учебниках должна присутствовать вся палитра экономических, политических, геополитических, военных и идеологических причин, приведших в возникновению «холодной войны».

Исходя из этого теоретического посыла проведен анализ двадцати восьми российских учебников по истории с целью рассмотрения полноты отображения в них указанных причин. При этом в данной статье специально не рассматриваются вопросы методологии и фальсификации истории, роль идеологии в учебниках по истории, так как они весьма широко и подробно уже освещены в следующих работах: А. Н. Фукс «Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности» [8]; Ю. А. Никифоров «Идеология и история» [5]; В. Э. Багдасарян «Проблема методологии формирования школьного учебника истории нового типа» [1], и «“Интурист” как идеологический актер холодной войны» [2]. Также не рассматривались различные течения российской и американской историографии в учебниках истории, так как они раскрыты в статьях В. А. Васильева «Уолкер С. Американские учебники истории об истоках “холодной войны”» [3] и А. А. Михайлова «Метаморфозы репрезентации “холодной войны” на материале совет-

ских и российских школьных учебников» [4]. Некоторые материалы содержатся в ранее опубликованной статье П. В. Тетерина «Историографический анализ темы “холодной войны” в современных учебниках истории Отечества» [6].

Анализ показал следующие результаты: в большинстве российских учебников совершенно справедливо указывается, что важнейшей причиной конфликта стали экономические основания, которые вытекали из экономического доминирования США. А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков указывают на «ощутимый перевес США над СССР в экономической сфере»¹, что и предопределило возникновение «холодной войны». Подобное утверждение нашло отражение в учебнике О. В. Волобуева, В. А. Клокова, М. В. Пономарева, В. А. Рогожкина: «США вышли из войны сильнейшей в экономическом и военном отношении державой»² и, чтобы удержать это преимущество, руководство США стало осуществлять дипломатию «политико-экономической экспансии»³. По мнению авторов «Новейшей отечественной истории. XX – нач. XXI века», у США был «мощный экономический потенциал государства, выросший за годы войны в полтора раза»⁴. Эту позицию поддерживают в своем учебнике В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков⁵. В. В. Фортунатов считает, что «если война задержала экономическое развитие СССР более чем на 10 лет, то США за этот период увели-

¹ История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 676.

² История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений / О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин. 10-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2011. С. 185.

³ Там же. С. 185.

⁴ Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. В 2-х кн. Кн. 2: учебник для вузов / под ред. Э. М. Щагина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Владос, 2008. С. 141.

⁵ История: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков. 15-е изд., испр. М.: Академия, 2014. С. 257.

чили свой экономический и военный потенциал в 2,7 раза»¹. США необходимо было после войны поддерживать высокий тонус экономики за счет гонки вооружений. Как отмечает С. Ю. Шенин, США шли на конфронтацию, «подталкиваемые к внешней экспансии крупным частным капиталом»². Экономическая доминанта конфликта озвучена А. Б. Беляевым, который пишет, что «американской экономике угрожал кризис перепроизводства», <...> поэтому Вашингтон стремился «не допустить национализацию своих инвестиций»³ в странах Европы. По мнению А. В. Головки, США шли на конфликт из-за необходимости вести «борьбу за ресурсы и рынки сбыта продукции, за вытеснение конкурентов из определенного сегмента рынка»⁴.

Во многих российских учебниках рассматривается военная причина возникновения «холодной войны». Особая роль отводится наличию ядерного потенциала США как важнейшему фактору развязывания противостояния. Авторы учебника «Всемирная история» отмечают, что «создание в США первой атомной бомбы <...> привело к началу гонки ядерного и ракетного оружия»⁵, что, по свидетельству С. Ю. Шенина⁶ и В. В. Фортунатова, позволило Вашингтону «во внешнеполитических вопросах прибегать к ядерному шантажу»⁷. А. Б. Беляев утверждает, что «Америка, обладавшая монополией на ядерное оружие, не избежала соблазна извлечь из

этого максимальную выгоду»⁸. Авторы учебника А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков считают, что «атомная монополия <...> сыграла не последнюю роль в переходе США от союзнических отношений с СССР к политике противостояния и вражды»⁹. Авторы «Новейшей отечественной истории. XX – нач. XXI века» пишут: «... грозная мощь, казалось, позволяла США силой утверждать свой авторитет в международной жизни»¹⁰. О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин отмечают, что «обладание ядерным оружием» играло роль «дубины для русских парней»¹¹. А. В. Чудинов, А. В. Гладышев утверждают, что «обладание атомной бомбой давало возможность США приступить к созданию нового мирового порядка»¹². В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков оценивают монополию Запада на ядерное оружие как силу, которая позволяла «ему надеяться на возможность решительного изменения расстановки сил в свою пользу»¹³. Иную позицию занимают авторы учебника В. С. Измозик, С. Н. Рудник, которые представляют виновниками конфликта «кремлевских руководителей, расценивавших атомно-ракетное оружие не столько как оборонный щит, сколько как средство нанесения сокрушительного удара по классовому противнику»¹⁴. Историческая действительность доказывает обратное, поскольку именно США с 1945 г. последовательно разрабатывают

¹ Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2012. С. 437.

² Шенин С. Ю. История холодной войны: Учебное пособие к спецкурсу «История холодной войны» для студентов гуманитарных факультетов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 5.

³ Беляев А. Б. Основные направления внешней политики СССР в период «холодной войны»: Учебное пособие. Мурманск: МГПУ, 2003. С. 4.

⁴ История / А. В. Головки. М.: Эксмо, 2014. С. 256.

⁵ Всемирная история: Учебник для вузов / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 496 с.

⁶ Шенин С. Ю. История холодной войны... С. 7.

⁷ Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2012. С. 435.

⁸ Беляев А. Б. Основные направления внешней политики СССР в период «холодной войны»... С. 4.

⁹ История России с древнейших времен до наших дней: ... С. 676.

¹⁰ Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. ... С. 141.

¹¹ История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений ... С. 185.

¹² История: учебник для 11 класса (базовый уровень) / под ред. А. В. Чудинова, А. В. Гладышева. 3-е изд. М.: Академия, 2012. С. 274.

¹³ Артемов В. В. История: учебник для студ. СПО ... С. 257.

¹⁴ Измозик В. С., Рудник С. Н. История России. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. 2-е изд., доработ. и доп. М.: Вентана-Граф, 2013. С. 248.

планы ударов по СССР: «Пинчер» (1946), «Бройлер» (1947), «Дропшот» (1949) и др.

Одной из дефиниций военной причины «холодной войны» стала практика строительства США военных баз по всему миру. О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин считают источником конфликта «закрепление американского присутствия на военных базах, расположенных вне территории страны»¹. По мнению В. В. Фортунатова, Москва не осталась в стороне: «Советское руководство в своей послевоенной политике рассчитывало на военную мощь Красной Армии, войска которой находились в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, в Китае и Корее»². В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков подчеркивают обоюдность процесса «создания США и СССР военных баз и развертывания своих войск на территории союзных государств на линии противостояния блоков»³.

Другим обстоятельством военного противостояния являлся «страх», которому были подвержены как в США, так и в СССР, он предопределил возникновение «холодной войны». Эта позиция отражена в учебнике В. В. Кириллова и М. Н. Чернова: «СССР как <...> мощная военная держава-победитель стал представлять для США большую опасность»⁴. Авторы учебного пособия «Отечественная история. IX–XX вв.» отмечают, что «Запад был напуган возросшей военной мощью Советского Союза, непредсказуемостью действий Сталина»⁵. Одновре-

менно Н. В. Загладин подчеркивает, что руководство СССР испытывало страх и недоверие, особенно к различного рода дипломатическим договоренностям, ибо на своем опыте убедились, что «лидеры демократических государств могут так же игнорировать международно-правовые нормы, как и режим А. Гитлера. <...> Соответственно, ссылки на принципы Устава ООН рассматривались как пропагандистское прикрытие корыстных устремлений»⁶. В учебнике А. В. Головки причиной возникновения «холодной войны» стал «страх перед военной мощью противника»⁷. Другим обстоятельством, доказывающим важнейшую военную составляющую противостояния, стало, по мнению авторов «Всемирной истории», «создание военных блоков стран, противостоящих друг другу»⁸. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина также отмечают, что «одной из форм проявления “холодной войны” стало формирование <...> военно-политических блоков»⁹. В учебнике В. В. Артемова, Ю. Н. Лубченкова также указывается, что создание «военно-политических блоков» явилось источником холодной войны¹⁰.

Политические причины возникновения «холодной войны» в российской учебной литературе показаны через взаимное отрицание капиталистической и социалистической систем. Авторы учебного пособия «Отечественная история» под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака считают «коренные различия в социально-политическом строе Советского Союза и Запада»¹¹. В учебнике С. Ю. Шенина утверждается, что основными полити-

¹ История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений ... С. 185.

² Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2012. С. 435.

³ Артемов В. В. История: учебник для студ. СПО ... С. 403.

⁴ Кириллов В. В., Чернова М. Н. История России 1800–2002 гг.: Поурочные методические разработки и сценарии уроков / Серия «Книга для учителя». Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 433.

⁵ Отечественная история. IX–XX вв.: Учебное пособие / В. С. Измозик, Ю. С. Куликов, А. И. Лейбиров, В. Л. Лещев, Б. В. Павлов, С. Н. Рудник. СПб.: СЗТУ, 2004. С. 259.

⁶ Загладин Н. В. Всеобщая история. XX век: Учебник для 11 класса общеобразоват. учреждений. 9-е изд. М.: Русское слово, 2007. С. 232.

⁷ Головки А. В. История. М.: Эксмо, 2014. С. 256.

⁸ Всемирная история ...

⁹ История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М.: Проспект, 2009. С. 565.

¹⁰ Артемов В. В. История: учебник для СПО ... С. 364.

¹¹ Отечественная история: Учебное пособие / Под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака. М.: Гардарики, 2004. С. 310.

ческими причинами противостояния являются «политические и экономические интересы элит обеих супердержав, <...> индивидуальность американских президентов и особенно партийность их подходов, сыграли важнейшее значение в развитии советско-американской конфронтации»¹. Одновременно С. Ю. Шенин отмечает, что со стороны СССР политической причиной возникновения глобального конфликта стали «экспансионистские устремления ленинско-сталинского социализма»², а также «конфликт “сталинизм-атлантизм”»³. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина считают, что одной из политических причин конфликта стало то, что «советское правительство расценило план Маршалла как оружие антисоветской политики и отказалось от участия в конференции»⁴. В. С. Измозик, С. Н. Рудник ссылаются на оценку А. А. Данилова и А. В. Пыжикова, которые утверждают, что «причина быстрого расхождения вчерашних союзников, а затем и начала “холодной войны” заключалась не в коварных замыслах Трумэна или Сталина, а, главным образом, в конфликте интересов СССР и Запада»⁵. Существенным, по мнению С. Т. Жуковского, И. Г. Жуковской, стало «противостояние тоталитаризма и демократии», которое «продолжалось еще четыре десятилетия – вплоть до середины 80-х гг.»⁶.

Большинство российских авторов учебников истории считают, что возникновение «холодной войны» было предопределено геополитическими при-

чинами, которые, согласно учебнику В. П. Дмитренко, В. Д. Есакова, В. А. Шестакова, были вызваны «серьезными изменениями в соотношении сил в мире, произошедшими по итогам Второй мировой войны»⁷. Геополитические противоречия, по мнению М. Ицкович и С. Кочережко, возникли из-за беспокойства Лондона и Вашингтона о том, что «Южная и Восточная Европа были освобождены от немецкой оккупации советскими войсками, <...> на этой территории пришли к власти левые правительства»⁸. А. Б. Беляев пишет: «... интересы Великих Держав продиктованы изменением международной обстановки»⁹. Авторы учебного пособия «Отечественная история. IX–XX вв.», подмечают изменения геополитического баланса сил: «США значительно усилили свои позиции. <...> СССР же, с одной стороны, приобрел небывалый международный вес, и без его участия теперь не решалась ни одна крупная проблема»¹⁰. Этой мысли придерживаются авторы «Отечественной истории» под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака, которые отмечают, «... изменение ролей великих держав на мировой арене»¹¹, трансформировались, по мнению авторов «Всемирной истории», в «имперские амбиции США и СССР»¹². В. В. Кириллов и М. Н. Чернова, пишут, что Москва и Вашингтон вступили в конфронтацию «исходя из собственных, вступающих в противоречие желаний и амбиций»¹³. О. Ю. Пленков, Т. П. Андре-

¹ Шенин С. Ю. История холодной войны: ... С. 5.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 7.

⁴ История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М.: Проспект, 2009. С. 564.

⁵ Измозик В. С., Рудник С. Н. История России. 11 класс ... С. 248.

⁶ Жуковский С. Т., Жуковская И. Г. Россия в истории мировой цивилизации. IX–XX вв.: Учебное пособие для средних специальных и общеобразовательных учебных заведений. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 376.

⁷ Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История Отечества. XX век. 11 класс: пособие для общеобразовательного учебного заведения. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. С. 353.

⁸ Ицкович М., Кочережко С. История: Полный курс. Мультимедийный репетитор (+CD). СПб.: Питер, 2013. С. 196.

⁹ Беляев А. Б. Основные направления внешней политики СССР в период «холодной войны» ... С. 4

¹⁰ Отечественная история. IX–XX вв.: Учебное пособие. СПб.: СЗТУ, 2004. С. 259.

¹¹ Отечественная история: Учебное пособие / Под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака. ... С. 310.

¹² Всемирная история ...

¹³ Кириллов В. В., Чернова М. Н. История России 1800–2002 гг. ... С. 433.

евская, С. В. Шевченко считают, что в основе геополитических разногласий лежали «борьба за лидерство и амбиции». Власти этих стран претендовали на лидерство в послевоенном мире. Амбиции подкреплялись внешнеполитическими действиями, поэтому «даже если бы СССР и США представляли после войны одну и ту же общественную систему, <...> между ними обязательно бы возникло соперничество»¹. По мнению авторов учебников, геополитический конфликт трансформировался в стремление великих держав установить свой «миропорядок» и утвердить «мировое господство». В учебнике В. В. Кириллова и М. Н. Черновой «основой послевоенного противостояния» СССР и США стало «стремление обеих сверхдержав к установлению миропорядка, исходя из собственных, вступающих в противоречие желаний и амбиций»². С. Ю. Шенин отмечает, что «появление феномена холодной войны было продиктовано потребностями процесса строительства “Рак Americana”»³. А. А. Левандовский подмечает, что США стремились «оттеснить социалистическую систему к довоенным границам, а затем добиться её ослабления и ликвидации самой России (доктрина «отбрасывания коммунизма»). При этом правящие круги США не скрывали намерений добиться мирового господства»⁴. Л. Н. Алексашкина, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина считают, что обе великие державы «стремились усилить свои позиции в мире», в частности, «старались поддерживать там близкие им по политической ориентации

силы – буржуазно-демократические или коммунистические»⁵. В «Истории» под ред. А. В. Чудинова, А. В. Гладышева отмечено, что «единственным препятствием для США на пути достижения абсолютного мирового господства оставался СССР. <...> Их соперничество за мировое господство <...> привело к “холодной войне”»⁶. По мнению О. А. Сасиной, И. Н. Горелой, «каждой из двух сверхдержав хотелось видеть именно себя во главе всего мирового сообщества и обустроить жизнь, следуя своим идеологическим принципам»⁷. В. В. Барабанов, И. М. Николаев, Б. Г. Рожков подчеркивают роль СССР, который, имея «статус сверхдержавы, претендовал на ведущую роль в решении глобальных вопросов»⁸. Точка зрения о превалирующей роли СССР в глобальном противостоянии опровергнута российской историографией. В «Истории XX века» конфликт поддерживался «разногласиями по вопросам послевоенного устройства Европы. Советский Союз не желал, чтобы к власти в занятых Красной армией странах вернулись прежние, ныне эмигрантские, правительства»⁹. С. Ю. Шенин считает, что конфронтация привела мир, в конечном счете, к «разделу “сфер влияния”»¹⁰ и к «созданию двухполюсной геосистемы, что означало формирование политико-идеологического блока всего комплекса холодной войны»¹¹. Л. И. Семенникова

¹ Всеобщая история: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / О. Ю. Пленков, Т. П. Андреевская, С. В. Шевченко; под общ. ред. академика РАН В. С. Мясникова. М.: Вентана - Граф, 2011. С. 154.

² Кириллов В. В., Чернова М. Н. История России 1800–2002 гг.: ... С. 432.

³ Шенин С. Ю. История «холодной войны»... С. 14.

⁴ История России XX начало XXI века 11 класс учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко; под ред. С. П. Карпова. 4-е изд. М.: Просвещение, 2010. С. 225.

⁵ История. Россия и мир в XX - начале XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень / Л. Н. Алексашкина, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. 6-е изд. М.: Просвещение, 2011. С. 275.

⁶ История: учебник для 11 класс (базовый уровень) / под ред. А. В. Чудинова, А. В. Гладышева... С. 274.

⁷ Сасина О. А., Горелая И. Н. История. 10–11 класс: учебное пособие. М.: Основа, 2013. С. 186.

⁸ История: новый полный справочник школьника для подготовки к ЕГЭ / В. В. Барабанов, И. М. Николаев, Б. Г. Рожков / под ред. В. В. Барабанова. М.: АСТ: Астрель, 2016. С. 314.

⁹ Энциклопедия для детей. Дополнительный том. История XX века. Зарубежные страны / Глав. ред. В. А. Володин. М.: Аванта+, 2002. С. 242.

¹⁰ Шенин С. Ю. История холодной войны: ... С. 7.

¹¹ Там же. С. 14.

отмечает, что «с окончанием мировой войны США <...> стремились сузить сферу влияния СССР. <...> Причиной были <...> планы масштабного расширения сфер геополитического влияния СССР»¹. Подобная геополитическая причина конфликта представлена в учебниках «Новейшей отечественной истории. XX – нач. XXI века» под ред. Э. М. Щагина²; «Истории» В. В. Артемова, Ю. Н. Лубченкова³, «Истории России XX начало XXI века» А. А. Левандовского⁴. Одновременно А. А. Левандовский уточняет позицию Москвы, которая по мере исчезновения надежд на «взаимовыгодное сотрудничество с западными партнерами <...> мобилизовывает военно-экономическую мощь советского блока для распространения его влияния на новые регионы мира»⁵.

Особую роль в геополитическом противостоянии играла Великобритания, которая, как пишет А. Б. Беляев, «стремилась сохранить свои колонии и ратовала против национально-освободительного движения с русским следом»⁶. Позиция Лондона определялась, согласно авторам учебного пособия «Отечественная история» под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака, тем, что «Великобритания и другие западные страны <...> вышли из войны с ослабленной и дезорганизованной экономикой»⁷, поэтому стремились сохранить остатки империи и в первую очередь, как пишет Л. И. Семенникова, «сузить сферу влияния СССР»⁸.

¹ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебник для студентов вузов неисторических специальностей. 8-е изд. М.: КДУ, 2006. С. 696.

² Новейшая отечественная история. XX - начало XXI века ... С. 118.

³ Артемов В. В. История: учебник для студ. СПО ... С. 254.

⁴ Левандовский А. А. История России XX начало XXI века 11 класс ... С. 225.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Беляев А. Б. Основные направления внешней политики СССР в период «холодной войны» ... С. 4.

⁷ Отечественная история: Учебное пособие / Под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака. ... С. 310.

⁸ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: ... С. 696.

Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов раскрывают внутреннее содержание геополитического противостояния. Они пишут: «С точки зрения главных участников конфронтации, квинтэссенцию внешнеполитической мудрости выразил старый лозунг: “Кто не с нами, тот против нас”. В соответствии с этой логикой каждая страна должна была четко определить свое место по ту или по другую сторону в этом глобальном противостоянии»⁹. В «Истории международных отношений» отмечается, что «геополитические и стратегические соображения, борьба за сферы влияния стали одним из основных факторов происхождения и развертывания холодной войны»¹⁰.

Одним из существенных обстоятельств, определившим возникновение «холодной войны», стало идеологическое разногласие, вызванное бескомпромиссной борьбой двух противоположных идеологий – капиталистической и социалистической. Авторы учебника «Всемирная история» считают, что «холодная война» стала неизбежной, поскольку СССР стремился «воплощать в жизнь идеологические лозунги о мировой революции. <...> Это нашло отражение в формировании просоветских правительств в странах, освобожденных советской армией, <...> в создании впоследствии блока стран социалистического лагеря»¹¹. Данную позицию поддерживает А. Б. Беляев, который пишет, что причиной стала политика ««экспорта революции» со стороны СССР»¹², которая была подкреплена «значительным ростом влияния коммунистов» и «приходом к власти коммунистов в освобожденных странах»¹³. Авторы

⁹ Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М.: ИНФРА-М. НОРМА, 2005. С. 218.

¹⁰ История международных отношений: в 3-х т. Т. III. Ялтинско-Потсдамская система / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 23.

¹¹ Всемирная история ...

¹² Беляев А. Б. Основные направления внешней политики СССР в период «холодной войны» ... С. 4.

¹³ Там же. С. 4.

«Отечественная история. IX – XX вв.» отмечают «настойчивое продвижение коммунистического влияния на страны Восточной Европы и Азии»¹. По мнению авторов «Отечественной истории» под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака, идеологическое противостояние проявилось в «стремлении лидеров Востока и Запада тесно увязывать политику с идеологией. В 1946 г. пропаганда стран-бывших союзников завершилась формированием нового врага». В 1947 г. в США «развернулась антикоммунистическая истерия»². А. А. Левандовский рассматривал антикоммунизм как одну из стратегических целей США по «сдерживанию коммунизма»³. М. Ицкович и С. Кочережко подчеркивают «... беспокойство США и Великобритании» ростом «влияния коммунистических партий <...> в Италии и Франции», которые «после войны вошли в состав правительств»⁴.

Идеологическое противостояние выразилось также в навязывании определенного образа жизни. О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин отмечают «расширение пропаганды американского образа жизни»⁵. А. В. Головкин в свою очередь подчеркивал роль США и СССР в «навязывании населению определенного образа жизни, мыслей, ценностей»⁶. Также, по мысли автора, идеологической составляющей конфликта стало «создание препятствий для неформального общения граждан с представителями противоборствующих государств (СССР и США)»⁷. Сущность идеологического противостояния раскрывается в учебнике О. А. Сасиной,

И. Н. Горелой, которые пишут, что «основной причиной появления <...> противостояния <...> стали идеологические противоречия между капиталистической моделью общества, свойственной США, и социалистической, которая существовала в СССР»⁸. Л. И. Семенникова считала, что со стороны СССР в «идеологической войне главными противниками были намечены США и Англия, а затем исключительно “американский империализм”»⁹. А. В. Головкин определял цель идеологической войны как «насаждение определенной идеологии (социалистической или капиталистической)»¹⁰. Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов отмечают результат идеологического противостояния, который привел к «сверхидеализации межгосударственных отношений, породил черно-белое видение мира, который четко делился на “своих” и “чужих”, “друзей” и “врагов”. Каждый “выигрыш” США автоматически рассматривался как “проигрыш” СССР, и наоборот»¹¹.

Подводя итог анализа полноты освещения в российских учебниках истории темы «холодной войны», причин, её породивших, следует считать, что, во-первых, проанализированные учебники написаны специалистами высокого уровня, в их трудах нашли отражение различные точки зрения по этой проблеме; во-вторых, в рассмотренных учебниках причины возникновения «холодной войны» не всегда представлены в полном объеме, а именно лишь в трех работах¹² представлены пять причин, приведших к глобальному противостоянию. В остальных учебниках рассматривается

¹ Отечественная история. IX–XX вв.: Учебное пособие. СПб.: СЗТУ, 2004. С. 259.

² Отечественная история: Учебное пособие / Под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака. ... С. 310.

³ Левандовский А. А. История России XX начало XXI века 11 класс ... С. 228.

⁴ Ицкович М., Кочережко С. История: Полный курс. ... С. 196.

⁵ История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений ... С. 185.

⁶ Головкин А. В. История. М.: Эксмо, 2014. С. 256.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Сасина О.А., Горелая И.Н. История. 10–11 класс: ... С. 186.

⁹ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: ... С. 699.

¹⁰ Головкин А.В. История ... С. 256.

¹¹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. ... С. 218.

¹² Наиболее полно причины «холодной войны» раскрыты в работах: С. Ю. Шеина «Истории холодной войны» (2003), В. В. Фортунатова «Истории мировых цивилизаций» (2012), и в «Истории» / под ред. А. В. Чудинова и А. В. Гладышева (2012).

не полный перечень причин. Поэтому учащиеся, изучавшие историю «холодной войны» по учебникам, в которых не полно освещены причины глобального противостояния, будут обладать неполными знаниями темы.

Статья поступила в редакцию 29.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Проблема методологии формирования школьного учебника истории нового типа // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 2. С. 92–104.
2. Багдасарян В. Э. «Интурист» как идеологический актер холодной войны // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 4. С. 63–70.
3. Васильев В. А. Уолкер С. Американские учебники истории об истоках «холодной войны» (Walker S. The Origins of the Cold War in the US history textbooks. - J. of Amer. History. - Bloomington, 1995. - Vol. 81, no. 4. - P. 1652–1662) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (Реферативный журнал). Серия 5: История. 1996. № 1. С. 177–183.
4. Михайлов А. А. Метаморфозы репрезентации «холодной войны» на материале советских и российских школьных учебников // Скиф: вопросы студенческой науки. 2017. № 13 (13). С. 22–30.
5. Никифоров Ю. А. Идеология и история // Исследование стратегий развития государств. 2018. № 1. С. 207–213.
6. Тетерин П. В. Историографический анализ темы «холодной войны» в современных учебниках истории отечества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 40–50.
7. Тетерин П. В. Опыт осмысления российской историографией причин развязывания «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 40–43.
8. Фукс А. Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 21–32.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. [The problem of the methodology of history textbooks of a new type]. In: *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe projektirovanie* [Problem analysis and public administration design], 2013, vol. 6, no. 2, pp. 92–104.
2. Bagdasaryan V. ["Intourist" as an ideological actor in the cold war]. In: *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Sovremennyye problemy servisa i turizma], 2016, vol. 10, no. 4, pp. 63–70.
3. Vasil'ev V. [Uolker S. American history books about the history key cold war (Walker S. The Origins of the Cold War in the US history textbooks. - J. of Amer. History. - Bloomington, 1995. - Vol. 81, no. 4. - P. 1652-1662)]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zaru-bezhnaya literatura (Referativnyi zhurnal)*. Seriya 5: Istoriya [Social and human sciences. Domestic and foreign literature (Review Journal). Series 5: History], 1996, no. 1, pp. 177–183.
4. Mikhailov A. [Metamorphosis of the representation of the "cold war" in Soviet and Russian textbooks]. In: *Skif: voprosy studencheskoi nauki* [Skiff: Student Science Issues], 2017, no. 13 (13), pp. 22–30.
5. Nikiforov Yu. [Ideology and history]. In: *Issledovanie strategii razvitiya gosudarstv* [Study of State Development Strategies], 2018, no. 1, pp. 207–213.
6. Teterin P. [Historiographical analysis of the topic of the cold war in the modern history of the Fatherland]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2018, no. 2, pp. 40–50.
7. Teterin P. [Experience understanding of Russian historiography of the causes of the outbreak of the cold war]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2010, no. 2, pp. 40–43.

8. Fuks A. [The value of school textbooks of Russian history for ideological national security]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2015, no. 1, pp. 21–32.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Teterin – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of Modern, Contemporary History and Methodology, Moscow Regional State University;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П. В. Российские учебники истории о причинах возникновения «холодной войны» (Историографический обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 73–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-73-82

FOR CITATION

Teterin P. Russian history textbooks on the causes of the Cold War (Historiographical review). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 73–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-73-82

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (73)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-83-90

КОНГРЕСС США И КОНЦЕПЦИЯ «ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕВРОПЫ»: 1950-е гг.

Дадян Л. Г.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель состояла в рассмотрении основных точек зрения американской правящей элиты на взаимоотношения со странами Восточной Европы и СССР, а также их эволюцию в период президентства Д. Д. Эйзенхауэра.

Процедура и методы исследования. Автором произведен анализ источниковой базы (в первую очередь – документы заседания Конгресса США и работы комиссии по иностранным делам при Сенате США), а также произведена оценка изменения отношения американского истеблишмента к проблеме Восточной Европы на протяжении 1950-х гг.

Результат проведенного исследования. В результате исследования было доказано, что администрация Эйзенхауэра по итогам 1950-х гг. заняла в целом наблюдательную позицию в отношении стран Восточной Европы и их зависимости от СССР, несмотря на критику такого подхода в предшествующей администрации Г. Трумэна.

Теоретическая / практическая значимость заключается в обобщении значительного массива данных из материалов работы обеих палат Конгресса США и работы Комиссии по иностранным делам при Сенате США.

Ключевые слова: США, Восточная Европа, СССР, Конгресс США, Дуайт Эйзенхауэр, международные отношения, Венгерское восстание, «холодная война»

THE UNITED STATES CONGRESS AND THE CONCEPT OF EUROPE LIBERATION: THE 1950^s

L. Dadyan

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To discuss the main positions of the American ruling elite concerning relations between the USA and the countries of Eastern Europe and the USSR, as well as to consider their evolution during the presidency of D. D. Eisenhower.

Procedures and research methods. Original sources, including documents and reports of the United States Congress and the United States Senate Committee on Foreign Relations, were analysed. Changes in the attitude of the American ruling elite towards Eastern Europe during the 1950s were assessed.

Results. It is shown that, by the end of the 1950s, the Eisenhower administration had adopted the policy of non-intervention towards the USSR's control over Eastern Europe. Such an approach was strongly criticized by the preceding administration of G. Truman.

Theoretical / practical relevance. This paper reviewed a substantial amount of data from the official documents of the United States Senate Committee on Foreign Relations and both chambers of the United States Congress.

Keywords: the USA, Eastern Europe, the USSR, United States Congress, Dwight D. Eisenhower, international relationships, Hungarian Revolution of 1956, Cold war

Взаимоотношения США и стран Восточной Европы вплоть до конца 80-х гг. XX в. можно охарактеризовать высказыванием президента Г. Трумэна в его речи перед Конгрессом 12 марта 1947 г.: «Народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания. Правительство Соединенных Штатов делало частые протесты против политики принуждения и запугивания, в нарушение Ялтинских соглашений, в Польше, Румынии, и Болгарии. Я должен также заявить, что во многих других странах происходили подобные события»¹. Эта речь определяла официальную позицию США в отношении Восточной Европы – установившиеся там режимы являются навязанными Москвой, а потому не признаются Вашингтоном в полной мере, поскольку фактически эти восточноевропейские страны являются странами-сателлитами СССР [10, с. 48].

Вплоть до 1953 г. президент-демократ Г. Трумэн проводил политику «сдерживания» в отношении коммунистического мира, которая с начала 50-х гг. начинает активно критиковаться отдельными политиками, в первую очередь представителями республиканской партии. Именно тогда и зарождается концепция «освобождения Европы», которая станет важной составляющей внешней политики администрации президента-республиканца Д. Д. Эйзенхауэра. Целью данной статьи является изучение эволюции обозначенной внешнеполитической концепции и роли Конгресса Соединенных Штатов в этом процессе.

При изучении темы использовались иностранные источники. В первую очередь необходимо отметить материалы Конгресса США, опубликованные в издании *Congressional record*, а также материалы работы специальной комиссии по иностранным делам при Сенате США, находящиеся в сборнике *Executive sessions of the Senate Foreign Relations Committee*. Кроме того, использовались как зарубежные, так и отечественные исследования по обозначенной теме. Это работы Р. Д. Джонсона, С. Амброза, К. Кэмпбелла и М. Маккаули [3; 15; 16; 17]. Из отечественной литературы использовались публикации А. И. Уткина, А. Д. Богатурова, В. В. Аверкова и ряд статей С. Н. Мирошникова, посвященных исключительно политике США в отношении стран Восточной Европы в период «холодной войны» [4; 7; 8; 9; 13].

Идея «освобождения Европы» являлась составной частью формировавшейся в начале 50-х гг. новой внешнеполитической доктрины. Ее главными выразителями были два сенатора-республиканца – один из виднейших консерваторов в стране Р. Тафт и советник государственного секретаря Д. Ачесона, главный эксперт по внешней политике в Республиканской партии – Дж. Ф. Даллес.

Идеи Роберта Тафта, сенатора от штата Огайо, неофициального лидера партии и представителя «неоконсервативного» крыла, были изложены им в 1951 г. в книге «Внешняя политика для американцев». Критик ООН и участия США в НАТО, сенатор Тафт обращал внимание на то, что американскому руководству в целях эффективной борьбы с коммунизмом не-

¹ Congressional Record (Bound Edition). Volume 98–107 // The Library of Congress, (<https://www.govinfo.gov/app/collection/crecb/crecb/>).

обходима перестройка вооруженных сил, а именно сокращение сухопутных войск и военного присутствия США в мире. Предлагалось сделать акцент на развитие военно-воздушных и военно-морских сил, и самое главное – на ядерное оружие. Кроме того, сенатор отмечал важность пропаганды идей свободы и демократии как ответа на коммунистическую пропаганду, а также важность подготовки диссидентов, которые могли бы стать внутренней подрывной силой в оккупированных коммунизмом странах [4, с. 79].

Практически те же самые идеи были высказаны годом ранее Дж. Ф. Даллесом в его книге «Война или мир», а также в журнале *Life* 19 мая 1952 г., где Даллес подвергает критике избранный президентом Трумэнном курс во внешней политике, считая, что, «сдерживая» коммунизм, Америка оставляет за «железным занавесом» сотни миллионов невинных людей под властью диктаторов и тиранов. Необходимо «давление», которое бы нейтрализовало коммунизм и влияние СССР в странах Восточной Европы в первую очередь. Однако, замечает автор, это «давление» не должно привести к народным восстаниям, так как те будут сразу же пресечены режимом. «Давление» в понимании Даллеса – это пропаганда идей свободы, апелляция к религиозным и национальным чувствам угнетенных. Такое «давление», по мнению сенатора, способно также заставить советское руководство отказаться от разработки наступательных войн, экспансии коммунизма, и уйти в глубокую оборону. Подобная тактика, по мнению Даллеса, могла бы быть реализована только вследствие коренной перестройки и модернизации вооруженных сил США, в первую очередь их ядерного оружия как наиболее эффективного в современных войнах [6, с. 81].

Развернувшаяся в конце 1952 г. президентская избирательная кампания также стала ареной широкого обсуждения внешнеполитических вопросов, затрагивающих в том числе и Восточно-Евро-

пейский регион. Д. Д. Эйзенхауэр избрал в этой связи наступательную риторику, объявляя своей непосредственной задачей возвращение в лоно европейской цивилизации стран Восточной Европы, а также советских прибалтийских республик. Несложно заметить, что за высказываниями кандидатов в президенты стояла более широкая полемика республиканцев и демократов в Конгрессе [1, с. 57]. Наиболее интересной здесь представляется позиция республиканцев, которые переживали переломный этап – сначала окончательно отойдя от консенсуса с демократами по вопросам внешней политики, затем – буквально расколовшись на два направления, «интервенционистов» и «изоляционистов», а теперь стремящихся оба эти направления объединить, чтобы в унисон подвергать критике демократов.

Единство республиканцев стало возможным, в том числе, благодаря лидеру «изоляционистов», уже упоминаемому сенатору Р. Тафту, который высказал согласие с оппонентами в партии по отдельным вопросам, и здесь речь в первую очередь идет об идеологическом наступлении демократии, а также о качественном, но не количественном усилении американских вооруженных сил. Учитывая эти положения, два крыла республиканской партии сумели достичь консенсуса по внешнеполитическим вопросам, в том числе и по Восточной Европе, объявив борьбу за души и умы людей во всем мире, борьбу против идей коммунизма, отвергая «умиротворение» и «сдерживание» президента Трумэна [5, с. 198].

Всё вышеперечисленное, а также весьма резкие и агрессивные выступления Дж. Даллеса, которые даже содержали планы освобождения стран Восточной Европы в обозримом будущем, подверглось критике демократов, которые обвиняли республиканскую партию в стремлении развязать тотальную войну, исходом которой станет гибель человечества. Ядерная война, по мнению кандидата от демократов Э. Стивенсона, будет

вестись в том числе и на территории Восточной Европы, и в её горниле исчезнут те самые народы, за «освобождение» которых собираются бороться республиканцы [6, с. 80].

В связи с этим очень скоро наиболее агрессивная риторика республиканцев исчезает, что проявилось также в отстранении Дж. Даллеса от подготовки внешнеполитических разделов речей Д. Д. Эйзенхауэра. Акцент делался на том, что освобождение поработанных народов должно вестись исключительно мирными средствами [18, с. 103]. Сама же полемика в отношении Восточной Европы очень быстро оказалась перекрытой двумя другими важными пунктами предвыборной гонки – коррупционным скандалом вокруг кандидата от республиканцев на пост вице-президента, сенатора от Калифорнии Р. Никсона, и ключевой проблемой завершения войны в Корее, которую Д. Д. Эйзенхауэр обещал решить сразу же после его избрания президентом [6, с. 82].

Несмотря на то, что после президентских выборов концепция «освобождения Европы» в основном «повисла» в институтах исполнительной власти, имеет смысл обратить внимание на ситуацию в Конгрессе. В начале 1953 г. с новой силой разгорелись споры демократов и республиканцев по поводу Ялтинских соглашений 1945 г. о послевоенном статусе восточноевропейских стран. Республиканцы настаивали на их несостоятельности по двум пунктам: во-первых, СССР активно нарушает эти соглашения, вмешиваясь в избирательные кампании в странах Восточной Европы, а во-вторых, сами соглашения признавались сговором президента Ф. Рузвельта с Москвой. Последнее обвинение являлось апогеем маккартистской истерии в США. Отсюда, – республиканцы, в особенности наиболее радикальная «старая гвардия», настаивали на денонсации Ялтинских соглашений, за которыми последовали бы действия, направленные на освобождение стран Восточной Европы [13, с. 123].

В свою очередь, демократы утверждали, что заключенные в феврале 1945 г. в Ялте соглашения между СССР, Великобританией и США в большей степени соответствовали сложившимся реалиям, а также были направлены на решение ряда важнейших проблем послевоенного устройства мира, включая Польский вопрос. Естественно, демократы, под неофициальным руководством сенатора-техасца Линдона Джонсона, не собирались признавать денонсацию или же поправки к Ялтинским соглашениям.

Однако вскоре споры в Конгрессе стали утихать, не в последнюю очередь – благодаря президенту Эйзенхауэру, который обратил внимание на то, что денонсация Ялтинских соглашений приведет к ухудшению отношений США с союзниками, а также не будет способствовать освобождению наций Восточной Европы, хотя эту идею президент всецело поддерживал. Свою роль сыграло и заявление министра иностранных дел Великобритании, Энтони Идена, о том, что Лондон ни в коем случае не откажется от соглашений. 20 февраля 1953 г. президент выступил с резолюцией перед Конгрессом, в которой осуждались действия СССР, но не Ялтинские договоренности [2, с. 28].

В начале марта сенатор-республиканец Бурк Хикенлупер настаивал на осуждении соглашений в Ялте Эйзенхауэром, подобное же решение собирался вынести сенатский Комитет по внешней политике¹. Завершению споров в отношении Ялты послужила новость из Москвы 4-го, а затем и 5-го марта. Ухудшение здоровья и последующая смерть И. В. Сталина приковали внимание как администрации президента, так и Конгресса. Ожидались изменения в руководстве СССР, равно как и в советской внешней политике. 9 марта Эйзенхауэр встретился с сенатором Р. Тафтом, который предложил отложить споры насчет Ялтинских соглаше-

¹ Congressional Record (Bound Edition). Volume 98–107 // The Library of Congress, (<https://www.govinfo.gov/app/collection/crecb/crecb/>).

ний до прояснения ситуации [19, с. 240].

Таким образом завершилось активное обсуждение судьбы народов Восточной Европы в стенах Конгресса. Окончательную же форму концепция «освобождения Европы» приняла только на стыке 1954–1955 гг. В результате многочисленных встреч президента, его администрации и членов Совета национальной безопасности, был выработан документ СНБ 5501/1, который исключал любую возможность начала активных боевых действий против СССР за «освобождение» народов Восточной Европы [15, с. 357–358]. Признавалось военное превосходство СССР как в живой силе и технике, так и в ядерном оружии (а с 1953 г. – и термоядерном)¹. Кроме того, подчеркивалась особая важность Восточно-Европейского региона для Москвы, что, по мнению администрации и СНБ, выражалось в подавлении восстания в Берлине в июне 1953 г. (а впоследствии – в создании военно-политического блока ОВД в мае 1955 г.) [7, с. 142]. Наконец, решен был вопрос о методах воздействия на «коммунистическую угрозу» в Европе – таковыми должны были стать дипломатические методы в сочетании с экономическими, политическими, пропагандистскими и тайными операциями.

17 мая 1955 г. лидер Республиканской партии, сенатор У. Ноулэнд, наряду с проблемой принадлежности островов Куэмой и Мацу, на которые претендовали Тайвань и Китайская Народная Республика, обратил внимание на подписанную представителями СССР, США, Великобритании и Франции 15 мая этого же года декларацию о независимости Австрии [6, с. 80]. Успешное разрешение Австрийского вопроса, по мнению сенатора-республиканца, должно было стать примером удаления советского присутствия и из других стран Европы, в первую очередь из Германии, Венгрии и

Румынии. Кроме того, вновь было обращено внимание на недостаточное развитие атомного оружия в США, что давало определенное преимущество Советскому Союзу [14, с. 240].

Широкому обсуждению подверглись события 1956 г. в Восточной Европе и СССР. Несмотря на президентские выборы, и действующий президент, и Конгресс внимательно следили за ходом XX съезда КПСС в Москве, а также за событиями в Польше и Венгрии. Наиболее полную оценку развернувшихся событий Конгресс представил в январе 1957 г., в связи с особым посланием избранного на второй срок президента Д. Д. Эйзенхауэра. Помимо ключевого для США вопроса – усиления влияния СССР на Ближнем Востоке, президент также обратил внимание на восточноевропейский кризис, в частности, на события октября–ноября 1956 г. в Венгрии [7, с. 139].

Осуждая интервенцию советских войск, Эйзенхауэр приходит к выводу, что Америке чрезвычайно сложно поддерживать борьбу за свободу там, где правят советские интересы и амбиции [12, с. 210]. Конгресс США ответил взаимностью на речь президента, морально осуждая агрессию СССР и отмечая «героизм венгерского народа». Вместе с тем сенаторы предлагали осторожно оценивать итоги 1956 г. Так, сенатор-демократ от Миннесоты Хьюберт Хамфри-мл., обратил внимание на то, как быстро был наведен порядок в стране и восстановлен режим, лояльный Москве. Отсюда, по мнению сенатора, следовало то, что позиции СССР в Восточной Европе чрезвычайно сильны и устранить их можно только путем военного вмешательства, что само по себе станет началом глобальной войны с трагическим итогом для всех ее участников².

Наконец, стоит обратить внимание на принятие Конгрессом резолюции в

¹ Congressional Record (Bound Edition). Volume 98–107 // The Library of Congress (<https://www.govinfo.gov/app/collection/crecb/crecb/>).

² Executive sessions of the Senate foreign relations committee (historical series). Volume IV–XII, 1977–1983 // The University of Michigan, Hathi Trust Digital Library.

1959 г., связанной с проведением «Недели порабощенных народов». Текст резолюции обращал внимание на моральную поддержку США в отношении народов под властью коммунистических режимов, включая Восточную Европу и СССР. В связи с этим президент наделялся полномочиями ежегодно провозглашать неделю мероприятий, связанных с поддержкой порабощенных народов.

По итогам развития концепции «освобождения Европы» в 1950-е гг. можно отметить следующее: огромное влияние на ее зарождение оказали представители республиканской партии в Конгрессе, эта же концепция стала противовесом демократической концепции «сдерживания» на президентских выборах 1952 г. и уже на тот момент не подразумевала чрезмерно активных действий в отношении стран Восточной Европы.

После победы Д. Д. Эйзенхауэра на выборах, концепция многократно обсуждалась в администрации президента, что привело к смягчению её формулировок. Параллельно с обсуждением концепции, в 1953 г. Конгресс настаивал на более решительных мерах президента, в частности, на денонсации Ялтинских договоренностей, однако ряд обстоятельств привел к закрытию этой дискуссии. Именно на этом этапе наблюдается потеря влияния со стороны Конгресса на развитие концепции [1, с.133].

На протяжении всего срока президентства Д. Д. Эйзенхауэра, Конгресс и президент в целом были солидарны в отношении Восточной Европы, считая, что действовать в этом регионе надо осторожно, отдав предпочтение пропаганде и моральной поддержке «порабощенных народов». Наиболее яркие события, связанные с Восточно-Европейским регионом и его судьбой (польские и венгерские волнения 1956 г.), в основном становились поводом для морального осуждения «советского вмешательства» во внутренние дела этих стран. Но дальше этого события не разворачивались. Отчасти – ввиду гораздо более серьезных проблем для американской дипломатии, отчасти – благодаря деятельности советского руководства, и здесь в первую очередь стоит отметить решения XX съезда КПСС [11, с. 144].

Методами морального воздействия и завершилось развитие концепции в 1950-е гг. после принятия в Конгрессе резолюции «О порабощенных народах» в 1959 г. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на критику концепции «сдерживания» президента Г. Трумэна, новая администрация в восточноевропейском регионе ею и ограничилась, учитывая возможные контрмеры со стороны СССР. С этим в целом был солидарен и Конгресс США.

Статья поступила в редакцию 06.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброс С. Эйзенхауэр: солдат и президент. М.: Книга, 1993. 560 с.
2. Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений, 1945–2008. М.: Аспект Пресс, 2010. 520 с.
3. Варакса А. Н. Американский конгресс и его роль во внешней политике США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. № 3. С. 237–245.
4. Ильин Д. В. Внешняя политика США глазами консерватора: сенатор Р. Тафт и его взгляды (1939–1945 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1 (1). С. 77–83.
5. Мирошников С. Н. «Борьба за сердца и умы людей»: радиостанция «Свободная Европа» в информационной войне против стран Восточной Европы в 1953–1955 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4. С. 194–201.
6. Мирошников С. Н. Президентские выборы 1952 г. и позиция Республиканской партии по вопросам взаимоотношения США со странами Восточной Европы и СССР // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 78–83.

7. Мирошников С. Н. «Сдерживание» versus «освобождение»: администрация Дуайта Эйзенхауэра и Восточная Европа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 137–144.
8. Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории республиканской партии США. М.: МГУ, 1984. 292 с.
9. Сивачёв Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.
10. Согрин В. В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX в. М.: Наука, 1995. 238 с.
11. Согрин В. В. Оливер Стоун и американская история // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 9. С. 68–81.
12. Уткин А. И. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005. 393 с.
13. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. 447 с.
14. Черняховский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М.: Молодая гвардия, 2015. 430 с.
15. Шенин С. Ю. Эволюция американской политики помощи в период президентства Д. Эйзенхауэра // Известия Саратовского университета (Новая серия). Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 356–360.
16. Bowie R. R., Immerman R. N. Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy. Oxford University Press, 1998. 317 p.
17. Craig C. Destroying the Village: Eisenhower and Thermonuclear War. Columbia University Press, 1998. 240 p.
18. Johnson R. D. Congress and The Cold War. Cambridge University Press, 2005. 382 p.
19. McCauley M. The Cold War, 1949–2016. Oxon; New York, NY: Routledge, 2017. 391 p.

REFERENCES

1. Ambrose S. *Eisenhower: soldier and president* [Eisenhower: soldier and President]. Moscow, Kniga Publ., 1993. 560 p.
2. Bogaturov A., Averkov V. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii, 1945–2008* [History of international relations, 1945–2008]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 520 p.
3. Varaksa A. [The US Congress and its role in US foreign policy]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 237–245.
4. Ilyin D. [US foreign policy in the eyes of conservative Senator R. Taft and his views (1939–1945)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University], 2011, no. 1 (1), pp. 77–83.
5. Miroshnikov S. ["The struggle for the hearts and minds of men": radio "Free Europe" in the information war against the countries of Eastern Europe, 1953–1955]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 4, pp. 194–201.
6. Miroshnikov S. [The presidential elections of 1952 and the position of the Republican party on the relationship of the US with the countries of Eastern Europe and the Soviet Union]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 345, pp. 78–83.
7. Miroshnikov S. ["Containment" versus "liberation": the administration of Dwight Eisenhower and Eastern Europe]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2011, no. 2, pp. 137–144.
8. Nikonov V. *Ot Eizenkhauera k Niksonu: iz istorii respublikanskoi partii SShA* [From Eisenhower to Nixon: the history of the Republican party]. Moscow, MGU Publ., 1984. 292 p.
9. Sivachev N., Yazkov E. *Noveishaya istoriya SShA* [The recent history of the USA]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 335 p.
10. Sogrin V. *Ideologiya v amerikanskoi istorii: ot ottsov-osnovatelei do kontsa XX v.* [Ideology in American history: from the founding fathers until the end of XX c]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 238 p.
11. Sogrin V. [Oliver Stone and American history]. In: *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: Economics, Politics, Culture], 2015, no. 9, pp. 68–81.
12. Utkin A. *Mirovaya kholodnaya voina* [The Global Cold war]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 393 p.

13. Falin V. *Bez skidok na obstoyatel'stva: politicheskie vospominaniya* [No discounts on the circumstances: political memories]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 447 p.
14. Chernyakhovskii G., Dubova L. *Eizenkhauer* [Eisenhower]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 430 p.
15. Shenin S. [Evolution of the American policy of aid during the presidency of Dwight Eisenhower]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta (Novaya seriya). Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [News of Saratov University (New Series). Series: History. International relationships], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 356–360.
16. Bowie R. R., Immerman R. N. *Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy*. Oxford University Press, 1998. 317 p.
17. Craig C. *Destroying the Village: Eisenhower and Thermonuclear War*. Columbia University Press, 1998. 240 p.
18. Johnson R. D. *Congress and The Cold War*. Cambridge University Press, 2005. 382 p.
19. McCauley M. *The Cold War, 1949–2016*. Oxon; New York, Routledge, 2017. 391 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дядян Левон Грачьевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: okinawa-way@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levon G. Dadyan – PhD Student, Department of Modern History, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: okinawa-way@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дядян Л. Г. Конгресс США и концепция «освобождения Европы»: 1950-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 83–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-83-90

FOR CITATION

Dadyan L. The United States Congress and the concept Europe liberation: the 1950-s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 83–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-83-90

УДК 784.1(470) "1930"

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-91-97

ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ХОР С. А. ЖАРОВА В АМЕРИКЕ: 1930-е гг. (РУССКИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)

Курков Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Осветить восприятие концертных выступлений всемирно известного Донского казачьего хора С. А. Жарова американским музыкальным сообществом, театральной общественностью, русской диаспорой в США в 1930-е гг., до начала Второй мировой войны. Данная тема слабо изучена исследователями.

Процедура и методы исследования. Последовательно рассматриваются и детально анализируются различные аспекты и этапы творческой деятельности Донского казачьего хора А. С. Жарова в США. Исследование проводилось автором на основе совокупности общенаучных методологических принципов, применяемых в современной исторической науке – принципов историзма и системности. В качестве основного источника проведенного автором исследования использовалась американская пресса, свидетельства современников.

Результаты проведенного исследования. Хор давал зарубежным слушателям всестороннее представление о русском народном искусстве, его вклад в популяризацию русской музыки за пределами России был беспрецедентным. Концертная деятельность Донского казачьего хора С.А. Жарова оставила яркий след в истории Русского Зарубежья и американского музыкального театра.

Теоретическая/ практическая значимость. Данное исследование (тема) представляет определенный интерес в плане изучения проблем истории Русского Зарубежья, российско-американских отношений, культурных и духовных связей народов двух стран.

Ключевые слова: Донской казачий хор, русское хоровое искусство, русская музыка, американское музыкальное сообщество, русская диаспора

DON COSSACK CHOIR OF S. A. ZHAROV IN THE USA: THE 1930^S (CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT OF THE RUSSIAN 20TH CENTURY)

N. Kurkov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To examine how concert performances of the world-famous Don Cossack Choir of S. A. Zharov were perceived by US music community, theatre audience, and Russian immigrant community in the 1930s, before the World War II. Thus far, this topic has not been sufficiently studied.

Procedure and research methods. Various aspects of the creative activity of the Don Cossack Choir during their tour across the USA were analysed. The study was conducted drawing on a set of scientific approaches, including historicism and systematic method, widely applicable in modern history. American newspapers and periodicals, as well as reports of the participants were used as the main source of data.

Results. The Choir presented Russian folk art to foreign audience, successfully promoting Russian music abroad. Concert performances of the Don Cossack Choir made an unforgettable impression on American music community and wide audience.

Theoretical / practical relevance. This research may be of interest to those investigating issues associated with Russian immigrant communities, Russian-American relations, and cultural links between the two countries.

Keywords: Don Cossack Choir, Russian choral art, Russian music, American music community, Russian immigrant community

Жаров Сергей Алексеевич (1896, Костромская губ. – 1985, шт. Нью-Джерси, США) родился в г. Макарьеве Костромской губернии в купеческой семье. Уже в 5-летнем возрасте выступал певчим на клиросе в церковном хоре. Окончил престижное Московское Синодальное училище хорового пения. Участник Белого Движения. В 1920 г. в составе Донского корпуса генерала Ф. Ф. Абрамова эвакуировался из Крыма в Турцию, в лагерь под Константинополем – Чилингир. Там по указанию Абрамова Жаров создал Донской Казачий хор. После переезда в Болгарию хор с регентом Жаровым участвовал в церковных богослужениях.

В 1923 г. состоялись концерты хора в Вене и Милане, и это стало началом нескончаемого триумфа певческого коллектива Жарова. Донской Казачий хор с его бессменным хормейстером концертировал в различных странах более полувека и обрел всемирную известность и славу. Всего хор провел около 10 тыс. концертов¹.

Нельзя не согласиться с общей оценкой деятельности Донского Казачьего хора С. А. Жарова, высказанной современными российскими исследователями: «Жаровский хор давал зарубежным слушателям очень яркое представление о русском хоровом искусстве, достигшем к началу XX в. высочайшего уровня»²;

¹ Александров Е. А. Русские в Северной Америке: Биографич. словарь. Хэмден (Конн., США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), Конгресс русских американцев, 2005. С. 198.

² Рахманова М. Жаров Сергей Алексеевич // Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедич. биографич. словарь. М.: Российская политическая энциклопедия

«Вклад хора в популяризацию русского искусства за пределами России был беспрецедентным» [3, с. 31]. Отечественный музыковед С. Г. Зверева вполне логично задается вопросом, почему артисты хора, певцы, большинство из которых не имело профессионального музыкального образования, сумели подняться на такую недостижимую исполнительскую высоту. Заключение исследователя представляется вполне обоснованным и не вызывает возражений: «Думается, что искусство хора возматало не только благодаря стремлению заработать деньги и уцелеть в жесткой конкуренции. У хора были очень высокие нравственные идеалы: его участники стремились дать утешение находившимся в скорби русским изгнанникам, материально поддержать инвалидов, сирот, вдов, престарелых военачальников, а также показать миру несметные сокровища русской музыки и русской хоровой традиции» [2, с. 143–144].

Автор ставит своей целью осветить и детально проанализировать восприятие концертных выступлений Донского Казачьего хора Жарова американским музыкальным сообществом, театральной общественностью, русской диаспорой в США в 1930-е гг., до начала Второй мировой войны.

Штаб-квартира хора находилась в Берлине; в 1939 г. он переместился в США и обосновался в Нью-Йорке. Состав хора, насчитывавшего 36 чел., периодически обновлялся с привлечением наиболее талантливых представителей русского певческого зарубежья. Из четырнадцати артистов хора, названных в (РОССПЭН), 1997. С. 237.

публикации 1939 г., в его составе в 1930 г., когда он впервые выступил с концертом в США, числились М. Бажанов, В. Василевский, А. Жаровицкий, С. Прозоровский, В. Чижов¹.

Репертуар хора² состоял из русской духовной и светской музыки. Впечатляющим было исполнение церковных сочинений Архангельского, Бортнянского, Гречанинова, Кастальского, Рахманинова, Чайковского, Чеснокова, Шведова. В числе светских произведений преобладали народные песни в высокопрофессиональной аранжировке самого Жарова, а также композиторов К. Н. Шведова, И. А. Добровейна и других музыкантов («Барыня», «В темном лесу», «Вечерний звон», «Вниз по матушке по Волге», «Две гитары», «Двенадцать разбойников», «Замело тебя снегом, Россия», «Красный сарафан» Варламова, «Однозвучно гремит колокольчик», «Очи черные», «Сени», «Стенька Разин», «Эй, ухнем»).

Исполнялась также классическая музыка русских композиторов (фрагменты из опер Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова). Основу репертуара составляли песни военные, казачьи, сельский фольклор, городская авторская песня, цыганский романс и др.³ Жаров постоянно отшлифовывал репертуар, от сезона к сезону, от концерта к концерту. Репетиции хора проводились ежедневно, независимо от внешних обстоятельств и графика концертных выступлений.

¹ Новое русское слово. 1930, 2 нояб.; 1939, 29 нояб.

² Записи хора Жарова представлены на интернет-портале «Мир русской грамзаписи» (https://www.russian-records.com/search.php?show_result=1&page=1)

³ «Будучи сам уроженцем Костромского края, – отмечает Н. Ю. Данченкова, – Жаров на редкость цельно и органично воспринял певческую «манеру» казачьего войскового хора» [1, с. 185]. Эту характеристику логично дополняет высказывание известного музыкального комментатора русского зарубежья Л. М. Камышникова: «В казачьих песнях было все, и музыкальная передача, и юмор народный, яркий, сочный и находчивый не только в песне, но и в талантливой передаче её хором» (Новое русское слово. 1935. 1 дек.).

Неповторимая оригинальность жаровского хора заключалась в его уникальной ансамблевости, когда тенора-фальцетисты с их совершенным качеством звука, и подражание вокалистов звучанию оркестра создавали полную, поразительную иллюзию смешанного хора, безупречную имитацию женских голосов и звучания музыкальных (струнных) инструментов. Магия звука, ритмичность, безупречная тональность, артистизм исполнения завораживали слушателей.

Новаторский, «русский стиль» хора и его репертуара «поставил на небывалую художественную высоту исполнение хором Жарова народных песен <...> народная песня была <...> окончательно причислена к роду *высокого* музыкального искусства» [1, с. 183]. Русские музыкальные деятели, поддерживавшие близкие отношения с маэстро Жаровым – С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, А. Т. Гречанинов, К. Н. Шведов давали высокую оценку концертным выступлениям его хора⁴.

* * *

В Америку, Нью-Йорк хор прибыл из Европы на пароходе «Колумбус» 1 ноября 1930 г. Через три дня состоялся его дебют в Новом Свете, – концерт на сцене «мировой трибуны музыкального искусства Карнеги-холл»⁵.

Каменная мостовая вокруг Карнеги-холл блестит как под черным углом. Льет проливной дождь и, кажется, никто в такую погоду не выйдет из дома. Но зал Карнеги-холл к восьми часам переполнен до отказа. «Первое впечатление победы налицо, – писала эмигрантская газета. – Это победа русских в Нью-Йорке, сумевших наполнить весь зал Карнеги при од-

⁴ Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. Т. 3: Письма. М.: Советский композитор, 1980. С. 64; Новое русское слово. 1930. 2 нояб.; Новое русское слово. 1930. 23 дек.; Новое русское слово. 1935. 29 нояб.

⁵ Новое русское слово. 1930. 6 нояб.

ном известии о приезде русского хора»¹. Газета отмечает: «В публике есть и американцы. Это те, которые крепко вжились в искусство России, которые давно любят его, следят за ним, и неизменно ему верны»².

На сцену хор выходил эффектно. Из-за кулис с двух сторон появились казаки, одетые в униформу военного образца черного цвета с красными лампасами Войска Донского. Артисты выстраиваются полукругом двумя рядами, а в центре против них на подмостках маленький, но динамичный и гармоничный в движениях дирижер.

Зал замирает в ожидании. «Мощным, уходящим под своды, и поражающим своей силой звуком, гремят голоса хора, – писала ведущая эмигрантская газета Нью-Йорка. – В первый момент эта мощь потрясает величием, которое сменяется глубоким изумлением и восхищением. Не сразу понятно, какие инструменты звучат со сцены. Какой-то живой организм из человеческих голосов поет. А впереди маленький стройный дирижер <...> Зал во власти этого человека, стоящего на трибуне. Зал напряженно слушает стройный гласный напев «Верую»³.

Жаров вспоминает: «Я начинаю концерт с «Верую» (композитора Гречанинова. – Н. К.), после чего хор замолкает, а зал наполняется аплодисментами. Успех! Слава Богу, успех!»⁴.

После очередного концерта Донского Казачьего хора в Карнеги-холл в прессе сообщалось: «Внутри зал представлял собой сплошную массу людей. Энтузиазм был необычайный. После каждого исполненного хором номера публика буквально неистовствовала, оглашая зал громовыми аплодисментами и восторженными кликами»⁵. Страницы газет пестрели заголовками: «Донской каза-

чий хор под управлением Сергея Жарова окончательно победил Нью-Йорк», «Маленький гигант маэстро Жаров» и т. д. Л. Камышников утверждал: «Артисты Донского Казачьего хора Америку покорили прочно <...> с триумфом небывалым. Это было очевидно с первого звука жаровского хора»⁶.

В 1930 г. в течение шестинедельного пребывания в Америке хор дал свыше сорока аншлаговых концертов при переполненных залах, включая Метрополитен-опера, выступал в 32 городах. Во многих случаях аудитория была чисто американская. В дальнейшем хор, ангажированный на ежегодные гастроли в США и Канаде, проводил в Америке по 10–20 недель, остальные – в других странах. В 1937 г. *Radio Corporation* записывала концертные выступления хора на граммпластинки⁷.

Рецензии в американской прессе свидетельствуют о неизменном успехе концертов хора Жарова: «Публика сопровождала каждый номер хора восторженными рукоплесканиями, временами переходящими в грандиозные овации»⁸; «После окончания концерта публика еще долго неистовствовала и хору пришлось выходить на сцену еще три раза»⁹; «Концерт сопровождался обычным, исключительным успехом»¹⁰; «Который раз приезжает к нам хор Жарова, и с каждым приездом триумф хора не ослабевает, а напротив, все больше и больше разрастается <...> Жарова и его хор знают и любят»¹¹; «В Америке всюду чествовали хор, ставший необыкновенно популярным»¹²; «Рецензии канадских газет единодушны в оценке блестящих достоинств хора и таланта его дирижера. Особенно подчеркивают все критики непревзойденную рекордную способность хора достигать

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Жаров С. В стране богатств и небоскребов (в книге Е. Клинского [4]).

⁵ Новое русское слово. 1930. 11 нояб.

⁶ Новое русское слово. 1930. 7 нояб.

⁷ Новое русское слово. 1937. 2 окт.

⁸ Новое русское слово. 1932. 4 янв.

⁹ Новое русское слово. 1933. 12 дек.

¹⁰ Новое русское слово. 1934. 2 декабря.

¹¹ Новое русское слово. 1937. 1 октября.

¹² Новое русское слово. 1937. 2 октября.

величайшей мощности и самой поразительной мелодичности звука, и давать при желании полную иллюзию большого оркестра»¹.

Блестящую характеристику хора и его руководства мы находим на страницах русской эмигрантской прессы; её автором является композитор, профессор Московской консерватории К. Н. Шведов, находившейся в эмиграции в США, очень критичный и требовательный музыкант: «Хор Жарова – хор исключительный. Великолепная, разнообразная звучность, богатство нюансов, виртуозность исполнения, необычайная, какая-то стихийная выносливость хора – вот главные его достоинства. Но кроме того (и это теперь наблюдается все чаще и чаще) лицо и глубокое проникновение в смысл и душу исполняемого. Особенно ярко это проявляется в вещах, близких по духу и Жарову и его певцам, – в донских казачьих песнях <...> хор его всегда блестящий хор <...> все члены хора совершают огромный подвиг – подвиг во славу русского искусства»².

Рецензент Л. Камышников заключает: «Концерт Жарова праздник редкий. И можно понять то глубокое волнение, тот огромный подъем духа, который вызывает выступление тридцати шести человек – инструментов, на которых гениально играет этот маленький гигант. О Сергее Жарове пишут, что он использует своих певцов как клавиши на органе»³. Аналогичную оценку высказывает С. В. Савицкий: «Жаровское мастерство исполнения, – вне конкуренции. Оно блестяще и в этом залог его исключительных успехов»⁴.

Отечественные исследователи подчеркивают, что исключительный, фантастический успех вокального коллектива Жарова во многом определяли «магнетизм хормейстера», его неоспоримая оригинальность, создавшая ему много

друзей и поклонников. Е. Клинский отмечает: «Личность Жарова ярко выступает на фоне хора. Его детские глаза могут испуганно сверкать на концертах, его движения, в жизни закругленные и мягкие, могут повелевать и электризовать – не терпя ослушаний и диктуя часто почти невозможное» [4, с. 8]. В унисон звучит высказывание музыкального рецензента «Нового русского слова», характеризующего руководителя хора как «маленького человека, такого скромного, застенчивого, такого мягкого в обращении <...> Добродушный Жаров умеет быть строгим, когда это необходимо в интересах дела»⁵.

Особый интерес представляют отзывы музыкальной критики США. Для многих американцев, любителей музыки Донской Казачий хор приобретал романтический ореол «степных всадников без отечества» (с нансеновскими паспортами), затерявшихся во времени посланцев русской культуры.

В этой связи особенно ценны высказывания ведущих музыкальных рецензентов влиятельной американской газеты «Нью-Йорк таймс» О. Доунса и Н. Страуса. Их отзывы составлены в превосходных тонах; отмечается высочайший профессионализм артистов хора, ритмичность, напряженная красочность, великолепное звучание теноров-фальцетистов, имитирующих сопрано и контральто, «блестящее фортиссимо», «превосходное пианиссимо», безупречная интонация, удивительная гармоничность и широчайший диапазон звуковых оттенков. Вместе с тем Доунс находил не вполне оправданным усиление эффектности, виртуозности, театральности в концертных выступлениях Донского Казачьего хора и выражал пожелание концертантам в большей степени следовать канонам строгого классического академизма⁶.

⁵ Новое русское слово. 1937. 26 дек.

⁶ Downes O. Russian Chorus In Spirited Debut // New York Times. 1930, November 5. P. 29; Straus N. Don Cossacks Give Benefit Concert // New York Times. 1937, November 27. P. 21.

¹ Новое русское слово. 1930. 23 ноября.

² Новое русское слово. 1935. 29 ноября.

³ Новое русское слово. 1937. 28 нояб.

⁴ Новое русское слово. 1934. 2 дек.

Как можно судить по характеру публикаций в американской прессе в последующие годы, эти пожелания и рекомендации были творчески восприняты С. А. Жаровым¹.

Столь же высоко оценивал музыкальное творчество вокального коллектива Жарова известный американский композитор Д. Тэйлор. В своей статье он отмечает: « Мужской хор донских казаков самый лучший из всех хоров, которые я когда-либо слышал <...> По красоте тона, артистизму исполнения, техническому совершенству и подбору репертуара хор может быть назван вполне безукоризненным <...> Я слышал много больших хоров в Карнеги-холл, но ни один из них не достигал более убедительного величия,

чем хор донских казаков Жарова <...> Звук их пения внушителен и эффектен и в то же время отличается тонкостью и глубиной воспроизведения <...> Два или три тенора поют фальцетом исключительной чистоты и красоты»².

Д. Тэйлор заключает: «Аранжировка народных песен большей частью написана Жаровым и вполне заслуживает того прекрасного исполнения, каким характеризуются концерты хора донских казаков»³.

Концертные выступления хора С.А. Жарова в США в рассматриваемый период оставили яркий след в истории Русского Зарубежья и американского музыкального театра.

Статья поступила в редакцию 06.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Данченкова Н. Ю. Народная песня в хоровой обработке С. А. Жарова и хор донских казаков // Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире. М.: Гос. институт искусствознания, 2010. С. 168–189.
2. Зверева С. Г. Нотный архив и репертуар хора донских казаков под управлением Сергея Жарова 1920–1940-х годов // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций: вып. 6. М.: Московская консерватория, 2013. С. 132–144.
3. Зверева С. Г. Проблемы сохранения церковно-музыкальных архивов Русского зарубежья // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций: вып. 5. М.: Московская консерватория, 2010. С. 27–33.
4. Клинский Е. Сергей Жаров и его Донской Казачий Хор. Берлин: Издание Донского Казачьего хора, 1931. 55 с.

REFERENCES

1. Danchenkova N. [Folk song choir arranged by S. A. Jaroff and the don Cossack choir]. In: *Fol'klor i fol'klorizm v menyayushchimsya mire* [Folklore and folklorism in a changing world]. Moscow, Gos. Institut iskusstvovznanya Publ., 2010, pp. 168–189.
2. Zvereva S. [Sheet music archive and the repertoire of the choir of the don Cossacks under control of Sergey Zharov 1920–1940-s]. In: *Russkie muzykal'nye arkhivy za rubezhom. Zarubezhnye muzykal'nye arkhivy v Rossii: materialy mezhdunarodnykh konferentsii: vyp. 6* [Russian musical archives abroad. Foreign musical archives in Russia: materials of the international conference: iss. 6]. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2013, pp. 132–144.
3. Zvereva S. [The problem of preserving the Church]. In: *Russkie muzykal'nye arkhivy za rubezhom. Zarubezhnye muzykal'nye arkhivy v Rossii: materialy mezhdunarodnykh konferentsii: vyp. 5* [Russian musical archives abroad. Foreign musical archives in Russia: materials of the international conference: iss. 5]. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2010, pp. 27–33.
4. Klinskii E. *Sergei Zharov i ego Donskoi Kazachii Khor* [Serge Jaroff and his don Cossack Choir]. Berlin, Izdanie Donskogo Kazach'ego khora Publ., 1931. 55 p.

¹ Новое русское слово. 1937, 1 окт.; Новое русское слово. 1937. 28 нояб.; New York Times. 1931. December 21. P. 29; New York Times. 1933. January 16. P. 12; New York Times. 1939, November 28. P. 22; New York Times. 1941. December 14. P. 37.

² Новое русское слово. 1931. 27 дек.

³ Новое русское слово. 1931. 27 дек.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
E-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nicolay V. Kurkov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of the Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow State Regional University;
E-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курков Н. В. Донской казачий хор С. А. Жарова в Америке: 1930-е гг. (Русский двадцатый век в культурно-историческом контексте) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 91–97.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-91-97

FOR CITATION

Kurkov N. Don Cossack Choir of S. A. Zharov in America: the 1930s (cultural and historical context of the Russian 20th century). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 91–97.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-91-97

УДК 355.48(100)''1941/1945'':304.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-98-107

ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ В ПОВЕДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА» НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Эмирханов И. А.

Дагестанский государственный университет

367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43а, Российская Федерация

Аннотация.

Цель исследования состояла в анализе причин девиантного поведения в продовольственной сфере граждан Советского Союза и Германии в 1941–1945 гг.

Процедура и методы исследования включали оценку информации из работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных теме, архивных материалов и воспоминаний современников военных лет.

Результаты проведенного исследования выявили, по мнению автора, причину проявления девиантности среди населения двух основных воюющих стран, вызванной проблемами социального характера, в первую очередь, острой нехваткой продуктов питания, обострившей психологический климат в обществе. В этих условиях в СССР и в Германии получает развитие нелегальная торговля продовольственными товарами.

Теоретическая / практическая значимость состоит в обобщении нового материала по исследуемой проблеме, введению в научный оборот исследований зарубежных авторов последних лет.

Ключевые слова: СССР, Германия, тыл военного времени (1941–1945 гг.), продовольственная проблема, девиантное поведение, «черный» рынок

MANIFESTATION OF DEVIANT BEHAVIOUR IN THE USSR AND GERMANY IN THE CONTEXT OF FOOD SHORTAGES DURING WAR (1941–1945)

I. Emirkhanov

Dagestan State University

43a ul. Gadzhieva, Makhachkala 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract.

Aim. To analyse the causes of deviant behaviour as reaction to food shortage among citizens in the Soviet Union and Germany in 1941–45.

Procedure and research methods. Works by both Russian and foreign authors on the topic, as well as archive materials and memoirs of people living in the wartime, were reviewed.

Results. The manifestation of deviation behaviour among the population of the two belligerent countries was caused by social problems, primarily, acute food shortages, which increased psychological tension significantly. These conditions provoked the emergence of illegal food trade both in the USSR and Germany.

Theoretical / practical relevance. New materials on the problem in question were analysed. Recent research works by foreign authors were reviewed.

Keywords: USSR, Germany, 1941-1945, food issue, deviant behaviour, theft, illegal trade

С началом военных действий для значительной части населения СССР и Германии дефицит продуктов питания превратился в прозу повседневной жизни, причем в разной степени данная проблема затронула практически все слои общества этих двух противоборствующих государств. Необходимо отметить, что из числа наиболее острых и насущных проблем, требующих постоянного внимания, именно продовольственная выделялась в течение всего военного периода и имела чрезвычайный характер. В первую очередь это касалось Советского Союза, как страны, подвергшейся внезапному нападению со стороны более подготовленной в экономическом и военном отношении Германии. В задачи исследования входит выявление и характеристика факторов формирования девиантного поведения в сфере продовольственного обеспечения гражданского населения воюющих стран, которое позволяло им выживать в сложных социально-экономических и психологических условиях военной обстановки.

Результатом стремительного наступления частей вермахта в первые дни войны стала потеря Советским Союзом основных сельскохозяйственных областей, дававших стране около 38% зерна и 84% сахара [1]. Уже к концу 1941 г. из-за сокращения посевных площадей, эвакуации части скота и пищевых предприятий на восток, страна лишилась примерно 70% продовольственных ресурсов. К тому же на протяжении всех военных лет основная часть провизии направлялась для снабжения армии, в то время как гражданское население обеспечивалось ею по остаточному принципу [15, с. 611–612], итогом чего стала хроническая нехватка муки и других продовольственных товаров в большинстве регионов страны. В этих условиях в августе-сентябре 1941 г. в СССР было введено нормированное обеспечение основными видами продовольственных товаров (хлеб, крупа, сахар, рыба, мясомолочные и кондитерские изделия).

Оформление талонов на продукты питания, и вообще организация продовольственного снабжения граждан, не были четко организованы, что подчас вызывало недовольство людей, которым приходилось тратить большую часть свободного от работы времени на очереди за получением и отовариванием карточек. К тому же организация нормированной системы привела к появлению новых видов преступлений, таких, как кража продовольственных карточек, подлог и злоупотребления служебным положением при выдаче талонов на продукты. В этой ситуации, как считает отечественный исследователь А. С. Микаэля, «карточки стали своеобразным «магнитом», притягивавшим к себе недобросовестных людей, стремившихся обманом, воровством и другими различными махинациями завладеть продовольственными карточками с целью либо обогащения, либо улучшения продовольственного обеспечения своих семей» [11, с. 62].

Одним из часто встречающихся видов правонарушений в продовольственной сфере было завышение данных на выделяемые продуктовые карточки путем включения в списки на их получение лиц, которым они не полагались. К примеру, в начальный период войны в г. Элиста были выявлены факты выдачи хлебных карточек вместо рабочих сторожам, завхозам и заведующим столовыми [2, с. 65].

Нередко сотрудники карточных бюро, в функции которых входил непосредственный контроль за выдачей продуктовых талонов, сами занимались присваиванием карточек или выписыванием их на вымышленных или умерших людей. В результате подобных правонарушений, по выражению И. Б. Орлова, «значительная часть нормированных товаров уходила в сферу теневого распределения» [13, с. 41]. Так, в г. Кемерово только в июле 1944 г. работниками правоохранительных органов было задержано большое количество сельских жителей, не работавших в городе, но получавших там карточки; выяв-

лено свыше 1000 стандартных справок у лиц, которые по закону не должны были получать продуктовых талонов [19, с. 70].

В условиях военной повседневности получает распространение такой вид правонарушения, как хищение зерна крестьянами, принявшее со временем, в целом по стране, повсеместный характер. К примеру, в приказе № 217 прокурора Чкаловской области от 2 ноября 1943 г. отмечалось: «... хищения и воровство хлеба носят разнузданный характер и проявляются в разнообразных формах и методах. Так, в Октябрьском районе некоторые колхозницы приносили с собой на молотьбу бутылки с молоком и водой, затем эти бутылки наполняли зерном и уносили домой. В других районах некоторые колхозники и колхозницы воровали зерно путем набора его в карман, рукава, специально подшитые мешочки, белье, обувь. Подвозчики воды воровали зерно и увозили его в опорожненных бочках» [4, с. 159].

В другом случае, во время сбора 1941 г. и сева 1942 г. в 26 районах Челябинской области было украдено 149 т зерна. «В колхозе им. Сталина Манчжунского района Свердловской области по фиктивным документам со склада было похищено 2064 т зерна. По информации осведомителей, оперативные работники РО НКВД – НКГБ и сотрудники милиции изымали у сельчан зерно, спрятанное в скирдах сена, сараях, ямах, сундуках и других укромных местах» [12, с. 84].

Только за период с мая по июнь 1943 г. работниками органов милиции Свердловской области за кражу с колхозных и совхозных полей были привлечены к уголовной ответственности 283 крестьян [12, с. 85]. Однако, несмотря на принимаемые жесткие меры, полностью искоренить это явление не представлялось возможным, так как в качестве мотивов хищений зерна в первую очередь выступала полуголодная жизнь крестьян, которые в условиях увеличения налогового и трудового бремени, а также объ-

емов поставляемых государству и в Фонд Обороны страны сельскохозяйственных продуктов, вынуждены были идти на различные хитрости, чтобы выжить и прокормить семьи.

Значительная часть преступлений в продовольственной сфере была представлена злоупотреблениями и кражами со стороны работников торговой и снабженческой сфер, живших по принципу: «Кому война, а кому мать родна» [18, с. 77]. К примеру, только за первую неделю войны в г. Махачкала было раскрыто 9 случаев незаконной скупки хлебных и других продовольственных товаров¹. В другом случае, в справке инструктора отдела торговли и общественного питания Дагестанского Обкома ВКП(б) от 21 января 1943 г. приводился факт незаконной продажи заведующим отдела торговли Левашинского района Дагестанской автономной республики «разным лицам 1565 кг хлеба», а также джема и кондитерских изделий, предназначенных для нужд общественного питания². Подобные факты встречались практически во всех регионах страны, но, несмотря на то, что за хищения продуктов питания были предусмотрены суровые меры наказания, голод и жажда наживы толкали людей на воровство. Только в сентябре 1944 г. в Удмуртской АССР за расхищение хлеба были преданы суду 338 граждан, из которых 15 являлись председателями правлений колхозов, 14 – бригадирами, 16 – кладовщиками и 8 – счетоводами [10, с. 24].

Военная обстановка, обусловившая острую нехватку продовольственных товаров и отсутствие в свободной продаже товаров массового потребления, дала толчок развитию в Советском Союзе «черного» рынка, позволившего любому гражданину удовлетворить свои продовольственные потребности. Необходимо отметить, что скупка различных дефицитных товаров для дальнейшей их пере-

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф-491. Оп. 8. Д. 4949. Л. 1.

² Там же. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 5811. Л. 61.

продажи по высоким ценам в СССР имела место и до 1941 г., однако в военные годы она стала носить широкий характер, причем на нелегальном рынке произошла товарная переориентация. Так, если до войны распространение получила спекуляция промышленными товарами, то уже после июня 1941 г. массовыми стали случаи перепродажи продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции, в том числе похищенной или незаконно полученной из кооперативных и государственных учреждений и предприятий.

По выражению А. Ш. Кабириной, спекулянты, «используя трудности военного времени, умело пользовались обстоятельствами, наживаясь на горе рядовых граждан» [8, с. 409]. В атмосфере острой нехватки продуктов питания каждый стремился использовать доступные ему ресурсы для обогащения. Например, работники предприятий торговой сети составляли поддельные акты на использованные карточки, а украденные товары затем реализовывали по рыночной цене. Подобным образом за первый месяц войны в г. Ленинград преступными элементами было закуплено и припрятано большое количество продуктов, в последующем реализованных на «черном» рынке за драгоценности и валюту. «Так, некто Далевский в 1941 г. открыл ларёк в Московском районе Ленинграда, где за один стакан манки или риса брал фарфор, картины; у него было изъято 300 000 руб. и около центнера продуктов. За карманные швейцарские часы «Бурэ» со светящимся циферблатом в эти тревожные военные дни можно было приобрести буханку хлеба (1 кг)» [17, с. 63].

В условиях военной действительности появлялись все новые возможности незаконного обогащения отдельных граждан и преступных картелей за счет хищений и перепродажи продовольственных товаров. В этой ситуации реализация на нелегальном рынке «по коммерческим ценам продуктов и промтоваров, изъятых тем

или иным путем из госфондов, приводила к ухудшению и без того тяжелого материального положения большинства населения, включая такую самую незащищенную в социальном смысле группу населения, как дети. Люди должны были закупать необходимые им товары по рыночным ценам, а не по пайковым, которые зачастую были в десятки раз меньше. В выигрыше оказывалась небольшая часть населения, располагавшая крупными денежными средствами» [16, с. 224]. По данным отечественного исследователя, в годы войны ежегодно в стране ежегодно совершалось свыше 200 тыс. преступлений в экономической сфере, из которых от 40 до 70 тыс. были связаны с делами, касающимися спекуляции [5, с. 85].

В отличие от Советского Союза, качество жизни гражданского населения Германии в условиях войны находилось на более высоком уровне. Успешные действия вермахта на Западном фронте в 1939–1940 гг. и оккупация ряда ведущих европейских стран, снабжавших Третий рейх сельскохозяйственной продукцией, заметно улучшили продовольственное снабжение в самой Германии. Но нацистское руководство, учитывая вероятность ухудшения сложившейся благоприятной ситуации, что в последующем грозило перебоями в снабжении фронта и тыла, после начала Второй мировой войны ввело нормированную систему обеспечения продуктами питания. В результате с августа 1939 г. карточная система снабжения продовольственными товарами стала для населения Германии нормой повседневной жизни.

Первоначально немцы, пережившие полугодные 20-е гг. XX в., отнеслись с пониманием к нормированию провизии, не считая ее слишком обременительной. Однако суровые реалии военного времени, затягивание военных действий и неудачи на советско-германском фронте потребовали корректировки объемов выделяемого продовольствия на одного человека в сторону их снижения, а также

увеличения ассортимента продуктов питания, отпускаемых по карточкам. Негативные последствия войны стали особенно ощущаться с зимы 1941–1942 гг., когда был лимитирован самый популярный немецкий продукт – картофель и сокращены нормы выделяемых жиров [22, р. 81]. К тому же после поражения под Москвой все ресурсы Германии были мобилизованы для ведения затяжной войны, что осложняло положение немцев в вопросе снабжения провизией.

Ситуация в продовольственном обеспечении населения Третьего рейха еще более усугубилась на заключительном этапе войны. Так, русская княжна Мария Васильчикова, проживавшая в это время в Германии и участвовавшая в заговоре 1944 г. с целью убийства фюрера, в своих мемуарах пишет: «В магазинах больше ничего не продается (*апрель 1944 г.* – Э. И.), ... и если там что и подают, то отвратительного качества ...» [3, с. 291]. К концу 1944 г. нормы потребления по продовольственным талонам составили в стране не более 2/3 от первоначально установленных, причем качество выделяемых немцам товаров заметно ухудшилось [6].

В этих условиях в Германии стала процветать нелегальная торговля, позволявшая снабжать дефицитной продукцией представителей немецкого общества, имевших возможность купить их по реальным рыночным ценам. «Если бы у вас было много денег, – вспоминает современник описываемых событий, уроженка г. Штутгарт Труди Гамильтон, – то вы могли купить продукты питания на «черном» рынке» [21].

Острота продовольственной проблемы могла привести к взрыву недовольства среди простых обывателей, направленного против более зажиточных соотечественников, которые могли себе позволить приобретать на «чёрном» рынке продукты питания. Подобные настроения грозили подрывом нацистского мифа о едином германском народе и

равной степени ответственности всех немцев за судьбу страны. «Чем сильнее затягивалась война, – отмечено в коллективном труде сотрудников Германского института экономических исследований, – тем большее политическое значение приобретали всякие изменения норм, и в особенности сокращение их» [9, с. 299].

Имперские власти принимали различные меры для борьбы с запрещённой нелегальной торговлей. К примеру, в средствах массовой информации регулярно публиковались отчёты о судебных процессах над «акулами чёрного рынка», «плутократами» и «вредителями» [14, с. 55]. В общем за весь военный период в Германии за спекуляции было возбуждено около 100 тыс. уголовных дел [20]. Однако, по мнению И. А. Зимина, Третий рейх не стремился полностью уничтожить эту сферу теневой экономики, довольствуясь какими-то полумерами, понимая, «что чёрный рынок помогает в какой-то степени сгладить последствия неблагоприятной ситуации со снабжением населения продовольствием по официальным нормам» [7, с. 32–33].

Нидерландский исследователь Мартейн Лак также считает, что несмотря на все усилия со стороны властей, «чёрный» рынок благополучно развивался, особенно в последние месяцы войны, превратившись в неотъемлемую часть повседневной жизни в нацистской Германии [24, р. 542]. Хотя за нелегальную перепродажу продовольственных товаров человека могли приговорить к смертной казни, из-за высокого спроса на них со стороны как простого населения страны, так и ее элиты, а также благодаря распространению коррупции среди немецких чиновников, эта сфера теневой экономики продолжала процветать все военные годы [23].

Таким образом, «продовольственный вопрос» в годы Великой Отечественной войны превратился в один из ключевых компонентов повседневной жизни населения СССР и Германии. В сложной

обстановке полугодного существования как в советском, так и немецком обществах получают распространение различные девиации, проявившиеся в нарушении установленных государством норм снабжения продуктами питания. В Советском Союзе массовое распространение получило мелкое воровство зерна колхозниками, хищения со складов должностными лицами продовольственных товаров, махинации с продовольственными карточками, нелегальная перепродажа продуктов питания.

В качестве основных причин, вызывавших злоупотребления в сфере продовольственного обеспечения, выступали экономические проблемы граждан, обусловленные реалиями военного времени, такими, как увеличение обязательных государственных поставок сельхозпродукции, получаемых на приусадебном участке, трудовых повинностей и различных налоговых выплат крестьянами, а также низкий контроль за расходованием продовольственных товаров со стороны городских и районных отделов торговли.

В отличие от СССР, в Германии перестройка продовольственного хозяйства на военные рельсы прошла для гражданского населения сравнительно безболезненно. Поставки крестьянами государству сельхозпродукции имели четко очерченные правовые рамки, вплоть до введения различных поощрений за сдачу ими сверх нормы продовольствие. Причем немецкий крестьянин имел право делать все что угодно с оставшимися после сдачи государству продуктами. К тому же накануне войны Германия пополнила свои продовольственные ресурсы за счет оккупированных стран, в результате чего нормирование продуктов питания было проведено раньше, чем немцы стали испытывать в них острую нехватку. В этих условиях в Германии различные правонарушения в продовольственной сфере, такие, как кража зерна со складов, различные злоупотребления с карточка-

ми не превратились в реалии повседневной жизни населения.

Произошедшие перемены в привычной практике получения продуктов питания, а также пропажа из торговой сети большинства продовольственных товаров обусловили развитие в тылу воюющих стран «черного» рынка. Развитие нелегальной торговли в СССР было обусловлено низкими пищевыми нормами, выделявшимися по карточкам, а также распространением хищений хлеба из складов, нередко совершаемых материально ответственными и должностными лицами, сбывавшими его в последующем спекулянтам для дальнейшей перепродажи на «черном» рынке по завышенным ценам.

Военные годы характеризовались расширением объемов незаконной торговли, постепенно превратившейся в полулегальный элемент системы продовольственного снабжения городского населения воюющих стран. В экстремальной обстановке спекуляция, сопровождавшая «продовольственный вопрос» и оказывавшая негативное влияние на настроения в обществе, превратилась в злободневную проблему для соответствующих спецслужб Советского Союза и нацистской Германии.

Вместе с тем необходимо отметить, что если в СССР нелегальная торговля привела к появлению крупных преступных картелей, то в Германии «черный» рынок оказался менее криминализован. К тому же в условиях ухудшения положения дел на фронте, когда населению стали выдавать продукты питания низкого качества или заменять их на суррогаты, немецким властям пришлось «смотреть сквозь пальцы» на существование нелегального рынка, позволявшего обывателю приобретать дополнительный набор высококалорийных продуктов, хотя и за значительно высокую цену.

Статья поступила в редакцию 12.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеев А. Г. Сталинский план решения продовольственной проблемы в СССР в действии // *Марксизм и современность*. 2004. № 3–4 (29–30). С. 11–16.
2. Бадмаева Е. Н. Реализация продовольственной политики советского государства в условиях военного времени (на примере Калмыцкой АССР) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2013. № 3. С. 63–68.
3. Васильчикова М. И. Берлинский дневник, 1940–1945 / Пер. с англ. Е. Маевского, Г. Васильчикова. Предисловие, послесловие, комментарии и примечания Г. И. Васильчикова. М.: Наше наследие, 1994. 320 с.
4. Гусак В. А. Социальное неблагополучие как фактор преступности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*. 2008. № 2 (103). С. 158–166.
5. Емелин С. М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2009. № 11. С. 85–91.
6. Залесский К. А. Цена победы. Быт в Германии в 1944 году [Электронный ресурс] // *Дилетант*. – URL: <https://diletant.media/articles/32036523/> (дата обращения: 20.08.2019).
7. Зимин И. А. Черный рынок в нацистской Германии в годы Второй мировой войны // *История государства и права*. 2017. № 6. С. 31–33.
8. Кабирова А. Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2012. 582 с.
9. Как ковался германский меч: промышленный потенциал Третьего рейха / Пер. с нем. Г. В. Смирнова, В. М. Шаститко. М.: Яуза, 2006. 640 с.
10. Карпова Л. М. Некоторые вопросы деятельности милиции УАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) по борьбе с экономическими преступлениями // *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения*. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 2 (9). С. 24–28.
11. Микаэлян А. С. Состояние продовольственного вопроса в городах Ставропольского края в 1944–1945 гг.: от кризиса к росту позитивных тенденций // *Университетские чтения – 2015: материалы научно-методических чтений*. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 61–68.
12. Мотревич В. П. Жизнь в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны: скрытое недовольство и борьба за выживание // *Аграрный вестник Урала*. 2016. № 5 (147). С. 83–87.
13. Орлов И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2010. № 3. С. 36–42.
14. Платошкин Н. Н. Обеспечение населения Германии продуктами питания в годы Второй Мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2011. № 7. С. 54–59.
15. Потёмкина М. Н., Гаврилькова К. Е. Как питались те, кто ковал победу над врагом: пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 611–617.
16. Пушкарев В. С. «Черный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // *Экономический журнал*. 2006. Вып. 12. С. 212–226.
17. Смирнова Л. В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 3 (29). С. 63–70.
18. Сперанский А. В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // *Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение (материалы VII ежегодной научной конференции кафедры истории и социальных технологий УрФУ, г. Екатеринбург, 8 фев. 2018 г.)*. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2018. С. 73–78.
19. Черемных О. А., Шевляков А. С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Томск: Томский университет, 2017. 220 с.

20. Чиркова Е. Черный рынок Третьего рейха. Как решалась продовольственная проблема в нацистской Германии // Коммерсантъ Деньги. 2014. № 4. С. 52–58.
21. Germany during World War II: A Child's Experience by Trudy Hamilton [Электронный ресурс] // CAF Dixie Wing. – URL: https://dixiewing.org/files/Germany_WWII.pdf (дата обращения 20.08.2019).
22. Havers R. The Second World War. Vol. 2: Europe 1939–1943 (Essential Histories). Oxford: Osprey Publishing, 2002. 96 p.
23. Everyday life in Germany during the war [Электронный ресурс] // Haydn Corper Author. – URL: <http://haydncorper.com/index.php/germany-at-war/everyday-life-in-germany-during-the-war/> (дата обращения 20.08.2019).
24. Lak M. Europe and Germany's Age of Catastrophe, 1914–1950 // European History Quarterly. 2018. Vol. 48 (3). P. 534–544.

REFERENCES

1. Arsenko A. [Stalin's plan to solve the food problem in the USSR in action]. In: *Marksizm i sovremenost'* [Marxism and modernity], 2004, no. 3–4 (29–30), pp. 11–16.
2. Badmaeva E. [The implementation of the food policy of the Soviet state in wartime (for example, Kalmyk ASSR)]. In: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 63–68.
3. Vasil'chikova M. *Berlinskii dnevnik, 1940–1945. Predislovie, posleslovie, kommentarii i primechaniya G. I. Vasil'chikova* [Berlin diary, 1940–1945. Foreword, afterword, commentary and notes by G. I. Vasilchikov]. Moscow, Nashe nasledie Publ., 1994. 320 p.
4. Gusak V. [Social disadvantage as a factor of crime in the years of the great Patriotic war (1941–1945)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law], 2008, no. 2 (103), pp. 158–166.
5. Emelin S. [Legal ways of countering economic crime in the years of the great Patriotic war]. In: *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 11, pp. 85–91.
6. Zaleskii K. [The price of victory. Life in Germany in 1944]. In: *Diletant*. Available at: <https://diletant.media/articles/32036523/> (accessed: 20.08.2019).
7. Zimin I. A. [The black market in Nazi Germany during the Second world war]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2017, no. 6, pp. 31–33.
8. Kabirova A. *Tatarskaya ASSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turno-ideologicheskie protsessy v tylovom regione: dis. ... dokt. ist. nauk* [The Tatar ASSR during the great Patriotic war of 1941–1945: the socio-economic and cultural-ideological processes in the rear region: Doctor Thesis in Historical sciences]. Kazan, 2012. 582 p.
9. *Kak kovalsya germanskii mech: promyshlennyy potentsial Tret'ego reikha* [How forged German sword: the industrial potential of the Third Reich]. Moscow, Yauza Publ., 2006. 640 p.
10. Karpova L. [Some questions of activity of police UASSR during the great Patriotic war (1941–1945) in the fight against economic crimes]. In: *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, security practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2008, no. 2 (9), pp. 24–28.
11. Mikaelyan A. [The state of the food question in cities of Stavropol territory in 1944–1945: from crisis to growth of positive trends]. In: *Universitetskiye chteniya – 2015: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy* [University readings 2015: materials of the scientific and methodological readings. Pyatigorsk, PGLU Publ., 2015, pp. 61–68.
12. Motrevich V. [Life in a village near the Ural during the great Patriotic war: the hidden discontent and struggle for survival]. In: *Agrarnyi vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2016, no. 5 (147), pp. 83–87.
13. Orlov I. [Card supply in 1941–1943: calculations and miscalculations]. In: *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 2010, no. 3, pp. 36–42.
14. Platoshkin N. [Providing the German population with food during the Second World war]. In: *Voeno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2011, no. 7, pp. 54–59.

15. Potemkina M., Gavril'kova K. [How to eat those who forged victory over the enemy: food practices of the citizens of the Soviet rear (on the example of Magnitogorsk)]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2017, vol. 27, no. 4, pp. 611–617.
16. Pushkarev V. [Black market in the USSR during the great Patriotic war and its impact on the state of the domestic market of the country]. In: *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic journal], 2006, no. 12, pp. 212–226.
17. Smirnova L. [Card system and normalized the supply of civilian population of Leningrad and the Leningrad region in the years of the great Patriotic war]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2014, no. 3 (29), pp. 63–70.
18. Speranskii A. ["To whom war and to whom mother is native": the solution of the food problem in 1941–1945 (on the materials of the Middle Urals)]. In: *Vyzovy vremeni i sotsial'no-istoricheskoe znanie: teoretiko-metodologicheskie, konkretno-istoricheskie aspekty, prakticheskoe znachenie (materialy VII ezhegodnoi nauchnoi konferentsii kafedry istorii i sotsial'nykh tekhnologii UrFU, g. Ekaterinburg, 8 fev. 2018 g.)* [The challenges of time and socio-historical knowledge: theoretical and methodological, namely historical aspects, practical significance (proceedings of the VII annual scientific conference of the Department of history and social technologies, Urfu, Ekaterinburg, 8 Feb. 2018)]. Ekaterinburg, UMTS UPI Publ., 2018, pp. 73–78.
19. Cheremnykh O., Shevlyakov A. *Budni tyloвого goroda. Material'no-bytovoe polozenie gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Novosibirskoi, Kemerovskoi i Tomskoi oblastei)* [Everyday life surround the city. Material and social position of the townspeople of Western Siberia during the great Patriotic war of 1941–1945 (on materials of Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions)]. Tomsk, Tomskii universitet Publ., 2017. 220 p.
20. Chirkova E. [The black market of the Third Reich. How to solve the food problem in Nazi Germany]. In: *Kommersant Den'gi* [Kommersant Money], 2014, no. 4, pp. 52–58.
21. Germany during World War II: A Child's Experience by Trudy Hamilton. In: CAF Dixie Wing. Available at: https://dixiewing.org/files/Germany_WWII.pdf (accessed: 20.08.2019).
22. Havers R. *The Second World War, vol. 2: Europe, 1939–1943 (Essential Histories)*. Oxford, Osprey Publishing, 2002. 96 p.
23. Everyday life in Germany during the war. In: Haydn Corper Author. Available at: <http://haydncorper.com/index.php/germany-at-war/everyday-life-in-germany-during-the-war/> (accessed: 20.08.2019).
24. Lak M. Europe and Germany's Age of Catastrophe, 1914–1950. In: *European History Quarterly*, 2018, vol. 48, no. 3, pp. 534–544.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эмирханов Исмаил Асланович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Дагестанского государственного университета;
e-mail: historik2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ismail A. Emirkhanov – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of World History, Dagestan State University;
e-mail: historik2008@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Эмирханов И. А. Проявление девиантности в поведении населения СССР и Германии в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь в условиях войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 98–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-98-107

FOR CITATION

Emirkhanov I. Manifestation of deviant behaviour in the USSR and Germany in the context of food shortages during war (1941–1945). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 98–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-98-107

УДК 316.7

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-108-114

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

Григоренко О. Н., Копсергенова А. М.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи в анализе современных российско-китайских социокультурных отношений: партнерства, взаимных интересов, которые способствуют постоянному развитию новых проектов во всех сферах международного взаимодействия.

Процедура и методы исследования. Сравнительный метод и метод социокультурного анализа.

Результаты проведенного исследования – в выводе, что ежегодное число людей, приобщающихся к изучению культуры другой страны, только растет, что, в свою очередь способствует более интенсивному развитию социокультурного взаимодействия между двумя странами на государственном уровне.

Теоретическая/практическая значимость работы в том, что она будет полезна при описании российско-китайских отношений в социокультурном аспекте, а полученные выводы могут быть использованы для определения уровня взаимодействия двух культур и построения дальнейшего плана развития проектов, направленных на двустороннее взаимодействие.

Ключевые слова: Россия, Китай, культура, литература, опера, театр, кино

MAIN ASPECTS OF CULTURAL INTERACTION BETWEEN CHINA AND RUSSIA

O. Grigorenko, A. Kopsergenova

Rostov State University of Economics

69 B. Sadovaya ul., Rostov-na-Donu 344002, Russian Federation

Abstract.

Aim. To analyse the current state of Russian–Chinese sociocultural relations: partnership of these two countries, their mutual interests contributing to the continuous development of new projects in all areas of international cooperation. While the issue of political and economic cooperation between the mentioned countries has been extensively analysed, the topic of cultural interaction between these states has so far attracted little attention.

Procedure and research methods. The methods of comparative study and sociocultural analysis were used.

Results. It is concluded that the number of people interested in studying the culture of the other country is constantly growing, which intensifies sociocultural interactions between the countries under investigation.

Theoretical / practical relevance. The obtained data can be useful for describing the current status of Russian–Chinese sociocultural relations and developing projects aimed at their bilateral interaction.

Keywords: Russia, China, Russian-Chinese relations, culture, literature, opera, theatre, cinema.

В последние годы КНР и Россия тесно сотрудничают на международной арене, разрабатывая международные проекты, которые обеспечивают развитие самих стран. Китай совместно с Россией принимает непосредственное участие в проектах, направленных на обеспечение безопасности и развитие всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Участие Китайской Народной Республики в таких организациях, как ООН, АТЭС, ШОС, БРИКС и т. д. позволяет реализовывать национальные интересы страны.

Для того чтобы рассмотреть степень взаимовлияния двух культур друг на друга, необходимо провести анализ социокультурных особенностей двух стран и сравнение степени вовлеченности одной из культур в культуру другой страны за последние годы. Для реализации этого было проведено сравнение по таким категориям, как: образование, литература, театральное искусство. В ходе анализа и сопоставления были выявлены черты, присущие социокультурному взаимодействию между двумя нашими странами, и сделан вывод о взаимовлиянии двух культур друг на друга.

Помимо экономических интересов, существует взаимная заинтересованность в сотрудничестве в решении целого ряда международных вопросов, таких, как поддержание мира, стабильности и безопасности [1, с. 2]. Значимую роль на геополитической арене играет Российская Федерация. Россия достигла немалых успехов в укреплении своего влияния в мире, в том числе и за счёт установления крепких российско-китайских отношений.

Одним из таких проектов можно назвать стратегию «Экономического пояса Шелкового пути». Инициатором данного проекта выступил Китай. Данная стратегия планирует охватить все сферы международного сотрудничества. Стратегия «Экономического пояса Шелкового пути» предполагает комплексный подход, охватывающий все сферы жизнедеятельности региона [4, с. 123].

Однако в последние годы все больший интерес исследователей привлекает тема социокультурного взаимодействия наших стран. В обеспечении национальных интересов на международной арене культурный обмен является одним из важнейших направлений деятельности любого государства. Принимая во внимание важность развития такого сотрудничества, власти и международные организации стараются финансировать развитие данного направления. Многие государства практикуют так называемую «культурную дипломатию» [5, с. 135], что, в свою очередь, предусматривает «экспорт» своей культуры за рубеж, привлечение на работу иностранцев, благодаря чему складывается положительный имидж государства на международном уровне. Для развития положительного имиджа страны в мире существует даже такое понятие, как «национальный брендинг», одним из критериев рейтинга которого является оценка культуры и наследия страны по таким пунктам, как мировое восприятие культуры страны, современная культура, литература, музыка, кинематограф и т. д.

Россия и Китай являются устойчивыми социокультурными системами, сохранившими свою самобытность и целостность в течение длительного исторического периода, даже несмотря на внутреннюю трансформацию и внешнее влияние. Страны характеризуются определенными культурно-историческими типами, способными интегрировать значительное число локальных культур и этнических общностей на базе единой мировоззренческой и социальной модели [3, с. 37].

Развитию сферы культурного сотрудничества способствует проведение совместных мероприятий и фестивалей, направленных на обзор культуры государств и способствующих ее лучшему пониманию. Так, например, в Китае проводят фестивали, направленные на знакомство туристов с местной культурой

или культурными особенностями других стран. Наглядным примером такого культурно-просветительного места является усадьба «Волга» в Харбине. В настоящее время там построено в общей сложности более 40 зданий в русском стиле. Ежегодно достопримечательность посещают примерно 300 тыс. чел. В сентябре 2018 г. в усадьбе «Волга» прошел китайско-российский фестиваль культуры и искусства, во время которого выступили более ста китайских и российских деятелей в данной области. В Усадьбе собраны самые разные формы традиционной русской народной культуры, а также можно полюбоваться живописью, послушать музыку, посмотреть народные обычаи.

Главной отличительной особенностью социокультурного взаимодействия России и Китая является то, что развитие совместных культурных проектов, проведение фестивалей кино и музыки, выставок и лекций, посвященных культуре Китая, происходит более масштабно и на постоянной основе. Для поддержания сотрудничества с другими странами Россия поддерживает и участвует в культурных мероприятиях, но именно в сотрудничестве с Китаем происходит постоянное развитие и взаимный интерес к культуре другой страны. Особенно большое влияние Россия оказала на китайский театр и балет в начале XX в.

В нашей стране также проходят мероприятия, направленные на знакомство с культурой Китая. В Москве расположен культурный центр Китая, который регулярно проводит культурно-ознакомительные мероприятия. В культурном центре проходят выставки китайских художников и предметов посуды, чайные церемонии и курсы каллиграфии, оперные выступления и концерты китайской музыки. К тому же проводятся научно-культурные лекции, которые ведут известные исследователи в области российско-китайских отношений. На базе культурного центра функционирует библиотека, где представлено множе-

ство книг о Китае или китайском языке. Целью культурного центра является ознакомление с богатой и интересной культурой Китая.

Китай и Россия являются крупнейшими странами, их планы государственного развития характеризуются наличием множества общих черт и совпадений. Китайско-российские отношения являются основными двусторонними отношениями в мире и наиболее выгодными отношениями между державами [6, с. 95].

Россия и Китай сотрудничают в сфере образования, чему способствуют учрежденные на базе многих университетов России «Институты Конфуция», в которых люди, заинтересованные в изучении культуры и китайского языка, имеют возможность учить, а затем и подтвердить свой уровень владения китайским языком путем сдачи экзамена международного уровня.

Еще одним из важных аспектов культурного взаимодействия является сфера искусства. Театральное искусство России имеет значительную популярность в Китае, на протяжении многих лет театральные труппы России становятся успешными и в Китае. В 2015 г. вышла монография профессора Дальневосточного университета А. А. Хисамутдинова, в которой подробно описывается история появления театральных трупп в Китае. Автор монографии описал театральные труппы в нескольких крупнейших городах Китая (таких как Харбин и Шанхай), а также представил экскурс в биографии известных театральных деятелей России [7, с. 20–27].

В феврале 2018 г. в ГУМе (г. Москва) прошла выставка работ художника Джеки Цая. Цай создал арт-инсталляции, объединяющие элементы культуры Китая и России. Он также представил в столице коллекцию собственных работ, в том числе две эксклюзивные картины, созданные специально для фестиваля. В программе ГУМовского фестиваля была проведена фотовыставка «Современный

Китай: 100 новых мест, которые нужно увидеть» – работы фотографов авторитетного издания *Condé Nast Traveler China*; выставка «Великий Шелковый путь» и традиционные шоу. Посетители фестиваля стали зрителями традиционных китайских представлений, где приглашенные мастера проводили чайные церемонии¹.

Как было сказано выше, развитию социокультурного взаимодействия способствует культурный обмен, а потому еще одним важным аспектом культурного взаимодействия является обмен литературным наследием. На одной из Пекинских международных книжных ярмарок был представлен ряд новоизданных книг в рамках «Программы перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы». На презентации книг были представлены 23 китайских и русских произведения, изданные за год. Среди них романы Гу Хуа «В долине лотосов», Чжан Цзе «Тяжелые крылья», Мо Яня «Красный гаолян», Цзя Пинва «Циньские напевы», Лю Чжэньюнь «Одно слово стоит тысячи», сборники произведений Мао Дуня и А Чэна, а также классика китайской литературы XX в. – роман Цянь Чжуншу «Осажденная крепость».

Китайская сторона презентовала романы Анатолия Курчаткина «Солнце сияло», Андрея Воронцова «Называйте меня пророком», Анатолия Королева «Быть Босхом» и «Человек-язык», Александра Кабакова «Все поправимо», а также сборник современных драматических произведений в пяти томах. На фоне реализации проекта «Пояс и путь» народы Китая и России надеются на углубление взаимопонимания при помощи литературы для еще большего укрепления международных отношений.

Представителем Института перевода России было отмечено, что литература является мостом культурного обмена,

через нее можно познакомиться с менталитетом нации и образом мысли людей. По ее словам, российские читатели проявляют все больший интерес к китайской литературе и хотят читать больше современных китайских произведений, чтобы узнать о реальной жизни в Китае. Российский стенд на ярмарке привлекает большое количество китайских читателей. По мнению одной из читательниц, русская литература является мировым сокровищем и наполнена мудростью, поэтому ее следует изучать².

В мае 2013 г. в Москве китайская и российская стороны подписали Меморандум об осуществлении программы перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы. Согласно Меморандуму, Китай и Россия должны перевести и издать сто классических и современных произведений в течение шести лет. В 2015 г. стороны решили расширить программу и издать еще сто переведенных произведений, включая не только художественные произведения, но и книги на гуманитарную тематику.

По словам генерального директора Китайского общества по коллективному управлению авторскими правами на литературные произведения, на данный момент порядка 90 произведений были переведены на русский язык, большинство из них впервые изданы в Китае и России. В будущем стороны продолжат представлять китайским и российским читателям книги качественного перевода. По мнению профессора Шанхайского университета иностранных языков, директора Института мировой литературы, известного переводчика современной русской поэзии Чжэн Тиу – русская литература оказала большое влияние на формирование литературы Китая XX в.

Знаменитый писатель в Китае – Цао Вэньсюань, прочитавший книги многих русских классиков, признался, что одним

¹ Новостной портал «Российской газеты» (<https://rg.ru>).

² Новостной портал «Синьхуа» (<http://russian.news.cn>).

из его любимых писателей является Шолохов и выразил надежду, что в будущем китайская литература в России будет иметь такую же популярность, как русская литература в Китае¹.

Следующим пунктом российско-китайского сотрудничества является тема кино. Ни для кого не секрет, что в Китае наряду с литературными произведениями спросом пользуется и экранизация популярных книг. Одним из таких примеров служит популярная история «А зори здесь тихие», эта история так полюбилась китайской стороне и снискала небывалую популярность в Китае, что получила экранизацию в виде сериала «这里的黎明静悄悄».

Появлению интереса к русской культуре с младших лет, способствует популярная российская анимация, которая буквально покорила множество стран. В Китае количество просмотров российских мультфильмов превышает все остальные, а некоторые мультфильмы имеют целые фанклубы.

В нашей же стране также любят и с удовольствием знакомятся с китайской культурой посредством проводимых фестивалей кино, на которые режиссеры привозят свои фильмы и представляют их публике. Эти мероприятия собирают множество ценителей китайского кинематографа.

Еще одной возможностью культурного взаимодействия являются фестивали, посвященные традиционным китайским праздникам, так, например, в Хабаровске в феврале 2019 г. прошел праздник фонарей, приуроченный к последнему дню празднования китайского Нового года, на котором гости и участники могли попробовать традиционные праздничные угощения «юаньсяо».

Активно развивается сфера образования, на территории России количество центров для изучения китайского языка постоянно увеличивается, так, например, в 20 городах нашей страны на базе уни-

верситетов функционируют Институты Конфуция, которые развиваются при поддержке китайской стороны. В свою очередь, количество центров предоставляющих возможность изучать какой-либо другой восточный язык, уступают в количестве. Это объясняется тем, что несмотря на популяризацию корейской волны в России, интерес к китайскому языку и культуре продолжает расти. Особенно это стало заметно за прошедшие годы, когда в вузы, выпускающие специалистов, связанных с восточными языками идет огромное число людей, желающих изучать китайский язык. Поэтому развитие российско-китайских отношений на данном этапе является наиболее предпочтительным для обеих сторон, в связи с взаимным интересом двух культур.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что российско-китайские отношения в сфере культурного взаимодействия на данный момент находятся в стадии активного развития, за последние годы наши страны проделали большую работу, сформировали множество проектов, подписали договоры для реализации новых, направленных на развитие наших стран в экономическом и культурном плане. Отношения между двумя государствами на данный момент являются стабильными, а интерес к культуре страны-соседа растет в обоих государствах.

Множество китайских студентов ежегодно по обмену посещают Россию, получают образование в крупнейших городах и изучают русскую культуру и язык, в свою очередь студенты из России ежегодно выбирают вузы Китая для получения степени бакалавра или магистра [2, с. 71–72]. Все это происходит благодаря тесным связям двух государств и проведению культурных мероприятий между нашими странами, которые способствуют привлечению молодежи в интересные и самобытные культуры стран.

¹ Новостной портал «ЭКД!» (<https://ekd.me>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белопипецкая А. В., Комаров С. А. Экономические взаимоотношения России и Китая // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № S9. С. 6–10. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/75145.htm> (дата обращения 18.06.2019).
2. Медяник Е. И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1 (11). С. 68–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85.
3. Петрова Н. В. Взаимодействие России и Китая в АТР: ресурс гуманитарного сотрудничества // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 4 (27). С. 34–41.
4. Ремыга В. Н. Экономический пояс Шелкового пути // Вестник Финансового университета. 2015. № 6 (90). С. 121–130.
5. Самойлов Н. А. Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 4-1. С. 135–142.
6. Соловьёва Е. Н. Стратегическое партнерство России и Китая как фактор культурного взаимодействия в современных политических условиях // Политика и общество. 2012. № 1 (85). С. 95–101.
7. Хисамутдинов А. А. Русский театр в Китае. Владивосток: Дальневосточный университет, 2015. 63 с.

REFERENCES

1. Belolipetskaya A., Komarov S. [Economic Relations between Russia and China]. In: *Koncept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: scientific and methodological electronic journal], 2015, no. S9, pp. 6–10. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/75145.htm>. (accessed: 18.06.2019).
2. Medianik E. [Interaction between Russia and China in the field of bachelor and master training]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye* [RGSU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies], 2018, no. 1 (11), pp. 68–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85.
3. Petrova N. [Interaction between Russia and China in the Asia-Pacific Region: A Resource for Humanitarian Cooperation]. In: *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service], 2014, no. 4 (27), pp. 34–41.
4. Remyga V. [Silk Road Economic Belt]. In: *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the University of Finance], 2015, no. 5, pp. 121–128.
5. Samoilov N. [Sociocultural interaction between Russia and China: historiography of the issue]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University, Series 9: Philology. Oriental studies. Journalism], 2008, no. 4-1, pp. 135–141.
6. Solovyova E. [The strategic partnership of Russia and China as a factor in cultural interaction in modern political conditions]. In: *Politika i obschestvo* [Politics and Society], 2012, no 9, pp. 95–101.
7. Khisamutdinov A. *Russkiy teatr v Kitae* [Russian theatre in China]. In: *Dalnevostochnyi universitet Publ.*, 2015. 63 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григоренко Оксана Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);
e-mail: asya_kv@mail.ru

Консергенова Асият Мухарбиевна – магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);
e-mail: asya_kv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana N. Grigorenko – Cand. Sci. (Sociology), Ass. Prof., Department of Foreign Language for Humanities, Rostov State University of Economics;
e-mail: asya_kv@mail.ru

Asiyat M. Kopsergenova – PhD Student, Rostov State University of Economics;
e-mail: asya_kv@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григоренко О. Н., Копсерегинова А. М. Основные аспекты социокультурного взаимодействия России и Китая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 108–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-108-114

FOR CITATION

Grigorenko O., Kopsergenova A. Main aspects of cultural interaction between Russia and China. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 108–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-108-114

УДК 93.94/72.03

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-115-126

ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА г. ДМИТРОВА: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Соловьев К. А.

Научно-исследовательский университет –

Московский государственный строительный университет

129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация;

Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова

125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 9, Российская Федерация

Аннотация.

Статья посвящена уникальному памятнику древнерусской архитектуры – Успенскому собору города Дмитрова.

Целью статьи является соотнесение теории возможного существования на территории Дмитровского Кремля домонгольского белокаменного собора с материалами современных исследований по данному вопросу.

Процедура и методы исследования: исторический и историографический, автор поднимает серьёзные вопросы, связанные с историей и архитектурным развитием Успенского кафедрального собора Дмитровского Кремля. В работе использовались, с одной стороны, традиционные методы исторического исследования, с другой, – методология теории цивилизаций, поскольку время возведения Дмитровского собора, XV–XVI вв., тесно связано с цивилизационным осмыслением политической идеологии «Москва – Третий Рим». Поэтому цивилизационный подход в осмыслении исторических и общественно-политических процессов стал основой применяемой в исследовании методологии.

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о том, что проблематика строительства в Дмитровском кремле белокаменного храма связана с тем, что археологические исследования косвенно подтверждают возможность существования на территории Кремля более древнего белокаменного храма. Помимо этого, в статье рассматривается ряд важных проблем, связанных с историей его строительства. Речь идёт об итальянских влияниях в его архитектуре и о вопросах датировок его строительства.

Теоретическая / практическая значимость в выводе о предположительном времени возведения домонгольского белокаменного храма не ранее 1212 г., в правление Великого князя Владимирского, Киевского и Всея Руси Всеволода III.

Ключевые слова: Успенский собор города Дмитрова, князь Всеволод «Большое Гнездо», князь Юрий Иванович Дмитровский, Великий Князь Василий III, древнерусская архитектура

HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE CATHEDRAL OF THE ASSUMPTION IN DMITROV CITY: THE PROBLEM OF CONSTRUCTION DATING

K. Solovyov

National Research University – Moscow State University of Civil Engineering

26 Yaroslavskoye shosse, Moscow 129337, Russian Federation

Moscow State Art and Industry Stroganov Academy

9 Volokolamskoe shosse, Moscow 125080, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify a correlation between the theory of possible existence of a pre-Mongol white-stone cathedral on the territory of the Dmitrov Kremlin and the materials of contemporary research concerning this issue.

Procedure and research methods: Drawing on historical and historiographic research methods, the article focuses on issues related to the history and architectural development of the Cathedral of the Assumption of the Dmitrov Kremlin. On the one hand, conventional methods of historical research were used. On the other hand, the theory of civilizations was applied, since the Dmitrov Cathedral was constructed in the 15-16th centuries, during emergence of the “Moscow – Third Rome” political ideology. Therefore, the civilization approach towards understanding of historical and socio-political processes became the basis of the research methodology.

Results. The research results suggest that the problems of building a white-stone cathedral in the Dmitrov Kremlin could have been caused by the existence of an older white-stone cathedral on the same territory; archaeological analysis indirectly confirmed such a possibility. In addition, the article discusses a number of important issues associated with the history of the Cathedral, construction, such as the Italian influence on its architecture and the dating problem.

Theoretical / Practical relevance. An assumption is made that the pre-Mongol white-stone church could have been built on this territory before 1212, during the reign of Vsevolod III, Grand Duke of Vladimir, Kiev and All Russia.

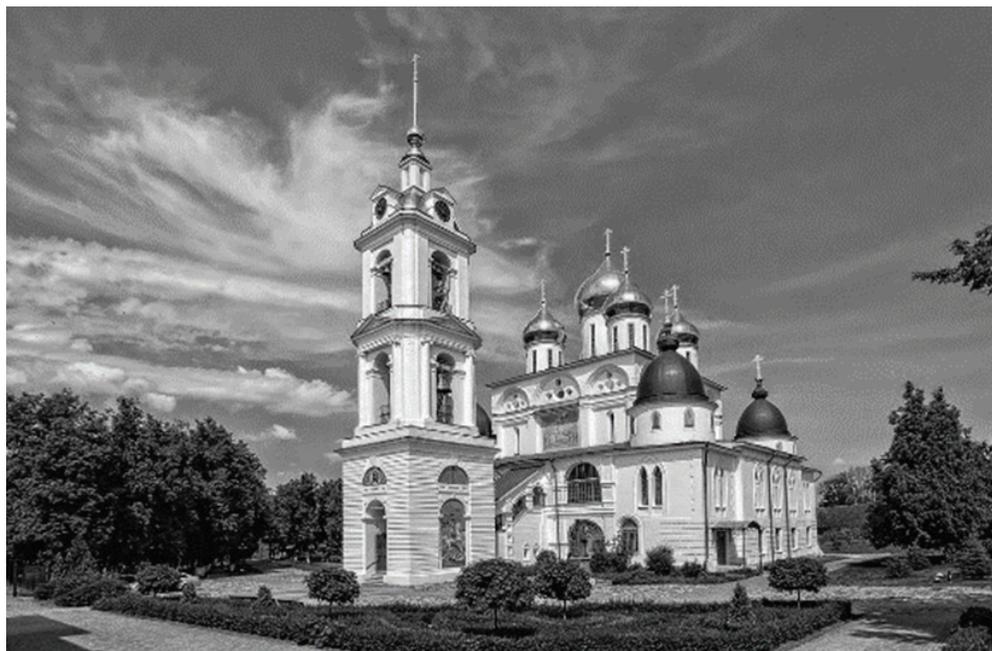
Keywords: Cathedral of the Assumption, Grand Duke Vsevolod the Big Nest, Duke Yuri Ivanovich Dmitrovsky, Grand Duke Vasily III, Old Russian architecture

В Подмосковном городе Дмитрове до наших дней сохранился кафедральный собор (рис. 1), который наши известные историки архитектуры М. А. Ильин и Н. Н. Воронин именовали «подлинной жемчужиной» древнерусской архитектуры [13, с. 304]. До наших дней этот храм хранит в себе ряд исторических загадок, и среди них такие, как: «время его строительства» и вопрос об итальянских влияниях в его архитектуре.

Город Дмитров был основан на месте села Великое в 1154 г. Великим Киевским князем Юрием Долгоруким во время «полюдья», когда князь ехал собирать дань с подвластных ему Ростово-Суздальских земель. Князь стал свидетелем рождения

своего сына Всеволода-Дмитрия и приказал заложить крепость, наименовав её именем Св. Вмч. Дмитрия Солунского, в честь которого был крещён сын. Как и в любом городе тогдашней Руси, в крепости был заложен деревянный собор, и первой загадкой является то, во имя кого он был освящён? Часть исследователей говорят о том, что он был освящён в честь Дмитрия Солунского, другие, что его освятили сразу в честь Успения Богоматери.

Однако существует документ, который позволяет нам считать, что не только рождение сына побудило великого князя Юрия заложить в Суздальской земле новый город. В Типографской летописи мы читаем о том, что в 1152 г. «...Князю Гюр-

Источник: https://ikona.ru/blog/blog_214.html

Фото. 1. Успенский собор г. Дмитров

Photo 1. Cathedral of the Assumption in Dmitrov

гию бысть видение в Суждале о том, яко църкви строити в Суждальской стране» [7, с. 20-25]. Скорее всего, отработанный князем типовой проект строительства города; город – храм – монастырь, был реализован в Дмитрове [4, с. 108–113].

Надо отметить, что о г. Дмитрове написано не так много исторических исследований. Известный советский и российский искусствовед Г. В. Попов в 1973 г. выпустил серьёзное научное исследование «Художественная жизнь г. Дмитрова в XV–XVI вв.» (издательство «Наука»). В 1893 г. вышло знаменитое исследование И. Токмакова «Историко-статистическое и археологическое описание г. Дмитрова и уезда» (Московская губернская типография). В 1905 г. вышел в свет исторический очерк Николая Былова «Дмитровский Борисоглебский монастырь» (Москва, Типолитография И. Ефимова), наконец, в 2017 г. вышло в свет объёмное научно-популярное издание Ирины Пятилетней «Дмитровский Успенский кафе-

дральный собор. История святыни» [6].

Однако эти исследования не являются научными монографиями. Исключение составляет монография Геннадия Викторовича Попова, но в ней автор не касается вопросов истории и архитектурно-строительной тематики в полном объёме. Монография в основном посвящена художественному собранию собора и Дмитровского Борисоглебского монастыря.

К настоящему времени наиболее подробным монографическим исследованием Успенского кафедрального собора города Дмитрова можно считать совместный труд А. Яганова и Е. Рузаевой «Успенский собор в Дмитрове» [13]. Некоторые вопросы датировки строительства и времени освящения собора освещаются современными авторами по-иному. В этой связи можно отметить статью С. П. Хохловой «Успенский собор города Дмитрова (к вопросу об итальянских влияниях в древнерусской архитектуре первой трети XVI века)» [10].

Известный дореволюционный историк, архимандрит Леонид (Кавелин) упоминает «... жалованные грамоты Дому Пречистой Богородицы ...»¹. Он считал, что эти грамоты были выданы в эпоху правления Дмитровского князя Юрия Васильевича, в 1472 г. Значительная часть дореволюционных исследователей, в том числе Токмаков, Былов – считали, что каменный собор в Дмитровском кремле существовал уже с 1472 г. Текст духовной грамоты князя Юрия Васильевича от 1472 г. действительно существует, но в нём нет упоминания о существовании каменного собора в это время. Г. В. Попов считает, что «... ныне существующий Успенский собор можно точнее датировать по пробным раскрытиям остатков первоначального и, по его мнению, созданного специально для нового собора деисусного чина – второй половиной княжения Юрия Ивановича – 1520-ми годами XVI в.» [5, с. 357].

В тоже время В. М. Сорокатый датировал иконы Деисусного чина Успенского собора XV в. и на этом основании считал, что «Деисусный чин был написан специально для деревянного собора Кремля, который существовал в эпоху правления в Дмитрове младшего сына Великого князя Дмитрия Донского, князя Петра Дмитриевича» [6, с. 647]. Тогда как Г. В. Попов считал, что первоначальный Успенский храм Дмитрова (деревянный или каменный) возник в тот период, когда «город уже находился в сфере влияния Москвы с ее ярко выраженной направленностью “Богородичного культа”» [5, с. 357].

Ю. И. Аренкова приводила данные обследования собора В. И. Плужниковым, подтвержденные в 1960–1962 гг. Е. Куницкой. По её мнению, «... результаты обследования предполагают существование первоначального собора в XV в.» [1, с. 304]. Таким образом, одной из истори-

ческих загадок Дмитровского Успенского собора является время его строительства и вопрос о том, могли ли существовать на территории Дмитровского кремля каменные храмы домонгольского периода? О том, что при основании города в 1154 г. в кремле был поставлен деревянный собор, говорят многие авторы. «В середине XVI века в Дмитровском Кремле, несомненно, ещё существовал древний деревянный храм Во Имя Св. Вмч. Димитрия Солунского»².

В I Софийской летописи мы читаем: «... и заложи церковь и град во имя сына своего, Дмитров...» [6, с. 647]. В других летописных изводах теряется такое важное упоминание о закладке храма. Слово «заложи», а не «сруби» указывает на каменные стены, а значит, что не только Владимирский Детинец, но и Дмитровский храм, и Кремник могли быть каменными изначально. Что касается стен и башен Дмитровского кремля, нигде в летописных источниках мы не встречаем известий о каменном домонгольском кремле Дмитрова. Но что касается собора, то этот вопрос остаётся открытым до сих пор [2, с. 131–150].

Известный историк архитектуры и археолог О. М. Иоаннисян пишет: «... отдельные находки плинф в Дмитрове и Коломне заставляют предполагать, что и там, и там при Всеволоде также велось плинфяное строительство» [10, с. 137–158]. Если проследить деятельность строительной артели Великих князей Андрея Боголюбского и Всеволода III, учитывая и её работы год за годом, то можно предположить, что «... кирпичное сооружение в Дмитрове могло быть возведено в интервале между 1202 и 1212 годами, причём 1212 г. представляет собой “terminus ante quem” (не позднее, чем) для постройки собора» [6, с. 647].

Раскопки 2001–2002 гг. раскрыли ряд погребений на территории кремля около здания бывшего Дворянского собрания. По мнению А. В. Энгватовой, «... некро-

¹ Леонид, архимандрит. Исторический очерк города Дмитрова в связи с историей его соборного храма и монастырей его области до 18 столетия // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1978. Кн. 4. С. 17.

² ПСРЛ. СПб. 2002. Т. XLII. С. 102. Ср.: ПСРЛ. Пг. 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 153.

поль мог быть сформирован вокруг стоявшей в этом месте деревянной церкви Св. Вмч. Димитрия Солунского XII в. ...» [11, с. 236]. Так как христианские кладбища в то время не существовали «вне храма», можно предположить, что некрополь XII в. организовывался вокруг культового сооружения и этот древнейший храм был также ориентирован алтарной апсидой на северо-восток. Интересно, что современный Успенский собор также ориентирован на северо-восток. В 2002 г. был обнаружен ещё один некрополь вокруг ныне существующего собора. Однако погребения этого некрополя разновременные, в том числе там есть погребения как конца XII – начала XIII вв., так и захоронения [3, с. 182–201].

Захоронения этого некрополя также ориентированы головами на юго-запад, а ногами на северо-восток, что может, косвенно, подтверждать тот факт, что в XIII в. в Дмитровском кремле находились два древних храма, один из которых – Ди-

митрия Солунского деревянный, а второй – храм неизвестного нам времени. Но оба храма своими алтарными апсидами были ориентированы на северо-восток. «В раскопах под зданием Дворянского собрания и между Дворянским собранием и Елизаветинской церковью археологи обнаружили неглубокие валунные фундаменты. ...» [11, с. 236].

В XVI–XVII вв. захоронения некрополя меняют свою ориентацию, погребения головой ориентируются с юго-западного на юго-юго-западное направление. Всё это может нам говорить о том, что в течение XV в. в этой части кремля происходило какое-то новое строительство. Можно предположить, что в этот период на месте старого деревянного храма мог возводиться новый соборный храм. Ещё одним косвенным свидетельством того, что в Дмитрове мог быть более ранний и не деревянный храм, является Дмитровский Деисусный чин, который был атрибутирован В. М. Сорокатым (рис. 2).

Источник: <https://kazanocheka.livejournal.com/205094.html>

Фото 2. Иконостас Успенского собора г. Дмитров XV в.

Photo 2. Iconostasis of the Assumption Cathedral of Dmitrov, 15th century

Древний иконостас Успенского собора не был уничтожен в советское время. Его иконы не были похищены и не были переданы в Гохран, и не были проданы за границу, как это часто бывало в 1920–1930-е гг. Один из первых директоров Дмитровского музея 1930-х гг., Василий Васильевич Минин планировал возродить музей таковым, каким он был в 1920-е гг. при директоре Кирилле Алексеевиче Соловьеве (дед автора статьи. – К. А., рис. 3).

Источник: фото из собрания К. А. Соловьева

Фото 3. К. А. Соловьев 1890–1966 гг.

Photo 3. K. A. Soloviev 1890–1966

Благодаря Василию Васильевичу уникальный иконостас собора был спасён, его просто зашили досками. В 1964 г. у руководства музея возникла идея создать в главном четверике храма новую экспозицию, посвящённую революционному движению 1905–1917 гг. Экспозицию планировалось открыть к 50-летию Великого Октября в 1967 г. Работы предусматривали демонтаж перегородки и

самого иконостаса. Старший архитектор Управления культуры Мособлсполкома В. С. Лаврентьев направляет в Дмитров кандидата архитектуры В. Г. Брюсову. Вера Георгиевна Брюсова пишет В. С. Лаврентьеву о том, что «... древние иконы XV в., предположительно письма А. Рублёва, из Деисусного чина могли оказаться в иконостасе Успенского собора во время его перестройки» [12, 240 с.].

В 1976–1980 гг. когда проводилась реставрация Успенского собора, реставраторы выяснили, что «... примерно десять образов Деисусного чина написаны на досках, которые были скреплены тремя тыльными накладными шпонками на деревянных гвоздях. На шести иконах была обнаружена живопись, современная этим деревянным основаниям» [6, с. 647]. Как известно, Андреем Рублёвым были написаны иконостасы таких храмов, как: Спасский собор Спасо-Андроньевского монастыря в г. Москве (рис. 4), Успенский собор Владимира, допозжарного Благовещенского собора Московского Кремля.

Все эти иконостасы создавались для каменных храмов, поэтому можно предположить, что и ростовской иконостас из Дмитрова мог быть изготовлен Андреем Рублёвым или его учениками для каменного храма, более раннего, чем современный нам Успенский собор г. Дмитрова. Таким образом, вопрос о том, были ли каменные храмы в Дмитрове до XVI в., пока что остаётся открытым.

Ещё одной загадкой Успенского собора Дмитрова является вопрос о его «итальянских архитектурных влияниях» и вопрос о том, был ли собор XVI в. возведён на фундаментах храма середины XV столетия? Храм был возведён на средства Дмитровского удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского и близких ему людей: городского дворянина Михайлы Елизарова, боярина Ивана Полянинова, боярина Михайлы Гусева-Добринского и боярина Воронцова. Храм возведён не ранее 1507 и не позднее 1515 гг. на вы-

Источник: фото из собрания К. А. Соловьева

Фото 4. Спасский собор Спасо-Андронникова монастыря (г. Москва)

Photo 4. Spassky Cathedral, Spaso-Andronnikov Monastery (Moscow)

соком подклете с белокаменными палатами. Как отмечает Роман Николаевич Сунгуров: «... собор содержит мотивы «итальянизирующего декора», характерного и для царского «палатного» строительства в Москве первой трети XVI века» [9, с. 24–32].

Возведение основного храмового объёма Успенского собора было связано с деятельностью незаурядного человека – удельного князя Юрия Ивановича. Вполне возможно, что Юрий планировал основать в Дмитрове свою собственную княжескую династию. Город Дмитров в эпоху Юрия Ивановича был подобен многим европейским городам, в том числе и по численности населения. «В Париже того времени проживало до 40 тысяч человек, в Риме 65 тысяч, в Любеке – столице Ганзейского союза 25 тысяч, в Новгороде и Пскове до 50 тысяч, в Москве XVII столетия до 150 тысяч, в Дмитрове

начала XVI в. проживало около 40 тысяч человек» [8].

Успенский собор ориентирован своими архитектурными формами и деталями на Архангельский собор Московского Кремля (рис. 5). Это позволяет современным исследователям датировать нижнюю границу начала строительства 1509 г. В монографии А. В. Яганова и Е. И. Рузаевой датировка строительства собора отнесена к 1510 г. На основании анализа «косвенных источников» – интенсивности строительства в уделе и возможностей в изготовлении кирпича, сами авторы отмечают, что главным основанием для атрибуции памятника является сама архитектура собора [14, с. 304].

В советский период большинство исследователей считало, что Успенский собор стоит на основании более древнего каменного здания. Первым исследователем, кто предположил, что собор и его

Источник: <https://yandex.kz/collections/card/5c421b9091f664006a85a9a4/>

Фото 5. Архангельский собор
Московского Кремля

Photo 5. Arkhangelsk Cathedral
of the Moscow Kremlin

подклет были возведены единовременно, был Б. Л. Альтшуллер. Как уже отмечалось, Дмитров в начале XVI в. был сравним с европейскими городами того времени. Интересно, что посол Римского Кесаря (Германского императора) барон Сигизмунд Герберштейн был «... поражён «великими богатствами» Дмитровских купцов Коршуновых, Толчёновых, Сычёвых, Клятовых ...»¹. Как отмечает С. П. Хохлова, «Вероятно, в периоды опалы князя Василия Ивановича, его брат Юрий замещал на Москве своего отца Великого Князя Иоанна III. Позднее летописец, под 1521 г., отмечает, что князь Юрий Иванович замещает своего брата Великого князя Василия III, и именует Дмитровского князя, князем Георгием

Ивановичем Московским ...» [10, с. 137–158]. Не удивительно, что этот человек желал в столице своего удела возвести кафедральный храм в столичном московском духе.

Первое письменное упоминание о соборе датировано 1521 г. В духовной грамоте Угличского князя Димитрия Ивановича упоминается «Пречистой соборная церковь города Дмитрова»². Наружный декор Успенского собора г. Дмитрова имеет много общих черт с архитектурой Архангельского собора Московского Кремля. Это позволяет говорить о том, что на возведении собора работали те же мастера, что возводили и Архангельский собор. Наиболее явно «итальянские» ренессансные влияния на архитектуру Успенского собора заметны в гранёных апсидах храма (рис. 6). А. И. Некрасов писал о том, что «... гранёные апсиды указывают на влияние южнорусских домонгольских построек»³.

Как отмечает С. П. Хохлова [10]: «Гранёные апсиды получают распространение с начала XVI в. Трёхгранные апсиды имела построенная в 1515 году Алевизом Новым церковь Благовещения (Ильи Пророка) на Воронцовом поле, мелкие грани – бесстолпные церкви Николы Гостиного в Коломне, храм Ильи Пророка села Ильинское в Калужской области ...» (см. рис. 7).

Интересно, что с семигранными апсидами (рис. 8) были возведены Борисоглебский собор Борисоглебского монастыря под Ростовом Великим (1522–1523 гг.), Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском (1530–1532 гг.).

Существуют и итальянские аналоги подобного декора (рис. 9). Это венецианские готические храмы, которые перестраивались в эпоху Ренессанса. Среди них: церковь Санта Мария Глариоза деи

¹ Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum commentarii) барона С. Герберштейна с латинского базельского издания 1556 года перевёл И. Анонимов. С.-Петербург: В типографии В. Безобразова и комп., 1866. С. 180–222.

² Духовные и договорные грамоты. № 90. С. 364–369; № 101. С. 409.

³ Некрасов А. И. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М.: 1 МГУ, 1928. С. 300.

Источник: фото К. А. Соловьева

Фото 6. Апсиды Успенского собора г. Дмитрова

Photo 6. Apse of the Assumption Cathedral in Dmitrov

Источник: <https://wikiway.com/russia/kolomna/kolomenskiy-kreml/>

Фото 7. Храм Николая Гостинного (Коломна)

Photo 7. Nicholy Gostinogo Church (Kolomna)

Фрари, Сан Джованни э Паоло, Сан-Дзаккариа, Санта Мария дель Кармело, Санта Микеле ин Инзола.

Вторым явным итальянским мотивом,

который можно отметить в соборе г. Дмитрова, является мотив круглого окна «люкарны». В настоящее время сохранились четыре круглых окна-люкарны.

Источник: https://yandex.by/maps/org/sobor_borisa_i_gleba_v_borisoglebskom_monastyre/1734678397/gallery/?ll=39.152725%2C57.258932&photos%5Bbusiness%5D=1734678397&z=17

Фото 8. Апсиды Борисоглебского собора (Ростовский Борисоглебский монастырь)

Photo 8. Apse of the Cathedral of St. Boris and Gleb (Rostov Boris and Gleb Monastery)

С. В. Шервинский отмечал, что «... мотив круглого окна – один из любимых в венецианской архитектуре»¹.

Автор статьи придерживается того мнения, что не ранее 1509 г., уже после завершения строительства Архангельского собора в Московском Кремле, артель выдающегося ростовского зодчего Григория Борисова и работавший на строительстве венецианский мастер Алоиз Ламберта ди Монтаньяра (Алевиз Новый), могли быть приглашены князем Юрием Ивановичем в Дмитров для строительства кафедрального собора. Однако большинство современных исследователей пока с осторожностью говорят о подобном историческом факте. Возможно, что князь Юрий Ивано-

¹ Шервинский С. В. Венецианизмы Московского Архангельского собора // Сборники московского Меркурия по истории литературы и искусства. Вып. 1. М.: б.и., 1917. С. 199–200.

Источник: <http://www.italia.c-nami.ru/gallery.php?dir=6&pict=10>

Фото 9. Апсиды церкви Санта Мария Глариоза деи Фрари (Венеция)

Photo 9. Apse of the Church of Santa Maria Gloriosa dei Frari (Venice)

вич мог пригласить в Дмитров неизвестного нам архитектора непосредственно из Италии. Но в любом случае, мастер, который был причастен к возведению собора, был тем человеком, «... для которого ордер был не образцом для подражания, а родным языком» [10, с. 137–158].

Широко распространено мнение, что храм, возведённый в начале XVI в., построен на белокаменных подвалах более раннего храма. Часть современных исследователей отвергают эти предположения, основываясь на том, что в летописных и в археологических свидетельствах нет указаний на то, где мог находиться собор 1472 г., который приписывается князю Юрию Васильевичу Дмитровскому. В современной литературе господствует мнение, что «... нижний белокаменный ярус изначально двухэтажного подклета был задуман как усыпальница предполагаемой новой династии князя Юрия Ивановича Дмитровского ...» [10, с. 137–158].

Подобные подклеты-усыпальницы мы встречаем, например, в архитектуре Зачатьевского собора Зачатьевского монастыря г. Серпухова. Однако в большинстве подобных усыпальниц существовали престолы так называемых «подклетных церквей». Поэтому логично предположить, что либо существующий

Успенский собор Дмитровского кремля возведён над подклетом, в котором могло планироваться создание усыпальницы княжеского рода и должен был быть освящён престол, либо собор мог быть возведён на подклетах более раннего храмового сооружения.

В любом случае – это одна из интересных исторических загадок Дмитровского Успенского собора, которая до сих пор не разгадана.

Статья поступила в редакцию 23.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аренкова Ю. И. О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове // Советская археология. 1967. № 2. С. 224–231.
2. Беляев Л. А., Елкина И. И. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245. Ч. II. С. 131–150.
3. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря / М. Б. Медникова, Л. А. Беляев, И. И. Елкина, А. А. Тарасова, В. П. Загвоздин // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245. Ч. II. С. 182–201.
4. Курков К. Н., Соловьев К. А. История Дмитровского Борисоглебского монастыря в архивных документах XV – XVII вв. // Клио. 2019. № 7 (151). С. 108–113.
5. Попов Г. В. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси [Т. 6]. М.: Наука, 1972. С. 198–216.
6. Пятилетова И. В. Дмитровский Успенский кафедральный собор. История святых. Дмитров: Успенский кафедральный собор, 2017. 647 с.
7. Соловьев К. А. Борисоглебский монастырь г. Дмитрова в середине XVII в. – история в документах 1652 – 1664 гг. // Клио. 2019. № 3 (147). С. 20–25.
8. Соловьёв К. А. Успенский кафедральный собор города Дмитрова – 500 лет истории // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 3. URL: [http:// www.evestnik-mgou.ru](http://www.evestnik-mgou.ru)
9. Сунгуров Р. Н. «...И нарече его Дмитров» // Наше Наследие. 2015. № 112. С. 24–32.
10. Хохлова С. П. Успенский собор города Дмитрова (к вопросу об итальянских влияниях в древнерусской архитектуре первой трети XVI века) // Архитектурное наследие. 2009. № 50. С. 137–158.
11. Энговатова А. В. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля // Краткие сообщения Института археологии. 2005. № 219. 2005. С. 166–178.
12. Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2017. 240 с.
13. Яганов А. В., Рузаева Е. И. Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник, 2003. 304 с.
14. Soloviev K. A. The history of Moscow Vysokopetrovsky stauropelial monastery and its role in the cultural and religious life of Moscow in the early XX century // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 2. С. 205–213.

REFERENCES

1. Arenkova Yu. [On the origin of the tiled reliefs of the assumption Cathedral in Dmitrov]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1967, no. 2, pp. 224–231.
2. Belyaev L., Elkina I. ["The burial place of the Romanovs" in the Znamenskaya Church, the Novospassky monastery: works 2014]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], 2016, no. 245, p. II, pp. 131–150.
3. Mednikova M., Belyaev L., Elkina I., Tarasova A., Zagvozdin V. [A comprehensive bioarchaeological study of the female burial in the white tomb Novospassky monastery]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], 2016, no. 245, p. II, pp. 182–201.
4. Kurkov K., Solov'ev K. [History of the Dmitrov Borisoglebskiy monastery in the archival documents of the XV–XVII centuries.]. In: *Klio*, 2019, no. 7 (151), pp. 108–113.

5. Popov G. [From the history of the oldest monument of the city of Dmitrov]. In: *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoi Rusi (T. 6)* [Old Russian art. The artistic culture of pre-Mongol Russia (Vol. 6)]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 198–216.
6. Pyatiletova I. Dmitrovskii Uspenskii kafedral'nyi sobor. Istoriya Uspenskii kafedral'nyi sobor Publ., 2017. 647 p.
7. Solov'ev K. [Boris-Gleb monastery in the city of Dmitrov in the middle of XVII century – a history in documents 1652 – 1664]. In: *Klio*, 2019, no. 3 (147), pp. 20–25.
8. Solov'ev K. [Assumption Cathedral of Dmitrov – 500 years of history]. In: *Vestnik MGOU (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Regional State University (e-journal)], 2013, no. 3. Available at: <http://www.evestnik-mgou.ru>
9. Sungurov R. ["...And named him Dmitrov"]. In: *Nashe Nasledie* [Our Heritage], 2015, no. 112, pp. 24–32.
10. Khokhlova S. [Assumption Cathedral of Dmitrov (the question about the Italian influences in architecture of the first third of the XVI century)]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage], 2009, no. 50, pp. 137–158.
11. Engovatova A. [Medieval urban necropolis in the territory of the Dmitrov Kremlin]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], 2005, no. 219. 2005, pp. 166–178.
12. Entovatova A., ed. Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 [Cities, settlements, cemeteries. Excavations 2016]. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2017. 240 p.
13. Yaganov A., Ruzaeva E. Uspenskii sobor v Dmitrove [Assumption Cathedral in Dmitrov]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2003. 304 p.
14. Soloviev K. The history of Moscow Vysokopetrovsky stauropelial monastery and its role in the cultural and religious life of Moscow in the early XX century. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities], 2017, vol. 10, no. 2, pp. 205–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Кирилл Алексеевич – кандидат культурологии, доцент кафедры проектирования зданий и сооружений Национального исследовательского университета – Московского государственного строительного университета; доцент кафедры истории и теории декоративного искусства и дизайна Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова; e-mail: solovyev.cyrill@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kirill A. Soloviev – Cand. Sci. (Cultural studies), Ass. Prof., Department of Design of Buildings and Structures, National Research University – Moscow State University of Civil Engineering; Ass. Prof., Department of History and Theory of Decorative Art and Design, Moscow State Art and Industry Stroganov Academy; e-mail: solovyev.cyrill@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьев К. А. История и архитектура Успенского кафедрального собора г. Дмитрова: проблема датировки строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 115–126.
DOI: [10.18384/2310-676X-2020-1-115-126](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-115-126)

FOR CITATION

Soloviev K. History and architecture of the Cathedral of the Assumption in Dmitrov: The problem of construction dating. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 115–126.
DOI: [10.18384/2310-676X-2020-1-115-126](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-115-126)

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-127-133

ПОЛКИ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ» И ИХ КОМАНДИРЫ ПОСЛЕ ГОСУДАРЕВА ПОХОДА 1655 Г.

Коротков В. О.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Исследование состояния офицерского корпуса полков «иноземного строя» в России на период конца 1655 г. – времени приостановки боевых действий с Речью Посполитой.

Процедура и методы исследования. Проанализированы архивные материалы Иноземского приказа, относящиеся к концу 1655 г. и касающиеся офицерства полков «иноземного строя».

Результаты проведённого исследования позволили выявить число полков, находившихся на гарнизонной службе в 1655 г., персональный состав и жалование их командиров и основные изменения, произошедшие в офицерском корпусе полков «иноземного строя». В научный оборот введены новые сведения о процессах формирования офицерского корпуса, а также о некоторых командирах полков «иноземного строя».

Теоретическая / практическая значимость. Может быть использовано для реконструкции состава русской армии в начале Тринадцатилетней войны, а также для изучения службы иноземцев в России и реконструкции офицерского корпуса полков «иноземного строя»

Ключевые слова: русско-польская война 1654–1667 гг., русская армия, полки «иноземного строя», офицерский корпус

NEW ORDER REGIMENTS AND THEIR COMMANDERS AFTER THE SOVEREIN'S CAMPAIGN OF 1655

V. Korotkov*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To examine the status of officer corps comprising Russian new order regiments at the end of 1655, in the period of suspension of military actions in a war with Polish-Lithuanian Commonwealth.

Procedure and Research Methods. Archive materials dated 1655 of Inozemsky Prikaz (Office for the Affairs of the Foreigners) on officers serving in new order regiments were collected and analysed.

Results. The analysis identified the number of regiments on garrison duty in 1665, personnel and salary of their commanders, as well as main changes that occurred in officer corps of new order regiments. New data on the formation of officer corps and some commanders of new order regiments was presented.

Theoretical / practical relevance. The obtained results can be used for reconstructing the Russian army at the beginning of the Thirteen Years' War in general and officer corps of new order regiments in particular, as well as for studying military service of foreigners in Russia.

Keywords: Russo-Polish War of 1654–1667, Russian army, new order regiments, officer corps

Первые годы русско-польской войны 1654–1667 гг. стали испытанием для реформированной русской армии и её офицерского корпуса. Ряд изменений в его составе и состоянии, произошедших в 1654–1655 гг. и исследуемых в настоящей работе, до начала подготовки войны со Швецией, заметно отразился на дальнейшей истории русской армии. Несмотря на появление в отечественной историографии ряда исследований, посвященных офицерству полков «иноземного строя», в том числе его персональному составу, вопрос остаётся крайне малоизученным.

К началу русско-польской войны 1654–1667 гг. русское правительство сформировало 23 солдатских, 6 рейтарских, гусарский и 7 драгунских полков [5, с. 176–177]. Все они возглавлялись иноземцами. Новые части хорошо проявили себя в боевых действиях – были взяты Смоленск и ряд других городов, А. Трубецкой нанёс тяжелое поражение гетману Я. Радзивиллу. После окончания успешной кампании 1654 г. часть полков была распущена на зиму [7, с. 18], остальные же были размещены гарнизонами в Литве и на Украине.

Новый сбор был назначен на весну 1655 г. [1, с. 276]. Формирование полков, как обычно, затянулось, но в мае русские войска под личным командованием царя Алексея Михайловича выступили против Вильны. Под Вильной авангард русской армии под командованием князя Я. К. Черкасского нанёс поражение Я. Радзивиллу, после чего Вильна была занята, и в начале сентября царь провозгласил себя великим князем Литовским.

Трудное положение Речи Посполитой усугубилось вторжением шведского короля Карла X Густава. Закаленные в боях Тридцатилетней войны шведские войска быстро заняли коронные польские земли, в том числе Варшаву и Краков. Зажатый между русскими и шведами Радзивилл пошёл на союз с последними. В августе была заключена Кейданская уния.

«Потоп» обострил противоречия между Россией и Швецией. Часть ли-

товских городов и крепостей, бывших целью русских войск, была занята шведами. Карл Густав отказался признавать за Алексеем Михайловичем титул великого князя Литовского. Более того, согласно Кейданской унии Карл Густав признавался великим князем Литовским и обязывался отвоевать занятые русскими войсками земли [12, с. 45–46]. Как отмечал царь, «И Смоленск им не таков досаден, что Витепск да Полоцк, потому что отняд ход по Двине на Ригу» [1, с. 278].

Громкие победы Карла Густава обеспокоили не только Алексея Михайловича, но и всех соседей. В Европе ещё была свежа память о «северном льве», усиления Швеции не желали ни Габсбурги, ни Нидерланды, ни Дания. В перспективе маячила антишведская коалиция, и царь начал дипломатическую подготовку к будущей войне. В Данию направился посол князь Даниил Мышецкий, с Польшей начались мирные переговоры [1, с. 298].

В такой политической обстановке завершались активные боевые действия 1655 г. Осенью отряд воеводы А. Н. Трубецкого ещё продолжал осаждать города, в ноябре произошло довольно крупное сражение под Брестом, но на основном фронте наступило затишье. Осенью главная армия была в основном распущена [12, с. 35]. Часть полков «иноземного строя» также была распущена на зиму, гарнизонную службу на отвоеванных землях продолжали нести 15 солдатских, рейтарский и драгунский полки (см. табл. 1).

За полтора года войны в командном составе полков «иноземного строя» произошёл ряд изменений. Самым заметным стало появление в русской чиновной системе генеральского чина, в который в конце 1654 г. был пожалован Александр Лесли [11, с. 44–45]. Статус нового чина подчеркивало более крупное жалование, кроме того, полк Лесли был усилен до 30 рот и теперь насчитывал 4721 чел [5, с. 179]. В 1650-х гг. полк Лесли полностью или частично находился в гарнизо-

Таблица 1

Полки «иноземного строя» осенью-зимой 1655 г.

Table 1

New order regiments in autumn-winter 1655

	Полковник Colonel	Род войск Corps	Примечания Note
1	Бутлер Алексей	Солдаты	
2	Васт Владимир	Солдаты	Фактически полком командует подполковник Александр Кинкет
3	Гибсон Александр	Солдаты	
4	Гохварт Адам	Солдаты	
5	Гундертмарк Христофор	Солдаты	
6	Дессели, Рейнил	Солдаты	Фактически полком командует подполковник Григорий Ушаков
7	Деспевиль Клавдиус Францискус Рекольдин	Драгуны	
8	Кит Юрья	Солдаты	
9	Лесли Александр (генерал)	Солдаты	Генеральский полк усиленного состава (30 рот, 4721 ч.); гарнизон Смоленска [4]
10	Мартот Лоренц	Рейтары	С осени 1655 г. полком фактически командует подполковник Франц Шут
11	Ронорт Яков	Солдаты	
12	Фанбуковен Филипп Альбертус	Солдаты	
13	Фанстаден Герман	Солдаты	
14	Урвин Яков	Солдаты	Гарнизон Астрахани, ведается в Приказе Казанского дворца [5, с. 179]
15	Цыклер Елисей	Солдаты	
16	Юнкман Христофор	Солдаты	
17	Яндер Кашпир	Солдаты	

Ист.: РГАДА¹

не Смоленска – стратегической крепости, имевшей также особое политическое значение.

Некоторые выдающиеся офицеры, командовавшие русскими полками в 1654 г., также оставили службу в полках «иноземного строя». Единственный гусарский полк был окончательно расформирован уже в 1654 г., по всей видимости, не оправдав ожиданий [3, с. 96]. Его командир Христофор Рыльский не получил нового назначения в полки. Антоний Грановский, в 1654 г. возглавлявший драгунский полк, сопровождавший «Большой

¹ Составлено на основе: РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Д. 34.

наряд», был назначен воеводой в Уфу, а его полк возглавил Клавдиус Деспевиль [5, с. 175]. Лоренц Мартот в конце 1655 г. покинул русскую службу [5, с. 178–179]. Умерли А. Барклай² и Я. Флек. В связи с этим часть полков возглавляли подполковники. Значительная часть полковников, состоявших на царской службе, видимо, находилась «за полками».

При штурме Смоленска 16 августа 1654 г. погиб рейтарский полковник Иоганн фон Друшке (в крещении Василий Фандроцкий) [2], командование полком

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Книги Московского стола. Д. 34. Л. 569 об.

принял стольник Венедикт Змеев – будущий первый русский генерал. Исследователь биографии Змеева С. Т. Минаков считал, что Змеев был официально произведен в полковники 10–12 августа 1656 г., перед штурмом Кокенгаузена [8, с. 39–40]. Однако обнаруженные сведения позволяют говорить, что чин полковника Змеев получил не позднее осени 1655 г.¹ Судя по тому, что в некоторых документах 1656 г. Змеев, будучи командиром рейтарского полка, продолжал именоваться только стольником рейтарского строя, официальная практика присвоения русским людям «иноземных» чинов в 1654–1656 гг. ещё не вполне сложилась. Несколько следующих лет Змеев был единственным русским полковником – массовое производство русских начальных людей в этот чин началось только в начале 1660-х гг. [10, с. 276–280].

Как видно и из иных источников [3, с. 101, 141], рейтарские полки, состоявшие в основном из дворян или казаков (в особенности в первый период войны), на зиму большей частью распускались, тогда как значительная часть солдатских полков оставалась на гарнизонной службе. Этому способствовали как более дешёвое содержание солдат в сравнении с рейтарами, так и отсутствие их связи с поместьями и вообще более низкий статус солдат.

Обращают на себя внимание также сведения о жаловании полковников. Как известно, период 1652–1654 гг. характеризуется повышенным вниманием царя Алексея Михайловича к духовно-нравственному состоянию русского воинства, что вылилось, помимо прочего, в масштабную кампанию по перекрещиванию служилых иноземцев в православие [9, с. 153–154, 163–165]. Крещёные полковники, будучи облечены большим доверием властей, как правило, получали более выгодные назначения, право владения поместьями и иные привилегии. Пол-

ковники А. Лесли и А. Бутлер, как свидетельствует А. да Ченеда, были «в большой милости у Государя, не только по оказанной ими опытности в военном искусстве, но и по тому, что они не отказываются исповедывать русскую веру» [6, с. 318].

Как видно из табл. 2, всем крещёным полковникам было положено более крупное жалованье, нежели остальным. Исключение составляет только Т. Гундертмарк, полк которого в 1654 г. находился на южной границе, и отличиться полковник, по всей видимости, не успел [5, с. 177]. Высокое жалованье некрещёного К. Деспевилля объясняется, по всей вероятности, командованием элитным полком комарицких драгун, выделявшимся тем, что, в отличие от остальных драгун, они являлись не ездящей пехотой, а полноценной конницей [5, с. 175]. При выступлении русской армии на Смоленск полк К. Деспевилля занимал весьма почётное место [6, с. 328]. Для сравнения – в 1663 г. среди 80 полковников жалование в 50 руб. получали только В. Змеев и Ю. Инглес [10, с. 276–280].

К 1663 г., ко времени составления сметных списков, большая часть этих полковников уже не состояла на русской службе. А. Лесли умер, Е. Цыклер, Х. Юнкман и К. Яндер погибли в боях, Ф. А. Фанбуковен находился в польском плену, из которого вернулся в 1667 г. Продолжали службу только А. Гохварт и Я. Ронорт, их жалованье было несколько повышено [9, с. 276, 277].

Приведённые сведения о полках «иноземного строя» и их командирах отражают состояние и развитие офицерского корпуса русской армии на заре «регулярного» периода её истории. Исходя из этого, за 1654–1655 гг. можно констатировать следующие нововведения: появление в русской армии генеральских чинов; начало присвоения русским людям (в лице В. Змеева) полковничьего чина; исчезновение из состава армии гусар (вновь появившихся только в 1660 г.). Из временных явлений,

¹ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Д. 34. Лл. 107, 549.

Таблица 2

**Жалованье полковников полков «иноземного строя»,
состоявших на службе осенью-зимой 1655 г.**

Table 2

Salary of colonels in new order regiments who served in autumn–winter, 1655

№	Имя Name	Род войск Corps	Месячное жалованье, руб. Salary	Примечания Note
1	Бутлер Алексей	Солдаты	50	На русской службе с 1650; крещеный
2	Гибсон Александр	Солдаты	50	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1651; крещеный
3	Гохварт Адам	Солдаты	30	
4	Гундертмарк Христофор	Солдаты	30	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1650; крещеный
5	Деспевиль Клавдиус Францискус Рекольдин	Драгуны	50	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1654; покинул русскую службу в конце 1655 [5, с. 184]
6	Кит Юрья	Солдаты	40	
7	Лесли Александр	Солдаты	100	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1647; генерал с конца 1654; крещеный
8	Мартот Лоренц	Рейтары	35	На русской службе с 1650; вероятно, покинул русскую службу к зиме 1655
9	Ронорт Яков	Солдаты	35	На русской службе не позднее 1650
10	Фанбуковен Филипп Альбертус	Солдаты	40	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1647
11	Фанстаден Герман	Солдаты	40	
12	Цыклер Елисей	Солдаты	40	Крещеный
13	Юнкман Христофор	Солдаты	30	На русской службе не позднее 1650
14	Яндер Кашпир	Солдаты	35	Иноземец нового выезда; на русской службе с 1654

Ист.: РГАДА¹

характерных для рассматриваемого периода, можно отметить значительное внимание властей к вероисповеданию

служилых иноземцев, а также отсутствие систематического употребления западноевропейских чинов по отношению к русским офицерам, что несколько затрудняет исследования.

¹ Составлено на основе: РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Д. 34; РГАДА. Ф. 210. Д. 53. Лл. 502, 504, 564, 565. Сведения о вероисповедании взяты из [5, с. 173-174], [6, с. 317-318].

Статья поступила в редакцию 10.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. 638 с.
2. Бабулин И. Б. От Лондона до Смоленска. Боевой путь генерал-майора фон Друшке // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 1–38.
3. Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века: конница. М.: Квадрига, 2017. 304 с.
4. Курбатов О. А. Мероприятия русского правительства по обороне Смоленска в 1654–1667 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2017. № S4. С. 290–301.
5. Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории: сборник Российского государственного архива древних актов. 2007. Вып. 8. С. 157–197.
6. Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иностранных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Под общей ред. А. К. Левыкина. М.: Древлехранилище, 2006. С. 316–335.
7. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 47 с.
8. Минаков С. Т. Первый русский генерал Вenedikt Змеев. Начало российской регулярной армии. М.: Алгоритм, 2017. 400 с.
9. Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Под общей ред. А. К. Левыкина. М.: Древлехранилище, 2006. С. 141–166.
10. Петрухинцев Н. Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263–292.
11. Рогожин А. А. Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2014. 219 с.
12. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

REFERENCES

1. Andreev I. *Aleksey Mikhailovich* [Tsar Alexey Mikhailovich]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 638 p.
2. Babulin I. [From London to Smolensk. The battle path of major-General von Druska]. In: *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [The history of military Affairs: studies and sources], 2013, vol. IV, pp. 1–38.
3. Kurbatov O. *Voennye reformy v Rossii vtoroi poloviny XVII veka: konnitsa* [Military reforms in Russia in the second half of the seventeenth century: cavalry]. Moscow, Kvadriga Publ., 2017. 304 p.
4. Kurbatov O. [The activities of the Russian government in the defense of Smolensk in 1654–1667]. In: *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [The history of military Affairs: studies and sources], 2017, no. S4, pp. 290–301.
5. Kurbatov O. [Organization and fighting qualities of the Russian infantry "new system" before and during the Russian-Swedish war of 1656–58 years.]. In: *Arkhiv russkoi istorii: sbornik Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Archive of Russian History: a collection of the Russian State Archive of Ancient Acts], 2007, no. 8, pp. 157–197.
6. Kurbatov O. [Polk Anthony Granovsky in the campaign of 1654: the situation of foreign specialists in artillery and engineering business in the Russian army]. In: Levykin A., ed. *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sbornik materialov konferentsii 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in XV–XVII centuries: proceedings of the conferences 2002–2004], Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 316–335.
7. Malov A. *Russko-pol'skaya voina 1654–1667 gg.* [The Russo-Polish war of 1654–1667]. Moscow, Tsikhgauz Publ., 2006. 47 p.
8. Minakov S. *Pervyi russkii general Venedikt Zmееv. Nachalo rossiiskoi regul'arnoi armii* [The first Russian General Venedikt Zmееv. The beginning of the Russian regular army]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 400 p.
9. Oparina T. [Colonel Alexander Leslie and Orthodoxy]. In: Levykin A., ed. *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sbornik materialov konferentsii 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in XV–XVII centuries: proceedings of the conferences 2002–2004], Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 141–166.

10. Petrukhintsev N. ["Finance the war," and the officer corps of the regiments of "new order" in the military reform of Aleksei Mikhailovich (1663)]. In: *Quaestio Rossica*, 2014, no. 2, pp. 263–292.
11. Rogozhin A. *Generalitet polkov «novogo stroya» v Rossii vtoroi poloviny XVII v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Generals regiments of "new order" in Russia in the second half of the XVII century: dis. kand. ist. Sciences]. Eagle, 2014. 219 p.
12. Florya B. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655–1661 gg.)* [The Russian state and its Western neighbors (1655–1661)]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 656 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коротков Василий Олегович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily O. Korotkov – postgraduate student at the Department of Medieval and Modern history, Moscow Region State University;
e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коротков В. О. Полки «иноземного строя» и их командиры после Государева похода 1655 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-127-133

FOR CITATION

Korotkov V. New order regiments and their commanders after the Sovereign's campaign of 1655. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 127–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-127-133

УДК 94 (470) «19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-134-140

К ВОПРОСУ О ТЮРЕМНОМ СТАРОСТАТЕ, КАК ОБ ЭЛЕМЕНТЕ САМОУПРАВЛЯЕМОСТИ ПОСЛЕ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1870-Х ГГ.

Косиков А. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В изучении роли и особенностей деятельности общего тюремного старосты как ключевого элемента системы внутритюремного самоуправления после реформы конца 1870-х гг. в России.

Процедура и методы исследования. Анализ документальных материалов личного происхождения (мемуаров, дневников и др.) непосредственных очевидцев и участников рассматриваемых событий, происходивших в тюрьмах и централах Российской империи указанного периода. Работа подготовлена в соответствии с принципом историзма, а также на основе использования системного метода исследования, позволивших произвести глубокий научный анализ рассматриваемой проблемы.

Результаты проведенного исследования. Продемонстрирована важная роль в структуре уголовно-исполнительных учреждений пенитенциарной системы пореформенной России тюремных старост как ключевого элемента самоуправления заключенных, показаны особенности их взаимодействия с тюремной администрацией и арестантами.

Теоретическая/ практическая значимость. Заключается в получении отличающегося новизной научного материала, который может быть положен в основу при подготовке спецкурсов по истории пенитенциарной системы Российской империи и по истории отечественных общественных движений дореволюционного периода.

Ключевые слова: Российская империя, тюремная реформа (конец 1870-х гг., тюремное самоуправление

PRISON WARDEN AS AN ELEMENT OF SELF-GOVERNMENT AFTER THE PRISON REFORM OF THE 1870S

A. Kosikov

Moscow Region State University

24 ul. Vera Voloshina, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To analyse the role and practical activity of prison wardens as a key element in the system of prison self-government after the reform of the late 1870s.

Procedure and research methods. The article examines documentary evidence (personal dairies, memoirs, etc.) of witnesses and participants of the considered events occurring in Russian prisons at that time. An in-depth analysis was conducted, drawing on the idea of historicism, as well as using a systematic research method.

Results. The importance of prison wardens as a key element in the system of prison self-government in the structure of penal institutions in the post-reform Russia is demonstrated. Specific relations of prison wardens with both prison authorities and prisoners are described.

Theoretical / practical relevance. The obtained results can be used for preparing courses on the history of Russian penal institutions and pre-revolutionary social movements.

Keywords: Russian empire, prison reform of the late 1870s, prison self-government.

Тема реформирования пенитенциарной системы России всегда актуальна, учитывая то внимание, которое обращает общественность на состояние дел в исправительных учреждениях. А осуществить рационально продуманную реформу можно только учитывая опыт уже происходивших преобразований. История российской пенитенциарной системы насчитывает ряд серьезных реформ, в первую очередь – произошедших в последней четверти XIX в.

Тюремная реформа конца 1870-х гг. в Российской империи явилась своеобразным «водоразделом», поделившим эволюцию системы отбывания наказания за совершенное преступление на «до» и «после». Об этом бесспорном утверждении опубликовано немало исследовательских работ, в том числе и современных авторов – О. Н. Бортниковой, О. В. Ванюшиной, В. В. Казаченка, С. А. Четверикова, С. В. Шебалкова и ряда других [3; 4; 5; 15; 16, 18, 19; 21; 26; 27; 28; 29]. В их работах рассматривались и сопоставлялись различные аспекты состояния и реформирования пенитенциарной системы России, однако такой, как создание системы самоуправления в местах исполнения наказаний, не рассматривался. Поэтому цель данного исследования – рассмотреть на основе анализа документального материала тюремный старостат как один из важнейших элементов тюремного самоуправления.

Однако документальных беспристрастных свидетельств, позволяющих судить об изменениях, произошедших в повседневном быту арестантов, отбывающих наказание (лишение свободы) во второй половине 1870-х – начале 1900-х гг. (то есть до Первой русской революции 1905–1907 гг.) сохранилось очень мало. Конечно, есть немало воспоминаний, оставленных бывшими по-

литическим узниками, опубликованных в 1920-х гг. [2; 8; 9; 10]; но воспоминания эти явно политизированы, и поэтому обращение к ним и работа с ними должны сопровождаться критическим отношением к первоисточнику [12; 22; 23].

Часть документального материала отложилось в фондах Государственного архива Российской Федерации, областных и краевых архивах и до сих пор не введена в научный оборот¹.

Однако появляются публикации, документальные материалы которых дают возможность достаточно объективно взглянуть на тюремный быт арестантов. Это, в первую очередь, касается опубликованных несколько лет назад записок известного дореволюционного общественного деятеля Е. П. Клевакина, много лет осуществлявшего контроль за состоянием тюрем, содержанием тюрем в одном из сибирских губернских центров. Клевакин вел записи на протяжении многих лет, но сохранились его «рабочие» и «повседневные» дневники за 1884–1885 и 1901–1917 гг. Записи эти содержат очень интересные наблюдения за тюремным бытом, который во многом поменялся после реформы 1879 г. [15].

Нас в первую очередь интересует такой аспект, как самоуправление арестантов. Сопоставляя записи Клевакина с другими материалами (личного происхождения, делопроизводства, переписки сотрудников тюремного ведомства и др.), можно представить (в общих чертах, скорее всего, так как для каждой тюрьмы были свои особенности) систему внутри-тюремного управления [6; 20; 21]. Особое внимание стоит уделить тому, как в документах, мемуарах и статьях освещается проблема самоуправления в тюрьме, хотя

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 123. – Общество попечительное о тюрьмах Министерства юстиции. Оп. 1. Д. 1, Д. 14, Д. 15.

бы на примере выбора общих старост, их прав и обязанностей [1; 7; 11; 14].

Итак, главный представитель арестантов – общий староста, выбираемый арестантами обыкновенно только на один месяц. Выбор общего старосты всегда производится на общей кухне – главнейшим образом представителями «лиц без определенного места жительства и занятий», которые в арестантской артели занимают «первые места»¹. Они зачастую заправляют всеми арестантами, хотя руководство это не всегда явное. И в общие старосты выбираются точно также в большинстве случаев бродяги. Исключения довольно редки, но и в случае исключений в общие старосты избираются те из арестантов, кто по решению суда осужден на большой срок лишения свободы. Арестанта, который по суду наказан работой в исправительном арестантском отделении, в общие старосты не выбирают. Тех же, кто по суду могут быть оправданы и выпущены на свободу, редко выбирают даже в камерные старосты [15, с. 13].

Выбор общего старосты всегда происходил на общей кухне, куда собиралось в таких случаях до 200 чел и начинался выбор. Группы арестантов представляли своих кандидатов: которая из групп перекричит, то и представленный ею кандидат и избирался. Как только выбор совершался, то тут же производилось и утверждение в новой должности. Утверждение делается надеванием на избранного фартука, в котором общий староста, в знак своего достоинства, и ходит до тех пор, пока служит общим старостой.

Официальные обязанности общего старосты заключались в первую очередь в получении от эконома провизии арестантам. Если общий староста грамотный, то он во время вечерней поверки ходил по камерам и записывал в свою книжку число арестантов по камерам. Потом ночью делал расчет того, сколько по числу людей потребуется получить разных

продуктов на приготовление пищи для арестантов. Расчеты общего старосты по количеству продуктов – это только проверка. Главные расчеты делались в тюремной конторе и передавались эконому, а общий староста только подтверждал конторское исчисление. Утром каждого дня общий староста с дневальными камерными старостами получал продукты на общий котел, кроме которого получал продукты особо для военных арестантов, мусульман, евреев, певчих и некоторых сектантов (например, скопцов). Все они – получившие особо от общего котла продукты на пищу – сами и готовят ее. Особо пища выдается, так же как и на общий котел, старостам или, так сказать, представителям арестантов, получающим пищу строго по числу арестантов.

Выдача продуктов весовых всегда выдается по весу, а тех, которые меряются – с меры. В обоих случаях как старосты, так и другие рабочие, строго смотрят, чтобы продукты им отпускались верно и никакой потачки эконому в этом случае ими не дается, а, напротив, еще стараются его обвесить или обмерять, при случае и украсть, если эконом зазеваётся. Приготовление пищи из полученных продуктов лежит уже на обязанности особых рабочих, получающих от комитета за означенные работы плату, а за исправным приготовлением следят сами арестанты в лице своих представителей дневальных камерных и общего старосты. Если вмешается в это дело сам смотритель замка, то он должен считать себя «погибшим», так как тогда не жди хорошего хлеба, хороших щей и т. п., так как арестанты постараются все это испортить и вину свалить на смотрителя [15, с. 14]. Когда хозяйственная часть поставлена так, что за доброкачественность пищи отвечают арестанты, то смотритель тут и не нужен. Смотритель в данном случае отвечает только за то, что все продукты съестные должен отпускать сполна, как установленно правилами, законом и утвержденным тюремным комитетом табелем [15, с. 14].

¹ ГАРФ. Указ. Оп. и Д. С. 11, 42.

Говорят, прежде бывали такие случаи: кто-нибудь из высшей администрации губернской часто начнет посещать замок и спрашивать претензии арестантов, которые, воспользовавшись слабостью администратора, начнут жаловаться на худую пищу. Администратор пойдет на кухню и хочет попробовать, например, щи – повар начнет черпать из горячего котла и зачерпнет щей, но вместо мяса попадает в ковш «мышь». Администратор тюрьмы, не сообразивши, что это подлог, может начать отыгрываться на зрителях, считая, что они ничего не делают, ни за чем не смотрят, ничего не решая и т.д. Арестанты рады, что «подпакостили» зрителю, и хвастаются своими подвигами, говоря: «Уж если мы захотим напакостить зрителю, то напакостим». А между тем зрителю положительно нет времени смотреть, как готовят пищу. Да если бы он и смотрел, то и тогда за мышь в котле должен отвечать повар, а отнюдь не зритель. Нет, это дело надо так поставить, чтобы за доброкачественность пищи отвечал повар, а дело зрителя распорядиться и наблюдать, чтобы только все сполна отпускалось [15, с. 15].

Не должен подвергаться сомнению тот факт, что арестанты следили за правильным отпусканием им продуктов. К этому следует добавить, что они ничего своего не упустили бы, а даже, если можно, то потребовали бы еще больше, чем положено отпускать им. Полагалось, что арестантам можно выдавать продуктов меньше, чем положено. Но это невозможно при честном обращении с арестантами. И за этим, в первую очередь, должен был следить общий староста.

Общий староста принимал и распределял пожертвования (в виде еды и одежды), хлопотал от всей артели о разных необходимых в тюремном быту вещах перед зрителем или его помощником. Равным образом при случае общий староста помогал администрации тюрьмы в расследовании разных проступков, совершенных арестантами, отбывающими

срок в тюрьме. Но, конечно, в таких случаях, если от раскрытия проступка не будет лично известен виновник. Например, потеряется какая-нибудь вещь у арестанта, он тут же сообщает об этой пропаже зрителю. Последний не желал самостоятельно искать потерянной вещи (часто бывало, что и не находил ее). Тогда он вызывал общего старосту и объявлял ему о потере «таким-то арестантом такой-то вещи» и приказывал старосте, чтобы утраченная вещь была непременно найдена к определенному часу. Как правило, вещь находится где-нибудь подброшенной. Виновных никогда не находили (их и не искали) [29, с. 198; 15, с. 17].

Общий староста при случае был адвокатом арестантов, но вместе с тем почти всегда выступал и главным зачинщиком и подстрекателем, возбуждающим неповиновение тюремной администрации. Никакая общая смута не обходится без влияния общего старосты, так что смело можно сказать, что «волынки» устраиваются всегда по инициативе общего старосты, который очень искусно скрывает свое участие в беспорядках. Главному начальству, конечно, неизвестно, что общий староста всегда бывает виновником беспорядков, но это совершенная истина, поэтому в случаях, так сказать, крайних следует всегда приниматься энергичически за общего старосту и виновные в проступке всегда будут открыты [15, с. 18].

Таким образом, общий староста (выбранный самими арестантами), превращался в очень авторитетную фигуру в местах лишения свободы, причем – как в глазах самих арестантов, так и тюремной администрации. И тем, и другим такое положение дел было очень выгодно, так как на старосту перекладывались достаточно сложные проблемы, связанные с хозяйственной жизнью тюрьмы. Общий староста становился центральной фигурой начинавшейся складываться после Тюремной реформы 1879 г. системы тюремного самоуправления, которая получила дальнейшее развитие в конце XIX

– начале XX вв., и которая в состоянии была решать (с выгодой как для тюремной администрации, так и для заключенных) большое количество повседневных проблем пенитенциарной системы. Все это необходимо учитывать при подготовке реформы мест исполнения наказаний и в настоящее время.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров. Арестантская республика // Русская мысль. 1904. Кн. IX. С. 68–84.
2. Башуров А. Н. По тюрьмам и ссылкам: воспоминания подпольщика. Свердловск: Уралогиз, 1933. 184 с.
3. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Европы в 1801–1917 гг. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. 301 с.
4. Ванюшина О. В. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881–1917 гг.): адаптация к условиям повседневной жизни: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2015. 282 с.
5. Варенцов С. Ю. Развитие тюремных учреждений Нижегородской губернии в 1879–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: Чувашский государственный университет, 2018. 22 с.
6. Васильев Е. А. Тюремные записки. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 84 с.
7. Винский Г. С. Мое время. Записки. СПб.: Огни, 1914. 159 с.
8. Виташевский А. Централка. Из воспоминаний // Былое. 1906. № 7. С. 107–135.
9. Вишнякова П. И. Тюремные годы // Старый большевик. 1933. № 1. С. 159–178.
10. Воробьев В. По тюрьмам и в ссылке // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 168–182.
11. Вороницын И. П. Из мрака каторги, 1905–1917. Харьков: Державне видавництво України, 1922. 132 с.
12. Деркач Н. Я. По этапам и тюрьмам. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930. 312 с.
13. Дорошевич В. М. Как я попал на Сахалин. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. 116 с.
14. Записки Е. П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884–1885, 1901–1917). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2012. 342 с.
15. Иванников В. А. Исторический опыт реформирования тюремной системы Российской империи (1870–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2006. 213 с.
16. Казаченок В. В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. 233 с.
17. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи. М.: Столица, 1992. 608 с.
18. Осипов М. В. Тюремная реформа 1879 г. и ее реализация в Оренбургской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: ОГПУ, 2010. 30 с.
19. Петров А., Сысоев Т. Нерчинская каторга: как была устроена система дореволюционных тюрем? // Фома. 2017. № 4 (168). С. 92–95.
20. Сборник циркуляров и распоряжений, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. СПб.: Гл. тюремное упр., 1911. 378 с.
21. Сибилева А. Ю. Правовые основы деятельности тюрем в Таврической губернии (конец XVIII – начало XX вв.). Симферополь: Ариал, 2018. 251 с.
22. Скобенников А. И. Во Владимирской каторжной тюрьме. Владимир: Губком МОПР, 1926. 95 с.
23. Соболев А. М. Записки каторжника. Воспоминания о царской каторге. М.-Л.: Круг, 1925. 111 с.
24. Сушкин Г. Г. По этапам. Из воспоминаний политического ссыльного. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. 134 с.
25. Чебыкина Е. С. Помощь тюрьме и ссылке // Борьба за власть. Т. 2: Годы реакции. Ч. 1. Пермь: Звезда, 1924. С. 101–108.
26. Четвериков С. А. Оренбургская политическая ссылка в 1920-х – 1870-х годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Чувашский государственный университета, 2018. 22 с.
27. Чулкина С. Тюменская тюрьма и ее известные каторжане // Православный просветитель. 2017. № 5 (103). С. 19–21; Там же. 2018. № 1(104). С. 20–21.

28. Шебалков С. В. Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1879–1917 гг. (на материалах губерний Европейской части страны): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. 22 с.
29. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб.: ред. журнала «Русское богатство», 1907. 544 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov. [Roundhouse Republic]. In: *Russkaya Mysl*, 1904, book IX, pp. 68–84.
2. Bashurov A. *Po tyur'mam i ssylkam: vospominaniya podpol'shchika* [In prisons and links: memories of the underground]. Sverdlovsk, Uralgiz Publ., 1933. 184 p.
3. Bortnikova O. *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Evropy v 1801–1917 gg.* [Siberia prison: the prison system in Western Europe in the 1801–1917 it is gg]. Tyumen, Tyumenskii yuridicheskii institut MVD RF Publ., 1999. 301 p.
4. Vanyushina O. *Administrativno vyslannye v Tverskuyu guberniyu zhenshchiny (1881–1917 gg.): adaptatsiya k usloviyam povsednevnoi zhizni: dis. ... kand. ist. nauk* [Administratively exiled to Tver province women (1881–1917): adaptation to the conditions of everyday life: PhD Thesis in Historical sciences]. Moscow, RGGU Publ., 2015. 282 p.
5. Varentsov S. *Razvitie tyuremnykh uchrezhdenii Nizhegorodskoi gubernii v 1879–1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The development of the prison in Nizhny Novgorod province in 1879–1917: abstract of PhD Thesis in Historical sciences]. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2018. 22 p.
6. Vasil'ev E. *Tyuremnye zapiski* [Prison notes]. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928. 84 p.
7. Vinskii G. *Moe vremya. Zapiski* [My time. Notes]. St.-Petersburg, Ogni Publ., 1914. 159 p.
8. Vitashevskii A. [Centrale. From the memoirs]. In: *Byloe*, 1906, no. 7, pp. 107–135.
9. Vishnyakova P. [Prison years]. In: *Staryi bol'shevik*, 1933, no. 1, pp. 159–178.
10. Vorob'ev V. [In prisons and in exile]. In: *Katorga i ssylka*, 1927, no. 2, pp. 168–182.
11. Voronitsyn I. *Iz mraka katorgi, 1905–1917* [From the darkness of prison, 1905–1917]. Kharkiv, Derzhavne vidavnistvo Ukraini Publ., 1922. 132 p.
12. Derkach N. *Po etapam i tyur'mam* [In prison]. Moscow-Leningrad, Molodaya gvardiya Publ., 1930. 312 p.
13. Doroshevich V. *Kak ya popal na Sakhalin* [As I got to the island Sakhalin]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina, 1905. 116 p.
14. Zapiski E. *Klevakina o tyur'me (po materialam lichnogo fonda) (1884–1885, 1901–1917)* [Klevakina about prison (according to the materials of the personal Fund) (1884–1885, 1901–1917)]. Barnaul, Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2012. 342 p.
15. Ivannikov V. *Istoricheskii opyt reformirovaniya tyuremnoi sistemy Rossiiskoi imperii (1870–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [The historical experience of reforming the prison system of the Russian Empire (1870–1917 years): PhD Thesis in Historical sciences]. Moscow, MPGU Publ., 2006. 213 p.
16. Kazachenok V. *Penitentsiarnye organy i uchrezhdeniya Kazanskoi gubernii (1715–1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [The penitentiary bodies and institutions of the Kazan province (1715–1917): istoriko-legal research: PhD Thesis in Law]. Kazan, Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet Publ., 2014. 233 p.
17. Koshko A. *Ocherki ugolovnogo mira tsarskoi Rossii. Vospominaniya byvshego nachal'nika Moskovskoi sysknoi politsii i zaveduyushchego vsem ugolovnym rozyskom Imperii* [Essays on criminal world of the tsarist Russia. Memories of the former head of the Moscow police detective and head of the criminal investigation of the Empire]. Moscow, Stolitsa Publ., 1992. 608 p.
18. Osipov M. *Tyuremnaya reforma 1879 g. i ee realizatsiya v Orenburgskoi gubernii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Prison reform 1879 and its realization in the Orenburg region: abstract of PhD Thesis in Historical sciences]. Orenburg, OGPU Publ., 2010. 30 p.
19. Petrov A., Sysoev T. [Nerchinsk katorga: how was a system of pre-revolutionary prisons?]. In: *Foma*, 2017, no. 4 (168), pp. 92–95.
20. *Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii, izdannykh po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu (1879–1910)*

- [Collection of circulars and orders issued by the Chief prison administration (1879–1910)]. St.-Petersburg, Glavnoe turemnoe upravlenie Publ., 1911. 378 p.
21. Sibileva A. *Pravovye osnovy deyatelnosti tyurem v Tavricheskoj gubernii (konets XVIII – nachalo XX vekov)* [The legal framework of prisons in Tauride province (end of XVIII – the beginning of the XX centuries)]. Simferopol, Arial Publ., 2018. 251 p.
 22. Skobennikov A. *Vo Vladimirskoi katorzhnoi tyur'me* [In the Vladimir convict prison]. Vladimir, Gubkom MOPR Publ., 1926. 95 p.
 23. Sobol' A. *Zapiski katorzhnika. Vospominaniya o tsarskoi katorge* [Notes of a convict. Memories of the tsarist prison]. Moscow-Leningrad, Krug Publ., 1925. 111 p.
 24. Sushkin G. *Po etapam. Iz vospominanii politicheskogo ssyl'nogo* [In stages. From the memoirs of a political exile]. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1929. 134 p.
 25. Chebykina E. [Help prison and exile]. In: *Bor'ba za vlast'. T. 2: Gody reaktsii. Ch. 1* [The struggle for power, vol. 2: the Years of reaction, part 1]. Perm, Zvezda Publ., 1924, pp. 101–108.
 26. Chetverikov S. *Orenburgskaya politicheskaya ssylka v 1920-kh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Orenburg political exile in the 1920s]: abstract of PhD Tesis in Historical sciences]. Orenburg, Chuvashskii gosudarstvennyi universiteta Publ., 2018. 22 p.
 27. Chulkina S. [Tyumen prison and its famous convicts]. In: *Pravoslavnyi prosvetitel'*, 2017, no. 5 (103), pp. 19–21; *Ibid*, 2018, no. 1(104), pp. 20–21.
 28. Shebalkov S. *Povsednevnost' politicheskikh zaklyuchennykh v tyuremnykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii 1879 gg. (na materialakh guberniy Yevropeyskoy chasti strany): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday life of political prisoners in prisons of the Russian Empire, 1879 (on the materials of the provinces of the European part of the country): abstract PhD Tesis in Historical sciences]. Kazan, Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet Publ., 2017. 22 p.
 29. Yakubovich P. *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the world of Les Miserables. Note ex-convict]. St.-Petersburg, red. the magazine "Russian wealth" Publ., 1907. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиков Александр Николаевич – соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: alkosikov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksander N. Kosikov – PhD Student, Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Regional State University;
e-mail: alkosikov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Косиков А. Н. К вопросу о тюремном старостате, как об элементе самоуправляемости после тюремной реформы 1870-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 134–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-134-140

FOR CITATION

Kosikov A. Prison warden as an element of self-government after the prison reform of the 1870^s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 134–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-134-140

УДК 94(47).081

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-141-152

РОЛЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА В СОЗДАНИИ РЕЗИДЕНЦИИ «МИХАЙЛОВСКАЯ ДАЧА»

Ефимов А. А.*Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель статьи – на конкретном примере раскрыть роль августейших заказчиков в строительной деятельности Министерства императорского двора.

Процедура и методы исследования. Отбор и анализ, в первую очередь, архивных материалов. В противовес большинству исследователей, фокусирующих внимание на влиянии художественного вкуса членов императорской фамилии на экстерьер и интерьер будущих резиденций или на творчестве именно архитектора как единоличного творца, автор обращается к организационно-административной стороне строительного процесса, начиная с выбора архитектор-проектировщика через производство работ вплоть до приемки возведенных зданий и сооружений.

В результате проведенного исследования на основе изучения комплекса источников удалось установить, что августейший заказчик великий князь Михаил Николаевич играл важнейшую роль в деле создания ансамбля Михайловской дачи, своей загородной резиденции, лично принимая ряд важных организационных решений.

Теоретическая/практическая значимость. Заключается в раскрытии внутренних взаимоотношений высшей элиты Российской империи, представителей рода Романовых, с бюрократической элитой, представленной чиновниками Придворного ведомства, и, в широком контексте, в выявлении скрытых, неявных, схем принятия управленческих решений в России XIX в.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, великий князь Михаил Николаевич, Михайловская дача, строительство резиденции

THE ROLE OF GRAND DUKE MIKHAIL NIKOLAEVICH IN THE CREATION OF THE MIKHAILOVSKAYA DACHA RESIDENCE

A. Yefimov*Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya ul., Saint Petersburg 197110, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To describe the role of royal family members in the construction activity of the Ministry of the Imperial Court using a historical example.

Procedure and research methods. The study involved the selection and analysis of archive materials. In comparison with previous researchers focusing on how the artistic taste of royal family members was manifested in the exterior and interior of their residences, as well as on the role of an architect as the sole creator, the author of the present work investigated administrative issues arising during the choice of an architect, execution of construction works and final inspection of constructed buildings.

Results. The conducted study of archive materials demonstrated that Grand Duke Mikhail Nikolaevich significantly contributed to the construction of his country residence Mikhailovskaya Dacha by making a number of important organisational decisions.

Theoretical / practical relevance. The article elucidated the relations between the elite of the Russian Empire, members of the House of Romanov, and the bureaucratic elite, members of the Ministry of the Imperial Court. In a broad context, implicit patterns of managerial decision-making in Russia in the 19th century were outlined.

Keywords: Ministry of the Imperial Court, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, Mikhailovskaya Dacha, residence construction

История императорской фамилии, Министерства императорского двора (МИДв) и сопредельные темы представляют вполне осязаемый интерес для ученых как минимум с середины 1990-х гг. В настоящее время различные аспекты указанных проблем рассматривают многие специалисты. Так, П. А. Афанасьев обращается к изучению деятельности МИДв на Алтае [5; 6], П. А. Гордеев исследует в том числе историю различных учреждений Придворного ведомства в переломный 1917 г. [8; 9]; повседневную жизнь как отдельных императорских резиденций, так и императорского двора в целом исследует в своих трудах И. В. Зимин [10; 11]. Однако даже при таком осязаемом интересе ученых к данной теме, в ней остаются определенные историографические лакуны, на одну из которых и будет обращено внимание в настоящей статье.

Вопрос взаимодействия и взаимоотношений Министерства императорского двора с августейшими заказчиками при возведении является важным в свете изучения как истории создания резиденций членов императорской фамилии, так и для исследования деятельности Придворного ведомства и истории дома Романовых в целом. Рассматриваемая проблема неоднократно привлекала внимание исследователей в книге А. С. Лосевой [13] и статье Е. А. Борисовой [7], затрагивалась в книге В. А. Резвина [15]. Но формируемое авторами представление об участии именно великих князей в строительстве остается неполным. В первую очередь по причине фокусировки на линии «член императорской фамилии-архитектор», когда основ-

ное внимание уделяется влиянию художественного вкуса августейших заказчиков на экстерьер и интерьер будущих резиденций; а также из-за источниковой базы, поскольку многие авторы не привлекают архивные документы. При этих условиях оказываются незатронутыми вопросы о мере вовлеченности членов императорской фамилии (через пожелания и указания) в составлении проектно-сметной документации, подготовке к строительству, проведении самих строительных работ и принятии решения о поощрении тех или иных лиц, участвовавших в возведении дворцовых комплексов (как архитекторов и их помощников, так и подрядчиков и поставщиков).

Непосредственно история создания ансамбля Михайловской дачи (Михайловки) нашла свое отражение в работах целого ряда авторов. Среди них стоит выделить труды крупного специалиста по творчеству архитектора Г. Э. Боссе В. И. Андреевой [1–4], посвященные как творческому пути этого зодчего в целом, так и истории его работы над этой великокняжеской резиденцией. Кроме того, значительный пласт данных по указанному вопросу содержится в совместной книге Т. К. Ивановой и О. Г. Иващенко [12]. Однако эти исследователи, обращая внимание на роль будущего владельца усадьбы великого князя Михаила Николаевича, не выделяли это как фундаментальный, системообразующий фактор.

Целью статьи является раскрыть участие конечного заказчика, великого князя Михаила Николаевича и его взаимодействие со структурами Придворного ведомства в ходе создания ансамбля Михайлов-

ской дачи, дополнив и уточнив сведения, представленные в опубликованных работах других специалистов, обращавшихся к этой теме. Для реализации поставленной цели был изучен обширный массив архивных документов из фондов учреждений Министерства императорского двора (МИДв), хранящихся в Российском государственном историческом архиве.

Подготовка к возведению будущего комплекса загородного дворца началась в 1850 г. Эта работа была поручена А. И. Штакеншнейдеру, который в 1851–1853 гг. представил руководителям Придворного ведомства несколько вариантов проекта новой резиденции. Ни один из проектов не продвинулся дальше чертежей и общих, сугубо приблизительных финансовых расчетов. Несмотря на неодобрение своих предложений, зодчий полуофициально продолжал работу над проектом и впоследствии. В 1856 г. по требованию великого князя Михаила Николаевича А. И. Штакеншнейдер направил на просмотр свой очередной проект¹ [3, с. 130–132; 4, с. 32–34; 12, с. 29, 30, 34; 14, с. 566; 16, с. 583]. По неустановленным пока причинам предложение маститого зодчего было отринуто конечным заказчиком.

Проектирование и подготовка к реконструкции Михайловской дачи возобновились в 1857 г. Это задание на сей раз было поручено И. И. Шарлеманю, который в борьбе за заказ одержал победу над А. В. Петцольдом и Л. Л. Бонштедтом [3, с. 132–133; 4, с. 34–38; 12, с. 34, 35; 16, с. 583]. Предложения, представленные последними, не удостоились одобрения ни Его высочества, ни Александра II. В начале июня 1857 г. Придворной конторой великого князя Михаила Николаевича, не располагавшей сведениями о местожительстве зодчих, их чертежи были направлены в Академию художеств для возврата составителям².

К концу весны того же года была составлена проектно-сметная документация по будущей резиденции, получившая положительную оценку императора. Согласно этому плану строительство предполагалось завершить в течение трех лет³. Вскоре после личной беседы с министром императорского двора графом В. Ф. Адлербергом, 6 июня 1857 г. великий князь Михаил Николаевич, не дожидаясь окончательного утверждения составленной И. И. Шарлеманем проектно-сметной документации, через своего попечителя генерал-адъютанта А. И. Философова официально обратился к главе Придворного ведомства с просьбой разрешить провести первичные работы на сумму в 75 000 руб. Несмотря на незавершенность процедуры апробации всех бумаг, требовавших проверки членами Строительной конторы, глава Придворного ведомства счел возможным одобрить предложение представителей Его высочества⁴.

Эта проверка заняла более полутора месяцев, и свои замечания по проекту Строительная контора представила к концу июля 1857 г. Для устранения отмеченных недостатков, принимая во внимание, что представленный проект И. И. Шарлеманя уже получил принципиальное одобрение императора, предлагалось в ходе строительства увеличить до 3,5 аршин высоту всех комнат, изменить отделку окон антресольного этажа и устранить несоответствия между двойным окном верхнего этажа и окнами, расположенными ниже, представив соответствующие исполнительные чертежи. Все эти соображения были представлены В. Ф. Адлербергом будущему владельцу резиденции великому князю Михаилу Николаевичу, который счел нужным утвердить их частично, допустив изменение высоты некоторых комнат и косметические изменения во внешней отделке зданий⁵.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 8. Д. 1760. Л. 8, 10, 12, 14, 15, 24, 27–29, 36–37.

² РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 10; Ф. 789. Оп. 14. Д. 50-Б. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 8–9.

⁵ РГИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 53 об.–54; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 16–19.

Снова обратились к А. И. Штакеншнейдеру уже в конце ноября 1858 г., когда для продолжения работы над проектом Михайловской дачи появилась необходимость воспользоваться генеральным планом имения, переданным ранее архитектору. Однако на запрос Департамента уделов о возврате этого документа для последующего представления в Контору двора великого князя Михаила Николаевича был получен ответ, что несколько подобных планов были возвращены в Удельное ведомство в прежние годы, но именно требуемого в наличии не имелось, поскольку он мог быть передан среди прочих чертежей, которые в значительном количестве предоставлялись зодчим Его высочеству безо всяких расписок¹. Одновременно было дано распоряжение управляющему Красносельской удельной конторой о передаче присланных ему планов разных зданий Михайловской дачи в Контору двора великого князя Михаила Николаевича².

Согласно первоначальным сметам на реконструкцию Михайловской дачи архитектором И. И. Шарлеманем предполагалось потратить 842 740 руб., а после проверки в Строительной конторе стоимость проекта составила 843 544 руб., а с учетом 40 000 руб. на непредвиденные расходы и 249 000 руб. на меблировку – 1 132 544 руб.³

Для определения подрядчиков Строительная контора 11 июля 1857 г. провела между лицами, приглашенными особыми повестками, торги. По результатам аукциона последняя цена за работы по постройке дворца и служебных зданий осталась за почтенными гражданами Санкт-Петербургскими 1-й гильдии купцами Николаем Тарасовым и Иваном Смирновым, предложившими цену в 766 000 руб.⁴

Несмотря на получение проектом одобрения Александра II, выделение необходимых средств проходило с некоторыми сложностями. Великий князь Михаил Николаевич на словах сообщил в Строительную контору о своем желании выполнить в течение 1857 г. объем работ на предварительно одобренную сумму в 75 000 руб. Последняя, в свою очередь была готова выполнить просьбу Его высочества, однако после предоставления министром императорского двора императору ведомости о предполагаемых ежегодных ассигнованиях на весь период строительства, которое должно было продолжаться три с половиной года, государь сократил объем первоначальной выплаты до 35 000 руб. Кроме того, было дано распоряжение составить по Департаменту уделов особый доклад с расчетом планируемых расходов по реконструкции Михайловской дачи, без представления и одобрения которого предварительное соглашение с победившими на торгах подрядчиками Тарасовым и Смирновым не могло быть оформлено в окончательном виде.

Председатель Строительной конторы, как следует из направленного им в конце августа 1857 г. гофмейстеру великого князя графу Н. Д. Зубову отношения, лично вел переговоры с подрядчиками, убеждая их согласиться приступить к работам и выполнить их на 35 000 руб., не дожидаясь утверждения договора в целом. После длительных дискуссий Н. Тарасов и И. Смирнов, получив отказ В. Ф. Адлерберга на поданное 6 августа прошение о выдаче разрешения на производство работ на полную сумму подряда, 27 числа того же месяца согласились начать работы без гарантии продолжения реконструкции усадьбы. При этом Д. М. Прокопович-Антонский просил довести до сведения Михаила Николаевича, что он и его подчиненные прилагали все возможные усилия к выполнению просьбы будущего владельца резиденции⁵.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 1760. Л. 40–41.

² Там же. Л. 39–39об.

³ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 7 об.–8 об.

⁴ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 18 об.–19.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 52.

⁵ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 19–19об.; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 28–29об.

22 августа 1857 г. И. И. Шарлемань направил Н. Д. Зубову письмо, в котором открыто признал неуверенность в своих способностях как архитектора для воплощения столь масштабного проекта, как дача великого князя Михаила Николаевича, и сообщил о достигнутой договоренности с А. И. Штакеншнейдером о предоставлении последним помощи в данной работе, что было вскоре подтверждено и письмом маститого зодчего¹. Это предложение было одобрено и работы были начаты под руководством И. И. Шарлеманя и наблюдением А. И. Штакеншнейдера. Неуверенность первого в своей способности реализовать этот проект, признанная им самим, была, как вскоре выяснилось, небезосновательной. 13 ноября 1857 г. министр императорского двора граф В. Ф. Адлерберг направил великому князю Михаилу Николаевичу письмо, в котором негативно охарактеризовал результаты трудов зодчего на даче великого князя Николая Николаевича в Царском Селе как проявившего «неопытность, нерадение и отсутствие вкуса» при проведении отделочных работ, которые потребовалось переделывать. В этой связи и с учетом занятости А. И. Штакеншнейдера, не имевшего физической возможности постоянно контролировать ход строительства, была дана рекомендация отстранить автора проекта от его воплощения и из приложенного списка выбрать нового, более умелого специалиста. При этом глава Придворного ведомства уверял Его высочество, что примет все возможные меры, чтобы эта замена никоим образом не повлияла на процесс реконструкции резиденции². В качестве кандидатов в руководители этого проекта были предложены десять человек, в числе которых значились как А. И. Штакеншнейдер, назначение которого признавалось почти невозможным самим министром, так и свободные на тот момент от участия в строительстве казенных заданий

¹ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 25–26.

² Там же. Л. 35–36.

А. И. Кракау и К. А. Бейне. Уже на следующий день из Конторы великого князя Михаила Николаевича поступил ответ, в котором сообщалось о сделанном Его высочеством выборе в пользу Г. Э. Боссе, уже работавшего на тот момент над соседней усадьбой Знаменка, реконструируемой под резиденцию великого князя Николая Николаевича³.

Через девять месяцев после проведенного неофициального конкурса проектов, когда работы по Михайловской даче уже были в самом разгаре, великий князь Михаил Николаевич пожелал выплатить участвовавшим в нем зодчим денежное вознаграждение. При этом источником средств предполагалась сумма, ассигнованная Строительной конторе на строительство резиденции. Письмо с этой просьбой было направлено Д. М. Прокоповичу-Антонскому 14 февраля 1858 г. Ответное отношение поступило Н. Д. Зубову ровно через месяц. В нем отмечалось, что для воплощения пожелания великого князя сначала были проведены переговоры с А. В. Петцольдом и Л. Л. Бонштедтом, которые высказали пожелание получить 800 руб. и 1 500 руб. соответственно, а затем запрошено разрешение министра императорского двора. Граф В. Ф. Адлерберг, отметив, что выделение этих средств не было предусмотрено планом ассигнований, поскольку составление планов было поручено архитекторам великим князем без согласования с Придворным ведомством, приняв во внимание неосведомленность Михаила Николаевича о тонкостях процедуры проведения архитектурного конкурса, все же санкционировал эту выплату, вычтя ее, по предложению Д. М. Прокоповича-Антонского, из суммы, предусмотренной на меблировку резиденции. Через полтора месяца, также по желанию великого князя, Строительная контора получила у министра императорского двора согласие выпла-

³ РГИА. Ф. 220. Оп. 1. Д. 148. Л. 4, 14 об.–16 об., 29 об.–30 об., 31 об.–33 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 8 об., 54 об.; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 37–39 об.

тить И. И. Шарлеманю «за составление первоначального проекта и за труды по управлению прошлогодними работами на Михайловской даче» 3 000 руб. дополнительно к ранее выданной 1 000 руб.¹

К концу марта 1858 г. назначенный по решению самого Михаила Николаевича руководить реконструкцией резиденции Г. Э. Боссе завершил редактирование чертежей, составленных И. И. Шарлеманем, и представил переработанные планы и фасады, в которых учел пожелание Его высочества о сохранении общего внешнего вида зданий. Кроме того, зодчий провел переговоры с подрядчиками Тарасовым и Смирновым о выполнении подряда. В свою очередь Строительная контора через министра императорского двора смогла получить одобрение как проектной документации, так и условий взаимодействия с подрядчиками, о чем и было сообщено для доклада августейшему заказчику².

Вместе с тем архитектор проверил и сметы, обнаружив, что в них не включен целый ряд важных и необходимых работ. Первоначальная сумма дополнительных расходов должна была составить 71 000 руб., однако, убедив Михаила Николаевича сократить число стоек в конюшне и отказаться от манежа, удалось сократить ее до 56 000 руб.³ После проведенного редактирования на постройку зданий следовало ассигновать 862 543 руб. 71 коп., на непредвиденные расходы – 40 000 руб., на мебелировку – 210 300 руб., на процентное вознаграждение архитектора – 51 300 руб. и на зарплату вахтера и сторожей – 3 400 руб. Итого 1 167 543 руб. 71 коп. Пересмотр смет привел и к изменению условий подрядного контракта с Н. Тарасовым и И. Смирновым, который после долгого периода неопределенности был все же подписан 13 мая 1858 г. на сумму в 787 000 руб.⁴

¹ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 28, 29 об.–30; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 44–45, 46 об.–47.

² РГИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 56–56 об.; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 46–46 об.

³ РГИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 10–10 об.

⁴ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 874. Л. 148 об.; Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 8 об.–9, 19 об.–20.

Подготовка к закладке дворцового здания началась в начале июля, поскольку великий князь Михаил Николаевич высказал Г. Э. Боссе свое пожелание, чтобы церемония прошла 11 числа в день тезоименитства его супруги, великой княгини Ольги Федоровны. 3 июля 1858 г. Строительная контора своим отношением Н.Д. Зубову уведомила о своих распоряжениях по этому вопросу и просила уведомить о назначенном Его высочеством времени проведения церемонии. В ответном письме от 6 числа того же месяца управляющий конторой великого князя сообщил о переносе Михаилом Николаевичем даты закладки на 10 июля и о желании последнего провести ее в два часа пополудни⁵.

16 сентября 1858 г. Г. Э. Боссе рапортовал в Контору Его высочества об успешном продвижении работ и кратко описывал состояние строительства каждого здания. При этом зодчий давал обещание, что дворец и кухонное здание будут подведены под крышу к наступлению холодов⁶.

В ходе реконструкции Михайловской дачи по желанию великого князя проводились многочисленные работы, не предусмотренные первоначальными сметами. Обустройство загородной резиденции предполагало, кроме возведения зданий, также и создание парка с прудами, плотиною, мостами, фонтанами, террасами и верандами, караульными домиками и Егерским домом с псарнею, а также сооружение оранжерей. Все эти работы в 1859–1860 гг. были поручены Михаилом Николаевичем также Г. Э. Боссе. К весне 1861 г. зодчим, выполнявшим пожелания великого князя по созданию своей резиденции, неоднократно представлялись новые расчеты, приводившие к корректировкам в суммах контрактов. Итоговые суммы договоров составили 807 900 руб. для дворцовых зданий и 289 100 руб. для обустройства парка⁷.

⁵ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 48–49.

⁶ Там же. Л. 51–51 об.

⁷ РГИА. Ф. 220. Оп. 1. Д. 148. л. 14 об.–16 об., 18 об.;

Выполнение пожеланий заказчика по дополнительным работам, помимо финансовых сложностей, вызывало и исполнительные проблемы. В середине августа 1860 г. из Конторы великого князя Михаила Николаевича председателю Строительной конторы Д. М. Прокоповичу-Антонскому поступило письмо, в котором передавалось замечание великого князя о недостаточном темпе производства земляных работ, причиной чего видели нехватку рабочих. Его высочество считал необходимым привлечь дополнительных землекопов до максимально возможного их числа по контракту. Строительная контора со своей стороны сделала надлежащие распоряжения, предписав подрядчикам привлечь дополнительных рабочих, а архитектору Г. Э. Боссе – проконтролировать своевременность выполнения работ; и через неделю представила для доклада великому князю объяснения подрядчиков. Н. Тарасов и И. Смирнов отмечали, что для исполнения взятых на себя обязательств привлекли необходимое число людей и даже могли сделать больше запланированного, однако назначение сверхсметных работ по насыпке искусственной горы в четыре сажени высоты произошло в такое время, когда привлечь новых землекопов оказалось невозможно. Тем не менее они гарантировали, что завершат все в срок при условии отсутствия новых дополнительных заданий¹.

К началу мая 1861 г. основная часть строительных работ была завершена. Об том можно судить по письму, в котором Строительная контора докладывала в Контору двора великого князя Михаила Николаевича о полученном распоряжении В.Ф. Адлерберга в связи с предстоящим переездом Его высочества на Михайловскую дачу произвести освидетельствование и сдачу зданий резиденции. В созданную в соответствии с Правилами о производстве строительных работ по МИДв двустороннюю комиссию от

Строительной конторы вошли генерал-майор П. И. Палибин, действительный статский советник Шереметев, полковник Г. Е. Паукер, архитектор Г. Э. Боссе и смотритель Фрост; а в середине мая от Придворной конторы великого князя Михаила Николаевича для приемки были командированы унтер-шталмейстер надворный советник Кригер, архитектор императорской дачи Александрия академик Э. Л. Ган и смотритель Михайловской дачи коллежский асессор Майхровский. Процедура приемки началась в середине июня 1861 г., когда архитектором Г. Э. Боссе был подготовлен пакет сдаточных описей Гофмейстерского флигеля, Кухонного корпуса и Конюшенного здания. При этом от приемщиков требовалось внимание к малейшим проблемам и недочетам². В целом процедура приемки указанных зданий была завершена к середине августа, однако, по донесению унтер-шталмейстера Кригера, многочисленные работы по Гофмейстерскому дому, Конюшенному и Кухонному корпусам оставались или не окончены, или вовсе еще не были сделаны³.

Задержка с завершением работ, продолжавшихся и после начала приема-передачи зданий, вызывала недовольство великого князя Михаила Николаевича, который в июне 1861 г. ежедневно осматривал свою резиденцию и пришел к выводу, что такими темпами окончание строительства наступит весьма нескоро. Через управляющего своей Придворной конторой Ф. Ф. Зальцмана он 1 июля передал в Строительную контору требование заставить подрядчиков, которые и без того пропустили установленный ранее срок сдачи 15 мая того же года, привлечь еще больше мастеровых и максимально быстро окончить здания⁴. При этом стоит предположить, что в произошедшей задержке повинен и сам заказчик, который

Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 24, 24 об., 60 об.-62.

¹ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 57-60.

² РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 68-71; Ф. 547. Оп. 1. Д. 522. Л. 1-10б.

³ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 78-78 об.

регулярно обращался с предложениями о дополнительных работах.

К середине сентября 1861 г. подрядчиками были завершены Большой и Малый дворцы, а также проведены работы по благоустройству парка, и Строительная контора предложила Придворной конторе великого князя вновь сформировать приемную комиссию, командировав в нее тех же лиц, что и в мае. В свою очередь Контора Его высочества делегировала архитектора академика Э. Л. Гана и смотрителя Михайловской дачи Майхровского, рекомендовав не принимать Запасной дворец, сады и парк до полного окончания работ и окончательной осадки всех шоссеиных и садовых дорог, что должно было произойти лишь к весне 1862 г.¹

Для подготовки к приему зданий архитектором Г. Э. Боссе были составлены и переданы в Придворную контору Его высочества для проверки приемщиками сдаточная опись и чертежи зданий Михайловской дачи. Просмотр этих документов и сверка их содержания с реальным состоянием построек, согласно рапорту архитектора Э. Л. Гана от 6 ноября 1861 г., показали общее соответствие между заявленным в бумагах и имеющимся налицо – за исключением работ, перенесенных по согласованию на следующий год, и незначительных исправлений, которые при условии должного контроля могли быть выполнены подрядчиками в короткий срок. Проверка системы отопления и подземных инженерных коммуникаций откладывалась до весны в ожидании полного ввода в действие этих устройств. В ходе ревизии не обошлось и без проблем. Так, единственная использовавшаяся на тот момент в Гофмейстерском флигеле пневматическая печь функционировала недостаточно хорошо, поскольку не все душники пропустили теплый воздух. Кроме того, из отношения, направленного Конторой двора Его высочества в Строительную контору МИДв, следовало, что дренажная система

была устроена ненадлежащим образом, трубы не имели необходимого уклона и вода застаивалась; от нескольких прудов, из которых на зиму должна была спускаться вода для охраны берегов от порчи и очистки от наносов и грязи, вовсе не было проложено труб, и вся вода осталась в прудах, а из пруда псарного домика вся вода ушла в море².

Имевшиеся недочеты все же не повлияли на решение о продолжении приемки Михайловской дачи. Немаловажную роль в этом сыграло и направленное Строительной конторой графу Н. Д. Зубову отношение, в котором указывалось на возможное возникновение требований подрядчиков Тарасова и Смирнова о выплате им пени за задержку в приеме выстроенных зданий на основании §54 Нормальных кондиций³, что стало бы крайне нежелательным дополнительным расходом. Во избежание этого предлагалось как можно скорее провести эту процедуру. Придворная контора великого князя Михаила Николаевича по согласованию с Его высочеством назначила сдачу выполненных работ на 13 часов 9 ноября 1861 г. Представителями Строительной конторы церемониймейстером действительным статским советником Шереметевым, военным инженером полковником Г. Е. Паукером и архитектором высочайшего двора Г. Э. Боссе дворец и другие здания были сданы в указанный день архитектору Э. Л. Гану и смотрителю Майхровскому⁴.

К началу мая 1862 г. были полностью окончены все работы, как по строениям, так и по паркам Михайловской дачи, а описи были направлены в Контору двора Его Высочества для предварительной проверки. Сама приемка была завершена к 14 мая, когда смотритель Михайловской дачи и архитектор Э. Л. Ган представили об этом совместный рапорт⁵.

² Там же. Л. 93, 96–97, 100–100 об.

³ Нормальные кондиции – типовой договор подряда, использовавшийся Министерством императорского двора.

⁴ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 98–102.

⁵ Там же. Л. 115–117.

¹ Там же. Л. 88–89.

Стремление угодить заказчику не просто привело к тому, что выделенные на непредвиденные расходы денежные средства были потрачены уже к середине ноября 1859 г., но и грозило значительным перерасходом, который, с учетом дополнительных работ по Ново-Михайловскому дворцу в Санкт-Петербурге, мог составить 312 000 руб.¹ Из этой суммы по Михайловской даче требовалось обустроить перед дворцом террасы с бассейном, фонтанами и верандами; благоустроить парк и провести еще несколько менее значительных работ. При этом министр императорского двора в своем письме великому князю Михаилу Николаевичу подчеркивал, что дополнительные расходы неизбежно возникнут уже при окончательной отделке дворцовых зданий, что также потребует ассигнований, точный размер которых неизвестен. В общей сложности на городские и загородные резиденции великих князей Николая и Михаила Николаевичей планировалось по согласованию с императором дополнительно отпустить до 600 000 руб.

Главную сложность в сложившейся ситуации представляло отсутствие у Департамента уделов возможности немедленно перечислить столь крупную сумму. Ассигнования могли быть произведены только начиная с 1862 г. в течение трех лет равными платежами по 200 000 руб. В такой ситуации глава Придворного ведомства считал возможным на Михайловской даче выполнить лишь работы по дворцовым зданиям и обустроить прилегающую ко дворцу часть парка, тогда как монтаж водопровода и бассейна, а также благоустройство остальной части парка перенести как минимум на 1864 г., когда появятся свободные средства. До этого момента следовало полностью рассчитаться с подрядчиками за уже осуществленные работы с учетом возможных

пени за просрочку выплат в размере 6%².

Основная причина задержек в производстве работ была, вероятно, опять же финансовая. Уже упоминавшееся ранее активное назначение со стороны великого князя Н. Тарасову и И. Смирнову сверхсметных работ вкуче с задержкой в финансировании и базовыми условиями контракта, не предусматривавшего доплат за неучтенное проектной документацией, привело к нехватке у подрядчиков оборотных денежных средств для продолжения возведения резиденции. О подобных затруднениях они уведомили Придворное ведомство, и им было дано обещание, что по окончании строительства при окончательном расчете дополнительные расходы постараются возместить по мере возможности. Однако деньги требовались именно во время работ, а назначенных императором к выдаче из Министерства императорского двора «по особому уважению и не в пример другим» на сверхсметные работы 75 000 руб. оказалось недостаточно. Посему подрядчики были вынуждены обращаться за кредитами уже к конечному заказчику, великому князю Михаилу Николаевичу. В середине августа ими было подано прошение о выдаче ссуды в размере 35 000 руб., которые предполагалось возратить после получения положенной выплаты от Придворного ведомства. Контора двора Его высочества направила в Строительную контору отношение, в котором уведомляла о готовности удовлетворить эту просьбу при условии согласия последней возратить деньги с доплатой в размере 5% годовых. В свою очередь Строительная контора сообщила, что в отсутствие ассигнований на сверхсметные работы точные сроки возврата этой суммы великому князю неизвестны, для решения этого вопроса чиновники связались с руководством министерства. Окончательно вопрос о ссуде от великого князя был снят 9 сентября 1861 г., когда Александр II дал Строительной контуре разрешение вы-

¹ Фактически на эти работы потребовалось 316 343 руб. 65 коп. (РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 9 об.-11; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. л. 13)

² РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 52, 55–56об.

дать требуемые 35 000 руб. из ее операционных сумм, а Придворной конторе Его высочества сообщено об отсутствии потребности в переводе этих средств великим князем¹. Несогласованность между назначением со стороны великого князя дополнительных работ и ассигнованием средств на эти расходы из Придворного ведомства привели к тому, что для выплаты мастерам и рабочим подрядчику требовалась значительная сумма в 40 000 руб. В начале октября 1861 г. почетный гражданин Смирнов вторично обратился за финансовой поддержкой в Придворную контору великого князя Михаила Николаевича. Эти средства были ему отпущены к 10 октября с условием их возмещения как вычета из будущей выплаты из Строительной конторы. При этом последнюю уведомили об этом лишь спустя два месяца. Вероятно, подобное ассигнование в конце календарного года оказалось невозможным для Придворного ведомства, и указанная сумма была перечислена в конце января следующего года².

При подготовке отчетной финансовой документации было установлено, что по заключенным соглашениям и взятым подпискам Н. Тарасов и И. Смирнов должны были произвести работ примерно на 1 160 000 руб., тогда как на самом деле подрядчикам следовало уплатить около 1 350 000 руб., то есть больше на 190 000 руб. Из этой суммы ранее было выделено 115 000 руб., что оставляло подрядчиков в убытке на 75 000 руб. Со своей стороны Строительная контора, памятуя о данном подрядчикам обещании возместить перерасход, предлагала выдать им эту сумму, указывая также на понесенный подрядчиками неявный убыток от разницы между

контрактными ценами 1857 г. и реальной стоимостью материалов и рабочей силы в 1858–1861 гг. Эти соображения были доложены главой придворного ведомства императору, который вновь «по особому уважению и не в пример другим» повелел возместить подрядчикам их убытки в полном объеме из сумм Департамента уделов³. Общая стоимость проекта по реконструкции Михайловской дачи с учетом дополнительных смет и внеплановых ассигнований составила 1 637 024 руб.⁴.

Подводя итог необходимо отметить, что приведенные в статье данные дают весомые основания для утверждения о том, что великий князь Михаил Николаевич как августейший заказчик играл важнейшую роль в деле создания ансамбля Михайловской дачи, своей загородной резиденции. На этапе проектирования он выступал вначале значимым участником, а затем и инициатором. Его высочество приложил ощутимые усилия к старту строительства, а при проведении работ активно интересовался его ходом, контролировал, а подчас и вмешивался в проведение работ. При этом стоит отметить, что он был готов финансово поддерживать возведение резиденции в случае крайней необходимости, когда возникали задержки в финансировании со стороны Строительной конторы Министерства императорского двора. Однако справедливым будет и утверждение, что именно выполнение сверхсметных и внеплановых работ, осуществлявшихся главным образом по указанию великого князя, являлось основной причиной для возникновения трудностей с ассигнованием денежных средств.

Статья поступила в редакцию 27.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. И. Гаральд Боссе: архитектурное и графическое наследие. СПб.: Палаццо, 2012. 224 с.
2. Андреева В. И. Гаральд Боссе. СПб.: Коло, 2009. 287 с.

¹ Там же. Л. 83–84 об., 86, 86 об.

² РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 23–23 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. л. 66–67; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. Л. 83–84 об., 86–87, 103–104 об.

³ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 21 об.–22 об., 23 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 67 об.–69.

⁴ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 17, 29 об., 30 об.–32 об.

3. Андреева В. И. Дворцово-парковый ансамбль Михайловской дачи: к вопросу об истории создания // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. 2000. Вып. 5. С. 126–142.
4. Андреева В. И., Герасимов В. В. Михайловская дача: дворцово-парковый ансамбль. СПб.: Паллаццо, 2013. 208 с.
5. Афанасьев П. А. Кадровый состав Барнаульского отделения Контроля Министерства императорского двора в 1882–1899 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 3 (107). С. 18–24.
6. Афанасьев П. А., Кухаренко А. Е. Финансовый аспект механизмов административно-хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. // Вестник алтайской науки. 2015. № 1 (23). С. 55–62.
7. Борисова Е. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. М.: Наука, 1994. С. 234–298.
8. Гордеев П. Н. Варшавское дворцовое управление в 1917 году // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории (сборник научных и учебно-методических трудов). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 207–224.
9. Гордеев П. Н. Придворная конюшенная часть и Собственный Его Императорского Величества гараж в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 6. С. 87–98.
10. Зимин И. В., Соколов А. Р., Лазерсон И. И. Императорская кухня, XIX – начало XX века. М.: Центрполиграф, 2014. 350 с.
11. Зимин И. В. Александровский дворец в Царском Селе: Люди и стены, 1796–1917. М.: Центрполиграф, 2015. 940 с.
12. Иванова Т. К., Иващенко О. Г. История Михайловской дачи на Петергофской дороге / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петергоф, 2003. 208 с.
13. Лосева А. С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 138 с.
14. Петрова Т. А. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2012. 575 с.
15. Резвин В. А. Архитекторы и власть. М.: Искусство-XXI век, 2013. 311 с.
16. Суздалева Т. Э. Проекты пригородной резиденции великого князя Михаила Николаевича в Михайловке в научно-исследовательском музее РАХ // Петербургские чтения 98–99. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 582–585.

REFERENCES

1. Andreeva V. *Garal'd Bosse: arkhitekturnoe i graficheskoe nasledie* [Harald Bosse: architectural and graphic heritage]. St.-Petersburg, Palatstvo Publ., 2012. 224 p.
2. Andreeva V. *Garal'd Bosse* [Harald Bosse]. St.-Petersburg, Kolo Publ., 2009. 287 p.
3. Andreeva V. [The Palace and Park ensemble of Mikhailovskaya dacha: to the question about the history of]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga: issledovaniya i materialy* [Monuments of history and culture of St. Petersburg: research and materials], 2000, no. 5, pp. 126–142.
4. Andreeva V., Gerasimov V. *Mikhailovskaya dacha: dvortsovo-parkovyi ansambl'* [Mikhailovskaya dacha Palace and Park ensemble]. St.-Petersburg, Palatstvo Publ., 2013. 208 p.
5. Afanas'ev P. [The personnel of the Barnaul branch of the Control of the Ministry of the Imperial court in 1882–1899]. In: *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University], 2019, no. 3 (107), pp. 18–24.
6. Afanas'ev P., Kukhareno A. [The financial aspect of the mechanisms of administrative policies of the Cabinet in the Altai district in the late XIX – early XX century.]. In: *Vestnik altaiskoi nauki* [Vestnik altaiskoi nauki], 2015, no. 1 (23), pp. 55–62.
7. Borisova E. [To the question about the relationship between the architect and the client in Russia in the second half of the XIX century]. In: *Khudozhestvennye problemy russkoi kul'tury vtoroi poloviny XIX veka* [Artistic problems of Russian culture of second half of XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 234–298.
8. Gordeev P. [Warsaw Palace management in 1917]. In: *Gertsenovskie chteniya 2018. Aktual'nye problemy russkoi istorii (sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov)* [Gertsenovskie reading 2018.

- Actual problems of Russian history (collection of scientific and educational-methodical works)], St.-Petersburg, RGPU im. A. Herzen Publ., 2019, pp. 207–224.
9. Gordeev P. [The court Konyushennaya part, and His Imperial Majesty]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 87–98.
 10. Zimin I., Sokolov A., Lazerson I. *Imperatorskaya kukhnya, XIX – nachalo XX veka* [Imperial kitchen, XIX – the beginning of the XX century]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2014. 350 p.
 11. Zimin I. *Aleksandrovskii dvorets v Tsarskom Sele: Lyudi i steny, 1796–1917* [The Alexander Palace in Tsarskoe Selo: People and walls, 1796–1917]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 940 p.
 12. Ivanova T., Ivashchenova O. *Istoriya Mikhailovskoi dachi na Petergofskoi doroge* [History Mikhailovskaya dacha on the Peterhof road]. St.-Petersburg, Peterhof Publ., 2003. 208 p.
 13. Loseva A. «Sebya kak v zerkale ya vizhu...»: tsarskie rezidentsii glazami zakazchikov [“In the mirror I see...”: the Royal residence through the eyes of customers]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 138 p.
 14. Petrova T. *Arkhitektor A. Shtakenschneider* [Architect A. Stackenschneider]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012. 575 p.
 15. Rezvin V. *Arkhitektory i vlast'* [Architects and Power]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek Publ., 2013. 311 p.
 16. Suzdaleva T. [Projects suburban residence of Grand Duke Mikhail Nikolayevich in mykhailivka in the research Museum of the Russian Academy of Arts]. In: *Peterburgskie chteniya 98–99* [St. Petersburg readings 98–99]. St.-Petersburg, Peterburgskii institut pechati Publ., 1999. pp. 582–585.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ МК-175.2019.6)

ACKNOWLEDGMENT

This research was supported by a grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – PhD in sciences (no. MK-175.2019.6)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук;
e-mail: aaeefimov5@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Yefimov – Cand. Sci. (History), Researcher, Scientific-Historical Archive and Group for Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: aaeefimov5@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефимов А. А. Роль великого князя Михаила Николаевича в создании резиденции «Михайловская дача» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 141–152.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-141-152

FOR CITATION

Yefimov A. The role of Grand Duke Mikhail Nikolaevich in the creation of the Mikhailovskaya Dach residence. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 141–152.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-141-152

УДК 94(470+479.25) “1920/1930”; 329.15(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-153-164

БОЛЬШЕВИКИ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС – ТАКТИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Зинуров Р. Н.

Представительство РАН на территории Республики Башкортостан

450054, просп. Октября, д. 71, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи являются обзор проблем политики первых лет советской власти относительно Республики Армения и «армянского вопроса», по сравнению с аналогичной политикой самодержавия, обзорный анализ обстоятельств и условий советско-турецко-армянских отношений, их последствий, освещение наиболее проблемных сторон арменоведческой науки в аспекте Карабахской и Нахичеванской проблем.

Процедура и методы исследования. Автором проанализирован обширный монографический материал о сути армянского вопроса, Карабахской проблеме, правовом статусе Нахичеванской автономии в составе Республики Азербайджан, даны оценки нормативным актам, дипломатической переписке стран относительно Армении в 1920-х гг., и историческим событиям в советско-турецких отношениях 1920–1930 гг.

Результаты проведенного исследования показали, что Советская Россия совершила ошибку, пойдя на сближение с Турцией, отодвинув давнего союзника России – Армению. Расчет на Турцию как на ближайшего союзника впоследствии не оправдал себя, а армянский вопрос был предан забвению. Карабахский конфликт продолжает оставаться очагом опасной напряженности на Кавказе. Автор приходит к мысли, что все сказанное находит отражение в политико-экономическом положении Армении и является наиболее проблемной стороной арменоведческой науки.

Теоретическая / практическая значимость в том, что статья восполняет и вносит определенную ясность в суть современных проблем Армении в отношениях с соседними государствами и Российской Федерацией.

Ключевые слова: Советская власть, Армения, большевики, Турция, Московский договор, Ата-турк, Чичерин, Сталин, Карахан

THE BOLSHEVIKS AND THE ARMENIAN QUESTION: TACTICAL AND STRATEGIC MISTAKES

R. Zinnurov

Representative Office RAS on the territory of the Republic Bashkortostan

71 prosp. Ocyabrya, Ufa 450054, Respublika Bashkortostan, Russian Federation

Abstract.

Aim. To consider the Soviet policy regarding the Republic of Armenia and the ‘Armenian question’ after the establishment of the Soviet regime compared to that in the preceding period of autocracy. The circumstances and conditions of Soviet–Turkish–Armenian relations and their consequences were assessed. Special attention is paid to the Karabakh and Nakhichevan problems.

Procedure and research methods. An extensive collection of monographs on the Armenian question, the Karabakh problem, the legal status of the Nakhichevan autonomous republic within the Republic of Azerbaijan was reviewed. Legal regulations and diplomatic correspondence of various countries regarding Armenia during the 1920s were assessed. The Soviet–Turkish relations in the 1920s and the 1930s were described.

Results. The study showed that Soviet Russia made a mistake in establishing close relations with Turkey, thereby losing diplomatic ties with its long-time ally Armenia. The alliance with Turkey did not prove successful, and the Armenian question was consigned to oblivion. Karabakh remains a volatile area in the Caucasus. The aforementioned events are manifested in the socio-economic situation in Armenia, which remains to be a focus of contemporary Armenian studies.

Theoretical / practical relevance. The article explains and clarifies the nature of modern problems of Armenia in relations with neighbouring states and the Russian Federation.

Keywords: Soviet power, Armenia, Bolsheviks, Turkey, Treaty of Moscow, Western Armenia, Atatürk, Chicherin, Stalin, Karahan

В современном арменоведении, казалось бы, все научные проблемы освещаются достаточно полно и объективно. Между тем факту обострения армянского вопроса в первые годы советской власти внимания почти не уделяется. Советские идеологемы прошлых лет на этот вопрос как бы наложили «табу» на многие десятилетия. Острые политические события Гражданской войны в Закавказье имеют своеобразный и даже драматический отпечаток армянского вопроса, который в конце второго десятилетия XX в. все еще оставался нерешенным и лишь все более усложнялся.

Начало этих событий лежало в последствиях и результатах русско-турецкой (1877–1878 гг.), а после и в событиях, связанных с Закавказским фронтом Первой мировой войны. Постоянно корректируя свою «армянскую политику», царское правительство впоследствии все же не сумело предотвратить кардинальную ошибку в этом вопросе. Так, в окружении русского царя, в ходе Первой мировой войны, территорию Западной Армении, завоёванную у Османской империи, стали рассматривать как естественное продолжение территории Российской империи в Закавказье.

Армянский вопрос в этом смысле для российского правительства не существовал, поэтому не могло быть и речи об автономии Западной Армении. Было создано Временное генерал-губернаторство во

главе с генерал-лейтенантом Пешковым. В названии нового генерал-губернаторства Западная Армения даже не упоминалась. Царское правительство не намеревалось создавать какую-либо армянскую автономию, а наоборот, задавалось целью превратить генерал-губернаторство после войны в обычную губернию России [10, с. 104–106].

Однако чуть позже, уже будучи свидетелем ужасающих событий 1915 г., Российская империя вывела войска из Западной Армении. Таким образом, Российским государством в данном случае была допущена стратегическая ошибка, которая впоследствии приобрела геополитическое значение – армянский вопрос был обострён и в дальнейшем приобрёл ещё более конфронтационные формы. Оставив по праву войны завоёванную территорию Западной Армении в своём составе, Российское государство в международном плане, оказалось бы в выигрышном положении, существенно укрепив свои военно-стратегическое положение в этом регионе.

Достаточно напомнить, что из 2 млн. 54 тыс. армян, проживающих на тот период в России, 250 тыс. пополнили ряды царской армии. Многие из них воевали в частях русской армии, уповая на некую самостоятельность Западной Армении в составе России, или же на присоединение к Восточной Армении.

Кроме того, к этому времени, на Кавказском фронте, фидаинами ветеранами Андраником Озаяном, Драстаматом Канояном и др., были сформированы армянские добровольческие дружины и регулярные стрелковые части [10, с. 101]. В составе этих отрядов воевали многие из знаменитых армянских фидаинов, ветеранов многолетней изнурительной партизанской войны против турецкого правительства – Андраник Озаян, Гайк Бжишкянц (под командованием которого в годы Гражданской войны в России воевал еще никому не известный будущий маршал Г. К. Жуков), Драстамат Коноян, Гарегин Нжде, будущий маршал советской армии Ованес Баграмян, будущий командующий военно-воздушными силами СССР в послевоенный период Арменак Ханферянц (Сергей Худяков), лидер партии Дашнакцутюн в Парламенте младотурецкого правительства Гарегин Пастермаджан (Армен Гаро), Амазасп Агаджаняни и многие другие.

Достаточно отметить, что все они впоследствии прошли через горнило Гражданской войны в России и судьбы почти у всех из них сложились трагично. Многие из воевавших здесь царских полководцев, как генерал от инфантерии Н. Юденич, герой русско-японской и Первой мировой войн, генерал от инфантерии Лавр Корнилов и другие, в годы Гражданской войны оказались по другую сторону.

Между тем правительства султана Абдул-Гамида, а позже и младотурков, как до и во время Первой мировой войны, так и в последующие годы Гражданской войны, пользуясь нерешительной политикой Российской империи в Закавказье, продолжало варварски уничтожать армян.

Такой же военно-стратегический просчет в Закавказье всего лишь через несколько лет допустило и большевистское правительство Советской России. «...У большевиков не было ясной программы нацистроительства на Кавказе. Они считали национальные проблемы

вторичными в отношении социальных, а решением национального вопроса – сотрудничество людей разных национальностей» [14, с. 118–119].

На глубокую ошибочность такой позиции обратил внимание «армянский Гарибальди» – генерал Андраник Озаян, выступая на Армянском общенациональном собрании в сентябре 1918 г.: «Перед нами остро стоит вопрос сохранения физического существования армянского народа. Вас, кажется, не волнуют эти вопросы, вы увлечены одними социалистическими идеями...» [Цит. по: 14, с. 119].

Большой анализ российско-армянских отношений в историческом и современном аспектах провел российский арменовед А. А. Корнилов [6]. Им проанализированы исторические вехи российско-армянских отношений в плане освещения политики Москвы в Армении в XIX–XX вв., просчеты, успехи и недостатки этой политики в историческом разрезе, кроме того, намечены перспективы этих отношений в дальнейшем развитии Российской Федерации и Республики Армения.

Современные российско-армянские отношения основаны на прочном фундаменте исторических связей Армении с Россией. Стратегическое партнёрство Армении и России сегодня является объективным и значимым следствием всего исторического прошлого российского и армянского народов. В этой связи наиболее острым и драматическим периодом российско-армянских отношений являются послереволюционные годы, включая начало 1920-х гг. [12].

В современной этносоциологии признано, что политическая партия большевиков сформировалась на основе теоретических положений австрийской школы национализма, которая в конце XIX в. считалась наиболее авторитетной [8, с. 109–111]. В. И. Ленин, вслед за ним И. В. Сталин, почти механически перенесли реалии Западной Европы на национальные окраины Российской империи,

ситуация в которой, в плане национальных отношений, в корне отличалась от западноевропейской.

Следует признать, что политику русификации царская Россия на своих окраинах действительно проводила. Однако в последние годы в этносоциологии была высказана позиция, согласно которой «в отличие от периферийных частей западноевропейских империй, в статусе российских окраин при их изучении выявляется отсутствие колониальных признаков» [8, с. 110].

Не уходя в эту спорную теоретическую область, лишь отметим, что большевистская доктрина национальной политики была основана на постулатах, не совсем приемлемых для описания российской действительности, таких, как «русификация», подавление национальных окраин, поголовная неграмотность которых объявлялась непреложной истиной и т. д. По мнению профессора В. А. Матвеева [8], так постепенно была создана историческая технология, основанная на искажениях, и именно она сыграла свою роль в большевистском переустройстве России.

Что касается национальной политики царской России, то у нас имеются основания говорить о том, что эта политика не была столь грубой и насильственной. Между тем именно такую политику стало проводить большевистское правительство Советской России, действуя буквально как «слон в посудной лавке». Достаточно отметить, что, следуя логике заветов В. И. Ленина, в первые годы Советской власти большевистское руководство было больше заинтересовано в «приближающейся» мифической мировой революции, нежели в национальных интересах народов окраин Советской России и бывшей империи.

Именно в силу последнего обстоятельства Советская Россия, вместо помощи армянскому народу, как давнему и верному союзнику на Южном Кавказе, на основе ряда секретных и открытых договоров установила дружеские отношения

с вековой угнетательницей Армении и извечным своим соперником – с кемалистской Турцией.

Как руководство Первой республики, так и армянский народ, находились в возмущении и недоумении: ведь всего два года назад турки устроили резню армян в Баку, Нахичевани, уж не говоря о страшных событиях 1915 г. Именно это обстоятельство, вкупе с другими драматическими событиями, в частности, с непризнанием Советами Первой Республики Армения, тогда вызвала резкий антисоветский настрой.

Однако политические круги Республики Армения стремились наладить дружеские отношения с Советской Россией вне зависимости от её политической системы [12, с. 25–26]. Более того, в разгаре Гражданской войны в России в апреле 1919 г., Парламент Первой Республики принял решение о невмешательстве в войну между большевиками и армией Деникина на юге России. Кроме того, согласно сведениям из документов Национального архива Республики Армения, Армения также отказалась от совещания в Яссах, где антибольшевистские силы должны были создать единый фронт борьбы против Советской России.

Однако советское правительство эти трудные шаги Первой Республики никак не оценило. Когда в 1918 г., после 600 лет отсутствия государственности была образована Армянская Республика, советское правительство не признало её. А усилия Первой Республики по установлению дипломатических отношений с Москвой оказались безуспешными.

Между тем продолжалось бурное сближение большевистского правительства России с Турцией. Принятие же в Первой Республике «Декларации об объединённой и независимой Армении», большевистские власти России восприняли враждебно, как «буржуазный акт, буржуазного правительства». Чтобы не создавалось впечатления, что в этой части своего исследования мы настроены

необъективно в отношении Советской России, её «армянской политики», заметим, что нами здесь излагаются лишь факты, опровергать которые сегодня вряд ли уместно и правильно.

Стремясь любыми путями удержаться и территориально расшириться, советское правительство в отношении Республики Армения совершало ошибку за ошибкой. Желая ещё больше сблизиться с националистическим правительством Мустафы Кемала Ататюрка, летом 1920 г. Советская Россия предоставила Турции значительную военную помощь, которую турецкое правительство, согласно данным из архивных документов русско-армянских отношений, поспешило использовать против греческого движения на западе, а на востоке против армян [1, с. 21], в ходе агрессии против Армении в сентябре 1920 г.

Очевидно, что совместными согласованными действиями кемалистского и большевистского правительств, Первая Республика оказалась в тяжелейшей ситуации. Под непрерывным, грубым давлением большевистской Москвы Правительство Республики Армении подало в отставку, поверив клятвенным заверениям о своей неприкосновенности. Но вопреки обещаниям, многие армянские лидеры были арестованы. В то же время, несмотря на установление советской власти в Армении, Турция на оккупированных армянских землях продолжала массовое истребление и грабежи армян. Но нот протеста от советского правительства не последовало [1, с. 22].

Неравное и совершенно несправедливое противостояние Советской России по отношению к Армянской Республике завершилось победой Советов и крушением Первой Республики Армения, руководство которой, как «дашнакское» и «буржуазное», с первых же дней советской властью в России воспринималось только как враждебное.

Такая же жёсткая оценка этим событиям дается и в современной армянской

историографии. В частности, «все точки над *i*» расставлены в новейшем и уникальном научном документальном издании, выпущенном Национальным архивом Третьей Республики Армения [1]. Издание действительно уникально и в арменоведческом аспекте является чрезвычайно важным источником.

Исторические архивные документы, помещенные в этот сборник, раскрывают глубоко ошибочную, нелицеприятную политику Советской России в отношении Первой Республики Армения и армянского вопроса в целом. Кроме того, на основе их анализа мы вправе прийти к выводу о том, что Советская Россия в последующем отдала Армению как бы «на заклятие», в интересах своего сближения с Турцией. Логика такой политики не совсем понятна, впрочем, эта политика Москвы позже была полностью дискредитирована. При этом в отношении СССР Турция впоследствии поступила почти так же, как и Москва в отношении Армении в начале 1920-х гг. Но не будем забегать вперед, обратимся к документам.

Авторы вышеназванного сборника, ссылаясь на мемуары турецких дипломатов, в частности Али Фуад Джебесой, участника советско-турецких переговоров 1921 г., приводят некоторые факты действий большевистского правительства России. Приведем один из них. Как видно из архивных документов, народный комиссар по иностранным делам Г. Чичерин в установлении границ между Арменией и Турцией твердо занимал армянскую позицию. Однако в своих мемуарах турецкий дипломат Али Фуад Джебесой с удовольствием отмечает, что с помощью народного комиссара по делам национальностей РСФСР И. Сталина им удалось обойти позицию Чичерина и его заместителя Льва Карахана в армянском вопросе и установлении границы между Арменией и Турцией.

В сборнике дипломатических документов также отмечается, что в своих мемуарах командующий Восточным фронтом

турецкой армии генерал Карабекир-паша пишет, что турецкой делегации в Москве через Мдивани «удалось выйти на Сталина, являвшегося близким другом Ленина». Впоследствии первый посол Турции в Советской России Али Фуад Джебесой писал про Ленина, что «фактически он тот человек, который сделал возможным заключение договора с русскими. Если бы вопрос решался Чичериним, который находился под сильным влиянием Каракхана, сторонника интересов армян, то он ничего не сделал бы» [1, с. 23].

В результате 16 марта 1921 г. в Москве между РСФСР и Турцией был заключен Договор о дружбе и братстве. «Советское правительство соглашалось не признавать никаких международных договоров, касающихся Турции и не ратифицированных и не признанных Великим Национальным Собранием Турции», – читаем мы в сборнике дипломатических документов.

Очевидно, что это положение Московского договора в первую очередь было направлено против Севрского договора, отмены которого добивалась Турция, поскольку выполнения пунктов Севрского договора страстно, но безуспешно добивалась Первая Республика Армения, апеллируя к западным государствам. Негативным фактом Московского договора было то обстоятельство, что границы Армении и Турции были разграничены без участия Армении, так как, по настоянию турецких дипломатов, переговоры проходили без участия Армении. Советским правительством, также без участия и ведома Армении, были переданы Турции исконные армянские территории: вся Западная и Южная Армения, Карская область, Сурмалинский уезд со святым для всех армян Араратом и даже небольшая часть Ереванского уезда [1, с. 23–24].

Кроме того, в Договор была включена специальная статья, согласно которой исконно армянские Нахичевань и Шарур-Даралагязский уезд отделялись от Армении и в качестве автономии передавались

Азербайджану, «при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству».

Нетрудно прийти к выводу о том, что под «третьим государством» очевидно, имелась в виду Армения. В пользу этой мысли свидетельствует следующее обстоятельство. Советское правительство для Турции в данном случае выступило как бы гарантом соблюдения интересов Турции, так как договором был предусмотрен и такой пункт: «Россия берет на себя обязательство предпринять шаги в отношении Закавказских республик, чтобы в договорах, заключаемых этими республиками с Турцией, обязательно признавались те статьи настоящего договора, которые непосредственно их касаются» [1, с. 24].

В своем стремлении еще более сблизиться с Турцией, Советское правительство, выполняя свои обязательства по Московскому договору, приняло активнейшее участие в срочной подготовке Карского договора между Турцией и тремя Закавказскими республиками. Договор был заключен 13 октября 1921 г. в Карсе и, по сути, дублировал статьи Московского мартовского договора. Попирая жизненные интересы армянского народа, Карский договор аннулировал Севрский договор, «навязанный Турции» и якобы ущемляющий её интересы. Таким образом, мы вправе констатировать, что Советское правительство, осознавая нелегитимность Московского договора, поскольку этим договором границы Армении и Турции были разграничены без участия Армении, поспешило придать этому факту международно-правовой аспект.

Этим обстоятельством были удивлены даже понаторевшие в международных интригах британские дипломаты. Так, в телеграмме британского посольства в Константинополе в Лондон от 22 ноября 1921 г. данный факт был прокомментирован следующим образом: «...Ничто не вызывает такого удивления, чем сговорчивая и даже услужливая позиция рус-

ских во всем этом деле. Турки, похоже, играли доминирующую роль и практически продиктовали условия договора. Они добились категорического исполнения своего права на Карс, и им удалось не сделать каких-либо уступок армянам, даже по второстепенным вопросам ...» [1, с. 26]. Таким образом, при прямом вмешательстве «отца народов» Армения навсегда потеряла свои исконные территории в сердце Армянского Нагорья.

Продолжая такую политику и выполняя нелицеприятную роль по защите Турции от «агрессоров», в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Советская Россия последовательно защищала Турцию. В частности, в ноте народного комиссара иностранных дел от 12 сентября 1922 г. греческому правительству отмечалось, что «...Советское правительство войну Турции против Греции рассматривает как войну турецкого народа за свое существование и независимость, против Севрского договора, отдавшего свободу турецкого народа в рабство европейским державам» [1, с. 27].

На этом «нелицеприятная» политика Советской России в отношении Армении не завершилась. На Лозаннской международной конференции 1922–1923 гг. советская делегация активно защищала Турцию за счет территориальных интересов Армении. В связи с этим вовсе не удивительно, что обсуждавшийся на Лозаннской конференции армянский вопрос, встретив активное противодействие турецкой и советской делегаций, был сведен на «нет».

По мнению А. Киракосяна¹, жертвами советско-турецкой «дружбы» тех лет в первую очередь стали интересы армян, многовековых союзников России во всех её войнах с извечным соперником и врагом на южных рубежах – Турцией.

Мы вправе констатировать, что это была глубоко ошибочная политика Советского правительства, которая впо-

следствии подтвердилось реальной действительностью. А пока советско-турецкое сотрудничество, все более укрепляясь, набирало обороты. В результате 17 декабря 1925 г. между СССР и Турцией в Париже был заключен Договор о дружбе и нейтралитете, а 8 сентября 1926 г. был подписан генеральный протокол об установлении в окончательной форме границ между СССР и Турцией. Армянский вопрос для СССР перестал существовать окончательно.

Между тем эта неестественная, исторически не обусловленная дружба вековых соперничающих, а то и враждебных, стран не могла длиться долго. Поясним, что речь здесь идет о том, что в конце 1930-х гг. политика Турции переметнулась в сторону Запада, предав своего «благодетеля и друга» – СССР. Напомним, что так же поступила Советская Россия в 1920 г. относительно Армянской Республики. Впору назвать это явление «эффектом бумеранга». Более того, почти в одночасье Турция стала врагом недавнему другу: «...согласно сведениям Генштаба Красной Армии, в августе 1941 года на границе с Арменией Турция сосредоточила около миллиона солдат с целью оккупации Закавказья, после взятия германскими войсками Москвы» [1, с. 41].

После Великой Отечественной войны Советское правительство было вынуждено вернуться к вопросу об армяно-турецкой границе, поскольку позиция СССР в ходе начавшейся «холодной войны» нуждалась в аргументах и козырях. При этом есть основания сомневаться, что это было продиктовано заботой о территориальных интересах и попыткой восстановления исторической справедливости относительно Армении. Вопрос о границе, вынесенный Советским Союзом на международный уровень, закончился ничем, поскольку, как было логично заявлено министром иностранных дел Великобритании, «... советско-турецкая граница является не результатом принуждения, а двусторонних переговоров» [1, с. 45].

¹ См. предисловие А. Киракосяна к сборнику документов [1].

Трудно судить, поняли ли в Советском правительстве глубокую ошибочность своей внешней политики в далекие 20-е гг., когда значительная часть территории Армении, без участия армянской стороны, на советско-турецких переговорах была отчуждена в пользу извечно-го соперника на южных рубежах России.

Тем не менее СНК СССР в ноябре 1945 г. издал Указ о репатриации армян. Таким образом, многочисленные и настойчивые обращения руководства Армении, наконец были приняты во внимание. Очевидно, что этот шаг был предпринят лишь в силу внешних обстоятельств, международного положения СССР в ходе уже развязанной «холодной войны». Но для многих репатриантов-армян это принесло лишь горе и страдания – многие после «чисток» за «связь с дашнаками», как «буржуазные националисты» были отправлены в ссылку.

В то же время политика СССР в отношении Турции после смерти И. В. Сталина, вопреки интересам армян, вновь изменилась, так как 30 мая 1953 г., Советское Правительство официально отказалось от территориальных притязаний к Турции и снова стало искать пути сближения с турецким правительством. Но Турция продолжала гордо игнорировать эти стремления вплоть до начала 1990-х гг. Так, в уже далеком теперь 1965 г., премьер-министр Турции Сулейман Демирель на вопрос о военных базах НАТО на территории своей страны заявил, что они были созданы для защиты от коммунистического нападения на Турцию, и что СССР в конце Второй мировой войны потребовал от Турции Карс, Ардаган и проливы [13, с. 231].

В упомянутом выше сборнике дипломатических документов об Армении и советско-турецких отношениях приведены документы, свидетельствующие, что на всем протяжении советского периода армянский вопрос для советского руководства был большой, неразрешимой и, скорее всего, раздражающей проблемой. Так,

известно огромное количество писем из армянских общин разных стран мира в адрес советского руководства с просьбой помощи по армянскому вопросу, о возвращении Западной Армении Армянской ССР. Эти секретные документы, хранившиеся в советских архивах за «семью печатями», впервые увидели свет лишь в наши дни [1, с. 55–227]. Мы не можем в рамках нашего исследования анализировать содержание этих обращений от представителей армянских общин США, почти всех стран Европы, стран Южной Америки, Австралии, Канады, Новой Зеландии и т. д. Отметим лишь, что самое большое, что смогло предпринять по ним советское руководство – засекретить их.

Таким образом, советское правительство, начиная с первых лет советской власти, вплоть до конца 1980-х гг. к армянскому вопросу относилось лишь постольку, поскольку к тому вынуждали международные обстоятельства. Относительно изложенного выше материала заметим, что мы рассмотрели только один, но, по нашему мнению, самый существенный вопрос в российско-армянских отношениях в советский период, как последствия пред и после революционных лет. Но по степени важности и проблемности для армянского народа, он, безусловно, имел приоритет над всеми остальными, менее значимыми вопросами.

Провалом политики большевиков на Кавказе также явился декрет «О Турецкой Армении» от 29 декабря 1917 г., в котором говорилось о праве западных армян на самоопределение вплоть до создания собственного государства. На деле самоопределение без гарантий и механизмов осуществления означало лишь реальную угрозу уничтожения армян на этих землях турецким государством, которое, как мы знаем, ни о каком самоопределении западных армян и слышать не хотело. Кроме того, это создавало смертельную угрозу даже для Восточной Армении [9, с. 54], что впрочем, годом позже и воплотилось в жизнь.

Следует напомнить, что правительство большевиков в 1917 г., стремясь любым путем удержать так неожиданно легко достающуюся им власть, даже не пытаясь скрыть факт спешки, один за другим подписывало Декреты о самоопределении проблемных для них территорий бывшей Российской империи. Так, уже на другой день после подписания Декрета «О Турецкой Армении», 30 декабря В. Лениным был подписан аналогичный Декрет относительно Великого Княжества Финляндского. Точно таким же образом, годом позже, Советская Россия вынуждена была признать независимость Польши, которая до этого с 1815 г. находилась в составе Российской империи под названием «Царство Польское», (с 1870 г. – «Губернии Царства Польского»).

В ноябре 1940 г. И. Сталин, через В. Молотова, предлагал Гитлеру и Риббентропу секретный протокол по Турции, включавший в себя и судьбу армянских территорий на востоке Турции. Кроме того, в июне 1945 г., Молотов на встрече с турецким послом требовал возврата армянских территорий Карса и Ардагана. Готовилась военная операция против Турции, но предстоящим событиям помешал атомный щит США¹.

Другим важнейшим вопросом в современной армянской историографии являются проблемы Брестского мира, Нагорного Карабаха и Нахичевани, повлекшие существующие и ныне непримиримые армяно-азербайджанские противоречия. После армянской резни в Баку, устроенной турками сразу же после его захвата 18 сентября 1918 г., Постановление ВЦИК от 13 ноября этого же года объявило Брестский мир недействительным. Но было уже поздно. Турция вовсе не собиралась уходить с исторических территорий Южной и Западной Армении, а объятой Гражданской войной Советской России до этого уже не было дела.

В записке Сталина Ленину мы читаем: «...Тов. Ленин, я вчера только узнал, что Чичерин послал туркам дурацкое (провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с огромным преобладанием турок), в пользу Армении. Это армянское империалистическое требование не может быть нашим требованием ...»².

Позже Советское правительство, как бы пребывая в угаре веры в мифическую мировую революцию, огромный урон и горе армянского народа выдавало за некое великое достояние: «Соглашаясь на границу с Турцией, зафиксированную в московском договоре, трудящиеся Советской Армении проявили подлинный пролетарский интернационализм, который ... требует идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» [14, с. 117]. В таком серьезном научном исследовании места эмоциям и личным чувствам автора, конечно же, не должно быть. Однако как по-другому можно относиться к приведенным выше пассажам большевистских лидеров России, ради вожденной власти пренебрегшими святым правом армянского народа на свои тысячелетние территории?

Карабахский конфликт в современной армянской историографии занимает особое место, хотя мы должны отметить, что большинство историков и арменоведов, считая эту проблему сугубо политической, старается не касаться этого важнейшего для мирового армянства вопроса [4, с. 48]. В исторической науке последних лет действиям властей Азербайджанской Республики была дана довольно жесткая оценка. Отмечалось, что в политический оборот здесь введены концепция «геноцида азербайджанцев» со стороны армян и теория о многовековой агрессии армян против азербайджанского народа [4, с. 49].

¹ Сваранц А. Армянский вопрос и ближневосточный кризис // Ноев ковчег (газета). 2016. № 2 (277). С. 9.

² Цит. по: [11, с. 365 (Записка Сталина от 12.02.1921 г.)].

Так, в Указе Президента Азербайджана от 26.03.1998 г. «О геноциде азербайджанцев» содержится попытка обоснования «утери азербайджанских территорий» после Гюлистанского (1813) и Туркменчайского (1828) мирных договоров. Российская империя и Советский Союз рассматриваются как институты «армянских шовинистов». Кроме того, в этом же документе серьезно утверждается о 200-летней агрессии армянских националистов против азербайджанского народа [3, с. 111; 4, с. 49].

В настоящее время в Нахичевани, де-юре и де-факто территории Азербайджана, политика, исподволь осуществляемая этим государством здесь на протяжении десятилетий, дала свои печальные результаты – армянского населения сегодня там нет [4, с. 49]. Современное историческое арменоведение эту проблему рассматривает однозначно – это исконная территория армян, ныне находящаяся в пределах недружественного соседнего государства.

Сказанное дополним весьма красноречивым фактом. В 1918 г. Иранское правительство письменно уведомило Баку о своем непризнании нового независимого государства под названием «Азербайджан». Более того, Правительство Ирана направило в Баку ноту протеста, в котором территорию нового Азербайджана объявляло своей неотъемлемой частью. Заметим, что эти сведения приводятся в работе современного азербайджанского автора [2, с. 268–269; 4, с. 49].

На наш взгляд, относительно юридической стороны нахождения Нахичевани в составе Азербайджана, имеется очень важный фактор, который, за исключени-

ем лишь некоторых арменоведов [7, с. 8], почему-то сегодня упускается из виду. Ко времени распада Советского государства, Азербайджану, до настоящего времени не упраздненным Карским договором, было запрещено распространение суверенитета на Нахичевань. Напомним, что согласно ст. 5 Карского Договора, Нахичевань Азербайджану был передан всего лишь под покровительство, что вовсе не давало Азербайджанскому государству после развала СССР легитимное право распространять на эту территорию свой суверенитет, поскольку покровительство в международно-правовом плане не означает полный суверенитет «покровителя» над этой территорией.

Статья 5 Карского договора от 13 октября 1921 г.: «Правительство Турции и Правительства Советской Армении и Азербайджана, согласны, что Нахичеванская область на границах указанных в Приложении III настоящего Договора, образует автономную территорию под покровительством Азербайджана»¹.

Однако будем объективны. Турецкое влияние на Азербайджан и Нахичевань сегодня достаточно плотное. В политике Анкары, по мнению некоторых ученых, в отношении Нахичевани серьезная роль уделяется вопросу интеграции данного региона с восточными вилайетами Турции в политическом, социально-экономическом и культурно-образовательном планах [5, с. 105]. Поэтому нам представляется, что принятие во внимание этого фактора будет лишь в дальнейшем осложнять проблему не в пользу интересов армянского сообщества [4, с. 50].

Статья поступила в редакцию 09.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Армения и советско-турецкие отношения в дипломатических документах 1945–1946 гг. Ереван: Тигран Мец, 2010. 330 с.
2. Балаев А. Г. Азербайджанские тюрки: процессы формирования нации и национальной идентичности на рубеже XIX–XX веков. Баку: Qanun, 2010. 326 с.

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Выпуск III: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 декабря 1921 г. и 1 июля 1922 г. М.: НКВД РСФСР, 1922. С. 50.

3. Гаджиев К. С. «Большая игра» на Кавказе вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 2012. 195 с.
4. Зинуров Р. Н. Ранние сведения об армянах в России и о некоторых проблемах арменоведения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2016. № 3. С. 44–51.
5. Иванов В. А., Овсепян Л. М. Турецкие интересы в Нахиджеване на современном этапе // Нахиджеван в XX– начале XXI веков: некоторые факты / Под ред. В. А. Захарова. М.: Русская панорама, 2011. С. 94–112.
6. Корнилов А. А. Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы. Н. Новгород-Ереван: ИСИ ННГУ, 2001. 68 с.
7. Манасян А. С. Карабахский конфликт: политико-правовые факты и аргументы. Ереван: Де факто, 2009. 35 с.
8. Матвеев В. А. Историческая наука и государственная политика на окраинах Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Caucasia: труды Института политических и социологических исследований Черноморско-Каспийского региона. 2013. Т. 2. С. 92–118.
9. Махмуриян Г. Брестский мир 1918 года в оценке современников и армянской историографии // Историко-филологический журнал. 2012. № 2. С. 46–62.
10. Оганесян Л. Г. Западная Армения в планах великих держав в годы Первой мировой войны // Историческое пространство: проблемы истории стран СНГ. М.: Наука, 2014. С. 91–114.
11. Оганесян Э. Л. Век борьбы. М.: Феникс, 1991. 410 с.
12. Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. 290 с.
13. СССР и Турция, 1917–1979 гг. / Отв. ред. М. А. Гасратян, П. П. Моисеев. М.: Наука, 1981. 320 с.
14. Шубин А. В. Армения между Россией и Турцией (1917–1920) // Историческое пространство: проблемы истории стран СНГ. М.: Наука, 2014. С. 115–138.

REFERENCES

1. *Armeniya i sovsenko-turetskie otnosheniya v diplomaticheskikh dokumentakh 1945–1946 gg.* [Armenia and Soviet-Turkish relations in diplomatic documents of 1945–1946]. Yerevan, Tigran Mets Publ., 2010. 350 p.
2. Balaev A. *Azerbaidzhanskii tyurki: protsessy formirovaniya natsii i natsional'noi identichnosti na rubezhe XIX–XX vekov* [The Azerbaijani Turks: the processes of nation and national identity at the turn of XIX–XX centuries]. Baku, Qanun Publ., 2010. 326 p.
3. Gadzhiev K. «Bol'shaya igra» na Kavkaze vchera, segodnya, zavtra [The great game in the Caucasus yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012. 195 p.
4. Zinurov R. [Early information about the Armenians in Russia and some problems of Armenology]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State Khetagurov University], 2016, no. 3, pp. 44–51.
5. Ivanov V., Ovsepyan L. [Turkish interests in Nakhichevan at the present stage]. In: Zakharov V., ed. *Nakhidzhevan v XX– nachale XXI vekov: nekotorye fakty* [Nakhchivan in the XX– early XXI centuries: some facts]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. pp. 94–112.
6. Kornilov A. *Rossiisko-armyanskie otnosheniya: istoricheskii opyt, strategicheskie vyzovy i perspektivy* [Russian-Armenian relations: the historical experience, strategic challenges and prospects]. N. Novgorod-Yerevan, ISI NNGU Publ., 2001. 68 p.
7. Manasyan A. *Karabakhskii konflikt: politiko-pravovye fakty i argumenty* [The Karabakh conflict: political and legal facts and arguments]. Yerevan, De fakto Publ., 2009. 35 p.
8. Matveev V. [Historical science and public policy at the outskirts of the Russian Empire (on the example of Northern Caucasus)]. In: *Caucasia: trudy Instituta politicheskikh i sotsiologicheskikh issledovaniy Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona* [Caucasia: papers of the Institute for political and social research black sea-Caspian region], 2013, vol. 2, pp. 92–118.
9. Makhmuryan G. [The Brest peace of 1918 in the assessment of contemporary Armenian historiography]. In: *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], 2012, no. 2, pp. 46–62.
10. Oganesyanyan L. [Western Armenia in the plans of the great powers during the First world war]. In: *Istoricheskoe prostranstvo: problemy istorii stran SNG* [Historical space: problems of history of the CIS countries]. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 91–114.

11. Oganesyanyan E. *Vek bor'by* [Century of struggle]. Moscow, Feniks Publ., 1991. 410 p.
12. Petrosyan G. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Relations of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan, EGU Publ., 2012. 290 p.
13. Gasratyan M., Moiseev P., eds. *SSSR i Turtsiya, 1917–1979 gg.* [The USSR and Turkey, 1917–1979]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 320 p.
14. Shubin A. [Armenia between Russia and Turkey (1917–1920)]. In: *Istoricheskoe prostranstvo: problemy istorii stran SNG* [Historical space: problems of history of the CIS countries]. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 115–138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинуров Рафаил Нариманович – доктор юридических наук, руководитель представительства Российской академии наук на территории Республики Башкортостан;
E-mail: rafailzinuroff@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rafail N. Zinurov – Dr. Sci. (Law), Head of the Representative Office of the Russian Academy of Sciences in the Republic of Bashkortostan;
E-mail: rafailzinuroff@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зинуров Р. Н. Большевики и армянский вопрос – тактические и стратегические ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 153–164.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-153-164

FOR CITATION

Zinnurov R. The Bolsheviks and the Armenian question: Tactical and strategic mistakes. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 153–164.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-153-164

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-165-173

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАХ СССР В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 1920–1930-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ГЛАЗОВА ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Королев М. А.

*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
427620, г. Глазов, ул. Первомайская, д.25, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Выявить проблемы становления промышленной базы города Глазова Вотской автономной области периода индустриализации.

Процедура и методы исследования. Автором на основе архивных и статистических материалов рассмотрен план строительства предприятий в городе Глазове: предприятия сельскохозяйственного машиностроения, а также льнотекстильной и ткацкой фабрики. Раскрыты причины выбора места строительства (наличие сырьевой и топливной базы, наличие рабочих кадров, близость транспортного пути – железной дороги). Определено, что предприятия должны были стать основой районной промышленности, обеспечивать продукцией как всю Вотскую автономию, так и близлежащие регионы страны.

По результатам проведённого исследования делается вывод, что строительство предприятий было сопряжено с множеством трудностей (как финансовых, так и организационных), не позволивших ввести их в эксплуатацию в установленные сроки.

Теоретическая/практическая значимость заключается в обобщении архивных материалов городского и регионального уровней, дополнении имеющейся историографии по отечественной истории периода индустриализации, а также выявлении исторического опыта по развитию региональной экономики.

Ключевые слова: Глазов, завод сельскохозяйственного машиностроения, льнопрядильная и ткацкая фабрика, льноволокно, топливо

DEVELOPMENT OF URBAN INDUSTRY IN USSR REGIONS DURING INDUSTRIALIZATION IN 1920-30 (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF GLAZOV, VOTSK AUTONOMOUS OBLAST)

M. Korolev

*Glazov Korolenko State Pedagogical Institute
25 ul. Pervomayskaya, Glazov 427620, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To identify problems concerned with the development of an industrial base in the city of Glazov, Votsk Autonomous Oblast, during industrialization and implementation of the first five-year plan in the 1920s.

Procedure and research methods. Based on archive materials and statistics, a plan for construction of enterprises and factories in Glazov was analysed. The plan included building an agricultural ma-

chinery enterprise, a cotton mill and a textile factory. The choice for a building site was determined by a number of factors: presence of raw materials and fuel, availability of labour force, proximity of a transport route (railway). The enterprises were to become the basis of a regional industry, supply products to both the entire Votsk Autonomous Oblast and the neighbouring regions.

Results. It is shown that the construction of the enterprises was fraught with many difficulties (both financial and organizational); thus, the enterprises were not put into operation on time.

Theoretical / practical relevance: The article reviewed a substantial amount of archive materials of the city and regional levels, contributing to historical knowledge on the Soviet period of industrialization and the development of regional economy.

Keywords: Glazov, agricultural engineering plant, flax spinning and weaving factory, flax fiber, fuel.

Промышленное развитие отдельно-го региона страны представляет собой решение большого спектра вопросов: изучение сырьевой базы, определение финансовых возможностей, составление чётких заданий по реконструкции и строительству предприятий. В Вотской автономной области (ВАО) первые пятилетки строились с учётом промышленного районирования. Регион был поделён на пять районов: Ижевский, Можгинский, Глазовский, Кильмезский, Южный. Из них два являлись центрами металлопромышленности. Но если Ижевский район, являвшийся центральным в Вотской автономии, сформировал самостоятельную металлургическую и машиностроительную базы (мото- и станкостроительный заводы, сталелитейный завод и др.), то Глазовский оказался несостоятельным в реализации программ индустриализации.

В региональной исторической литературе сегодня практически отсутствуют исследования, отражающие вопросы становления промышленной базы в отдельных городах и районах периода советской индустриализации. Из имеющихся на сегодняшний день исследований стоит выделить коллективную работу «История города Глазова. Вехи XX века» [6]. В ней представлено краткое описание промышленной базы города, сформированной в результате первых пятилеток. Упомянется льнозавод, лесопильная фабрика и ряд мелких кустарных предприятий пищевой промышленности. Различные аспекты промышленного строительства затронуты в работе «История Удмуртии:

XX век» [2]. Основное внимание в ней уделено г. Ижевску, описанию предприятий, появившихся в период индустриализации 1920–1930-х гг. Глазов как один из центров региональной промышленности там не упоминается. Стоит выделить сборник документов «Глазов: документы и материалы» [1], опубликованный в 1992 г. Периоду индустриализации посвящён только один документ, отражающий успехи в деятельности лесозавода в 1931 г. С одной стороны, отмечается выполнение годовой производственной программы предприятия, с другой – проблемы: текучесть рабочей силы, прогулы, простои, повышение себестоимости продукции [1, с. 114–115]. Также стоит отметить такие исследования советского периода, как «Моя республика» А. З. Богатырева [3], «Рабочий класс Удмуртии» А. И. Суханова [7]. В них город Глазов упоминается как один из новых центров размещения промышленности, но при этом ничего не говорится о предприятиях, планировавшихся к строительству. В результате необходимо признать, что имеющиеся исследования не позволяют в должной мере оценить мероприятия в сфере развития городской промышленности. Изучение же архивных материалов позволяет дополнить имеющиеся исследования, а также осветить итоги запланированных мероприятий.

В нашем исследовании, которое продолжает ряд публикаций, посвящённых отдельным отраслям промышленности ВАО, цель состоит в раскрытии особенностей развития городской промышлен-

ленности в период индустриализации, выявлении узловых точек, определявших перспективы освоения отдельных территорий как в промышленном, так и социально-экономическом направлениях. Вместе с тем полученный материал позволяет объяснить причины успехов и неудач составлявшихся планов. Учёт выявленного исторического опыта позволит более эффективно ставить задачи развития региональных экономик в современной России.

Глазовский промышленный район, в состав которого входил город Глазов, являлся северной частью Вотской автономии. К концу 1920-х гг. в промышленном плане район являлся не освоенным. При этом по богатству своих сырьевых и топливных ресурсов и экономическим предпосылкам занимал второе место по значимости и удельному весу своей промышленности в системе всего промышленного хозяйства области. Индустриализация этого промышленного отсталого района, – так называемая «северная проблема» – предусматривалась первым пятилетним планом Вотской автономии, но по ряду причин осталась неосуществлённой в подавляющей своей части.

Первым пятилетним планом (1928–1932 гг.) в г. Глазове намечалось строительство нескольких предприятий: завода сельскохозяйственного машиностроения, а также льнопрядильной и ткацкой фабрик. Приводившиеся обоснования, а именно близость Урала как поставщика чёрных металлов и наличие больших запасов древесины как источника энергии, позволяли ставить задачу налаживания новых производств. Ещё в 1926 г. вопрос о строительстве завода сельскохозяйственного машиностроения получил реальную поддержку. В результате обсуждения варианта наилучшей комбинации производства было принято решение о постройке предприятия для выпуска молотилок и веялок. К 1927 г. был составлен технический проект, который планировалось представить в ВСНХ до конца года.

Исходя из экономических и технических предпосылок, сельмашзавод предлагалось построить в г. Глазове, как пункте, расположенном на линии Пермской железной дороги, соединявшей проектировавшийся завод с Уралом – поставщиком металла, и с центральной, северо-западной и северо-восточной частями РСФСР – потребителями продукции. Обозначенные районы получали сельскохозяйственные машины главным образом с заводов Украины, причём эти машины конструировались для работы в иных условиях и в большинстве случаев оказывались мало пригодными для средней и северной полосы РСФСР. Хотя стало возникать и развиваться кустарное производство машин – в особенности веялок и молотилок, но по своему качеству, цене и объёму выработки оно не удовлетворяло потребителей.

Мощность завода определялась годовой выработкой в 10 000 молотилок и в 30 000 веялок¹. При заводе проектировалась постройка 4-рамного лесопильного завода, потребляющего в год свыше 194 000 м³ древесины. Используя отходы, сельмашзавод потреблял дополнительно только 20% пиломатериалов, вырабатываемых лесозаводом, благодаря чему значительная часть пилопродукции могла поступать на рынок. Такое комбинирование производства не только снижало стоимость пиломатериалов, использовавшихся для производства молотилок и веялок, но и приводило к исключению из статей расходов топлива, так как последним могли быть отходы лесопильного завода.

Стоимость завода, согласно предварительным расчётам, определялась в 2 млн. руб. Средства на строительство должны были поступить из государственного бюджета в форме ссуды. В неё входили все расходы на строительство не только самого завода, но и на соору-

¹ Центральный государственный Архив Удмуртской Республики (далее: ЦГА УР). Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 19(об).

жение необходимых подъездных путей, системы водоснабжения и размещения всех подсобных корпусов. Само предприятие полагалось построить в течение трёх лет, таким образом, чтобы, начиная с 1930/31 г., оно могло начать работу с полной нагрузкой. Заводская себестоимость продукции определялась для молотилки в 165 р. 50 коп. и для веялки – в 30 р. 77 коп. В обоих случаях цены были значительно ниже, чем по большинству аналогичных предприятий Союза. Рентабельность предприятия ориентировочно прогнозировалась в сумме около 500 000 руб. прибыли за год, благодаря чему возврат строительной ссуды осуществлялся за 6–7 лет¹.

Проект постройки предприятия в конечном итоге не был реализован. Изначально Глазовский сельмашзавод был рассчитан, главным образом, на снабжение единоличных хозяйств. Начавшаяся коллективизация изменила структуру спроса на сельскохозяйственное оборудование. В результате надобность в мелком сельскохозяйственном инвентаре, в соответствии с происшедшим в деревне сдвигом, отпала и выросла потребность в крупных и механизированных орудиях, – сложных машинах для обобществлённого сектора сельского хозяйства. Выпадение сельмашавада из плана первой

пятилетки произошло по причине, не зависящей от экономических предпосылок. Главная ошибка заключалась в том, что планирующие организации вовремя не успели перестроить промышленное задание и перевести завод на новое производство соответственно изменившимся требованиям народного хозяйства.

Вопрос строительства льнопрядильной и ткацкой фабрики также получил своё развитие. В комментариях к характеристике сырьевой базы и перспективах развития Облплан отмечал, что «Среди многих несообразностей дореволюционного развития промышленности на территории Вотской Автономной области фактом вопиющего нарушения экономических принципов развития промышленности по признаку нахождения в данном конкретном районе сырья и топлива, следует признать отсутствие в области предприятий для переработки льна...»². При этом имелись все предпосылки для строительства таких предприятий: большое количество полуфабриката льно-кудели, неиспользуемые запасы дровяного топлива и избыточная рабочая сила.

Полное отсутствие текстильной промышленности в области делало совершенно непонятным наличие посевов льна (табл. 1) и являлось наглядным доказательством «стихийности» разви-

Таблица 1

Площадь посевов льна в Вотской автономной области (по годам)³

Table 1

Area of flax crops in the Votka Autonomous Region (by years)

Год Year	Площадь посевов (га) Area	Соотношение с 1916 г. (%) Ratio to 1916 (%)
1916	23800	100
1922	10600	45
1925	30500	128
1926	37300	157

¹ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 19 (об).

² ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 20.

³ Там же. Л. 20-20(об).

тия отрасли промышленности. Не было активности со стороны частных предпринимателей, которые оказались не способны полностью оценить основные экономические факторы, способствовавшие развитию льнообработывающей промышленности в регионе.

Восстановление и расширение посевных площадей льна к 1926 г. привело к их увеличению на 57%, по сравнению с десятью годами ранее. В сравнении с соседней Вятской губернией (табл. 2), увеличение площади посева льна в Вотской области характеризовалось ускоренными темпами.

Сопоставляя цифры, относящиеся к двум смежным территориям, можно сделать вывод о значительно больших темпах роста посевов льна в Вотской области, по сравнению с льноводческой Вятской губернией. Отличительным признаком льноводческого хозяйства Вотской области также признавалось распространение посевов льна на сравнительно небольшой

территории, главным образом, в Глазовском уезде, благодаря чему сбор волокна и его концентрация в месте постройки фабрики не представляли никаких затруднений. Валовой сбор льноволокна (табл. 3), как и посевная площадь, существенно увеличился за период с 1916 по 1926 гг.

Следовательно, в течение десяти лет при увеличении площади посева на 57%, сбор волокна увеличивался на 137% и составил на 1 га 2,93 ц в 1926 г. по сравнению с 1,93 ц в 1916 г. Товарные излишки волокна колебались от 50 до 75% валового сбора. Учитывая дальнейший рост площади посева льна, в размере 3% от площади посева 1926 г., и принимая средний выход товарной продукции льно-кудели равным 70%, определялось, что к концу пятилетия (ко времени постройки проектировавшейся текстильной фабрики), на рынок будет поступать ежегодно не менее 8400 т льно-кудели [4, с. 445–460]. К этому добавлялось, что в

Таблица 2

Площадь посева льна в Вятской губернии (по годам)¹

Table 2

Area of flax crops in the Vyatka province (by years)

Год	Площадь посевов (га)	Соотношение с 1916 г. (%)
1916	119800	100
1926	113700	95

Таблица 3

Валовой сбор льноволокна в Вотской Автономной области (по годам)²

Table 3

Gross flax fiber output in the Votka Autonomous Oblast (by years)

Год	Количество (т)	Соотношение с 1916 г. (%)
1916	4600	100
1922	2600	57
1925	6300	137
1926	10900	237

¹ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 20(об).

² Там же. Л. 20(об).

случае постройки фабрики в г. Глазове, к ней будет тяготеть часть льноводческих районов Уральской области и Вятской губернии, благодаря чему сбор волокна со всей территории мог исчисляться для 1932 г. и последующих лет цифрами порядка 10–11 тыс. т в год¹.

Поступавшая на рынок продукция в процентном соотношении по трём категориям распределялась следующим образом: кудель – 68%, лён – 30% и лён-чесанец – 2%. Объектом переработки на проектируемой фабрике должны были стать по преимуществу кудель и лён низких номеров. Объяснялось это особенностью льна, относительной грубостью волокна и большим выходом низких номеров, чем в значительной степени определялась продукция проектируемой фабрики – мешочное полотно.

Руководство области к моменту составления пятилетнего плана не имело полных расчетов в отношении нового предприятия. В частности, для определения мощности льнопрядильной и ткацкой фабрики необходимо было определить два момента: а) ёмкость рынка и б) возможность получения необходимого волокна, пригодного для выработки мешочного полотна. Учитывая наличие крупного дефицита мешковины, с одной стороны, и представление проектов постройки новых фабрик Вятской и Смоленской губерниями – с другой, мощность фабрики ориентировочно определялась в 7,5 млн. мешков в год. При такой производительности предприятия и выработке стандартного типа мешка общая потребность в льно-кудели исчислялась в 3500 т. Отсюда устанавливалось, что предприятие могло перерабатывать только 30–32% товарной части льно-кудели, собираемой в Вотской области и частично в смежных районах. При потреблении низких номеров волокна производительность фабрики почти совпадала с выходом на рынок льно-кудели средним номером «десять»².

Основные ориентировочные технико-производственные данные проектируемой фабрики определялись следующими показателями: 1) прядильное отделение вырабатывало пряжу сухого прядения № 8 – 1800 т и пряжу мокрого прядения – 1420 т, всего же – 3220 т; 2) фабрика вырабатывала стандартный вид мешка из основы № 12 (вес мешка – 426 г). Также для пошива 7,5 млн. шт провиантного мешка фабрику необходимо было оборудовать ватерами сухого и мокрого прядения с общим количеством веретён порядка 8250–8500 шт, 270 ткацкими станками и 30 швейными машинами специального типа³.

Стоимость фабрики складывалась из следующих элементов: 1) здания производственного назначения объёмом 55000 м³, стоимостью 990000 руб.; 2) здания подсобного назначения (силовая станция, мастерские и пр.), объёмом 5000 м³, стоимостью 100000 руб.; 3) здания хозяйственного назначения (контора, склады) объёмом 20000 м³, стоимостью 240000 руб.; 4) транспортных сооружений внутри и вне фабрики стоимостью 100000 руб.; 5) водопровода, противопожарного оборудования, вентиляционных и отопительных устройств стоимостью 350000 руб. Общая сумма ассигнований на здания и сооружения составляла 1780000 руб.⁴

Помимо построек, средства закладывались и на оборудование: 1) оборудование прядильного отделения – 1150000 руб.; 2) оборудование ткацкого и швейного отделений – 240000 руб.; 3) оборудование силовой станции в 1000 кВт, ремонтных мастерских и прочего оборудования – 860000 руб. Итого на оборудование испрашивалось – 2250 тыс. руб. Полная стоимость фабрики с учётом зданий, сооружений и оборудования исчислялась в 4030 тыс. руб.⁵

³ Там же. Л. 21(об).

⁴ Там же. Л. 21(об)-22.

⁵ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 22.

¹ ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 20(об)-21.

² ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 21-21(об).

Нормальный штат рабочих и служащих фабрики определялся в 1700 чел., из которых 50% составили жители г. Глазова и селений, расположенных в радиусе до 4 км от места нахождения фабрики. Благодаря этому фабрика должна была обеспечить жильём только 850 чел., для которых, учитывая наличие до 25% рабочих-одиночек и считая средний состав семьи в 3 чел., при норме на 1 чел. – 30 м³ требовалось построить жилых зданий общей кубатурой: 1) для семейных рабочих и служащих – 57375 м³; 2) для одиночек – 6375 м³. Итого требовалось построить 63750 м³. При дешёвизне леса стоимость 1 м³ жилого здания принималась в 12 руб., в силу чего стоимость жилых домов равнялась 765000 руб. Благодаря близости уездного города исключалась необходимость в постройке школ, больниц и театра. Поэтому стоимость общественных зданий и расходы на благоустройство поселка могли быть приняты равными 30% от стоимости жилых домов и, как общий итог, стоимость всего рабочего посёлка не превышала 1 млн. руб. Полная стоимость фабрики вместе с посёлком на основании вышеизложенных исчислений определялась в 5,03 млн. руб.¹.

Для определения коммерческой себестоимости продукции стоимость 1 ц льно-кудели средним № 10, принималась в 5 руб. 52 коп., а стоимость дров, доставлявшихся сплавом по реке Чепце, в 2 руб. 30 коп. за 1 м³. Учитывая все расходы при работе фабрики, а также на основании схожих расчётов, произведённых в Вятской губернии, определялось, что стоимость полуфабриката и готовой продукции в 1931/32 г., то есть в первом году работы фабрики, должна была составить: 1) пряжа (1 кг) – 52 коп.; 2) мешочное полотно (1 м) – 32 коп.; 3) мешок (за 1 шт) – 46 коп. При условии совпадения всех означенных показателей стоимость реализации всей продукции равнялась 3975 тыс. руб. при коммерческой себесто-

имости в 3450 тыс. руб. Следовательно, чистая прибыль, получавшаяся от работы фабрики, определялась в 525000 руб. в год, что составляло 13,2% к продажной цене².

Значительный размер прибыли для погашения ссуды, испрашивавшейся на строительство, и ежегодный амортизационный капитал в размере 155000 руб. давали возможность ежегодно возвращать госбюджету (который должен был явиться почти единственным источником финансирования строительства) свыше 600000 руб. Исходя из данного расчёта, вся задолженность по текстильной фабрике погашалась в первые 6 лет её работы, то есть к 1939 г.

В отношении места для строительства фабрики приводились ряд аргументов. У самого г. Глазова, на берегу реки Чепцы имелось незатопаемое плато площадью около 100 десятин, часть которого использовалась для постройки завода сельскохозяйственного машиностроения. Вместе с тем имевшийся нивелировочный план местности убеждал в полной целесообразности постройки фабрики на выбранном плато, удалённом от магистрали Пермской железной дороги только на 0,75 км.

В период подготовки плана второй пятилетки, во время обсуждения сырьевой базы, обозначился перекося во вложении средств в хлопок и шерсть, что привело к отставанию льняной промышленности. Это стало одной из причин, в силу которой Глазовский льнокомбинат, включённый в план первой пятилетки, не был построен.

Строительство этого комбината, в составе чесальной, брезентовой и котонизационной фабрик было предусмотрено контрольными цифрами 1932 г. Однако по совокупности всех условий развёртывания промышленности северной части Удмуртской автономии (необходимость одновременной постройки Глазовской ТЭЦ и подготовки торфяных болот) оно

¹ Там же. Л. 22-22(об).

² ЦГА УР. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 174. Л. 22(об).

не было осуществлено. В конечном итоге строительство комбината было перенесено на первый год второй пятилетки. Вместе с тем во втором пятилетии, в соответствии с запасами сырьевой базы и исполнением директивы XVII конференции ВКП(б) об утроении норм душевого потребления основных потребительских товаров, производственные мощности фабрики были увеличены [5, с. 20–24].

К вопросу об открытии льнотекстильной и ткацкой фабрики, действительно, вернулись в середине 1930-х гг. Постановлением Наркомлегла от 11 июля 1934 г. было утверждено плановое задание для Глазовского льнотекстильного и ткацкого комбината¹. Начало строительства было намечено на 1935 г. О серьёзности принятого решения говорит тот факт, что, помимо самого производства, были запланированы и многие вспомогательные строения: склады под материалы, подъездные пути от складов к местам производства, два жилых каменных 3–5-этажных дома. В план было включено и строительство железнодорожной ветки от льнокомбината к магистрали Пермской железной дороги.

Производственная мощность самой фабрики, в сравнении с первоначальным планом 1927 г., выросла в 3 раза. Оборудования требовалось 20000 веретен и 750 ткацких станков. Выработка пряжи определялась ориентировочно в 7700 т, что позволяло выпускать до 21120 тыс.

м² готового полотна. Занятых рабочих требовалось 600 чел. Часть рабочих могла быть обеспечена за счёт незанятого трудоспособного населения г. Глазова, а остальная привлекалась из районов тяготения к фабрике, в которых имелся достаточно большой процент отходничества. До 80% рабочих должны были составлять женщины².

Но оба предприятия, запланированные первой пятилеткой, не были введены в строй. При этом необходимость предприятий была довольно очевидна, готовая продукция решала проблему дефицита сельскохозяйственного оборудования и мешков как внутри региона, так и за его пределами. Просчёты местных плановых органов, не сумевших вовремя среагировать на изменившуюся обстановку в стране в целом, а также перекосы в развитии текстильной отрасли в сторону хлопковых и шерстяных тканей, не позволили реализовать поставленные задачи.

Проблемы возникли и в финансировании строек. Большая часть ассигнований была направлена на освоение топливных ресурсов: строительство электростанции, добычу торфа. И всё же льнотекстильная фабрика в 1937 г. была построена и давала продукцию вплоть до 1970-х гг., когда, по причине снижения спроса, прекратила свою деятельность.

Статья поступила в редакцию 11.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазов: Документы и материалы, 1678–1989 гг. / Под ред. А. А. Тронина. Ижевск: Удмуртия, 1992. 260 с.
2. История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2015. 544 с.
3. Моя республика / Под ред. А. З. Богатырева, Д. И. Черашняя. Ижевск: Удмуртия, 1967. 187 с.
4. Общество и власть. Российская провинция: в 2-х т. Т. 1. Удмуртия в 1921 – середине 1930-х годов: сборник документов. Москва-Ижевск-Глазов: Аверс, 2015. 528 с.
5. Резолюции XVII съезда ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. М.: Паргиздат, 1934. 70 с.
6. Сафонова Т. В., Ившина М. В., Лукина Н. В. История города Глазова: Вехи XX века. Глазов: Глазовская типография, 2003. 516 с.
7. Суханов А. И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск: Удмуртия, 1979. 180 с.

¹ Архивное управление Администрации МО «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 77. Л. 234-234(об).

² Архивное управление Администрации МО «Город Глазов». Ф. 499. Оп. 1-Т. Д. 7. Л. 21-22.

REFERENCES

1. Tronin A., ed. *Glazov: dokumenty i materialy, 1678–1989 gg.* [Glazov: Documents and materials, 1678–1989]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1992. 260 p.
2. Kulikov K., ed. *Istoriya Udmurtii: XX vek* [The history of the Udmurt Republic: the twentieth century]. Izhevsk, UIIYAL UrO RAN Publ., 2015. 544 p.
3. Bogatyrev A., Cherashnyaya D., eds. *Moya respublika* [My Republic]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1967. 187 p.
4. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya: v 2-kh t. T. 1. Udmurtiya v 1921 – seredine 1930-kh godov: sbornik dokumentov* [The society and government. Russian province in 2 vols. Vol. 1. Udmurtiya in 1921– the mid 1930: a collection of documents]. Moscow-Izhevsk-Glazov, Avers Publ., 2015. 528 p.
5. *Rezolyutsii XVII s"ezda VKP(b), 26 yanv. – 10 fev. 1934 g.* [Resolution of the XVII Congress of the CPSU(b), Jan. 26 – Feb. 10 1934]. Moscow, Partizdat Publ., 1934. 70 p.
6. Safonova T., Ivshina M., Lukina N. *Istoriya goroda Glazova: Vekhi XX veka* [The history of the city Glazov: Milestones in twentieth-century]. Glazov, Glazovskaya tipografiya Publ., 2003. 516 p.
7. Sukhanov A. *Rabochii klass Udmurtii (1917–1970)* [The working class of the Udmurt Republic (1917–1970)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1979. 180 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королев Максим Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко;
e-mail: maximilian49@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim A. Korolev – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of History and Social Sciences, Glazov Korolenko State Pedagogical Institute;
e-mail: maximilian49@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Королев М. А. Развитие городской промышленности в регионах СССР в период индустриализации 1920–1930-х гг. (на примере города Глазова Вотской автономной области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 165–173.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-165-173

FOR CITATION

Korolev M. Development of urban industry in the regions of the USSR during Industrialization in 1920–1930. (on the example of the city of Glazov, Votsk Autonomous Oblast). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 165-173.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-165-173

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-174-182

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 2)

Ларионов А. Э., Дворковая М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Построить когнитивную модель исторической составляющей советской пропаганды военного времени в контекстной взаимосвязи с тенденциями социально-политического развития страны в годы Великой Отечественной войны.

Процедура и методы исследования. Комплексный анализ источников по истории советской пропаганды 1941–1945 гг. с опорой на наиболее репрезентативные методы интеллектуальной истории в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Результаты проведённого исследования. Активное использование исторических образов в массовой пропаганде спровоцировало глубокие изменения в идеологической системе, внутренней политике и способах репрезентации власти. Подтверждается высказанный авторами в других публикациях тезис о советском обществе как обществе традиционном, успешно использовавшем для своего сохранения и воспроизводства в будущем технические и управленческие инструменты модерна.

Теоретическая / практическая значимость исследования. Обобщённые в статье данные и полученные результаты могут стать базой для дальнейших исследований в сфере истории социальных коммуникаций советского времени, а также способствовать патриотическому воспитанию учащихся в школьном и вузовском сегментах российского образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовая пропаганда, идеология, массовые коммуникации, русская история, традиционное общество

IMAGES OF RUSSIAN HISTORY IN SOVIET PROPAGANDA DURING WORLD WAR II (PART 2)

A. Larionov, M. Dworcowa

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To develop a cognitive model of the historical component of Soviet propaganda during the World War II time, in connection with trends of the social and political development of the country during that period.

Procedure and research methods. Drawing on the most effective methods of intellectual history presented in the works of Russian and foreign authors, we conducted a comprehensive analysis of sources depicting the history of the Soviet propaganda in the period from 1941 to 1945.

Results. It is concluded that the active use of historical images in mass propaganda significantly altered the ideological system, internal politics, and forms of power implementation in the country.

The authors' thesis was confirmed, which claims that the Soviet society, as a traditional society, successfully used modern management and development tools for its preservation and reproduction.

Theoretical / practical relevance. The obtained results can serve as a basis for further research in the field of history of social communication in the Soviet era, as well as for promoting patriotism among Russian pupils and students.

Keywords: Great Patriotic War, mass propaganda, ideology, mass communication, Russian history, traditional society

Визуальным историческим образом, транслируемым в массовое сознание, придавалось особое значение – те или иные художественные проекты обсуждались на самом высоком уровне, получая одобрение либо запрет на постановку/съемку. В этом смысле эпоха и личность Ивана Грозного (1530–1584 гг.) пользовалась особым вниманием самого Сталина. При всей своей громадной занятости (совмещение 5 высших государственных и военных должностей в годы войны) [5, с. 150], по поводу съемки фильма «Иван Грозный» решение принималось Сталиным лично, о чём свидетельствует его записка Председателю Комитета по делам кинематографии И. Г. Большакову от 13 сентября 1943 г.: «Сценарий получился не плохой. Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и причина, как его целесообразный инструмент, вышли не плохо. Следовало бы поскорее пустить в дело сценарий» [2, с. 499–500].

Практически синхронно вопросу о съемках фильма Эйзенштейном шли дебаты вокруг пьес А. Н. Толстого, также посвящённых эпохе Иоанна IV, которые были подвергнуты жёсткой критике: автору вменялось в вину повторение штампов дореволюционной историографии с отрицательным образом первого русского царя. В «Записке» секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова Сталину о пьесе «Иван Грозный», пьесу (точнее, драматическую дилогию) рекомендовалось запретить к постановке в театрах страны [2, с. 478–479]. После столь разгромной административной рецензии Толстой неоднократно обращался с письмами на имя Сталина, где указывал на переработку

текста и просил разрешения на публикацию и постановку [2, с. 486–487; 500–501].

Можно предполагать, что ревностное отношение Сталина к репрезентации фигуры Ивана Грозного в драматургии и кинематографе объяснялось его личным историческим мировоззрением, в рамках которого он проводил аналогию между собой и царём: в обоих случаях приходилось решать задачи мобилизации и модернизации, вести тяжелейшие войны и бороться за единство государства против происков внутренних врагов. Однако факт остаётся фактом: в массовое сознание советского общества в результате транслировался строго выверенный образ Ивана Грозного, долженствовавший дополнительно консолидировать и мобилизовать весь социальный организм. Фактически на примере истории с популяризацией фигуры Ивана IV можно сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны культура, пропаганда и историческая политика государства не просто действовали в унисон и ради единой цели, но вообще стали единым целым.

О том, насколько большое значение придавалось историческому воспитанию масс, говорит тот факт, что ведущие советские историки проводили лекции в армейских частях для рядового и командного состава. В этих лекциях затрагивались вопросы героического прошлого народов СССР и прежде всего – русского народа. В частности, с такими лекциями выступал перед красноармейцами один из крупнейших отечественных историков XX в., академик Евгений Викторович Тарле¹. Таким образом, к делу военно-

¹ Этот эпизод из жизни Тарле показан в документально-публицистическом фильме «Наука вы-

исторической пропаганды привлекался цвет отечественной исторической науки. Дело пропаганды очевидным образом перерастало самое себя и, возможно, первоначальные замыслы руководителей. Духовно-культурный процесс, будучи однажды запущен, приобретал собственные закономерности и логику развития. Помимо ясно преследуемой цели – повышения патриотической мотивации и политической лояльности масс, пропаганда героических образов и событий русской истории в долгосрочной перспективе неизбежно меняла само общество, его исторические воззрения и понимание о месте народа в истории. Иными словами, не просто война как таковая стала главным генератором глубоких перемен в советском обществе, но вполне определённая культурно-историческая политика верховной власти, придавшая переменам направленность и содержание.

Усилия по поддержанию на должной высоте исторических представлений в тылу и на фронте, патриотического настроения, готовности к жертвам и подвигам проводились в жизнь систематически и по многим каналам. Значительными тиражами печатались и направлялись в войска научно-популярные брошюры о великих русских полководцах и флотоводцах, о чем свидетельствует докладная¹ того времени:

**«Начальнику Главного Политического
Управления Красной Армии**

Генерал-полковнику тов. Щербакову А. С.

Управлением Военного издательства НКО по указанию Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА подготовлены к печати брошюры Осипова «Суворов» и Нечкиной – «Михаил Кутузов». Обе брошюры предполагается

жить. Академик Тарле» (на 26–27 мин.), доступном в интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=xVy10PQ61aQ>.

¹ Записка Начальника Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА И. В. Шикина Начальнику ГлавПУРККА А. С. Щербакову об издании книг для Действующей Армии // ЦА МО РФ. Ф. 32. О. 11302. Д. 229. Л.128.

издать тиражом по 100 тыс. экземпляров, на что потребуется 10 тонн бумаги.

Издание брошюр и необходимая для этого бумага предусмотрены планом Воениздата НКО на 2 квартал 1944 г.

Прошу вашего согласия.

10 июня 1944 г.

Генерал-лейтенант Шикин»

На завершающем этапе войны, в 1944–1945 гг. была качественно налажена работа кинопередвижек, при помощи которых организовывались кинопросмотры под открытым небом для войск на отдыхе между боями и во время привалов на марше. Причём ГлавПУРККА включало во фронтальной репертуар на постоянной основе, кроме комедий либо мелодрам, советские исторические кинокартины: «Александр Невский», «Богдан Хмельницкий», «Минин и Пожарский», «Суворов».

Историческая политика стала самостоятельной и важной тенденцией военной пропаганды и всей идеологии СССР. Свидетельством её окончательной легитимации и превращения в неотъемлемую часть официального информационно-коммуникационного пространства следует считать закрепление военно-исторических образов в советской наградной системе военного времени. За 1942–1944 гг. советская наградная система пополнилась шестью орденами и двумя медалями (см. табл.), названия которых прямо отражали обращение к русской военной истории.

Весьма показательно, что награждения перечисленными орденами и медалями производились в соответствии с тем, насколько награждаемое героическое деяние вписывалось в аналоговые рамки исторического образа выдающихся полководцев и флотоводцев. В качестве примера процитируем фрагмент Статута ордена Александра Невского: «Орденом Александра Невского награждаются командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечиваю-

Таблица

Награды, учрежденные в военное время

Table

Wartime Awards

№№	Наименование награды Award	Дата учреждения Date of establishment	Число награждений за 1941–1945 гг. Number of issued awards during 1941–45
1.	Орден Суворова 1, 2, 3 степени	29.07.1942 г.	1-й степени – 391 2-й степени – 2800 3-й степени – б. 4000
2.	Орден Кутузова 1, 2, 3 степени	1 и 2 степень – 29.07.1942 г., 3 степень – 8 февраля 1943 г.	1-й степени – б. 660 2-й степени – б. 3300 3-й степени – б. 3300
3.	Орден Александра Невского	29.07.1942 г.	более 40000
4.	Орден Богдана Хмельницкого 1, 2, 3 степени	10.10.1943 г.	1-й степени – 323 2-й степени – около 2400 3-й степени – б. 5700
5.	Орден Ушакова 1 и 2 степени	03.03.1944 г.	1-й степени – 47 2-й степени – около 200
6.	Орден Нахимова 1 и 2 степени	03.03.1944 г.	1-й степени – 80 2-й степени – б. 460
7.	Медаль Ушакова	03.03.1944 г.	15000
8.	Медаль Нахимова	03.03.1944 г.	около 13000

Ист.: [4]

щие успешные действия своих частей... За проявление, в соответствии с боевым заданием, инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск»¹. Данное описание вполне подходит к знаменитой Невской битве 15 июля 1240 г., когда дружина Александра Невского и спешно собранное новгородское ополчение внезапной атакой разгромили шведское войско в устье Невы. Аналоги можно без особого труда подобрать к любой награде из военно-исторического ряда. Потомки фактически призывались к повторению подвигов предков. Прошлое становилось частью повседневности.

¹ Цит. по электронной публикации «Орден Александра Невского» на сайте конгрессно-выставочного центра Сокольники: <http://victory.sokolniki.com/rus/History/Decorations/10202.aspx>

В совокупности советских орденов и медалей в честь выдающихся военных деятелей русской истории советское общество в тылу, солдаты и офицеры Действующей армии получали важнейшее скрытое сообщение: желаемой и поощряемой нормой социального поведения является следование историческим примерам из далёкого прошлого. Которое, благодаря систематической актуализации, становилось фактором, программирующим настоящее и спасавшим будущее.

Если объединить все каналы, по которым в сознание общества транслировались образы русской истории, то в итоге можно получить гипертекст из следующих структурных компонентов: концептуальные выступления (генеральные сообщения, задающие ценностные ориентиры коммуникации) руководителя государства и армии; исторические об-

разы статической визуальной пропаганды (наполнение информационно-коммуникационного пространства постоянно присутствующими напоминаниями – вторичными сигналами); создание и демонстрация художественных фильмов на исторические и фольклорные темы с доминированием героического компонента (динамические сигналы, служащие эталонами социального поведения); издание художественной и научно-популярной литературы на героико-исторические темы (сложные сообщения, погружающие ментальность в прошлое посредством знаковой системы); поэтические произведения с использованием исторических архетипических образов (эмоционально окрашенные сигналы, формирующие тип реакции на внешнюю угрозу); просветительские лекции видных учёных на военно-исторические темы (фундирование рационального выбора посредством апелляции вербально-рациональных сигналов).

Таким образом, индивидуальное и коллективное сознание на протяжении Великой Отечественной войны оказывалось чрезвычайно насыщено специально отобранной, интерпретированной и структурированной исторической информацией с высокой степенью релевантности запросам, ожиданиям и традициям большинства общества. Примечательно, что среди транслируемых образов почти не было обращений к событиям и героям Гражданской войны (за исключением отдельных эпизодов в начале войны, летом-осенью 1941 г.). Абсолютное большинство материала относилось к истории дореволюционной России, которая, таким образом, получала реабилитацию в идеологии и массовом сознании, включая сознание политической элиты, которая неизбежно подпадала под воздействие собственной пропаганды.

Показательно и закономерно в этом отношении, что в своём обращении к народу по случаю победы над Японией и окончания 2-й Мировой войны Верхов-

ный Главнокомандующий И. В. Сталин обратился к воспоминаниям о Русско-японской войне, поражение в которой «оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания»¹. Разгром Квантунской армии и успешные десантные операции на Курилах и Южном Сахалине были представлены как реванш за поражение 40-летней давности. Чтобы оценить значимость такого рода заявления, уместно вспомнить отзывы Ленина, синхронные русско-японской войне: «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»².

То, что рассматривалось как положительное с позиций революционной борьбы событие, в новых условиях превратилось в элемент национального позора, требующего непрямого реванша. Революция же выводилась из актуального информационного ряда либо, в лучшем случае, представлялась как основа и подготовка к национальному триумфу невиданного ранее масштаба. Иными словами, создавалась историософия революции, имеющая мало общего с классовой борьбой и коммунистическим интернационалом. Сталин же действительно всё больше предстал как инкарнация великих русских царей-созидателей государства.

Таким образом, формирование историко-героического дискурса в русле массовой пропаганды периода Великой Отечественной войны имело весьма глубокие воздействия и последствия в сфере массовых официальных коммуникаций. И едва ли эти последствия изначально закладывались в качестве планируемых результатов в спешно приспособляемой к нуждам тотальной войны за жизнь и будущее Русской цивилизации массовой пропаганды. Тот информационный

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / 5-е изд. М.: Воениздат, 1948. С. 205.

² Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Ленин В. И. ПСС. Т. 9: Июль 1904 – Март 1905. М.: Политиздат, 1967. С. 157.

ресурс, который замыслился как мотиватор повседневной социальной деятельности, в ходе войны превратился в коммулятивную силу, которая стремительно меняла идеологический дискурс в актуальном и стратегическом планах, трансформируя принципы и практики самопрезентации носителей государственной власти, общую стратегию и смысл существования общества и государства в целом. Следовательно, нуждается в корректировке распространённый взгляд на узкую функцию пропаганды как «передачу информации с целью эмоционального заражения зрителя» [6, с. 6]. Пропаганда может выполнять роль важного фактора развития общества и стратегии государственной политики в самом широком смысле этого слова.

Разумеется, нельзя обойти молчаливым вопросом о степени практической ответственности военно-исторического пропагандистского гипертекста на массовое сознание советских людей в тылу, на фронте и в оккупации. Учитывая формат научной публикации, ограничимся общим соображением. Повседневное информационно-коммуникационное пространство советского общества в тылу и на фронте было насыщено абсолютной информацией посредством направленной систематической трансляции исторических образов. Введение в пропагандистский контекст особой исторической составляющей неизбежно способствовало традиционализации советского общества. «Традиционные общества помещают обычно свои базовые ценности в прошлое, не позволяя тем самым настоящему непосредственно воздействовать на них. Поэтому определённые эпизоды прошлого сакрализуются и превращаются в плотную зону мифического времени, которая сохраняется в виде непреходящей основы, стабильного отправного пункта для настоящего» [1, с. 216].

Необходимо учитывать, что призывники военного времени подвергались отмеченному информационно-пропа-

гандистскому воздействию по множественным каналам трансляции (благодаря ставшей реальностью всеобщей грамотности, радиосети, кинематографу, массовым тиражам пропагандистских плакатов). Новобранцы приносили в действующую армию уже сформированные мировоззренческие установки, критерии добра и зла, мотивации деятельности – опиравшиеся на историко-патриотический фундамент.

Завершая настоящую статью, подведём итоги нашего небольшого исследования.

1. В отечественной и зарубежной исторической науке проблема изменения содержания пропагандистского дискурса в СССР в период Великой Отечественной войны вызывает устойчивый интерес.

2. Исторический компонент советской пропаганды военного времени – как отдельный феномен процессов массовой социальной коммуникации в экстремальных условиях, нуждается в углубленном изучении и анализе.

3. Начавшаяся Великая Отечественная война привела к резкому усилению исторического вектора в пропаганде и культуре, наметившегося со 2-й половины 1930-х гг.

4. Актуализация историко-героических образов оформилась с осени 1941 г. и нашла своё официальное закрепление в выступлениях И. В. Сталина.

5. В течение последующих военных лет знаковые события и персонализированные образы русской истории непрерывно транслируются в массовое сознание по многим каналам официальной коммуникации. Фактически это была не только пропаганда, но и разговор власти с обществом посредством исторического нарратива.

6. Изменения в содержании и методике массовой пропаганды, привнесение в неё в качестве постоянного компонента русской историко-патриотической тематики повлекли за собой глубокие перемены во всей идеологической системе

СССР и способах самопрезентации власти в социокультурной среде.

7. Образ Сталина из вождя партийного во всё большей степени эволюционирует в вождя национального, чья легитимность зиждется не только на верности марксистско-ленинской ортодоксии, но и, в не меньшей степени, в верности многовековой русской культурной и политической традиции, как продолжателя государственных трудов и побед русских князей и царей, полководцев и реформаторов.

8. На формирование образно-событийного ряда русской истории, подлежащего актуализации и трансляции в массовое сознание, оказывали существенное влияние личные пристрастия и вкусы И. В. Сталина. Иными словами, субъективный фактор превращался, благодаря управленческому и информационному ресурсу, в кумулятивную силу, меняющую облик общества и государства, влияющую на их историческую судьбу.

9. Итогом последовательных усилий становится образование русского историко-патриотического гипертекста, состоявшего из множества компонентов – от плакатов до наградной системы. Причём в создании и поддержании этого гипертекста принимали участие виднейшие деятели различных отраслей культуры. Тем самым менялось содержание культурной политики и культурного творчества в СССР, что не могло не иметь долгосрочных последствий.

10. Обращение к национально-исторической традиции как фундаменту настоящего и условию существования страны в будущем позволяет говорить нам о советском социуме военного времени как традиционном обществе, но успешно использующем технические и управленческие ресурсы модерна для своего выживания и воспроизводства в будущем. Чем подтверждаются выводы, ранее сделанные нами в других публикациях на темы истории Великой Отечественной войны [3].

В рамках ретроспективного взгляда из нашего времени на события 1941–1945 гг. нельзя уйти от проблемы оценок тогдашних идеолого-пропагандистских перемен. Победоносный финал Великой Отечественной войны, начавшейся столь катастрофически, позволяет говорить о правильности и эффективности смены политического курса. Очевидно, что идеолого-пропагандистская машина Советского Союза смогла отыскать необходимые слова и образы, которые должным образом мотивировали советских солдат (большинство из которых составляли русские люди либо те, для кого русский язык и культура были родными), дойдя не только до умов, но и до сердец. Именно ключевые образы русской истории оказались наиболее значимым изменением и дополнением в содержании пропаганды и всей культурной политики СССР. Ведь, если посмотреть на историю советской военной пропаганды от Гражданской войны и до Великой Отечественной войны включительно, то окажется, что основные принципы и образы, демонизация врагов (кем бы они ни были), апология марксизма-ленинизма – были привычны и преемственны. Тогда как исторический материал столь массово и систематически был использован впервые. Иными словами, его можно считать ключевым компонентом пропаганды, который, несмотря на сравнительно небольшой удельный вес, являлся смыслообразующим и придавал устойчивость всей системе.

Тот факт, что именно традиционализация пропаганды, идеологии и культуры в совокупности с социальным проектом, ориентированным на построение общества справедливости и государственного патернализма, привели страну к Победе, позволяют говорить о непреходящей ценности Традиции Русской цивилизации, которую можно и должно использовать в любых исторических обстоятельствах.

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времён. Взлёт и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. Дворковая М. В., Ларионов А. Э. Социальные коммуникации и массовые настроения военного времени (по архивным материалам Новгородской области) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политология. 2018. № 4. С. 182–194.
4. Кузнецов А. А. Знаки славы Отечества. М.: Московский рабочий, 1987. 350 с.
5. Ларионов А. Э. Роль Государственного комитета обороны в организации повседневной жизни Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 149–160.
6. Миняйло М. Г. Взгляд на войну из «Окон ТАСС» // Великая Отечественная война. Исследования. Документы. М.: ГИМ, 2015. С. 6–21.

REFERENCES

1. Assmann A. *Raspalas' svyaz' vremen. Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima moderna* [Broke connection times. The rise and fall of the temporal mode of modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 272 p.
2. Artizov A., Naumov O., eds. *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya: Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU–NKVD o kul'turnoy politike, 1917–1953* [The power and artistic intelligentsia: Dokumenty Central Committee RKP(b) – VKP(b), Cheka – OGPU–NKVD on cultural policy, 1917–1953]. Moscow, MFD Publ., 1999. 872 p.
3. Dvorkovaya M., Larionov A. [Social communication and mass attitudes in time of war (according to the archival materials of the Novgorod area)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politologiya* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2018, no. 4, pp. 182–194.
4. Kuznetsov A. *Znaki slavy Otechestva* [Signs of glory of the Fatherland]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1987. 350 p.
5. Larionov A. [The role of the State defense Committee in the organization of everyday life of red Army during the great Patriotic war]. In: *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2013, no. 2 (40), pp. 149–160.
6. Minyailo M. [Look at the war from the "Windows TASS"]. In: *Velikaya Otechestvennaya voyna. Issledovaniya. Dokumenty* [The great Patriotic war. Research. Documents]. Moscow, GIM Publ., 2015, pp. 6–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of the Russian History of the Middle Ages and New Time, Moscow Regional State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dworkowa – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of the Russian History of the Middle Ages and New Time, Moscow Regional State University;
e-mail: marinadvorkovaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 2) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 174–182.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-174-182

FOR CITATION

Larionov A., Dworkowa M. Images of Russian history in Soviet propaganda during World War II (Part 2). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 174–182.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-174-182

УДК 908(470-25)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-183-186

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ»: СТРАНИЦЫ МНОГОВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Горлов В. Н.¹, Бокарев В. В.²

¹ *Московский государственный лингвистический университет*

119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр.1. Российская Федерация

² *Национальный исследовательский технологический университет МИСиС*

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить факторы, определяющие особое место «Лосинового острова» в отечественной истории, способствующие пониманию важности существования первого национального парка России, расположенного на территории Москвы и Московской области.

Процедура и методы исследования. Проблемно-исторический анализ многовековой истории природного парка, его исключительно важного значения в истории христианства на Руси.

Результаты проведённого исследования. Авторы доказали, что национальный природный парк «Лосиный остров» является важным звеном в градостроительной концепции развития Москвы и Подмосковья, обеспечивая улучшение городской среды и органически связывая городской и пригородный ландшафт.

Теоретическая / практическая значимость. Обобщены исследования о необходимости существования «Лосинового острова», который является объектом, на примере которого можно выявить самые разнообразные стороны взаимоотношений человека, города, природы, и тем самым ещё больше повысить его эстетическую и научно-познавательную ценность, способствуя патриотическому воспитанию граждан.

Ключевые слова: национальный парк «Лосиный остров», история Москвы, Троицкая дорога, заповедный лес

THE NATIONAL PARK LOSINY OSTROV: A CENTURIES-LONG HISTORY

V. Gorlov¹, V. Bokarev²

¹ *Moscow State Linguistic University*

119034, Ostozhenka str., 38, building 1, Moscow, Russian Federation

² *National Research Technological University MISiS*

4 Leninskiy prosp., Moscow 119049, Russian Federation

Аннотация.

Aim. To identify factors determining a special place of the national park Losiny Ostrov in Russian history. These factors enhance the understanding of the significance of the first Russian national park located on the territory of Moscow and the Moscow Oblast.

Procedure and research methods. The centuries-long history of the park was examined using the method of historical analysis focused on defining the role of the park in the history of Russian Christianity.

Results. It was established that the national park Losiny Ostrov is a significant link in the urban development and city-planning of Moscow and the Moscow Oblast through improving the environment and uniting the city and suburban landscapes.

Theoretical / practical relevance. Numerous studies on the significance of the national park Losiny Ostrov were reviewed. It is shown that Losiny Ostrov is a sociocultural object, which allows various aspects of relations between man, urban environment and nature to be investigated. This enhances the aesthetic and cognitive value of Losiny Ostrov, thereby contributing to patriotic education.

Keywords: national park Losiny Ostrov, Moscow history, Troitskaya road, forest reserve

В создании первого национального парка на территории России, помимо природы уникального лесного массива, большую роль сыграло особое место «Лосино-острова» в отечественной истории. Рассматривая историю «Лосино-острова», нельзя не затронуть историю христианства в стране. Ещё до основания Москвы в IX–X вв. в лесах нынешнего «Лосино-острова» располагались племена вятичей. До сих пор сохранились не раскопанные курганы вятичей, дающие возможность археологам получить необходимые исторические находки. После принятия христианства в Киеве и среди вятичей вскоре стало распространяться христианство. Отнюдь не случайно в глухих недоступных для врагов восточных славян лесах возник крупнейший монастырь Подмосковья.

Парк «Лосиный остров» непосредственно связан с Троицкой дорогой, или как мы сегодня её называем – Ярославской. Это был знаменитый на Руси путь, с которым нас связывают знаменитые факты российской истории. Издавна Троицкая дорога была самой многолюдной среди богомольцев, которые отправлялись сначала в Троице-Сергиеву лавру, а затем всё дальше на север, в монастыри Ростова Великого, Кирилло-Белозерский монастырь и далее, на знаменитые Соловецкие острова. По территории нынешнего «Лосино-острова» ходили русские святители, русские великие князья и цари, а также именитые иностранцы. И что надо отметить, – все богомольцы, невзирая на различные чины и звания, обычно шли по Троицкой дороге пешком в подражание св. Сергию, который никогда не использовал конный путь, несмотря на глинистую, трудную для ходьбы дорогу. На этой дороге можно было встретить бого-

мольцев со всей Руси Великой. Особенно их много встречалось ранней весной, когда сельскохозяйственные работы ещё не начались, и в то же время продовольственные запасы заканчивались¹.

За несколько веков эта поистине историческая дорога чего только не повидала. В первую очередь, надо вспомнить знаменитый Троицкий поход Великого князя Дмитрия Ивановича (он же Дмитрий Донской) к преподобному Сергию для благословения перед Куликовской битвой. Здесь важно подчеркнуть, что поход Мамаю на Русь был уже наступлением ислама на христианство. Поэтому Дмитрию Ивановичу была важна поддержка Сергия Радонежского, в те годы самого высшего авторитета для каждого русского православного. И, конечно, надо отметить, что история национального парка «Лосиный остров» непосредственно связана и с временами Ивана Грозного. Его территория относилась к царским охотничьим угодьям, затем она стала «Государевой заповедной рощей» и, наконец, в XVII в. «Лосиный остров» был причислен к заповедным лесам².

Нынешний московский проспект Мира и его продолжение – Ярославское шоссе и являются знаменитой Троицкой дорогой, которая когда-то целиком проходила по государевым землям «Лосино-острова». Исторические реликвии во всей своей первоначальной красе совершенно неотделимы от «Лосино-острова». Троицкая дорога приводила к селу Алексеевскому, где был построен царский путевой дворец. Царь Алексей Ми-

¹ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 66. Оп. 18. Д. 352. Л. 19-21.

² Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф.184. Оп. 17. Д. 4. Л. 71.

хайлович, отец Петра Первого, соорудил в селе Алексеевском храм Тихвинской Божьей матери и преподобного Сергия.

При Александре I в 1824 г. на месте этого храма построили величественную пятиглавую церковь, которая славилась своими иконостасами и была видна отовсюду. Отметим, что церковь Тихвинской Божьей матери является единственным дошедшим до сегодняшнего дня строением дворцового ансамбля.

Троицкая дорога из Ростокина вела прямо в Тайнинку, где среди её тайн – Малюта Скуратов, опричники, свидание самозванца Лжедмитрия I с царицей Марией. Именно Лжедмитрий I впоследствии пешком с непокрытой головой по Троицкой дороге сопровождал карету царицы до самой Москвы. Эти чудесные места обожала императрица Елизавета Петровна. Она постоянно посещала местную церковь, а любимым её развлечением было водить хороводы с девушками на лугу. Дальше Троицкая дорога приводила в Мытищи. В старинных Больших Мытищах была особая достопримечательность – березовая аллея, ведущая к знаменитым колодцам, где богомолцы проводили столование-пирование за чаем. При правлении императрицы Елизаветы Петровны Большие Мытищи в народе называли «кабинетным селом». Именно в Больших Мытищах отдыхала царская свита по дороге в Троице-Сергиеву лавру. Церковь в Больших Мытищах славилась своей колокольней, которая была видна за километры. Именно это селение становится в 1812 г. центром движения русских партизан против войск Наполеона, для которого устроили здесь «невидимую заставу», и дальше Мытищ, как известно, «французы не ходили».

К местам истории «Лосино острова» необходимо отнести и примыкающее к нему с востока село Черкизово. После того как Москва стала символом объединения всех русских земель, митрополит переехал из Киева в Москву. Вскоре именно село Черкизово избирается ме-

стом пребывания «московских святителей». Начиная с правления митрополита Алексия, каждый русский митрополит по-своему украшал село Черкизово. Например, митрополит Платон позади древней церкви Ильи Пророка посадил березовую рощу, укрепил плотину, на которой поставил мельницу.

Со времен Ивана Грозного территория «Лосино острова» охраняется – сначала как «государева заповедная роща», затем как «заповедный лес». После Октябрьской революции Лосиноостровская дача в 1919 г. вошла в число заповедников, где были запрещены дровозаготовки, несмотря на тягчайший топливный кризис.

По инициативе научной общественности Москвы в 1983 г. был создан государственный природный национальный парк «Лосиный остров». Это было важнейшим шагом в направлении рационального использования природных ресурсов России. Особый колорит в ландшафты вносят памятники архитектуры, которые, наряду с памятниками археологии, Отечественной войны 1812 г., местами, связанными с жизнью и деятельностью выдающихся людей, отражают многовековую историю Московского края. На основе всесторонней оценки природного национального парка «Лосиный остров», а также памятников истории и культуры на его территории определена неоспоримая ценность отдельных ландшафтов. Площадь «Лосино острова» превышает 11 тыс. га, что в условиях развития крупнейших агломераций является редчайшим достижением: вытянувшийся лесной клин «Лосино острова» простирается почти на 20 км от центральных районов Москвы до Мытищ и Балашихи¹.

Необходимо подчеркнуть, что ни одна из крупнейших столиц мира не имеет такого ценного природного окружения, как Москва. На территории национального парка «Лосиный остров» сохранилось редчайшее разнообразие растительности. Именно в этом национальном парке суще-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 184. Оп. 17. Л. 91.

стует знаменитая древняя (более 300 лет) Алексеевская роща – остаток первичных лесов средней России. Её янтарные корабельные сосны с метровым диаметром ствола на 40 м устремляются ввысь. Встречаются в парке и единичные ели 150-летнего возраста, резко выделяющиеся своими стройными шатровыми формами¹.

Необходимо понимать всю важность и необходимость существования первого национального парка России у самой столичной черты, который дает человеку неопределимую возможность почувствовать природу как таковую. Являясь самым большим в Европе городским лесом, он имеет такое биоразнообразие, которого нет в европейских странах. «Лосиний остров» смело можно назвать уникальным объектом природы, музеем под открытым небом, который отличается вы-

сокой степенью сохранности природных экосистем.

О стране судят не только по уровню её технологий, но и по состоянию её природы, исторических и культурных памятников. Национальный парк пробуждает обостренное чувство принадлежности к своей земле, формирует нас самих. «Лосиний остров» является объектом, на примере которого можно выявить самые разнообразные стороны взаимоотношений человека, города, природы. Задача состоит в том, чтобы насытить пейзаж культурно-исторической конкретикой и тем самым ещё больше повысить его эстетическую и научно-познавательную ценность, способствуя патриотическому воспитанию граждан.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

Бокарев Владимир Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором истории кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС;
e-mail: beatera@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historical Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

Vladimir V. Bokarev – PhD in Historical sciences, Ass. Prof., Department of Social Sciences and Technology, National Research Technological University MISiS;
e-mail: albrom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н., Бокарев В. В. Национальный парк «Лосиний остров»: страницы многовековой истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 183–186.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-183-186

FOR CITATION

Gorlov V., Bokarev V. The National Park Losiny Ostrov: A centuries-long history. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 183–186.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-183-186

¹ ЦГА Москвы. Ф. 184. Оп. 17. Л. 94.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-187-198

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ханалиев Н. У.

Министерство иностранных дел РФ

119002, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить основные особенности взаимоотношений США и Исламской Республики Иран после прихода к власти Д. Трампа в ноябре 2016 г. Главное внимание концентрируется на выходе Вашингтона из «Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе» (СВПД), или Иранского ядерного соглашения, заключенного в 2015 г. «шестеркой государств» в составе России, США, Китая, Великобритании, Германии и Франции с Исламской Республикой Иран.

Процедура и методы исследования. Используются цивилизационный анализ, конкретно-исторический, системно-структурный и формально-логический методы.

Результаты проведенного исследования. Показаны причины, побудившие Трампа к выходу из соглашения СВПД, несмотря на негативную реакцию на него всего мирового сообщества, включая близких союзников по НАТО. Важное место отведено анализу позиций стран Евросоюза, прежде всего, Германии, Франции и Великобритании, которые, сохранив приверженность СВПД, фактически выступили против Вашингтона и предложили собственную программу сохранения торгово-экономических отношений с Ираном.

Теоретическая / практическая значимость. Вывод, что современный кризис и эскалация напряженности в американо-иранских отношениях, вызванные односторонним выходом США из ядерного соглашения, оказывают весьма негативное и дестабилизирующее воздействие на обстановку не только в Иране, но и на Ближнем Востоке в целом.

Ключевые слова: Геополитика, Ближний Восток, Иран, Россия, США, ЕС, политика сдерживания, иранское ядерное соглашение, санкции, терроризм

US – IRAN RELATIONS: CURRENT ISSUES AND CHALLENGES

N. Khanaliyev

Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

32/34 Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow 119200, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the main characteristics of relations between the USA and the Islamic Republic of Iran after D. Trump came to power. The main focus is on Washington's withdrawal from the "Joint

Comprehensive Plan of Action" (JCPOA) or the Iran Nuclear Program. This agreement was reached between Iran and a group of six world powers P5+1 that includes Russia, the United States, China, the United Kingdom, Germany and France in 2015.

Procedure and research methods. Civilizational analysis, historical, system-structural and formal-logical methods were applied.

Results. The article examines the reasons that prompted Trump to withdraw from the JCPOA, despite the negative reaction of the entire world community, including close NATO allies. The respective position of the European Union, first of all, Germany, France and the United Kingdom were analysed. While maintaining their commitment to the JCPOA, these countries, in fact, opposed Washington and offered their own program for preserving trade and economic relations with Iran.

Theoretical / practical relevance. It is concluded that the current crisis and escalation of tensions in the American–Iranian relations caused by the unilateral withdrawal of the USA from the nuclear agreement have a negative and highly destabilising effect on the situation not only in Iran, but also in the entire Middle East region.

Keywords: Middle East, Iran, Russia, USA, European Union, deterrence policy, Iran nuclear program, sanctions, terrorism

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что состояние американо-иранских отношений является одним из важнейших факторов стабильности всего Ближневосточного региона в целом. Современный этап взаимоотношений между Америкой и Ираном характеризуется новым витком напряженности, которая усилилась после выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД) в 2018 г. При этом кризис в американо-иранских взаимоотношениях необходимо рассматривать не только как межгосударственный или региональный конфликт, но и в более широком геополитическом контексте.

Целью работы является анализ ключевых направлений и возможных перспектив развития американо-иранских отношений после выхода США из соглашения СВПД, а также оценка влияния этого события на геополитическую обстановку на Ближнем Востоке. Среди задач исследования важнейшими являются: изучение основных аспектов внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке, анализ позиций ключевых стран Евросоюза и России по вопросу выхода США из СВПД, оценка возможных путей дальнейшего развития американо-иранских взаимоотношений.

Цель и задачи исследования предопределили выбор *методологии*, в основе которой лежат цивилизационный анализ, конкретно-исторический и системный подход, а также формально-логический метод.

Степень научной разработанности проблемы. Современные политические процессы в Арабском мире рассматриваются в трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей. Среди отечественных авторов выделяются работы И. А. Василенко, К. С. Гаджиева, М. Ф. Ильминской, Л. В. Королькова, В. В. Наумкина, М. А. Сапроновой, которые занимаются изучением геополитических проблем Арабского мира и вопросов безопасности на Ближнем Востоке [1; 2; 3; 7; 9]. Ряд работ посвящены изучению роли Ирана как одной из ключевых региональных держав Арабского Востока, анализу основных аспектов его внешней политики, в частности, взаимоотношений с США. В данном контексте необходимо отметить труды К. Г. Краснова, А. И. Полищука, А. В. Фененко, У. З. Шарипова и В. И. Юртаева [4; 5; 6; 8; 10].

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в статье выявлены и рассмотрены основные тенденции и противоречия современного этапа американо-иранских отношений, а также

показано влияние кризиса, спровоцированного выходом США из соглашения по иранской ядерной программе, на геополитическую обстановку на Ближнем Востоке.

Концепция «нового сдерживания» во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке

Приступая к анализу современного этапа американо-иранских отношений, вначале представляется целесообразным рассмотреть основные тезисы статьи «Новая политика сдерживания» известного американского политолога М. Манделбаума, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в апреле 2019 г.

Основные аргументы и доводы данной статьи очевидным образом коррелируют с внешнеполитической стратегией Вашингтона на Большом Ближнем Востоке в целом и применительно к Ирану в частности. Обращаясь к политике сдерживания, которую в период «холодной войны» США осуществляли в отношении СССР, Манделбаум пытается обосновать мысль о необходимости возрождения этой стратегии в форме концепции «нового сдерживания» России, Китая и Ирана с учетом современных условий. По мнению автора, эти страны (которые он, следуя Новой концепции национальной безопасности США 2017 г., назвал «ревизионистскими державами») стремятся разрушить политическую, военную и экономическую систему во главе с США: «Если путинской России удастся восстановить свою власть над бывшими республиками Советского Союза, Китай под руководством Си Цзиньпина установит контроль над судходными путями в западной части Тихого океана, а Ирану аятоллы Али Хаменеи удастся контролировать нефтяные месторождения Персидского залива, то будет нанесен мощный удар по Соединенным Штатам, их союзникам и тому мировому порядку, который они защищают»¹.

По мнению Манделбаума, если в годы «холодной войны» Вашингтону противостоял один сильный противник в лице СССР, то в наши дни США приходится иметь дело с тремя разными противниками, которые «отвергают саму мысль об участии в ведомой Вашингтоном коалиции». Каждый из этих трех акторов действует независимо друг от друга: «Россия и Китай сотрудничают между собой, в то же время соперничая друг с другом. У обоих неплохие отношения с Ираном, но у них многочисленное и беспокойное мусульманское население, в силу чего Москве и Пекину приходится ориентироваться на усиление мощи и влияния Ирана»². Если сдерживание времен «холодной войны», пишет Манделбаум, представляло собой единую глобальную стратегию, осуществляемую регионально, в современных условиях она должна включать «три отдельно взятые региональные инициативы, реализуемые в их взаимодействии». Такая стратегия, по мнению политолога, должна быть направлена на вполне определенный конечный результат: «конструктивную смену режима и особенно установление демократии», что призвано изменить внешнеполитическое направление ревизионистских держав. Поскольку же такие перемены вряд ли следует ожидать в результате внутренних процессов, то Вашингтону следует учитывать «периодические вспышки политических волнений и существование в каждой из этих стран влиятельной внутренней оппозиции». По его мнению, «продуманная и правильно осуществляемая политика сдерживания увеличит шансы на дестабилизацию и беспорядки, создав такие внешние условия, которые обеспечат дезорганизацию в соответствующих государствах»³.

Такая позиция американского политического и интеллектуального истеблишмента во многом объясняется тем,

по. 2.

² Там же.

³ Там же.

¹ Mandelbaum M. The New Containment. Handling Russia, China, and Iran // *Foreign affairs*, 2019, vol. 98,

что в настоящее время Иран выступает в качестве одной из ключевых региональных держав Большого Ближнего Востока. Страна вовлечена в различные региональные конфликты: в Сирии, Ливане, Йемене и др. В этом контексте важно также учесть, что Иран позиционирует себя как непримиримый враг Израиля, не скрывая свое стремление ликвидировать это государство.

На современном этапе Иран стремится расширить свои торгово-экономические и политические связи с Россией и Китаем: является членом-наблюдателем ШОС, и перспективы его принятия в организацию в качестве полноправного члена рассматриваются как позитивные. Как не без оснований отмечалось в иранской газете «Фарда», в соответствии с новой концепцией национальной безопасности Вашингтон рассматривает свою политику в отношении ИРИ как средство противодействия укреплению позиций России и Китая в Ближневосточном регионе¹.

Таким образом, в современной геополитике Ближний Восток играет ведущую роль: за доминирование в этом регионе идет соперничество между великими державами. Значимость Ближневосточного региона обусловлена не только наличием здесь крупнейших в мире запасов углеводородов, но и его стратегическим географическим и геополитическим положением. Кроме того, немаловажное значение имеет и то, что на Ближнем Востоке сегодня сосредоточены реальные «новые вызовы» – международный терроризм и проблема нераспространения ядерного оружия [9, с. 34].

Политика давления на Иран и новый кризис американско-иранских отношений

С приходом к власти действующего президента США Д. Трампа начался

новый этап эскалации напряженности в американо-иранских отношениях. Одним из ключевых пунктов стратегии Трампа стала агрессивная критика внешней политики его предшественника президента-демократа Б. Обамы. В частности, объектом его особенно острой критики стал «Совместный всеобъемлющий план действий» по иранской ядерной программе (СВПД), заключенный между шестеркой стран – Россией, Китаем, США, Великобританией, Францией и Германией в 2015 г. в обмен на снятие с ИРИ международных, прежде всего американских, санкций. Данное соглашение в свое время было воспринято мировым сообществом как весьма позитивный шаг на пути ограничения распространения ядерного оружия.

С приходом к власти Трампа со стороны Белого дома стала все чаще звучать агрессивная антииранская риторика. Так, в интервью каналу *Fox News* американский президент заявил, что Иран является «террористическим государством номер один» и «не уважает США». С аналогичным заявлением выступил вице-президент Майкл Пенс, который назвал Иран одним из главных спонсоров терроризма: Тегеран «экспортировал ракеты, разжигал конфликты в Сирии и Йемене, ставил под вопрос существование Израиля»².

В июле 2017 г. Белый дом, хотя и с существенными оговорками, второй раз после прихода к власти Д. Трампа подтвердил соблюдение Ираном ядерного соглашения, подписанного администрацией Обамы вместе с другими пятью государствами в 2015 г. Дело в том, что Белый дом каждые 90 дней был обязан уведомлять Конгресс о том, что Иран соблюдает взятые на себя обязательства по этому соглашению. Тем не менее Трамп настаивал на дополнительных санкциях в отношении Ирана.

¹ Farda (Иран): Козни против России и Ирана строят в Варшаве, 13.02.2019 // ИноСМИ [сайт]. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190213/244558982.html> (дата обращения: 01.03.2019).

² Пенс обвинил Иран в спонсировании терроризма и антисемитизме // Tass.ru [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6125364> (дата обращения: 01.03.2019).

На саммите НАТО, состоявшемся в мае 2017 г., Трамп пытался убедить европейцев расторгнуть торговые и деловые соглашения с Ираном. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 19 сентября 2018 г., Трамп назвал иранское соглашение «позором» и «одной из худших и наиболее асимметричных сделок, которые США когда-либо заключали». В этом контексте особенно показательно назначение Госсекретарем США М. Помпео, который, будучи главой ЦРУ, предлагал президенту предпринять меры по смене режима в этой стране. Такие же предложения для «решения иранской проблемы» перед Трампом постоянно выдвигает советник президента по национальной безопасности Дж. Болтон.

В противовес Вашингтону, ключевые союзники США (Великобритания, Франция и Германия) считают ядерное соглашение эффективным инструментом сдерживания стремления Тегерана овладеть ядерным оружием. Как отмечал посол Германии в Вашингтоне П. Витти, «ядерное соглашение помогает в значительной степени предотвратить получение Ираном ядерного оружия». В свою очередь, сотрудница Европейского совета по международным отношениям Э. Геранмае совершенно справедливо отметила, что существует четкое разделение в позиции европейцев и американцев в отношении Ирана. Так, европейцы встали на путь сближения, а США выбрали политику изоляционизма и сдерживания¹.

Многие западные эксперты положительно оценивали это соглашение. В частности, американские специалисты У. Дж. Бёрнс и Дж. Салливан, которые в качестве заместителей Госсекретаря США активно участвовали в подготовке и принятии иранского ядерного соглашения, отмечали: «Мы живем не в идеальном

¹ Tharoor I. The U.S. and Iran are heading toward crisis // The Washington post [сайт]. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/07/19/the-u-s-and-iran-are-heading-toward-crisis/?noredirect=on&utm_term=.cb5573d31106 (дата обращения: 30.03.2019).

мире. Дипломатия требует идти на весьма неудобные компромиссы. И ядерное соглашение с Ираном представляет собой лучшую из возможных альтернатив. Она лишает Иран инструментов для создания бомбы, в значительной мере и на долгий срок сокращает его ядерную программу и предполагает беспрецедентно жесткий контроль со стороны международного сообщества»². При всей противоречивости, при всех возможных и необходимых оговорках оно действительно налагает более или менее серьезные ограничения на иранскую ядерную программу в обмен на реальные экономические выгоды, в частности ослабление или отмену тех или иных санкций.

По мнению Т. Парси, президента Национального иранского американского совета, который стремится к нормализации отношений между Вашингтоном и Тегераном, администрация Трампа «намеренно создала обстановку неопределенности, постоянно ставя под сомнение правомерность сделки, и намекая, что США могут выйти из соглашения, и предполагая, что это может повлечь за собой смену режима в Иране». Парси отмечал, что вместо того, чтобы вести диалог с Тегераном для разрешения оставшихся споров, как это сделал каждый из наших европейских союзников, администрация Трампа выбрала эскалацию напряженности и отказ от возможностей прийти к взаимопониманию»³.

В этих условиях государства-члены Евросоюза и НАТО в подавляющем большинстве довольно болезненно восприняли действия Вашингтона. По сути дела они открыто выступили против Вашинг-

² Burns W.J. and Sullivan J. The Smart Way to Get Tough With Iran // The New York Times [сайт]. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/21/opinion/iran-trump-nuclear-deal.html> (дата обращения: 01.03.2019).

³ Tharoor I. The U.S. and Iran are heading toward crisis // The Washington post [сайт]. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/07/19/the-u-s-and-iran-are-heading-toward-crisis/?noredirect=on&utm_term=.cb5573d31106 (дата обращения: 30.03.2019).

тона, поскольку стремятся сохранить СВПД и продолжать торгово-экономические связи с Тегераном. Выражая эту позицию, 25 сентября 2018 г. президент Франции Э. Макрон в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН заявил: «Принимая односторонние решения, наши американские союзники помыкают нами, и этот подход привел напрямую к изоляции и конфликтам... в ущерб каждому»¹.

В этом плане показателен тот факт, что следовать политике США отказались ведущие государства Евросоюза – Германия, Франция, Великобритания («евротройка»), сохранили своё участие в ядерной сделке с Ираном. Они запустили «Инструмент поддержки торговых расчётов» (*Instrument for Supporting Trade Exchanges – INSTEX*) или «Механизм специального назначения» (*Special Purpose Vehicle – SPV*). С их помощью договаривающиеся стороны намерены продолжить взаимовыгодные торгово-экономические отношения с Ираном, прежде всего, в энергетической сфере, и экспорт в эту страну своих товаров. На этом пути они оказались вынуждены перевести взаиморасчеты с ИРИ с американских долларов на евро, тем самым минуя финансовую систему США и избегая американских санкций.

Оценивая значимость принятия данного механизма, 31 января 2019 г. министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас заявил: «Этот шаг делает очевидным, что мы также идем своим путем, решительным и единым путем в рамках Европейского союза – даже если другие придерживаются иной точки зрения»². При этом государства-подписанты документа должны действовать, неукоснительно соблюдая санкции ЕС и ООН, которые все

еще сохраняются в отношении Ирана. В данной ситуации руководство ИРИ вызывает недоверие не только к США, но и к европейским государствам.

Комментируя политику США по данному вопросу, вышеупомянутые У. Дж. Бёрнс и Дж. Салливан пришли к обоснованному выводу, что она «превращает Вашингтон – а вовсе не Тегеран – в дипломатического отщепенца и лишает наших партнеров желания придерживаться жесткой позиции по отношению к Ирану в будущем»³.

Создание государствами Евросоюза специального целевого механизма (*SPV*) для обеспечения финансовых транзакций с Ираном, направленного на сохранение торгово-экономических связей с этим государством и предотвращение его выхода из соглашения о ядерной программе, было воспринято Вашингтоном весьма негативно. Так, выступая на Ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2018 г., государственный секретарь США М. Помпео выразил свою «обеспокоенность и глубокое разочарование» их действиями. По его словам, «это одна из самых контрпродуктивных мер для регионального и глобального мира и безопасности, какую только можно себе представить»⁴. Свою непримиримую позицию США подтверждают, открыто шантажируя европейские банки и компании, принимающие участие в специальной инициативе Евросоюза по защите торговли с Ираном, угрозой вторичных американских санкций.

Одной из попыток США обеспечить поддержку своей политики со стороны своих партнеров по Евросоюзу и НАТО

¹ World upside down as EU and Russia unite against US // EU Observer [сайт]. – URL: <https://euobserver.com/foreign/142953> (дата обращения: 30.03.2019).

² Бунт против Трампа: Европа не сдала Иран // Газета.Ru [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/02/01_a_12158413.shtml. (дата обращения: 30.03.2019).

³ Burns W.J. and Sullivan J. The Smart Way to Get Tough With Iran // The New York Times [сайт]. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/21/opinion/iran-trump-nuclear-deal-.html> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ EU, China and Russia in move to sidestep US sanctions on Iran. Special Purpose Vehicle aims to keep Iran in 2015 nuclear deal with barter system // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/26/eu-china-and-russia-in-move-to-sidestep-us-sanctions-on-iran> (дата обращения: 01.03.2019).

стала конференция по вопросам Ближнего Востока, организованная администрацией президента Д. Трампа в Варшаве 13–14 февраля 2019 г. без участия представителей Ирана. О решении провести конференцию было объявлено М. Помпео 21 мая 2018 г., когда были представлены основные положения американской стратегии «сдерживания Ирана» в регионе. Ее участниками стали Саудовская Аравия, Египет, Иордания, Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман и ОАЭ, т. е. государства-участники предполагаемой коалиции MESA, известной как «Арабское НАТО». Основные темы повестки дня конференции были озвучены Помпео 10 января 2019 г. в своем программном выступлении о ближневосточной политике Вашингтона в Американском университете в Каире. Даты проведения саммита по иранской проблеме (27 января – 1 февраля), скорее всего, не случайно совпали с датами масштабных торжеств в самом Иране, посвященных круглой годовщине провозглашения Исламской Республики. Американцы, вероятно, пытались приурочить к этим важным для Ирана датам некие провокации как внутри страны, так и за ее пределами.

В качестве главной темы мероприятия была заявлена разработка единого подхода западных стран и монархий Персидского залива в деле противодействия «агрессивному поведению» Ирана. Но попытка Вашингтона привлечь на свою сторону партнеров по НАТО потерпела ожидаемый провал. Государства-члены Евросоюза, за исключением самой Польши, не поддержали инициативу Вашингтона, отметив, что она «несет опасность разрушения европейского единства». Глава дипломатии Евросоюза Ф. Могерини предпочла участвовать в сессии ассамблеи Африканского союза, состоявшейся в Аддис-Абебе 10–11 февраля, т. е. на два дня раньше конференции в Варшаве.

В Кремле заявили, что Россия не согласна с оценкой, которую Вашингтон дал Ирану, и подчеркнули, что Москва

дорожит партнерскими отношениями с этой страной. Обосновывая свое решение не участвовать в Варшавской конференции, представитель МИД Российской Федерации М. Захарова заявила, что на ней «речь идет о попытке сплотить кого получится на антииранской основе, создать предпосылки к окончательному слому “Совместного всеобъемлющего плана действий” по иранской ядерной программе, перенаправить усилия по сирийскому и йеменскому урегулированию в антииранское русло». Причем в заявлении МИД России констатировалось, что «у участников не будет возможности влиять на содержание итоговых решений форума, которые, как заявили сопредседатели – США и Польша – будут оформлены в виде их собственного “резюме”, не подлежащего обсуждению»¹.

В качестве альтернативы Москва предложила довольно реалистичные и приемлемые для всех коллективные действия заинтересованных сторон по поиску компромиссных решений, направленных на снижение конфронтации и урегулирования всех имеющихся проблем политико-дипломатическими методами на основе международного права и при центральной роли ООН².

Ряд экспертов полагают, что Трамп, будучи одним из самых антиирански настроенных президентов США, начал политический курс на демонтаж всех отношений с этой страной и стремится концентрировать главное внимание в Ближневосточном регионе на суннитской части Арабского мира. Среди причин подобной политики французские аналити-

¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с инициативой проведения в Варшаве 13–14 февраля 2019 г. конференции по Ближнему Востоку // Посольство России в Польше [сайт]. – URL: https://poland.mid.ru/rossijsko-pol-skie-otnosenia-i-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti/-/asset_publisher/EmTxY3CojAPJ/content/kommentarij-departamenta-informacii-i-pecati-mid-rossii-v-svazi-s-iniciativoj-provedenia-v-varsave-13-14-fevrala-2019-g-konferencii-po-bliznemu-vostok (дата обращения: 30.03.2019).

² Там же.

ки Э. Юссон и Ж. Пинатель выделяют несколько факторов. По их мнению, прежде всего, Трамп хочет стабильности доллара: ему проще добиться этого с помощью резервов Аравийского полуострова, чем с помощью ресурсов Ирана, которые неподконтрольны Америке с 1978 г. Далее, президент США стремится любой ценой сохранить контроль над морями, что отвечает старой геополитической теории Маккиндера о противостоянии континентальной и морской державы. Очевидно, что и в этом случае для Трампа важнее контролировать Аравийский полуостров, чем идти на компромисс с Ираном. США также совершенно необходимо не допустить сближения Ирана с Турцией, поскольку этот союз будет иметь антиизраильский характер¹.

Угрозы в адрес Ирана Д. Трамп совмещает с предложениями начать переговоры о заключении нового договора, разумеется, на условиях Вашингтона. В свою очередь, руководство ИРИ, демонстрируя «несгибаемую волю», использует угрозы для консолидации народа. Как верховный духовный руководитель Ирана, так и консервативное меньшинство в Меджлисе придерживаются позиции, что любые переговоры с США не имеют смысла. Президент страны Х. Рухани заявил, что для начала переговоров по ядерной программе руководство США должно сначала вернуться в рамки заключённой в 2015 г. ядерной сделки, в полном объеме отменить санкционный режим и отказаться от своей враждебной политики по отношению к Исламской Республике. Тем не менее важно учесть, что прагматизм составляет одну из характерных составляющих иранской внешней политики. Время от времени появляются

неподтвержденные с обеих сторон слухи о возможном начале переговоров между США и Ираном, например, в столице Омана Маскате.

В качестве одной из козырных карт в заявлениях высшего руководства ИРИ разыгрываются угрозы блокады Ормузского пролива, через который значительная доля ближневосточной нефти транспортируется на мировые рынки. Как утверждал, например, один из влиятельных иранских политиков А. А. Вилаяти, если Иран лишится возможности экспортировать свою нефть, то этой возможности лишатся все государства региона. По-видимому, он имел в виду как раз готовность руководства ИРИ блокировать Ормузский пролив. Однако любые попытки Ирана осуществить этот шаг чреваты для него довольно серьезными негативными последствиями. Это вызовет отрицательную реакцию мирового сообщества, поскольку приведет к резкому росту цен на углеводородное сырье и разбалансировке нефтяного рынка. В этом случае весьма велика вероятность резкого обострения ситуации и начала военных действий на всем Ближнем Востоке.

Одновременно Тегеран стремится к сохранению и расширению торгово-экономических отношений со своими соседями в регионе и партнёрами в Европе и Азии. Так, в отношениях с соседним Ираком Тегеран пытается убедить Багдад в необходимости перейти во взаимных расчетах в торговле на евро или же на национальные валюты. По этому вопросу Центробанки двух стран ведут переговоры. Со своей стороны, Ирак твердо придерживается позиции не отказываться от торговли с Ираном. Багдад, испытывающий дефицит электроэнергии, заинтересован в иранском природном газе. В настоящее время Иран поставляет газ по 270-километровому газопроводу в некоторые пригороды Багдада, на электростанцию аль-Мансурия, а также по отдельному газопроводу в Басру.

¹ Pinatel J.-B., Husson E. La planète est-elle plus instable que jamais maintenant qu'il n'y a plus de gendarme du monde évident? 28.02.2019 // Atlantico [сайт]. – URL: <https://www.atlantico.fr/decryptage/3567061/la-planete-est-elle-plus-instable-que-jamais-maintenant-qu-il-n-y-a-plus-de-gendarme-du-monde-evident--jean-bernard-pinatel-edouard-husson> (дата обращения: 30.03.2019).

Необходимо учесть и то, что руководство Ирака выступает против американских санкций в отношении Ирана. Об этом заявил, в частности, советник премьер-министра Ирака А. Х. Мустафа: «У нас есть право защищать наши национальные интересы. Мы всегда им (американцам. – *Авт.*) говорим: Мы ваши друзья, но мы не поддерживаем вашу политику в регионе. Американцы хорошо это знают. Это для них не новость»¹. В свою очередь, Вашингтон, стремясь к обострению отношений соседей с Тегераном, требует от правительства А. А. Махди разорвать отношения с ИРИ в энергетической сфере, но Ирак отвергает подобные требования. И еще: Багдад никак не может устраивать заявление Д. Трампа о том, что американские войска останутся в Ираке «навсегда» для того, чтобы проследить за Тегераном.

Влияние новых санкций США на экономическое и внутривнутриполитическое положение в Иране

Политика США по продолжению давления на ИРИ, заявления Вашингтона о внесении Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) в список террористических организаций, новые американские санкции весьма негативно повлияли на экономическое и финансовое положение в Иране. Как известно, ужесточение санкций США больше всего ударило по нефтяному сектору ИРИ. В результате, по официальным данным, годовой уровень инфляции составил 47,5%. Правительством ИРИ предпринимались меры по минимизации последствий введенных США санкций, включая создание под эгидой Центрального банка ИРИ валютной биржи, в целях защиты национальной валюты от внешнего воздействия. Однако добиться весомых результатов

кабмину ИРИ пока не удалось. Так, с апреля 2018 г. за короткий период упал в два раза курс динара, ускорился рост цен и безработицы.

Таким образом, кризис в ирано-американских взаимоотношениях, выход США в одностороннем порядке из соглашения СВПД, беспрецедентные американские санкции в отношении ИРИ предельно осложнили работу кабинета Х. Рухани. На позициях Рухани и реформаторского крыла негативно отражаются неблагоприятное положение в сфере безопасности, социальная и политическая нестабильность, террористические акты, притом, что силовой блок подчиняется большей частью верховному духовному руководителю страны.

Дополнительным фактором осложнения внутривнутриполитической ситуации в стране служат подрывная работа некоторых оппозиционных сил, а также действия разного рода террористических группировок. Речь, в частности, идет о террористических актах июня 2017 г. в Тегеране и сентября 2018 г. в городе Ахваз. Особенно резонансным стал теракт 13 февраля 2019 г., когда террористом-смертником был подорван заминированный автомобиль рядом с автобусом Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в провинции Систан и Белуджистан. Жертвами террористической атаки, за которую ответственность на себя взяла суннитская экстремистская группировка «Джейш аль-Адль», тогда стали 27 человек. Показательно, что иранские власти заявили о причастности к этому теракту американских спецслужб. Командующий воздушно-космическими войсками КСИР генерал А. Хаджизаде выступил с угрозами в адрес США, утверждая, что целый ряд американских военных баз в Катаре, Объединенных Арабских Эмиратах, Афганистане находятся в поле досягаемости иранских баллистических ракет, способных с точностью поразить цели в радиусе 700 км.

На фоне всех этих событий в Иране

¹ Мануков С. Багдад не намерен соблюдать американские санкции против Ирана // Expert Online, 21 фев 2019 [сайт]. – URL: <http://expert.ru/2019/02/21/irak-ne-nameren-soblyudat-sanktsii-protiv-irana/> (дата обращения: 30.03.2019).

заговорили о возможной отставке президента Х. Рухани, который был переизбран на второй срок в мае 2018 г. Хотя противостоящий реформаторам консервативный лагерь составляет меньшинство в Меджлисе страны, тем не менее он пользуется поддержкой значительной части населения и проявляет завидную активность, подвергая довольно острой критике политику Рухани. Поскольку в Иране президент одновременно занимает должность премьер-министра страны, отставка Рухани автоматически вызвала бы также отставку правительства в полном составе. Высока вероятность того, что в случае досрочных президентских выборов к власти в исламской республике придут консервативные силы. Это неизбежно приведет к дальнейшему обострению в отношениях с Западом в целом и особенно с США. При этом важно учесть и тот факт, что последнее слово в ключевых вопросах внутренней и внешней политики ИРИ принадлежит верховному руководителю, духовному лидеру страны аятолле Сейиду Али Хаменеи, которому напрямую подконтрольно руководство Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). Здесь стоит напомнить, что Хаменеи по своим мировоззренческим позициям склоняется скорее к консервативному, нежели к реформистскому крылу политического спектра Ирана.

Таким образом, перед Ираном стоит множество теснейшим образом взаимосвязанных проблем внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. История Ирана со времени Исламской революции по настоящее время свидетельствует, что США не удалось сломить иранский народ и свернуть его с избранного пути. Руководство ИРИ неоднократно заявляло, что не поддастся давлению со стороны США, и призывало граждан страны к сопротивлению.

Со стороны Белого дома в адрес исламской республики продолжают поступать противоречивые сигналы. С одной стороны, в течение мая президент Трамп

неоднократно озвучивал угрозы в отношении Ирана: «Если Иран хочет драки, то это будет его официальным концом. Никогда больше не угрожайте США», — написал он на своей странице в *Twitter*¹. Также Трамп принял решение об отправке 1,5 тыс. дополнительных военнослужащих на Ближний Восток, чтобы «эффективнее противостоять Ирану». Неудивительно, что такие заявления до предела осложнили взрывоопасную ситуацию в регионе, а 51% граждан США, согласно данным опроса компании *Ipsos*, убеждены в скором начале войны с Ираном². Аналитики уже начали оценивать вероятность войны США и ИРИ в недалеком будущем, однако, неожиданно Трамп решил смягчить антииранскую риторику, заявив, что США не стремятся менять режим в Иране.

В свою очередь, глава МИД Ирана Мохаммад Джавад Зариф озвучил предложение Тегерана подписать со странами региона договор о ненападении и заявил, что Иран нацелен на сбалансированные отношения с соседями. Эксперты также полагают, что, с учетом сильного экономического давления США на Иран, среди депутатов парламента ИРИ существуют сторонники проведения переговоров с США³. Однако официально руководство Ирана отрицает информацию о «прямых и опосредованных переговорах».

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что современный кризис в американо-иранских отношениях, вызванный односторонним выходом США из ядерного соглашения (СВПД), оказывает негативное и дестабилизирующее воздействие на обстановку не только в Иране, но и на Ближнем Востоке в целом. Говоря о рисках и возможностях выхода из кризиса в ирано-американских отношениях, необходимо отметить следующее. Учитывая

¹ Twitter @DonaldTrumpRF.

² Бельнская М. Дональд Трамп помянул Иран добрым словом // Коммерсантъ. 2019. 28 мая. С. 6.

³ Там же.

эскалацию напряженности и взаимные угрозы, существует определенная вероятность полномасштабного вооруженного конфликта между США и Ираном. Также весьма высок риск провокаций с обеих сторон, способных раскалить и без того напряженную обстановку и стать катализатором военного конфликта.

Эксперты полагают, что основной целью США в случае противостояния станет резкое ослабление роли Ирана на Ближнем и Среднем Востоке, устранение его с политической сцены как регионального лидера и лишение Тегерана даже гипотетической возможности обладания ядерным оружием¹.

Кроме того, в рамках анализа перспектив американо-иранских отношений следует также учитывать интересы и позиции других влиятельных региональных держав. Геополитическая ситуация и расстановка сил в регионе динамично меняется: уже сложился геополитический треугольник «Россия-Турция-Иран», по аналогии с ним формируется блок «Россия-Китай-Иран». Данные факторы в перспективе способны кардинально изменить геополитическую картину региона и, соответственно, перспективы дальнейшего развития Исламской Республики Иран.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебник для академического бакалавриата / 4-е изд., перераб. и доп.. М.: Юрайт, 2017. 320 с.
2. Гаджиев К. С. Геополитика: учебник для академического бакалавриата / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 466 с.
3. Ильминская М. Ф. Проблема обеспечения безопасности в регионе Персидского залива (1990–2015 гг.): дис.... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2016. 203 с.
4. Иран: история и современность / Сост. И. Е. Федорова, Л. М. Раванди-Фадаи. М.: ИВ РАН, 2014. 316 с.
5. Корольков Л. В. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1 (40). С. 97–106.
6. Краснов К. Г., Юртаев В. И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 616–627.
7. Наумкин В. В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН, 2013. 260 с.
8. Сапронова М. А. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 26–39.
9. Фененко А. В. Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 3 (38). С. 34–54.
10. Шарипов У. З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ИВ РАН, 2013. 280 с.

REFERENCES

1. Vasilenko I. *Geopolitika sovremennogo mira: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Geopolitics of the contemporary world: a textbook for academic bachelor]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 320 p.
2. Gadzhiev K. *Geopolitika: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Geopolitics: the textbook for the academic bachelor]. Moscow, Yurait Publ., 2014. 466 p.
3. Il'minskaya M. *Problema obespecheniya bezopasnosti v regione Persidskogo zaliva (1990–2015 gg.): dis.... kand. ist. nauk* [The problem of providing security in the Persian Gulf region (1990–2015): PhD Thesis in Historicfl sciences]. Moscow, RUDN Publ., 2016. 203 p.
4. Fedorova I., Ravandi-Fadai L., comp. *Iran: istoriya i sovremennost'* [Iran: history and the present]. Moscow, IV RAN Publ., 2014. 316 p.

¹ Ходаренок М. Новая война: возможен ли ядерный конфликт между США и Ираном? // Газета.RU [сайт]. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/05/13/12352831.shtml> (дата обращения 14.05.2019).

5. Korol'kov L. [Changing the geometry of the middle East hands]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2015, vol. 13, no. 1 (40), pp. 97–106.
6. Krasnov K., Yurtaev V. [The foreign policy of Iran in the middle East and the American strategy of "containment system"]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2016, vol. 16, no. 4, pp. 616–627.
7. Naumkin V. *Arabskii mir, islam i Rossiya: proshloe i nastoyashchee* [Arab world, Islam and Russia: past and present]. Moscow, IV RAN Publ., 2013. 260 p.
8. Sapronova M. [The formation of a new state in the Arab East]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2015, vol. 13, no. 3 (42), pp. 26–39.
9. Fenenko A. [Nigeriana competition in the middle East]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2014, vol. 12, no. 3 (38), pp. 34–54.
10. Sharipov U. *Amerikanskaya kontseptsiya «Bol'shogo Blizhnego Vostoka» i natsional'nye tragedii na Blizhnem i Srednem Vostoke* [The American concept of the "greater Middle East" and the national tragedy in the middle East]. Moscow, IV RAN Publ., 2013. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханалиев Нурадин Умарнашаевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел РФ;
e-mail: nur.han.mid@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nuradin U. Khanaliyev – Cand. Sci. (Political studies), First Secretary of the Department for New challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: nur.han.mid@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ханалиев Н. У. Особенности американо-иранских отношений на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 187–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-187-198

FOR CITATION

Khanaliyev N. Us–Iran relationship: current issues and challenges. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 187–198.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-187-198

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-199-205

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ЧАСТЬ ИНСТРУМЕНТАРИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» США

Давыдова Ю. А., Кишкурно Т. В., Кузько А. Е.

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью статьи являлось определение степени влияния американских инструментов «мягкой силы» на формирование мировоззрения современной российской молодежи.

В процедуре и методах исследования авторы использовали результаты конкретного социологического исследования «Привлекательность американского образа жизни в среде современной студенческой молодежи», инициированного и проведенного кафедрой политологии и социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова.

В результате проведенного исследования исследования было выявлено, что респонденты не считают американский образ жизни идеалом современного общества, видят ряд недостатков в американской политической системе и не стремятся учиться и работать в США.

Теоретическая/практическая значимость работы в выводе о том, что американский образ жизни как инструмент «мягкой силы» утратил свою актуальность в среде современной российской молодежи. Материалы статьи адресованы политологам, исследующим применение формата «мягкой силы», а также преподавателям при проведении занятий политологического и социологического направлений.

Ключевые слова: «мягкая сила», американский образ жизни, экономический аттрактор, гуманитарный капитал, культурное влияние, публичная дипломатия

ATTRACTIVENESS OF THE AMERICAN WAY OF LIFE AS PART OF US SOFT POWER

Y. Davydova, T. Kishkurno, A. Kuzko

*Plekhanov's Russian University of Economics
36 Stremyannyy per., Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To determine the influence of US soft power tools on the formation of the worldview of today's Russian youth.

Procedure and research methods. The results of the sociological study "the Attractiveness of the American way of life among modern students" initiated and conducted by the Department of Political Science and Sociology of the Plekhanov Russian University of Economics were analysed.

Results. The study revealed that the respondents do not consider the American way of life as an ideal in the context of modern society and note a number of problems in the American political system. Young people no longer seek to study and work in the United States.

Theoretical / practical relevance. It is concluded that the American way of life as a soft power tool has lost its relevance among today's Russian youth. The obtained data can be used by political analysts studying soft power problems, as well as by university professors teaching sociology and political science.

Keywords: soft power, American way of life, economic attractor, human capital, cultural influence, public diplomacy

Со вступлением мира в эпоху глобализации изменились не только экономические, социальные и духовные отношения, но и кардинально поменялась система международных отношений и мировая политика в целом. В политической среде появляются нестандартные системы измерения власти и новые источники силы в борьбе за мировое лидерство. В XXI в. военная мощь уже не является решающим фактором в глобальной конкуренции. Экономические достижения страны, ее инвестиционная привлекательность, гуманитарный капитал и культурные аттракторы выступают в современном мире мощным инструментом силы в мировой политике. Осмысление этих новых политических реалий и привело к появлению концепции «мягкой силы» (*soft power*).

Основы данной концепции мы можем проследить еще в трудах древнекитайского полководца Сунь Цзы, который доказывал правомерность принципа победы в войне без сражения [7, с. 87]. Идеи Махатмы Ганди также созвучны данной концепции [3, с. 23]. О природе силы в международных отношениях писали в своих трудах основатель школы прагматизма и политического реализма Г. Моргентгау [13, с. 21], и американский государственный деятель Г. Киссинджер [11, с. 35]. Нюансы феномена «силы» получили также теоретическое развитие в работах Р. Арона [10, с. 8]. Осмыслению трансформаций феномена «силы» в международных отношениях посвящены исследования Р. Кохейна [12, с. 63]. Термин «мягкая сила», подведя итог предыдущим исследованиям, ввел в научный оборот Джозеф Най. Как отмечает российский исследователь Е. Панова, «предложенный Дж. Наем термин описывал не принципиально новое, а давно существовавшее явление, которое, однако, до этого не имело общепринятого академического определения» [5, с. 13]. Проблемы «мягкой силы» затронуты и в трудах таких отечественных исследователей, как Г. Ю. Филимонова [8], П. А. Цыганкова

[9], А. В. Бакиной [1], А. В. Гукасова [2], А. С. Пшегорского и А. И. Пенькова [6].

В настоящее время в научной литературе разработана модель измерительного инструментария *soft power*, которая включает в себя следующие структурные компоненты [14, с. 82]:

1) *economic soft power* – экономические аттракторы;

2) *human capital soft power* – гуманитарный капитал, основанный на привлекательности системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности;

3) *cultural soft power* – инструменты культурного влияния, а именно международное признание значимости и величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций;

4) *political soft power* – система показателей уровня развития институтов демократии и защиты прав человека;

5) *diplomatic soft power* – публичная дипломатия – «действия правительства США, способствующие культивации поддержки национальных интересов».

Понятие «американский образ жизни» охватывает все структурные компоненты «мягкой силы». Информирование иностранных граждан об американском образе жизни, а также его пропаганда через культурную сферу, образование, через американские товары является одной из основных задач американской публичной дипломатии. Этот фактор, по мнению американских политологов, «способствует влиянию на правительства и граждан других стран» [15, с. 19].

Привлекательность американского образа жизни – это именно то «оружие» публичной дипломатии, которое позволило США выиграть «холодную войну», но так ли оно актуально на сегодняшний день? В фокусе нашего исследовательского интереса вопрос – действует ли этот элемент американской «мягкой силы» на современную российскую молодежь? Для

того, чтобы это выяснить, авторами было проведено социологическое исследование на тему «Привлекательность американского образа жизни глазами современной студенческой молодежи».

Опрос проводился среди студентов РЭУ им. Г. В. Плеханова. Было опрошено 203 респондента. В выборку не были включены иностранные студенты из ближнего и дальнего зарубежья. Анкета состояла из пяти блоков, каждый из которых затрагивал элементы «образа жизни»

в каждом из структурных компонентов «мягкой силы».

При анализе результатов первого блока опроса (*human capital soft power*) выяснилось, что большинство опрошенных студентов (32,9%) под «американским образом жизни» понимают американский либерализм и так называемую «американскую мечту» (31,5%). Около половины опрошенных (42%) готовы эмигрировать в США (см. рис. 1), но только если представится удобный случай.

Хотели бы Вы эмигрировать в США?

143 ответа

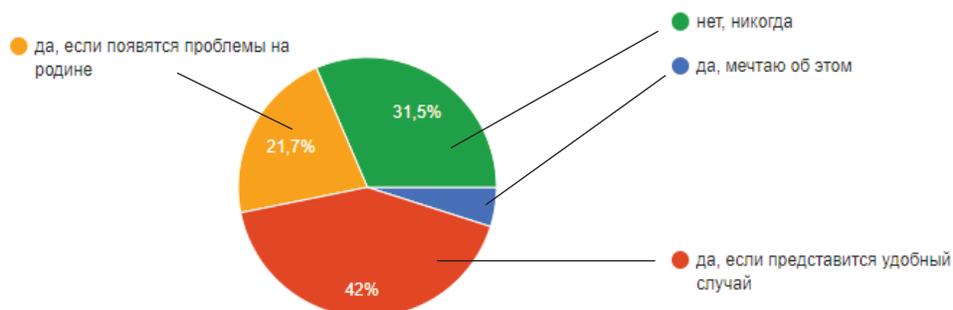

Рис. 1. Привлекательность эмиграции в США

Fig. 1. Attractiveness of emigration to the United States

49,7% опрошенных готовы пройти обучение в США при благоприятном стечении обстоятельств (см. рис. 2).

Хотели бы Вы учиться в США?

143 ответа

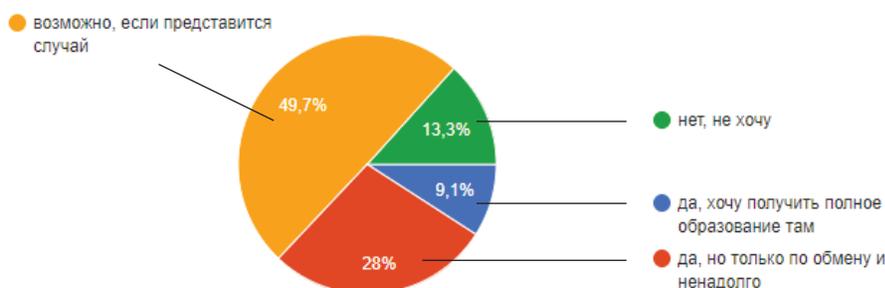

Рис. 2. Привлекательность образования в США

Fig. 2. Attractiveness of education in the USA

Опрос также показал, что возможность работы в США (см. рис. 3) является привлекательной только в том случае, если за нее будут хорошо платить (43,3%), на лю-

бой работе готовы работать только 3,4%. При этом 36,4% респондентов приемлемым считают работу в США только на определенное время, на период командировки.

Хотели бы Вы работать в США?

143 ответа

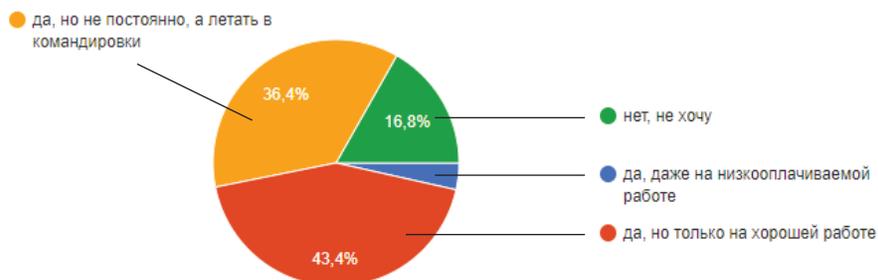

Рис. 3. Желание работать в США

Fig. 3. Desire to work in the USA

Другой блок вопросов затрагивал *political soft power* (см. рис. 4). Почти половина респондентов считает, что в США существует развитое гражданское общество, но все же имеют место некоторые несовершенства. 37,3% считает, что в США есть определенные проблемы с национальными меньшинствами, а 64% респондентов отметили, что американской полиции предоставлены большие полномочия, что нарушает личные и граждан-

ские права граждан.

Третий блок анкеты был посвящен экономическим аттракторам (см. рис. 5). 2/3 опрошенных отметили высокий уровень жизни американского общества и развитость экономики США. В то же время треть опрошенных считает, что азиатские технологии ничем не хуже американских (30,1%), только четверть опрошенных (26,6%) пользуются исключительно продукцией *Apple* и *Microsoft*.

Считаете ли Вы, что в США действительно развито правовое государство и гражданское общество?

142 ответа

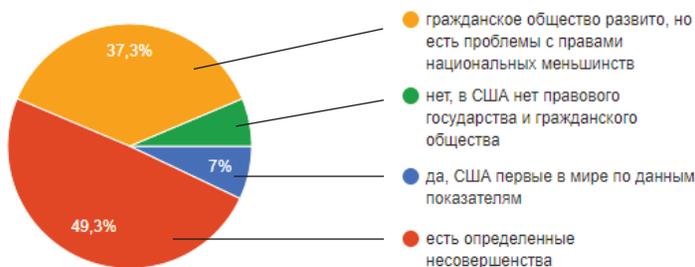

Рис. 4. Оценка демократических институтов США

Fig. 4. Evaluation of US Democratic Institutions

Еще один блок опроса касался *cultural soft power*. Около половины респондентов (45,5%) ответили, что среди всего многообразия американской поп-культуры им нравится всего несколько фильмов и исполнителей. При этом подавляющее большинство (74,8%) считает что американские фильмы и сериалы не всегда до-

стоверно описывают реальную жизнь в США.

Последний раздел анкеты был посвящен *diplomatic soft power*. 92% опрошенных отмечают, что США в своей публичной дипломатии защищают не права человека и демократию, а исключительно собственные интересы.

Считаете ли Вы, что американские технологии лучшие в мире?

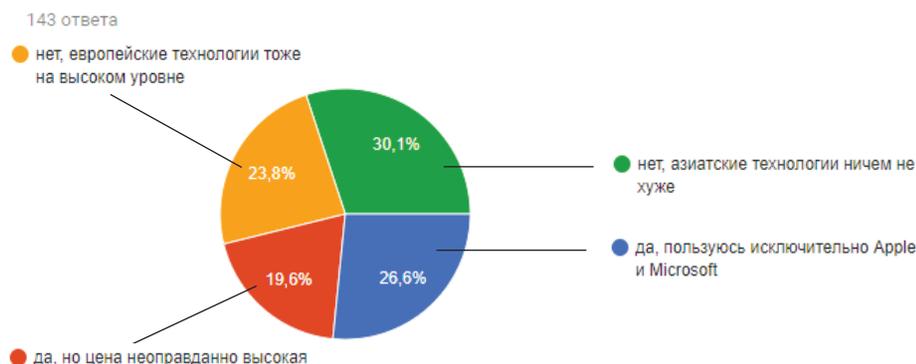

Рис. 5. Экономические аттракторы

Fig. 5. Economic attractors

Подводя итоги, мы можем отметить, что результаты исследования демонстрируют, что инструменты «мягкой силы» США в нашей стране не являются эффективными. Большинство опрошенной студенческой молодежи не видит в США политический, экономический или культурный идеал, что подтверждают и исследования российских ученых [4, с. 17]. И, в соответствии с этим, не стремятся найти работу в США и остаться там жить. Американское образование также не рассматривается ими как жизненная цель. Американские технологии не являются для большинства респондентов неким эталоном. Значительная часть опрошенных студентов отметила, что азиатские технологии уверенно составляют им конкуренцию за счет более низкой цены и ничем не уступающего качества. Только половина респондентов считает, что в США соблюдаются все права человека. Американская культура как важный компонент

«мягкой силы» США не является чем-то особенным для современной российской молодежи, как это было 20 или 30 лет назад, во времена «Перестройки» и в 90-е гг. Сегодня американская поп-культура является абсолютно обыденным явлением и никто не делает из нее кукла.

Таким образом, по мнению авторов, американский образ жизни в настоящее время не является идеалом успешной и привлекательной жизни в глазах современной молодежи. В эпоху глобализации и наличия доступа к различным каналам коммуникации студенческая молодежь может более объективно выстраивать свои представления об американском обществе. Это означает, что некая таинственность и недостижимость американского образа жизни как один из инструментов влияния «мягкой силы» США на формирование мировоззрения современной российской молодежи утратила свою актуальность. Но не стоит забывать

о том, что «мягкая сила» способна эволюционировать и трансформироваться в новые формы. И в ближайшее время она продолжит выступать реальным инструментом в борьбе за глобальное лидерство Соединенных Штатов.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина А. В. США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // *Власть*. 2007. № 7. С. 92–98.
2. Гукасов А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // *Вестник института стратегических исследований Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2011. № 1. С. 15–17.
3. Ганди М. *Моя жизнь*. М.: Азбука, 2016. 280 с.
4. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа) / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2016. 173 с.
5. Панова Е. П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2012. 23 с.
6. Пшегорский А. С., Пеньков А. И. Концепт «мягкой силы» в современном политическом дискурсе и современная внешнеполитическая риторика США // *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2015. № 8-5. С. 123–126.
7. Сунь Цзы. *Искусство войны*. М.: АСТ, 2019. 336 с.
8. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. 216 с.
9. Цыганков П. А. *Политическая социология международных отношений: учебное пособие*. М.: Радикс, 1994. 208 с.
10. Aron R. *Paix et Guerre entre les nations*. Paris: Avec une presentation inedite de l'auteur, 1984. 794 p.
11. Kissinger H. *American Foreign Policy*. N.-Y.: W. W. Norton & Company, 1977. 450 p.
12. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. 428 p.
13. Morgenthau H., Thompson K. *Politics Among Nations: the struggle for power and peace*, 6th ed. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
14. Nye J. S. (Jr.), Owens W. A. *America's Information Edge* // *Foreign Affairs*. 1996. № 2. P. 21–22.
15. Rubin B. *Secrets of State: The State Department and the Struggle Over U.S. Foreign Policy*. N.-Y.: Oxford University Press, 1987. 352 p.

REFERENCES

1. Bakina A. [USA: the question of "soft" and "hard" power in the global dominance]. In: *Vlast'* [Dominion], 2007, no. 7, pp. 92–98.
2. Gukasov A. ["Hard" and "soft" power as instruments of American foreign policy]. In: *Vestnik instituta strategicheskikh issledovaniy PGLU* [Bulletin of the Institute for Strategic Studies of Pyatigorsk State Linguistic University], 2011, no. 1, pp. 15–17.
3. Gandhi M. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow, Azbuka Publ., 2016. 280 p.
4. Aryasova A., Dulina N., Kargapolov S., Kargapolova E. *Mentalitet i elektronnaya kul'tura sovremennoi molodezhi (opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Mentality and electronic culture of modern youth (experience of sociological analysis)]. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo Publ., 2016. 173 p.
5. Panova E. «*Myagkaya vlast'*» kak sposob vozdеistviya v mirovoi politike: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk ["Soft power" as leverage in world politics: author. dis. kand. polit. Sciences]. Moscow, MGIMO Publ., 2012. 23 p.
6. Pshegorskii A., Pen'kov A. [The concept of "soft power" in modern political discourse and modern foreign policy rhetoric of the United States]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2015, no. 8-5, pp. 123–126.
7. Sun Tzu. *Iskusstvo voiny* [The art of war]. Moscow, AST Publ., 2019. 336 p.
8. Filimonov G. «*Myagkaya sila*» kul'turnoi diplomatii SShA ["Soft power" cultural diplomacy USA]. Moscow, Rossiiskii Universitet Druzhyb Narodov Publ., 2010. 216 p.

9. Tsygankov P. *Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnoe posobie* [Political sociology of international relations: textbook]. Moscow, Radiks Publ., 1994. 208 p.
10. Aron R. *Paix et Guerre entre les nations* [Peace and War between Nations]. Paris, Avec une presentation inedite de l'auteur Publ., 1984. 794 p.
11. Kissinger H. *American Foreign Policy*. N.-Y., W. W. Norton & Company, 1977. 450 p.
12. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1972. 428 p.
13. Morgenthau H., Thompson K. *Politics Among Nations: the struggle for power and peace*, 6th ed. N.-Y., Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
14. Nye J. S. (Jr.), Owens W. A. *America's Information Edge*. In: *Foreign Affairs*, 1996, no. 2, pp. 21–22.
15. Rubin B. *Secrets of State: The State Department and the Struggle Over U.S. Foreign Policy*. N.-Y., Oxford University Press, 1987. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова;
e-mail: ylkadav@mail.ru

Кишкурно Татьяна Вячеславовна – лаборант кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова;
e-mail: kishkurnotanya@mail.ru

Кузько Анна Евгеньевна – студентка факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова;
e-mail: an.kuzko1998@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Julia A. Davydova – Cand. Sci. (History), Ass. Prof., Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: ylkadav@mail.ru

Taniana V. Kishkurno – Research Assistant, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: kishkurnotanya@mail.ru

Anna E. Kuzko – undergraduate student at the Faculty of Economics and Law, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: an.kuzko1998@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Давыдова Ю. А., Кишкурно Т. В., Кузько А. Е. Привлекательность американского образа жизни как часть инструментария «мягкой силы» США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 199–205.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-199-205

FOR CITATION

Davydova Y., Kishkurno T., Kuzko A. Attractiveness of the American way of life as part of US soft power. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 199–205.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-199-205

УДК 327.39

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-206-213

ИСПАНОФОНΙΑ КАК РЕСУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ

Пупышева М. В.

Московский государственный лингвистический университет

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи состояла в анализе становления и развития испанофонии как ресурса выстраивания внешней политики Испании.

Процедура и методы исследования включали обобщение данных международных агентств, испанских исследовательских институтов, а также российских и испанских научных работ по истории возникновения и современного состояния испанофонии.

В результате проведенного исследования было установлено, что потенциал испанофонии не полностью реализован по причине отсутствия в прошлом единого стратегического подхода к созданию новой модели лингвофонии. При этом правительство Испании осознало необходимость в разработке комплексного видения роли языка и культуры в реализации внешней политики.

Теоретическая/практическая значимость заключается в выявлении проблем и трудностей политики испанофонии за последние годы, а также в формулировке ряда направлений, в которых испанофония может выступить в качестве ресурса для продвижения политических интересов Испании. Сформулированные практические рекомендации могут быть полезны в рамках работы над отечественной концепцией русофонии.

Ключевые слова: испанофония, лингвофония, внешняя политика Испании, Латинская Америка, мягкая сила

HISPANOPHONY AS A RESOURCE OF SPANISH FOREIGN POLICY

M. Pupyshva

Moscow State Linguistic University

38-1 Ostozhenka ul., Moscow 119034, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the establishment and development of Hispanophony and analyse its potential as a resource for shaping the foreign policy of Spain.

Procedure and methods. Information provided by international consulting agencies and Spanish research institutions, as well as data gathered from Russian and Spanish scientific papers on the establishment of Hispanophony and its current state were generalised and examined.

Results. The study revealed that the potential of Hispanophony has not been fully realized due to the lack of a unified strategic approach. However, the Government of Spain recognized the necessity to develop an integrated model promoting the Spanish language and culture during implementing its foreign policy.

Theoretical/practical relevance. The paper identified problems and difficulties of the modern Hispanophone policy, as well as defined a number of areas in which Hispanophony can be used as a resource for promotion of political interests of Spain. Additionally, the formulated practical suggestions can be applied for elaborating the concept of Russophony.

Keywords: Hispanophony, linguaphony, Spanish foreign policy, Latin America, soft power

Введение

В XXI в., когда в условиях глобализации размываются политические и территориальные границы, правительствам становится труднее реализовывать внешнеполитические интересы при помощи традиционных дипломатических инструментов. Культура и национальные ценности представляют собой ресурс, который может использоваться для продвижения позиций страны на международной арене.

За относительно короткую историю испанской демократии испанофония пережила два периода расцвета: с окончания «Перехода» до экономического кризиса 2008 г. и с 2014 г. по сегодняшний день. Причины, давшие толчок к развитию идеи испанофонии в оба периода оказались идентичны: укрепление позиций Королевства внутри ЕС и на международной арене посредством использования стран Испаноамерики в качестве плацдарма для роста и идеи внешнего объединения для решения внутренних проблем.

Точкой отсчета нового витка развития внешней политики Испании принято считать смерть каудильо Франсиско Франко и принятие «Закона о политической реформе», положившие конец системе франкизма [6, с. 107–108]. В этот период перед Испанией встаёт множество внешнеполитических задач, требующих привлечения различных ресурсов. Внешнеполитические ресурсы выступают как совокупность факторов, которые могут быть использованы государством на международной арене для проведения внешнеполитической стратегии и достижения желаемых результатов. В качестве главных нематериальных ресурсов внешней политики Испании П. П. Яковлев выделяет политические, социальные, репутационные, культурно-идеологические, информационные и научно-образовательные [5, с. 28–38]. В наше время наибольшее влияние на международное пространство оказывают репутационные,

идеологические и культурологические ресурсы, позволяющие стране достигать своих целей за счет ее престижности и лидеров, – как политических, так и культурных, а также за счет способности влиять на менталитет и быт обществ других стран.

Лингвофония является одним из нематериальных ресурсов мировой политики и понимается «как весь лингвоговорящий мир, объединяющий все страны и народы, говорящие на данном языке, и как различные институты... отстаивающие интересы этих государств и народов в мировом сообществе» [4, с. 4]. Создание и использование новой модели лингвофонии требовало формирования политико-экономической инфраструктуры, связывающей Испанию и Латинскую Америку, основанной на идее равенства всех ее членов. Луису Яньесу, политику и евродепутату от Испанской социалистической рабочей партии (*PSOE*), принадлежит высказывание: «Мы должны четко понимать, что не стоит пытаться построить эквивалент франкофонии или Содружества наций, в котором старые метрополии играют роль гегемона. В случае Испании отношения должны быть не отцовско-сыновние, а братские» [9, р. 166].

Испанофония – это «совокупность процессов распространения испанского языка и приобщения к испанской культуре и ибероамериканской цивилизационной общности, а также создания соответствующей лингвополитической и культурологической инфраструктуры» [4, с. 147]. Таким образом, испанофония, являясь нематериальным внешнеполитическим ресурсом, призвана создавать благоприятный имидж и приобщать к национальным особенностям менталитета, влияя на быт и мировоззрение. По оценкам зарубежных исследователей, испанофония является эффективным инструментом политической и экономической экспансии короны [10, р. 80].

Основные причины возникновения испанофонии:

– необходимость формирования образа Испании как современного демократического государства;

– необходимость вступления Испании в международные политические институты;

– налаживание каналов торговли Испании с испаноязычными странами и закрепление Испании на внешних рынках;

– противодействие распространению других лингвофоний (особенно англофонии и лузофонии), в первую очередь, в геополитическом ареале распространения испанского языка.

Выбранная автором тема недостаточно полно освещена в отечественной науке в силу относительной новизны самого термина «испанофония», тем не менее стоит отметить, что влияние испанского языка и культуры, а также публичная дипломатия Мадрида являются объектом пристального изучения многих авторов, в частности П. П. Яковлева [5; 6] и Н. В. Ковалевской [2; 4]. В зарубежных источниках вопрос влияния языка на продвижение внешнеполитических и экономических интересов страны представлен более полно, в особенности ежегодными исследованиями Института Сервантеса¹, Королевского института международных исследований Элькано² и прикладной системы MESIAS³. В отдельную группу следует выделить авторов, исследующих влияние испанского языка и культуры на восприятие Испании за рубежом [7; 9; 10].

Целью данной статьи является изучение становления и развития испанофонии как инструмента усиления политического влияния страны, пережившей длительную изоляцию, способа разрешения внутривнутриполитических конфликтов, а также как примера использования мягкой силы для создания единого лингвополитического и экономического пространства.

¹ El Español, una lengua viva.

² Índice Elcano de Presencia Global.

³ MESIAS: Un Sistema de Inteligencia para la Marca España.

Основной задачей статьи является анализ процесса формирования испанофонии, определение допущенных системных ошибок и способов их исправления. Автор считает, что опыт создания глобального лингвополитического пространства является показательным и для других стран, в том числе в рамках активной работы над концепцией русофонии.

Генезис испанофонии как политического феномена

В 1988 г. создается Ректорский совет по испанскому языку при Министерстве иностранных дел (сегодня Государственный секретариат *Spain Global*). По примеру *Institut Français* открывается первый Институт Сервантеса – государственное учреждение, «созданное для преподавания испанского языка и распространения испанской и латиноамериканской культуры»⁴. В структуру Института входят головной офис в Мадриде и более 430 центров в 43 странах, и ареал их распространения напрямую связан с основными векторами внешней политики Испании: так, наибольшее количество центров было открыто в Бразилии, играющей важную роль в интеграционных процессах в Латинской Америке. Он преследует не только образовательные цели, о чем напрямую говорит директор Института Сервантеса Кармен Каффарель: «Сервантес служит для того, чтобы открывать зарубежные двери испанским компаниям. По мере роста нашей известности в мире будет расти наш вес и как страны, ... а такая нематериальная ценность, как испанский язык, станет послом нашей страны в мире»⁵.

Во время переговоров о вступлении в Европейское экономическое сообщество правительство Испании активно

⁴ См.: сайт Института Сервантеса в Москве. – URL: https://moscu.cervantes.es/ru/o_nas_ispanskiy.htm.

⁵ Цит. по: Martínez A. “El Cervantes sirve para abrir puertas a las empresas españolas en el exterior” // *expansion.com* [сайт]. – URL: <http://www.expansion.com/2008/01/09/entorno/1075788.html> (дата обращения: 22.05.2019).

использовало статус страны как моста между Европой и Латинской Америкой. Однако это требовало укрепления влияния в испаноязычных странах, для чего в начале 90-х гг. XX в. Испания начинает экономическую экспансию: небольшая группа корпораций, таких, как *Endesa*, *Repsol*, *Telefónica*, а также финансовые группы *Santander* и *BBVA*, при поддержке испанского правительства осуществляют прямое инвестирование в соответствующие отрасли в Латинской Америке. Вскоре на рынки выходят медиакорпорации *PRISA* и *Grupo Planeta*. Укоренившись на основных рынках Латинской Америки, Мадрид приобретает достаточную «информационную силу» и рычаги влияния для давления на политический курс своих бывших колоний и контроля их политической повестки дня [1, с. 34]. Вместе с тем благодаря Испании регион становится крупнейшим в мире реципиентом прямых инвестиций, что провоцирует его экспансию, равно как быстрый рост благосостояния населения.

Помимо внешнеполитических задач, испанофония выступила как стабилизирующий фактор внутри страны. Успехи испанофонии и укрепление позиций Испании в ЕС и НАТО продолжительное время удерживают стабильность и положительный образ правительства в стране, несмотря на коррупционные скандалы, связанные с нелегальным финансированием партии, находящейся у власти, и деятельность террористической группировки ЭТА.

Несмотря на активное развитие испанофонии, сам термин лишь в 2002 г. был впервые употреблен на официальном уровне: маркиз Альфонсо де Салас, со-основатель газеты *El Mundo*, использовал его для обозначения процесса распространения испанского языка [2, с. 246]. В этом же году Испания становится председателем ЕС, что является одной из причин подписания документа о развитии межрегионального сотрудничества Евросоюза с Латинской Америкой. Од-

нако соглашение о свободной торговле так и не было подписано. Как указывает А. И. Емельянов, «Общему рынку Юга» была необходима новая площадка для сбыта сельскохозяйственной продукции, в то время как для ЕС этот сектор являлся дотационным [3, с. 43]. Тем не менее под давлением Испании было намечено еще несколько раундов переговоров по данному вопросу. Мировой кризис 2007–2008 гг., вылившийся в европейский кризис в 2010 г., вынуждает Испанию отложить идею испанофонии и обратиться к решению внутренних вопросов.

В 2012 г. правительством Испании была инициирована политика «Марка Испания», нацеленная на создание современного геобренда страны. Созданная в разгар кризиса, она не обладала достаточными ресурсами для реализации полноценной стратегии продвижения, ограничившись несколькими конференциями в год. Политика строгой экономии обострила отношения Мадрида с автономными регионами, в частности с Каталонией, что привело к введению войск на территорию автономии и расформированию Женеалитат. По мнению зарубежных исследователей, «Марка Испания» использовалась для идеологической борьбы между Мадридом и Барселоной. Сторонники Пучдемона использовали *#MarcaEspana* с обвинениями в государственных репрессиях и дешевой пропаганде, тогда как правительство использовало хештег для публикаций о экономическом росте и занятых местах в международных рейтингах [8].

Экономический кризис, проблемы внутри страны и неудачный запуск геобренда «Марка Испания» отразились на позициях Испании на международной арене. В частности, англосаксонская пресса популяризировала уничижительный термин *PIGS* (*Portugal, Italy, Greece, Spain*), используемый до сих пор для обозначения ряда стран, испытывающих финансовые проблемы. Отсутствие централизованной информационной поли-

тики привело к тому, что 2016 г. Испания, будучи четвертой по величине экономической в еврозоне, заняла лишь 36 место в рейтинге стран-брендов¹. Репутационные потери Королевства влияют и на ее позиции как лидера ибероамериканского сообщества, уступая позиции США, Китаю и России [7, р. 20]. Об этом свидетельствует отчет Королевского института Элькано, опубликованный в 2017 г., в котором указывается резкое снижение влияния Испании в странах Латинской Америки – «такое же, как и у Великобритании – 13,5%»². Исторические метрополии (Испания и Португалия) начинают восприниматься лишь как посредник для выстраивания международных отношений с Европейским союзом.

В сложившейся ситуации становится очевидным, что будущий рост влияния Испании тесным образом связан с усилением и распространением испанофонии, которая за счет развитой системы государственных и неправительственных институтов может обеспечить достаточную информационную поддержку продвижению имиджа страны как современной развивающейся державы, двигающейся по пути научного и технического прогресса. Новое видение будущего Королевства как одной из мировых держав отразилось и на названии бренда, проект которого был запущен в 2018 г. – *Spain Global* – и его миссии: «мы сделаем акцент на том, чем сегодня является Испания, пытаюсь улучшить ее репутацию. Мы это делаем не для самолюбования, а потому что сегодня идет политическая борьба»³.

В пользу утверждения, что Мадрид понимает потенциал испанофонии как

инструмента для расширения своего внешнеполитического влияния, говорит тот факт, что одним из основных проектов *Spain Global* становится «Испанский, глобальный язык»⁴: государственная программа, направленная на повышение ценности и популярности испанского языка с целью превращения его в стратегический инструмент политики Испаноамерики. Представляет интерес оценка председателя правительства Мариано Рахой на презентации данной программы: «Проект испанского языка и культуры представляет государственный интерес», поскольку язык является «элементом сплочения испаноязычного общества», «проводником знаний и бизнеса» не только в Латинской Америке, но и в США⁵. Неоднократное упоминание о роли испаноговорящего населения США свидетельствует о возможной попытке расширения влияния в Соединенных Штатах и закрепления на североамериканских рынках, где бренд *made in Spain* до сих пор не обладает устойчивой положительной репутацией⁶.

Испанофония сегодня

Анализ интеллектуальной системы *MESIAS* указывает на то, что на сегодняшний день 55% испанских экспортеров подчеркивают происхождение своих товаров или услуг, используя доверие к бренду *made in Spain* для повышения продаж. Наибольшую лояльность они вызывают в Латинской Америке, в арабских странах, а также в России⁷.

С другой стороны, продолжается процесс региональной интеграции стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

¹ См.: El fiasco de Marca España // el blog de Jose Manuel Velasco: Fabulas de comunicación. URL: <http://www.fabulasdecomunicacion.es/2016/03/22/el-fiasco-de-marca-espana/> (дата обращения: 22.05.2019).

² См.: Índice Elcano de Presencia Global. – URL: <http://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/global/ES/ES/2017> (дата обращения: 22.05.2019).

³ España Global, la nueva marca del país para mejorar la reputación en el mundo (redacción) // La Vanguardia. 2018. 19 nov.

⁴ Программу «Испанский, глобальный язык» как новую государственную стратегию презентовал в начале 2018 г. премьер-министр М. Рахой.

⁵ Intervención del presidente del Gobierno en la presentación del proyecto “El Español, Lengua Global”, Madrid, 24 de enero de 2018 [edición Secretaría de Estado de comunicación, pp. 3].

⁶ MESIAS: Un Sistema de Inteligencia para la Marca España (2016). 22 p.

⁷ Там же.

В этих условиях многие международные институты, такие, как Межамериканский банк развития, предлагают объединить такие сферы деятельности, как интеллектуальная собственность и защита окружающей среды, что должно обеспечить дальнейшее объединение стран на основе роста влияния региона.

Исходя из вышесказанного и учитывая действия Испании на международной арене, можно выделить несколько направлений использования испанофонии как ресурса для продвижения внешнеполитических интересов.

1. Укрепление сотрудничества представителей испаноязычного мира на основе взаимопомощи и взаимопонимания. Данная стратегия предполагает координацию усилий с другими членами общности испанофонии. Дальнейшая совместная работа предполагает создание ибероамериканского интеллектуального центра, который должен придать новый импульс испанскому языку как языку современной науки и инновационных технологий.

2. Укрепление роли Испании как ядра ибероамериканского мира. Использование уже отработанной стратегии (17% студентов ЕС выбирают Испанию в качестве страны для обмена) для популяризации Ибероамериканской программы Эразмус приведет к усилению влияния Испании на страны Латинской Америки¹, а также поможет обеспечить приток высококвалифицированных специалистов. Испании принадлежат одни из лучших бизнес-школ мира: *ESADE*, *IESE*, *EADA* и *ESIC*, выпускники которых возвращаются на руководящие должности в своих странах вместо того, чтобы создавать или развивать свой бизнес в Ибероамерике. Облегчение перемещения внутри региона, а также упрощение визового режима должны придать новый импульс развитию института ибероамериканского предпринимательства.

¹ См.: *El Español, una lengua viva*. Edición Instituto Servantes, 2010.

3. Упрочение влияния Испании на Североамериканском континенте. В 2018 г. испанский язык там изучали более 7 млн. чел., что составляет около 20% от всех обучающихся в образовательных учреждениях США, а к 2060 г. для каждого третьего американца испанский станет родным языком².

4. Использование успехов на мировой арене для решения внутренних проблем страны. Объединение на основе единого языка и культуры, а также успехи внешней политики создадут благоприятную ситуацию для решения вопроса с Каталонией, а также с представителями других национальных сообществ, наглядно показав выгоду сохранения территориального единства.

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод, что, наряду с возрастанием значимости лингвофонии в рамках глобальных политических объединений, растет и значимость лингво-политических движений в рамках внешней политики отдельных стран. Проведенный анализ показал, что возможности испанофонии не были до конца использованы из-за таких сдерживающих факторов, как мировой финансово-экономический кризис и связанные с ним внутренние проблемы, однако правительство Испании осознает потенциал своего языка и культуры в качестве ресурса «мягкой силы» для продвижения своих внешнеполитических интересов. Дальнейшее развитие испанофонии предполагает создание гармоничных отношений с латиноамериканским миром, основанных на равноправии и взаимопонимании. В то же время уникальная позиция Испании как моста между Европой и Америкой, а также большой политический и экономический вес позволят ей выступить в качестве представителя всего движения и стать центром, в котором сойдутся экономические, политические и

² Там же, p. 75.

интеллектуальные потоки всего региона.

Опыт Испании в построении собственного лингвополитического пространства может быть использован в процессе развития и укрепления других лингвополитических движений, в част-

ности, в русофонии в контексте активного развития идеи «Русского мира», а потому достоин дальнейшего более детального изучения.

Статья поступила в редакцию 21.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров В. К., Копылова Д. А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // Вестник Академии военных наук. 2013. № 4 (45). С. 33–36.
2. Блинова Н. В. Язык как инструмент внешней политики государства (на примере испанского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-1. С. 245–253.
3. Емельянов А. И. Взаимодействие Европы и Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 2 (800). С. 40–49.
4. Ковалевская Н. В. Лингвистическое измерение языковой политики: испанофония. Берлин: Golden Mile GmbH, 2013. 180 с.
5. Яковлев П. П. Испания в мировой политике. М.: ИЛА РАН, 2011. 384 с.
6. Яковлева Н. М., Яковлев П. П. Иберийские страны: экономический рывок и отношения с Россией // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 107–122.
7. Bustamante E. Cultura y desarrollo: paradojas del espacio iberoamericano de cultura // Informe sobre el estado de la cultura en España 2018. España y el espacio cultural iberoamericano. Madrid, Fundación Alternativas, 2018. P.17–27.
8. Mocerri A. What's at Stake for Spain's Global Image in the Dispute Over Catalonia, 27.02.2019 [электронный ресурс] // World Politics Review. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/27523/what-s-at-stake-for-spain-s-global-image-in-the-dispute-over-catalonia> (дата обращения: 22.05.2019).
9. Papell A. Conversaciones con Luis Yañez. Barcelona: Plaza & Janés, 1991. 198 p.
10. Pozzo M. I., Fernández S. S. El fenómeno del español como lengua internacional. Reflexiones sobre el componente cultural en la enseñanza // Ensayo y error: revista de educación y ciencias sociales. 2012. № 42. P. 75–85.

REFERENCES

1. Belozеров V., Kopylova D. [Mass media transnationalization as a national and international security concern]. In: *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2013, no. 4 (45), pp. 33–36.
2. Blinova N. [Language as a tool of a country's foreign policy (on an example of the Spanish language)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations], 2007, no. 2-1, pp. 245–253.
3. Emelianov A. [Interaction of Europe and Latin America on the basis of the European Union and MERCOSUR in the XXI century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 2018, no. 2 (800), pp. 40–49.
4. Kovalevskaya N. *Lingvisticheskoe izmerenie yazykovoi politiki: ispanofoniya* [Linguistic Dimension of Global Politics: Hispanophone]. Berlin, Golden Mile GmbH Publ., 2013. 180 p.
5. Yakovlev P. *Ispaniya v mirovoi politike* [Spain in world politics]. Moscow, ILA RAN Publ., 2011. 384 p.
6. Yakovleva N., Yakovlev P. [Iberian countries: economic spurt and relations with Russia]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2019, no. 7, pp. 107–122.
7. Bustamante E. [Culture and development: paradoxes of the Latin American culture space]. In: *Informe sobre el estado de la cultura en España 2018. España y el espacio cultural iberoamericano* [Report on the state of culture in Spain 2018. Spain and the Latin American cultural space]. Madrid, Fundación Alternativas Publ., 2018, pp. 17–27.

8. Mocerri A. What's at Stake for Spain's Global Image in the Dispute Over Catalonia, 27.02.2019. In: World Politics Review. – Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/27523/what-s-at-stake-for-spain-s-global-image-in-the-dispute-over-catalonia> (accessed: 22.05.2019).
9. Papell A. *Conversaciones con Luis Yañez* [Conversations with Luis Yañez]. Barcelona, Plaza & Janés Publ., 1991. 198 p.
10. Pozzo M. I., Fernández S. S. [The phenomenon of Spanish as an international language. Reflections on the cultural component in teaching]. In: *Ensayo y error: revista de educación y ciencias sociales* [Trial and error: magazine of education and social sciences], 2012, no. 42, pp. 75–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пупышева Мария Владимировна – соискатель кафедры политологии, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: pupysheva.maria@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Pupysheva – postgraduate student of the Department of Political Science, senior lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University;
e-mail: pupysheva.maria@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пупышева М. В. Испанофония как ресурс внешней политики Испании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 206–213.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-206-213

FOR CITATION

Pupysheva M. Hispanophony as a resource of Spanish foreign policy. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 206–213.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-206-213

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

ДЖОЗЕФ КЛАРК ОБ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы американского политика Джозефа Кларка «История и теория революций» (*The History and Theory of Revolutions*). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что это одна из первых теоретических работ о революциях как социально-политическом явлении, и целый ряд положений концепции Кларка оказал влияние на развитие теории революций в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Джозеф Кларк, революция, теория революции

JOSEPH CLARK ON THE HISTORY AND THEORY OF REVOLUTIONS

Abstract. This is the first adapted translation of the book “The History and Theory of Revolutions” by the American politician Joseph Clark. Undoubtedly, this work is of great research interest for historians, sociologists and political scientists, since it is one of the first theoretical studies into revolutions as a socio-political phenomenon. Clark’s ideas influenced significantly the entire development of the theory of revolutions in the 19th–21st centuries.

Keywords: Joseph Clark, revolution, theory of revolution

Период гражданской войны в США (1861–1865 гг.) дал сразу две работы по теории революции. Гео Йиман (Джордж Хельм Йиман, George Helm Yeaman) и Джозеф Кларк (Joseph Clark) с разницей в год: первый в 1861 г., второй – в 1862 г., дали публичные выступления о своем видении революций, которые были опубликованы в виде небольших брошюр. Джордж Хельм Йиман (на публикации публичных лекций подписан как Гео Йиман) служил представителем штата Кентукки в Палате представителей с 1861 по 1865 гг., а затем – послом США в Дании. Преподобный Джозеф Кларк служил в правительстве штата Пенсильвания.

И Север, и Юг в этой гражданской войне стремились использовать образ Американской революции (1776–1783 гг.) – войны за независимость США (или войны Американских колоний с Англией). И те, и другие пытались показать связи своих позиций и своей стороны с революционной Америкой 1776–1783 гг. И те, и другие постарались показать, что их противник не имеет никакого отношения к революции: с позиций южан Север – это тираническая власть, с позиций Севера южане – это незаконное восстание против легитимной власти, которое не имеет ничего общего с революци-

ей и борьбой за справедливость. Эта политическая борьба и дала теоретические построения о сущности такого явления, как революция. Джозеф Кларк рассматривает революции как особое социально-политическое явление и выстраивает полноценную теоретическую концепцию сущности революций, их причин и места в истории человечества.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию: *Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862. 35 p.*

Переводчик, автор примечаний Э. Э. Шульц.

Джозеф Кларк.

История и теория революций

Нынешнее поколение в этой стране знает о революциях только как об истории или как о событиях, происходящих в какой-то отдаленной части мира. Мы читали о них, слышали о них; но теперь революция, или ее попытка, стала для нас настоящим и самым что ни на есть реальным фактом. Слово «революция» всегда имело в общественном сознании зловещее и поразительное звучание. Мы привыкли (и совершенно справедливо) связывать с революцией идею гражданской войны, как мир ее знал до сих пор, со всеми ее зверствами и ужасами: дикое, неконтролируемое безумие, воздвигающее человека против человека, и сообщество против сообщества, со всей неуправляемой яростью темперамента; братоубийственная ненависть и кровопролитие; развязывание всех наихудших страстей человеческой души, которые в своей дикой и незаконной ревности не уважают ни прав человека, ни добродетели женщины; разграбленные дымящиеся и разрушенные города, безлюдные и необработываемые поля, залитые кровью подполья, эшафоты, гильотины и виселицы, армии и поля сражений. Возможно, мы извлекли наши образы из Фран-

цузской революции 1792 года, события которой были знакомы нашим отцам в их юные годы, и некоторые фрагменты неясных ужасов и диких крайностей, и почти невероятных зверств, были нежеланными для юных ушей у семейных домашних очагов, чтобы стать одним из ранних уроков истории.

И теперь мы находимся в самом разгаре революции! Мы, в республиканской Америке, в прославленном XIX веке, – мы, преданные искусству мира, поглощенные наживой, покрывающие моря торговлей, извлекающие сокровища из недр, сковывающие континент цепью железных дорог, культивирующие почвы бесчисленных акров нашей поразительной и плодотворной страны, – мы, посреди революции? И это так! Но есть ли у нас такой же опыт, который имели другие нации, будучи захваченные революцией? Никто не может сказать, что нет!

Когда однажды социальная структура сдвигается со своих глубинных основ, поднятая родовыми схватками общественных конвульсий, никакой уровень пророческих знаний не сможет безошибочно предсказать, где остановится движение. Все наши прогнозы и убежденность подвели нас. В самый час нашего юношеского и хвастливого самовосхваления, когда мы со всех сторон заявляли об уверенности в нашем республиканском эксперименте, и демонстрировали его стабильность и постоянство, мы призваны спуститься в долину смертных теней, чтобы густые туманы осели на нашем пути, и земля затряслась и разверзлась под нами, и сам воздух наполнился диссонирующими голосами тревоги и сомнений, злобы и террора.

Хорошо, что среди пугающих возможностей, которыми мы теперь окружены, мы можем оглянуться назад и спокойно, в свете истории, изучить общие законы и функционирование таких крайних общественных явлений на примере других наций. Хотя история никогда точно не повторяется, она является постоянным

пророчеством собственной эволюции. Хорошо, что мы можем оглянуться назад и увидеть другие страны, гораздо более слабые, чем наша, пережившие гораздо более тяжелые бедствия, чем наши, и пышно разросшиеся после них.

Хорошо, что нам позволено наблюдать, как бурные и жестокие страсти людей, вырвавшиеся на свободу по призывному набату войны адскими псами разрушения и страсти, успокаиваются мановением благородной волшебной палочки мира, и как в свое время все добродетели, достоинства и прелести общественной жизни возвращаются в свое привычное русло. Для нас хорошо, что на фоне наших страхов мы можем оглянуться назад и увидеть сквозь самые дикие пульсации национальной конвульсии и смертоносной вражды, гений свободы, как гражданской, так и религиозной. Хорошо, что мы можем объявить себе, в качестве ясного вывода истории, что ни один большой жизненно важный интерес человечества, касающийся христианства или цивилизации, никогда не пострадал от разрушений войны или волнений гражданского общества. Свет путеводной звезды человеческой судьбы всегда пробивается над грозами и бурями. Бог безошибочно дал понять, что никакие местные беспорядки, как они нам представляются, не будут мешать существенным обстоятельствам или грандиозным результатам его нравственного правления. Иначе придется предположить, что создание это уродливо, а провидение – это набор случайностей.

Давайте рассмотрим, насколько это возможно, проблему революций. Давайте изучим их факты, выясним, по возможности, их теорию и проследим некоторые ведущие контуры их истории (держа постоянно в уме особые отношения наших исследований с нашими современными гражданскими бедами).

Что же такое Революция? Каково ее определение? Какова ее теория? Какова была ее история? Когда это явление

оправданно? Когда оно успешно? Это вопросы, которые стоят на пути нашего расследования.

Во-первых, что касается определения. Революция может быть определена как радикальное или органичное изменение устройства правления, совершенное либо мирным, либо насильственным путем. Или же революция может быть определена как успешное сопротивление установленной власти, посредством которого создается и устанавливается новая форма власти. Или ее можно определить как смерть старой формы, изношенного института и восстание нового, начало нового движения в развитии и истории. Во всех этих определениях основополагающие концепции одинаковы. Они содержат в себе разрушения или распад, предшествующие новому творению или новому образованию распавшихся элементов. В идее революции наиболее значимой является концепция ниспровержения или разрушения, с помощью которого общество, в определенной степени, раскладывается на свои первоначальные элементы и вынуждено принимать новую форму и образовывать новые сочетания. Идея вытекает из движения колеса, в котором каждая частица постоянно возвращается к точке начала. Это говорит нам о том, что в великих движениях истории, жизни наций и цивилизаций, как и во вселенной, во всех вещах существует постоянная тенденция к возвращению, по крайней мере – в направлении пункта отправления.

Революция, чтобы быть правильной и законной и выполнить возложенную на нее историей задачу, должна быть движением против старого, изношенного, неестественного, неразумного или деспотичного. Когда правительство или институты, которые могли удовлетворить потребности людей в прежние времена и при других условиях, уже не в состоянии адаптироваться к изменившимся обстоятельствам и большим желаниям нового времени, но становится, наобо-

рот, угнетающим и обременительным, как ужасный кошмар над растущей энергией и устремлениями новой эпохи. Тогда настает момент, когда язык колокола времени пробивает час революции, и вдруг вооруженные люди появляются из земли, как драконьи зубы Кадма¹, возглас неповиновения и мести разрывает воздух, и новорожденный великан берется за дело разрушения.

Революцию нельзя путать с восстанием или мятежом. Мятеж, как указывает термин, – это просто вооруженное сопротивление власти. Восстание – это всего лишь подъем против власти. Ни то, ни другое не обязательно должно привести к революции; хотя они часто являются первыми симптомами ее появления, первыми этапами ее развития. Но восстание или мятеж может быть результатом каприза, страсти, амбиций, ревности или просто частных причин, и они быстро погибают. Они подобны безумным падениям донкихотских рыцарей в борьбе с ветряными мельницами и воздушными гигантами, в которых они получают только шрамы и синяки. Но когда восстание успешно и мятеж разрушает власть, против которой он поднимается, они обретают достоинство революции. Восстание часто – это начавшаяся революция, революция – это успешно завершившееся восстание.

Определение термина и предмета теперь может помочь нам в изучении теории революции. Какова философия этих великих пульсаций в жизни каждой нации, этой конвульсивной борьбы и спазмов, которые формируют характерные черты в жизни каждого народа, достигшего уровня формирования национальности? И как происходит так, что раса,

¹ Кадм – герой древнегреческой мифологии, сын финикийского царя Агенора, брат Европы, легендарный основатель Фив в Беотии. Посеял зубы побежденного им дракона в землю, и из них выросли воины «спарты» («посеянные»). Эти воины вступили в борьбу друг с другом и бились пока не остались в живых всего пятеро, которые и стали родоначальниками знатнейших фиванских родов.

кажется, не перерастает это удивительное явление, даже с помощью наивысшего развития цивилизации и целомудреннейшего христианства? Всякий раз, когда мы сталкиваемся с фактом такой универсальности и постоянства, мы можем быть уверены, что его причина лежит глубоко, и его теория связана с органическими законами и, возможно, с самими жизненными основами человеческой расы.

Давайте обратимся к природе и изучим ее уроки. Везде революция – в соответствии с ее фундаментальной концепцией, как она определена выше – представляется важной и здоровой частью ее жизненно важных процессов. Во всей вселенной, насколько это известно человеку, ничто не находится в покое. Все находится в движении.

Вся природа – это вечное движение материи, и в этом вечном движении ведущими факторами являются антагонистические силы жизни и смерти, роста и распада. Старые формы исчезают, увядают, умирают, распадаются, чтобы новые формы могли начать движение в жизнь, для того чтобы затем исчезнуть, – снова увядание, распад, смерть. Плоды созревают, отмирают, падают на землю и несут с собой жизненно важное семя, которое при благоприятных условиях высасывает новое плодоносящее дерево. Жизнь, смерть, рождение, разложение, красота, деформация, рост, распад – это алфавит, с которым природа составляет свою чудесную историю – фигуры, которые движутся.

Природа, таким образом, полна революций. Революция – закон ее жизни, музыка ее могучего марша. Весна, лето, осень, зима, день, ночь, холод, жара – каждое состояние является, соответственно, революцией для предыдущего.

В настоящее время закон, аналогичный закону, пронизывающему всю природу, является (или представляется таким) законом жизни каждой нации. Если мы сразу не увидим точности совпадений или отчетливости аналогий, то только

потому, что циклы настолько велики, а периоды настолько длительны, что мы можем ухватить лишь некоторые из них в масштабах нашего видения. Только путем тщательного изучения всей истории национального опыта мы приходим к всеобъемлющему обобщению, что революция является вечным учреждением в национальном развитии.

Теория революций, таким образом, заключается в том, что со всем своим ужасным и гротескным окружением революции являются неизбежными спазмами и страданиями, с помощью которых все старое, изношенное, бесполезное, тягостное свергается, а новое и многообещающее получает жизнь. Революции всегда являются симптомами жизненной силы, стремящейся к самоутверждению – жизни, враждующей со смертью.

Революция может быть совершена мирно, без беспорядков или насилия. Но это не обычный закон ее действия. Это исключение, а не правило. Отжившее может уйти, и новое войти без разлада или раздора (как мягкие сумерки вечера мягко оседают над кроватью царя дня). Но перемены, как правило, сопровождаются шумом и перепачканной кровью одеждой.

Прежде чем перейти к истории революций, возможно, нам следует уделить внимание вопросу: Когда революция оправданна? Когда народ справедливо через революцию возвращает или утверждает свои неотъемлемые права? Когда существующие правительства или институты могут быть справедливым образом свергнуты, если это необходимо, силой? Очевидно, что это очень серьезный вопрос. Это, более того, очень практичный вопрос, который должен решаться почти каждым поколением людей в той или иной форме. Это вопрос, который часто и много обсуждался. Философы, государственные деятели, законотворцы, короли, поэты, ораторы, реформаторы, теологи – все имели возможность обсудить это в свою пользу или на благо себя или

других. Все, по необходимости, были вынуждены сформировать для себя теорию и провозгласить доктрину, призванную либо полностью опровергнуть право на революцию, либо задекларировать ее, но определить границы, в которых она может осуществляться.

Если мы примем определение и теорию революции, которые мы попытались дать, то очевидно, что право на революцию существует в каждом обществе. Это скрытый ингредиент в каждой политической системе, который вызывается к жизни необходимостью (которая формируется в соответствии с историческим прошлым, последовательностью событий и обстоятельствами, историческими и этническими). Если это не так, то деспотизм – это истинная теория человеческого правления. Если нет права на революцию, то человечество беспомощно попрано ногами любой существующей власти. Если такого права нет, то любой коронованный Нерон, или Калигула, или Филипп II, может пройтись подкованными каблуками по нашим свободам, пленить нашу совесть, предписать для нас религию, конфисковать наше имущество, сделать призывниками наших сыновей и сожительницами наших дочерей: и не раздастся никакого шепота о несправедливости, никакого гневного проклятия. Но так не бывает. Человечество не создавалось, чтобы быть игрушкой для деспотов. По мере того, как мы признаем божественное установление правительства и признаем даже божественную санкцию благочестивого королевского или монархического правления (для определенных целей и при определенных ограничениях), мы с равной готовностью утверждаем божественное происхождение прав человека. Когда один божественный фактор становится не соответствующим своему происхождению, другой, не менее божественный, берет на себя божественную работу, разрушая его, и отстаивая свою собственную духовность. Другими словами, когда правительство (в связи с

человеческой порочностью), становится несправедливым и разводится со своим божественным установлением (полностью или частично), тогда божественное откровение выдувает из труб порыв революции. И, таким образом, история всегда раскачивалась между силами, которые играют на той или иной стороне.

Очевидно, что, поскольку революция – это крайнее средство, крайняя мера, скрытое средство от болезней политического организма, к ней не следует прибегать по поверхностным или банальным причинам. Средства должны иметь надлежащую связь с финалом. Человек может забрать жизнь в порядке самообороны и избежать наказания, но он не может убить в отместку за небольшое оскорбление. Революция никогда не может быть оправдана ни капризом, ни партийными страстями, ни амбициозными замыслами демагогов, ни желанием частного карьерного роста.

Существует одно общее правило или формула, которые часто упоминались и цитировались с тех пор, как начались наши собственные гражданские проблемы, которые, возможно, столь же справедливы и всеобъемлющи, как и любые другие, которые можно привести в качестве критериев революции: существующее зло должно быть настолько велико, что зло революции будет меньшим; конечное благо, которое предполагается получить, должно быть настолько велико, что зло революции может быть перенесено обществом ради него. Однако прежде чем приступить к рассмотрению данного аспекта, мы хотели бы отметить, что вопрос, когда революция выгодна, является вопросом совести, а не целесообразности. Великий принцип, консервативный в отношении прав человека и благосостояния общества, заключается в том, что мы обязаны подчиняться Богу, а не человеку. Этот божественный закон раскрыт не только в Писании, но и в конституции нашей природы. Если человеческие законы конфликтуют с божественным зако-

ном, – они перестают связывать совесть человека. В случаях такого конфликта наш долг – отказаться от послушания, как это сделали апостолы; но сопротивление не обязательно должно быть активным. Революция, или свержение установленного правительства, следовательно, не оправдывается ни капризом, ни выбором по усмотрению народа, ни взглядами на неразумность законодательства; и тем более стремлением извлечь пользу из состояния народа. Мятеж или попытка свергнуть законную власть силой оружия оправданны: 1. только когда послушание этому правительству – это непослушание Богу; 2. когда зло признается единственным средством; 3. когда есть обоснованная перспектива успеха.

Ребенок не обязан сопротивляться негодяю, собирающемуся совершить убийство. Сильный человек связан. Были ли шотландцы правы в сопротивлении с оружием в руках попытке Карла навязать им прелатуру¹, или англичане в противостоянии Якову II² в его попытках ввести папизм³, зависело от двух вопросов: 1. можно ли было иначе предотвратить зло; 2. были ли у них силы помешать этому. Если бы они могли это сделать, они были бы обязаны это сделать.

И вместе с ним мы переходим к рассмотрению истории революций и к определению отличий между некоторыми великими революциями современности и нынешним Южным восстанием в нашей собственной стране.

¹ Прелатура – организация, имеющая определённую юрисдикцию в иерархической структуре Церкви и возглавляемая прелатом. Речь идет о политике английского короля Карла I по введению в шотландское пресвитерианское богослужение англиканских обрядов и литургии, а также усиление власти епископов, которые спровоцировали в 1637 г. восстание в Шотландии.

² Яков II Стюарт (англ. – Джеймс, James II; 1633–1701) – король Англии, Шотландии и Ирландии, внук Якова I, второй сын Карла I и младший брат Карла II. Потерял трон в результате «Славной революции» 1688 г. Последний британский король-католик.

³ католицизм.

Для достижения нашей цели выберем три-четыре ярких примера из сравнительно современной истории для сравнительного анализа. Этими примерами станет революция в Нидерландах во второй половине XVI века (положившая начало Голландской республике), Французская революция 1792 года, Кромвелевская революция в Англии в 1649 году, и добавим к ним Американскую революцию 1776 года. Наше сегодняшнее «Южное движение»¹ по своей величине должно либо встать в один ранг вместе с этими примерами в анналах Истории, либо погрузиться в небытие и забвение, в котором пребывают бесчисленные неудавшиеся восстания и мятежи, историю которых не воссоздать для хроник.

В случае революции в Нидерландах история о заблуждениях, долгих и терпеливых, является одной из самых душераздирающих и чудовищных, оставленных во всех анналах Истории. По отречении Карла I его сын Филипп II наследовал корону Испании, а также власть над Нидерландами. Власть его над Нидерландами, однако, была ограничена различными хартиями и привилегиями, предоставленными и подтвержденными провинциям задолго до него, что делало правительство конституционной монархией, так же как и Англия в наши дни. Он обещал безоговорочно поддерживать и сохранять неприкосновенность всех прав, уставов и привилегий, которые были им подтверждены. Но с самого начала вся политика его правительства, поддерживаемая властью испанских армий, попирала все законы и привилегии, и возвела над обреченными провинциями власть, не зависящих ни от чего, ничем не ограниченную, ничем не определяемую, кроме его личной, абсолютной, деспотической воли.

Когда законы, защищающие гражданина от произвольного тюремного заключения и гарантирующие ему судебное разбирательство в его провинции,

запрещающие назначение иностранцев на высокие должности, были нарушены трибуналами, чьи апатичные судьи приговаривали тысячи к плахе; когда отлучение, конфискация, изгнание, повешение, обезглавливание, сожжение практикуются в столь огромной степени, и с такой ужасной монотонностью, что меч палача стал рассматриваться как единственный символ справедливости; когда жестокость слишком чудовищна для описания, слишком велика, чтобы в нее мог поверить разум, не знакомый с жестокостями, совершаемыми солдатами Испании и Италии, стали повседневностью, – тогда, конечно страдающий голос человечества вылез из крови и слез и призвал своих воинов, одетых в кольчуги, отомстить. И мы бы снова сказали, что если бы наши братья в Южных Штатах пережили хотя бы сотую часть несправедливостей, которые перенесли терпеливые голландцы шестнадцатого века, они были бы оправданы в своем восстании.

Давайте посмотрим на великий пример Французской революции 1792 года. О ней говорят как о революции из-за масштабности ее результатов. Среди многих людей принято думать и говорить о Французской революции только как о вулканическом взрыве безбожия и кровопролития. Они думают о ней только как о Царстве Тerrorsа, на волне которого победили такие демоны, как Робеспьер, Дантон и Марат. Глядя на те излишества, к которым привело революционное движение, они теряют из виду центральный поток самого движения. Отдача всегда пропорциональна давлению в обратном направлении, и если Французская революция столкнулась с плачевными и катастрофическими эксцессами, то это было главным образом потому, что свобода, которую она открыла, была спасена от нестерпимого угнетения; этим эксцессам также способствовал живой темперамент французского народа. Но правление террора не было Французской революцией. Французская революция была грандиоз-

¹ Вооруженная борьба южных штатов США с Севером в Гражданской войне.

ным и непреодолимым восстанием против объединенной тирании феодальной знати, распущенности суда и духовенства и абсолютной власти государя, каждый из которых ковал свою собственную цепь, чтобы связать и угнетать народные массы.

Феодальная система Средневековья, превосходная для своего времени, когда каждый человек нуждался в защитнике и был склонен присоединяться к какому-то могущественному вождю, который смог обеспечить его в своих личных и имущественных правах, и ради такой защиты человек был готов служить трудом или оружием, – эта феодальная система достигла своей кульминации во Франции и в восемнадцатом веке стал воплощением невыносимых злоупотреблений. Феодалы, владевшие большей частью земель, составляли от одной до двух сотен пятидесяти человек в общей массе населения; настолько абсолютные во власти, как и ничтожные в количестве. Будучи хозяевами земли, они поглощали почти все производительное богатство нации, оставляя крестьянству и ремесленникам едва ли просто необходимое для жизни. Этот огромный доход они растрчивали напоказ, расточительствовали в самом распущенном виде, и все же отказались вносить свою справедливую долю в расходы правительства, из-за чего налоги падали с невыносимой тяжестью на уже угнетенных работников и другие классы. Они упорно сопротивлялись всем реформам и цеплялись за свою наследственность с яростной упорством.

И мы хотели бы сказать здесь еще раз, коротко, в порядке применения, что, если бы южные штаты этого Союза были угнетены тяготами и неспособностью наполовину такими же тяжелыми и отвратительными, как те, что были наложены на непривилегированное Третье сословие Франции до революции, они были бы оправданы в своем восстании.

Переходим теперь к третьему историческому примеру – революции в Англии при Кромвеле.

В основе революции лежали две основополагающие идеи, а именно: сопротивление посягательствам королевской власти и утверждение прав совести. Во время двух предыдущих царствований, Якова I и Карла I, были предприняты самые напряженные и настойчивые усилия по расширению королевской прерогативы, так что даже *Magna Charta*¹ короля Иоанна, *швартовый канат конституционной свободы при монархическом правительстве, оказалась под угрозой отмены. Религиозные гонения стали наиболее жесткими, показывая решительную цель со стороны государя перевести религиозные настроения нации в Прокрустово ложе иерархии. Против этой двойной узурпации, к которой добавилось падение общественной нравственности, взбунтовался дух свободы и пробудившейся совести нации, и все строение монархии рухнуло на какое-то время перед псалмовыми пениями легионов великого Оливера*². И хотя перемены были лишь временными, и Англия вскоре вернулась к благоденствию, тем не менее последствия их наиболее заметны и благотворны не только для английской истории, но и для истории религиозной свободы во всем мире. «Свобода поклоняться Богу» – лозунг Английской революции и наследие нашего времени.

Посмотрим теперь на наш четвертый и последний исторический пример – американскую революцию 1776 года.

Американская революция не была революцией в том смысле, какой вкладывает сегодня в это понятие восставшие южане. Не было ни органических нарушений общества, ни радикального разложения структур управления. Речь идет об определенной государственной зависимости от удаленной верховной власти, с которой существовала значительная

¹ Великая хартия вольностей – грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. и ставшая в последующем одним из основополагающих конституционных актов Великобритании.

² Автор использует факт религиозной идеологии в Английской революции.

степень связи по происхождению и языку. Колонии не были инкорпорированными, действующими членами британского правительства, что создавало определенный разрыв. Не так с нашими южными штатами: они являются неотъемлемой, органичной частью всей нации.

Поэтому революция, которую наши южные патриоты, как они себя называют, оправдали бы примером революции наших отцов, является гораздо более радикальной и разрушительной революцией и должна быть санкционирована более сильными и явными причинами и недовольствами. Но и в этом отношении пример неудачен. Колонии восстали против обид, более осязаемых и реальных, чем те, которые горячие страсти и воображение партизан и демагогов использовали для того, чтобы разжечь заблуждающийся народ Юга.

Этот Южный мятеж – самая бесосновательная революция, когда-либо совершавшаяся в истории! Это, по сути, революция не против угнетения, не против несправедливости, не против гражданской или религиозной неправомочности, а революция против переписи и против урн для голосования.

Нидерландская революция была борьбой в интересах гражданской и религиозной свободы во всем Христианском мире – в интересах протестантизма, который тогда вел борьбу за жизнь и смерть за собственное существование.

Французская революция была борьбой за основные права человека и против их угнетения. Любой, кто поинтересуется с состоянием Франции до Революции, сразу отметит, что время полностью и радикально реорганизовало всю структуру общества. Старые, неспособные и обременительные институты бывшей эпохи, которые шли, шатаясь, к своему падению, становились бременем для пробуждающейся энергии великого народа. Не существовало никакой возможности, чтобы старый порядок вещей мог продолжаться.

Кромвелевская революция имела своей целью сохранение конституционных прав королевства, очищение социальной и политической структуры и защиту свободы совести. Ее высшее благо, за которое она погрузила английскую нацию в революцию, было достаточно засвидетельствовано влиянием революции на англосаксонскую историю и нравы, а также на последующую историю британской монархии.

Американская революция была реализацией мечты о великой нации – вернее, о необходимом и непреодолимом перерождении, рано или поздно, инстинктивного чувства национальности.

Но что теперь с этой Южной Конфедерацией? Какое самое большое благо они предлагают в качестве компенсации за зло революции? Какая великая мировая идея заставляет их действовать, бросать вызов и страдать? Возможно, некоторые из их амбициозных лидеров мечтают об империи. Возможно, экспансия, завоевания и собственное величие видятся им в часы бодрствования. Возможно, они были достаточно смелыми в своих мечтах, чтобы планировать нацию, основанную на рабстве. Но разве это самое лучшее, что они предлагают? Мы думаем, что это так. Эти идеи проявляются, более или менее отчетливо, в опубликованных речах их лидеров. Они прослеживаются в некоторых особенностях самой их Конституции. Вместо одной великой национальности, уникальной, компактной, но многогранной по своим незначительным особенностям, поистине *e pluribus unum*¹, сочетающей в себе неугомонную энергию и миролюбивую силу сынов холодного Севера, и пылкое воображение и щедрые импульсы детей солнечного Юга. Вместо этого они предлагают дать нам две великие национальности, ограниченные в своих особенностях, виновные в желании дополнять друг друга, ревниво наблюдающие враждебным взглядом за каждым

¹ Из многих – единое (лат). Слова принадлежат Цицерону.

движением друг друга; или, что еще хуже, если их теория правления будет последовательно проводиться, то они предлагают дать нам дюжину или более мелких государств, разобитых и злобных, делающих все возможное, чтобы пожрать друг друга. Это *ultima thule*¹ Сецессии². Это окончательный конец, к которому они стремятся, чтобы оправдать ужасы революции. Но то ли это, чему они завещали свою жизнь, свое состояние и свою священную честь? Так определенно представляется.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джозеф Кларк об истории и теории революций / Пер. с англ. и прим. Э. Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 214–223.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

FOR CITATION

Joseph Clark on the History and Theory of Revolutions. In: Bulletin of the Moscow Regional State University. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 214–223.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

¹ (лат.): «весьма далёкая Фула», «крайний Туле» = «очень далеко», «край света» или «крайний предел».

² Сецессия – выход южных (рабовладельческих) штатов из Союза в 1860–61 гг., за которым последовала Гражданская война.

УДК 327(049.32)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-224-229

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СУРГУЛАДЗЕ В. Ш. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ, СТРАТЕГИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. – М.: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГРУППА «С.Т.К.», 2019. – 652 С. СЕРИЯ «МИР В СЕТЯХ ИДЕОЛОГИИ».

Волохов В. И.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, Остоженка 53/2, стр. 1, Российская Федерация

MILITARY, POLITICAL, SOCIO-CULTURAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF WORLD POLITICS. REVIEW OF THE BOOK: SURGULADZE V. SH. WORLD POLITICS IN THE MIRROR OF POLITICAL SCIENCE ANALYSIS: POLITICAL PROCESSES, IDENTITY POLITICS, STRATEGY AND TECHNOLOGY. – M.: «S.T.C.» ANALYTICAL GROUP, 2019. – 652 P. BOOK SERIES “THE WORLD IN THE NETS OF IDEOLOGY”

V. Volokhov

Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

53/2 str1 Ostozhenka ul., Moscow 119021, Russian Federation

Современная мировая политика характеризуется ростом глобальной взаимозависимости государств и регионов мира при одновременной эскалации общей конфликтности и непредсказуемости вызовов и угроз национальной безопасности суверенных государств. В этой связи в сложившейся в мире непростой военно-политической обстановке назрела необходимость всестороннего осмысления происходящих политических процессов. Интересной попыткой анализа мировой политики и тенденций развития международных отношений представляется изданная Аналитической группой «С.Т.К.» монография В. Ш. Сургуладзе «Мировая политика в зеркале современного политологического анализа» [11]. Данный объёмный труд представляет собой опыт анализа концептуальных подходов современных политических аналитиков к рассмотрению эволюции мирового порядка и является второй работой автора,

вышедшей в серии «Мир в сетях идеологии» того же издательства [12]. Научными рецензентами работы выступили известный российский конфликтолог, главный редактор журнала «Конфликтология», заведующий кафедрой конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, профессор А. И. Стребков [8; 9; 10] и специалист в области социальной безопасности, в том числе правового её обеспечения, доктор политических наук, профессор Института общественных наук и безопасности Естественно-гуманитарного университета г. Седльце (Польша) Я. Зелински [2, с. 17–36; 3], что свидетельствует о высокой актуальности исследования и его междисциплинарном характере.

В монографии В. Ш. Сургуладзе анализируются политологические концепции четырёх десятков современных экспертов – политологов, историков, экономистов, специалистов междисциплинарных направлений исследований, посвящённые актуальным проблемам развития политических процессов в сложном мире тотальной информатизации общества.

В. Ш. Сургуладзе анализирует подходы современных учёных к рассмотрению мировой политики как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. К теоретическим разделам относятся части работы, посвящённые геополитическим тенденциям и психологическим аспектам, обуславливающим политическое поведение. Детерминированность коллективной психологии геополитической реальностью, во многом, по мнению автора, формирующая массовое политическое поведение, рассматривается В. Ш. Сургуладзе в качестве фундаментальной основы политической мотивации, имевшей важное значение в прошлом и не утратившей актуальности в настоящем.

Геополитика, политическая психология и историческая преемственность выступают в работе в качестве отправных точек осмысления современной полити-

ческой реальности. Благодаря следованию методологическим принципам историзма и преемственности, автору удалось даже отдалённые примеры политической истории, рассматриваемые в монографии, проанализировать через призму актуальных параллелей с современной политической действительностью.

Большое внимание уделяется автором существующим в настоящее время концепциям информационной политики государства, особенностям современных форм информационных войн и противоборства в киберпространстве. В. Ш. Сургуладзе нашёл возможность попытаться выявить параллели между известными событиями истории XX в. и методологией реализации «цветных революций» XXI столетия. В данной связи интерес представляет предпринятый автором анализ деятельности лидера борьбы за независимость Индии Махатмы Ганди в контексте современных форм гражданского неповиновения и разнообразных методик по свержению политических режимов, применявшихся в ходе череды «демократических переворотов», для реализации которых применялись современные технологии и возможности социальных сетей [11, с. 175–205, 551–562]. Такие, предпринятые автором, историко-практические экскурсы полезны, поскольку дают возможность по-новому осмыслить методы ненасильственной борьбы с государственными режимами, разработанные Джином Шарпом [13] и разнообразные применяемые на практике в современной информационной борьбе вариации концепции «окон дискурса», или «окон Овертона».

Стремительные изменения в технологической сфере, а также масштабные социально-экономические трансформации, характерные для современного этапа мирового развития, часто лишают политических аналитиков перспективы рассмотрения происходящих событий. В. Ш. Сургуладзе старается по возможности преодолеть подобную тенденцию сиюминутного ситуационного анализа

посредством внимательного отношения к ретроспективному осмыслению наблюдаемых тенденций. Так, например, он достаточно подробно останавливается на концепции «Новых войн» Мэри Калдор [4; 1], указывая, что многие из выявленных американской исследовательницей [11, с. 137–152] черт «новых войн», которые также именуется «гибридными» войнами, либо войнами низкой интенсивности [16], или мятежевойнами [5], в действительности в определённой степени были характерны и для некоторых конфликтов прошлого, в частности для войн условно называемой историками «донационалистической эпохи», когда «королевские корсары» Елизаветы Английской либо разнообразные группы профессиональных наёмников принимали участие в многочисленных вооружённых конфликтах. По мнению В. Ш. Сургуладзе, современные «новые войны» отличаются от «старых» не масштабами задействованных человеческих ресурсов, а прежде всего уровнем технической и информационной составляющей. Такая авторская оценка в практическом отношении ценна тем, что позволяет более трезво подходить к возникающим в настоящее время модным военно-политическим и информационным концепциям, глубина и продуманность которых очень часто переоценена и не соответствует реальному содержанию и перспективам практического применения.

Авторский подход к осмыслению современных политологических концепций, продемонстрированный В. Ш. Сургуладзе, несомненно полезен, так как позволяет глубже понять механизмы происходящих изменений и искать аналогии в, казалось бы, на первый взгляд необычных разделах военно-политических и исторических исследований, способные содействовать нахождению методов осмысления и решения современных проблем.

Несомненный интерес представляют страницы монографии, посвящённые со-

временным методикам информационных и кибернетических войн. Данный аспект политической реальности В. Ш. Сургуладзе рассматривает как на примере уже классических и широко известных концепций «мягкой» и «умной» силы Джозефа Ная [7], так и с позиций современных исследований военно-промышленного комплекса США, констатирующих спайку государственных структур и ведущих транснациональных корпораций, базирующихся в Соединённых Штатах. В данной связи важно отметить, что анализ указанных вопросов автор проводит, не только опираясь на теоретические политологические исследования, но и на работы политиков-практиков, в воспоминаниях которых содержится полезный фактический материал по существующей практике реализации внешнеполитического курса ведущих государств методами цифровой и гибридной дипломатии. Наиболее показательными в данной связи являются рассматриваемые автором примеры тесной связи и координации работы Госдепартамента США с социальными сетями во время переворотов в странах Арабской весны.

Практический интерес представляют анализируемые автором политика Сингапура, направленная на защиту национальной безопасности государства в информационной сфере [11, с. 594–603] и пристальное внимание властей этой страны к современной социальной инженерии, фокусирующейся на моделировании такой социальной среды и таких рамок коллективного мышления при помощи современных методов сетевых информационных технологий и средств связи, которые позволяют управлять массовым сознанием и поведением с целью воздействия на политические режимы. Указанный аспект в современных условиях на практике выходит далеко за рамки политических исследований, поскольку тесно связан с общим направлением эволюции современной высокотехнологичной цифровой экономики и другими

важнейшими тенденциями глобального развития. Так, например, ключевое значение для современной политической науки представляет тренд на формирование многомиллионных мегагородов [6; 14; 15], которые становятся источниками повышенной социально-политической напряжённости и протестного потенциала. Именно города являются сегодня средоточием социальной, политической, экономической, инновационной активности, в силу чего их развитие оказывает непосредственное влияние на формирование политической повестки дня и особенностей политических процессов. В данной связи сложно переоценить актуальность затрагиваемых в монографии В. Ш. Сургуладзе сложнейших вопросов трансформации массового поведения и политической психологии, происходящих под воздействием современных технологий (в том числе концентрирующихся в мегаполисах, как средоточиях инновационного развития).

Большая часть рассматриваемых в работе В. Ш. Сургуладзе концепций принадлежит зарубежным исследователям, однако автор анализирует высказываемые ими взгляды с точки зрения российских национальных интересов и реалий российской политической и социально-экономической действительности, а кроме того, нашёл возможность уделить внимание официальной позиции властей Российской Федерации в отношении затрагиваемых в работе глобальных вызовов и угроз [11, с. 604–629]. Наиболее важным в долгосрочном отношении представляется рассмотрение автором проблем кросс-культурного и межцивилизационного взаимодействия в современном мире – глобального сдвига с доминировавшей в мире в последние десятилетия после дезинтеграции СССР либеральной идеологической матрицы к сложной полицентричной модели мирового порядка, характеризующегося борьбой разнообразных идеологических течений и обусловленных культурно-историче-

скими различиями ценностными установками разных обществ. В этой связи актуальным представляется большое внимание, которое в работе В. Ш. Сургуладзе уделяется проблемам эволюции современного мультикультурализма и его противопоставлению имеющему место всплеску глобального интереса к разнообразным консервативным идейным течениям, для которых современная Российская Федерация часто выступает значимым образцом успешного противостояния западной информационной и культурной либеральной агрессии¹. Данный аспект имеет важное практическое значение, так как может быть полезен для дипломатов, специалистов в области международных отношений, общественной и культурной дипломатии. Указанная проблематика тесно переплетается с вопросами интерпретации исторических фактов, манипуляции которыми² являются важной составляющей современной информационной борьбы за сохранение глобального идеологического доминирования стран коллективного Запада. Ценной стороной работы В. Ш. Сургуладзе является аргументированное отстаивание исторических фактов от ревизионистских нападок представителей зарубежных государств и российских авторов-грантополучателей иностранных фондов [11, с. 34–356].

В контексте прогнозирования и стратегического планирования практический интерес представляет предпринятый ав-

¹ См.: Часть IV. Американский консерватизм и проблемы кризиса мультикультурализма. С. 357–416. Ср.: выступление президента Франции на ежегодной конференции послов в Елисейском дворце: Макрон: «Мы определённо являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире». URL: <https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html> (дата обращения: 14.10.2019).

² См., например: О мероприятиях, посвящённых 80-летию начала Второй мировой войны в Польше // Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва 4.09.2019. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/3772341 (дата обращения: 14.10.2019).

тором анализ социокультурных и социально-политических аспектов, влияющих на политическую повестку дня. «Мировая политика в зеркале современного политологического анализа» – представляет собой путеводитель по современным концепциям анализа современного раз-

вития политических процессов и технологий, который может быть полезен как теоретикам, так и практикам: политологам, дипломатам, политикам, специалистам-международникам.

Материал поступил в редакцию 15.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош А. А. Применение гибридных методов в современных конфликтах // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (39). С. 158–170.
2. Зелински Я. Общественная безопасность и её конституционные аспекты // Россия – Польша: две точки зрения на современный мир / Под общ. ред. Н. Фроловой, Я. Зелински. М.: Концепция, 2017. С. 17–36.
3. Зелински Я. О новой польской правовой политике после парламентских выборов 25 октября 2015 года // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1 (62). С. 17–21.
4. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Институт Гайдара, 2015. 464 с.
5. Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004. 511 с.
6. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир (Доклад Национального разведывательного совета США). М.: Европа, 2009. 188 с.
7. Най Дж. С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2013. 444 с.
8. Стребков А. И. Конфликт и модернизация в современной России // Конфликтология. 2014. № 5. С. 177–179.
9. Стребков А. И. Противодействие распространению идей ксенофобии, расизма и экстремизма в сети Интернет // Конфликтология. 2013. № 1. С. 163–165.
10. Стребков А. И. Социальная политика государства как инструмент сдерживания протеста молодёжи // Точки над Ё. 2012. № 2 (3). С. 60–68.
11. Сургуладзе В. Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 652 с.
12. Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с.
13. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
14. Global Trends to 2035: Geo-politics and International Power. Brussels: European Parliamentary Research Service, Global Trends Unit, September 2017. 109 p.
15. Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, 2012. 140 p.
16. Kitson F. Low Intensity Operations: Subversion, Insurgency, Peace-keeping. London; Boston: Faber and Faber, 1991. 208 p.

REFERENCES

1. Bartosh A. [The use of hybrid methods in the context of the conflicts]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [National Strategy Challenges], 2016, no. 6 (39), pp. 158–170.
2. Zelinski J. [Public security and its constitutional aspects]. In: Frolova N., Zielinski J., eds. *Rossiya – Pol'sha: dve tochki zreniya na sovremenny mir* [Russia – Poland: two points of view on the modern world]. Moscow, Kontseptsiya Publ., 2017, pp. 17–36.
3. Zelinski J. [About the new legal policy after the Polish Parliamenting elections on 25 Oct. 2015]. In: *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 2016, no. 1 (62), pp. 17–21.
4. Kaldor M. *Novye i staryye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [New and old wars: organized violence in a global era]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 464 p.
5. Messner E. *Vsemirnaya myatezhevoina* [World materially]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2004. 511 p.
6. *Mir posle krizisa. Global'nye tendentsii – 2025: menyayushchiysya mir (Doklad Natsional'nogo*

- razvedyvatel'nogo soveta SShA*) [The world after the crisis. Global trends – 2025: the changing world (Report of the National intelligence Council of the United States). Moscow, Evropa Publ., 2009. 188 p.
7. Nye J. *Budushchee vlasti: kak strategiya umnoi sily menyaet XXI vek* [The Future of Power: how the smart-power strategy changes of the XXI century]. Moscow, AST Publ., 2013. 444 p.
 8. Strebkov A. [Conflict and modernization in modern Russia]. In: *Konfliktologiya* [Conflict management], 2014, no. 5, pp. 177–179.
 9. Strebkov A. [Combating the spread of the ideas of xenophobism, racism and extremism on the Internet]. In: *Konfliktologiya* [Conflict management], 2013, no. 1, pp. 163–165.
 10. Strebkov A. [Social policy as a tool of deterrence of youth protest]. In: *Tochki nad Ė* [Dots over ‘Ė’], 2012, no. 2 (3), pp. 60–68.
 11. Surguladze V. *Mirovaya politika v zerkale sovremennogo politologicheskogo analiza: politicheskie protsessy, politika identichnosti, strategiya i tekhnologii* [World politics in the mirror of modern political analysis: political processes, identity politics, strategy and technology]. Moscow, Analiticheskaya gruppa S.T.K. Publ., 2019. 652 p.
 12. Surguladze V. *Politika identichnosti v realiyakh obespecheniya natsional'noi bezopasnosti: strategiya, teoriya, praktika* [Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice]. Moscow, Analiticheskaya gruppa S.T.K. Publ., 2019. 400 p.
 13. Sharp G. *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya* [From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 84 p.
 14. Global Trends to 2035: Geo-politics and International Power. Brussels: European Parliamentary Research Service, Global Trends Unit, September 2017. 109 p.
 15. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington, DC: National Intelligence Council, 2012. 140 p.
 16. Kitson F. *Low Intensity Operations: Subversion, Insurgency, Peace-keeping*. London; Boston: Faber and Faber, 1991. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волохов Валерий Иванович – кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России;
e-mail: val.volohov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy I. Volokhov – Cand. Sci. (Military sciences), Ass. Prof., Department of International and National Security, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: val.volohov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волохов В. И. Военно-политические, социокультурные и технологические аспекты мировой политики [Рец.: Сургуладзе В. Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 652 с. (Серия «Мир в сетях идеологии»)] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 224–229. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-224-229

FOR CITATION

Volokhov V. Military, political, socio-cultural and technological aspects of world politics [Review: Surguladze V. World politics in the mirror of political science analysis: political processes, identity politics, strategy and technology. Moscow, S.T.C. analytical group Publ., 2019. 652 p. (Book series “The World in the Nets of Ideology”)]. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 224–229.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-224-229

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2020. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. В. Квеглис, А. С. Барминова
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 17,25, усл. п.л. 14,5.
Подписано в печать: 28.02.2020. Выход в свет: 12.03.2020. Заказ № 2020/02-08.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А